

Валерий Сергеев

Виктор Хорошулин

ЛЮДИ И ТЕНИ

ПЛАЙНА ПОДЗЕМЕЛИЙ КЁНИТСБЕРГА

КАЛИНИНГРАД, 2015 ГОД

Валерий Сергеев

Виктор Хорошулин

ОБ АВТОРАХ

Сергеев Валерий Васильевич, родился 31 января 1959 года в семье военнослужащего. Опытный врач и преподаватель, человек увлеченный и творческий. Автор девяти книг стихов и прозы, а также десятков статей о медицине. Закончил военно-медицинский факультет Горьковского медицинского института, более двадцати лет прослужил на Балтийском Флоте, подполковник медицинской службы запаса. В настоящее время – заместитель главного врача станции скорой медицинской помощи г. Калининграда. Ё-майл: valeri1959@list.ru

Хорошулин Виктор Анатольевич, родился 23 августа 1961 года в Калининграде. В 1982 году закончил Калининградское ВАТУ, в 1992 г. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского. Четверть века прослужил в Вооружённых Силах СССР и РФ. Подполковник запаса. В настоящее время живёт в Москве. Радиоинженер, кандидат технических наук, доцент. Увлекается живописью, музыкой, страстно любит природу. Много пишет для детей. Работает на предприятии в интересах Министерства Обороны. Ё-майл: cxxxzz000@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Об авторах.....	2
Оглавление.....	3
Аннотация.....	3
Пролог	3
Часть 1. СТРАННЫЕ ЛЮДИ ПРИ ДВОРЕ ГЕРЦОГА АЛЬБРЕХТА ...	6
Часть 2. КТО Я?	77
Часть 3. «АНДРОН ЛЕДОВСКОЙ»	141
Сноски	206

АННОТАЦИЯ

Авторы приглашают своих читателей на очередное свидание с родным Калининградом-Кёнигсбергом и предлагают по-иному взглянуть на некоторые известные исторические события. Героям книги противостоят коварные и жестокие средневековые твари-нелюди – неуязвимые и бездушные существа. Кто они, когда и как появились в Калининграде? Средство для их уничтожения пытается создать профессор Арсентий Ледовской.

ПРОЛОГ

– Сунцов, да по твоим протоколам можно фильмы ужасов снимать! – Начальник «убойного» отдела, майор Ушаков, насадил на переносицу очки в позолоченной оправе и постучал желтым от курева пальцем по измятым листам бумаги, скрепленным степлером. – Как же ты любишь красивенькие обороты, художественные образы и дурацкие аллегории!.. Признайся, коллега, где ты черпаешь вдохновение, ведь работаешь с трупами? Уж не принимаешь ли, случайно, грамм сто «допинга», перед тем, как писать очередной отчет?

– Я не пью, товарищ майор, и этой ночью тоже был абсолютно трезв, просто немного перенервничал и устал... – невозмутимо отвечал уже привычный к подобным подначкам молодой следователь. – Ведь нас вызвали на место происшествия в три часа ночи... Если помните, тогда была ужасная гроза!

– Кто вызвал? – майор раскрыл серебряный портсигар и вытянул оттуда сигарету. Изучающе посмотрел на неё, аккуратно сунул в рот, щёлкнул зажигалкой.

– Наряд патрульно-постовой службы, а им позвонила дежурная сестричка из терапевтического отделения клиники: ей, видите ли, померещилось, что какой-то голый мужичок в окошко заглядывает. Когда наряд прибыл на место, то эксгибициониста, конечно, давно и след простыл, но при обходе территории ребята и обнаружили весь этот ужас...

Перед глазами молодого человека вновь промелькнуло всё увиденное им прошлой ночью. Он невольно поёжился.

– Свидетелей опросили? – Ушаков снова углубился в чтение отчёта, пытаясь найти в нём нечто, отличающееся от «фильма ужасов».

– Да там, откровенно говоря, опрашивать некого: персонал и больные спали в своих корпусах, ничего не видели и не слышали. Ведь морг расположен на отшибе, с отдельным въездом, а в нём самом нашли только три старых и один свежий труп, – отчеканил следователь.

– Интересно, как же ты их различал? – вновь с неприкрытой издёвкой спросил начальник. – По запаху?

– Никак нет, по внешнему виду и характеру повреждений... Умершие, которых накануне из своих квартир доставили, все с бирочками, голенькие и аккуратные, а убитый – в медицинском халате и изодранный в клочья... Видели бы вы, сколько там кровящи, даже на потолке! Я все это указал в протоколе и сфотографировал... И самое странное... Ещё одно тело... то, которое, судя по всему, вскрывал врач... оно пропало...

– Как это пропало? Убежало что ли? – майор в упор взглянул на молодого коллегу.

– Вообще-то на кафельном полу есть отпечатки следов босых ног, ведущие к выходу...

– Ты хочешь сказать, что мертвец после вскрытия встал и ушел? Слушай, Сунцов, увольняйся к чёртовой матери из органов и ступай в юмористы! Там от тебя толку будет

больше... – Ушаков никак не мог взять в толк, издевается ли над ним молодой специалист или они действительно столкнулись с чем-то необычным. Это чрезвычайно раздражало и удручало его.

– Конечно же, мёртвые не ходят... – флегматично рассуждал Сунцов, – Скорее всего, следы преступника, когда он входил в прозекторскую, просто не сохранились, а вот, когда он, убегая, наступил в лужу крови – остались...

– Но почему он был босым?

– Не могу знать... Но вдруг это все-таки тот человек, которого попытались вскрыть? Может, от боли очнулся... Я как-то читал в одной книжке....

– А почему ты решил, что прозектор кого-то вскрывал?

– Вот с этим все просто: есть журнал регистрации, в котором оформлено четыре трупа, а еще нам повезло... среди прочих вещдоков мной изъят диктофон с аудиозаписью вскрытия. На мой взгляд, в нём много необычного...

– Ну-ну, и что именно? – Майор заёрзал на стуле и носком ботинка принялся отстукивать морзянку, выдавая свое нетерпение.

– В начале записи нет ничего особенного: дата, время... тело неопознанного мужчины, доставленного с ДТП (наезд на пешехода)... на вид тридцати пяти лет, тонкие черные усы и аккуратная бородка... зубы... цвет глаз... зрачки расширены, кожные покровы и слизистые... Короче, прекрасный словесный портрет... Но затем начинаются странности... Это лучше послушать в оригинале...

Сунцов вынул из кармана миниатюрный прибор и вручил его шефу. Тот нажал кнопку воспроизведения записи. Монотонно и буднично зашелестел немолодой мужской голос:

«...Судя по многочисленным шрамам, подопечный прожил слишком бурную жизнь. Но на маргинала или уголовника он не похож... Нет ни одной татуировки... Скорее всего – психопат... На левой половине грудной клетки, в четвертом межреберье по среднеключичной линии, как раз над проекцией сердца, продольный старый рубец длиной четыре с половиной сантиметра... Удивительно... После такого ранения обычный человек не смог бы выжить...

Но почему у него нет сосков? Что за чёрт? Отсутствует *umbilicus* (1)!.. Первый раз такое вижу! (далее слышались непонятные шорохи и учащенное, видимо от физической нагрузки, дыхание прозектора)... При вскрытии грудной клетки и брюшной полости отмечается транспозиция внутренних органов (*situs inversus*)»...

– Ты случайно не знаешь что это такое? – Ушаков остановил запись, и впервые обратился к подчиненному, как к своей ровне.

– Я уже заглянул в Интернет, – вставил свои «пять копеек» довольный Сунцов. – Оказалось, это – крайне редкая аномалия. Сам термин имеет значение «перевернутое расположение внутренних органов», называемое еще «зеркальным» или «обратным», и встречается не чаще, чем у одного человека на десятки тысяч. Сердце у таких людей расположено в правой стороне грудной клетки, желудок и селезёнка в правой стороне живота, а печень, желчный пузырь и аппендикс – слева. Лёгкие и кишечник, нервы и сосуды также перевернуты... Причины этого явления – загадка для специалистов. Но существует версия о том, что люди с зеркальным расположением органов обладают уникальными, даже сверхъестественными, способностями...

– ...Сунцов, ты опять за своё? – одёрнул его майор, и вновь включил диктофон. После длительной паузы, сопровождаемой каким-то совсем неаппетитным чавканьем, слышался

удивлённый голос прозектора: «Но... я не нахожу у него сердца... Впервые такое встречаю... Не вероятно! Это даже не аномалия! Такого просто не может быть!!!»...

На несколько секунд голос прервался. Затем в полной тишине внезапно раздался оглушительный хлопок.

« ...! Чёрт возьми, это же шаровая молния! Она влетела в открытую форточку и едва не убила меня!.. Похоже, её притянуло к себе тело моего пациента! Спасибо тебе, мой полный аномалий дружок, за то, что ты отвёл от меня беду!..»

И ещё через несколько секунд: «Боже, он вздохнул!.. - И далее уже шёпотом, видимо, у врача перехватило дыхание: Что это?.. – было слышно, как на кафельный пол посыпались металлические предметы, видимо, инструменты. – Не может быть! Этого не может быть...» Последовало какое-то рычание и пыхтение, звук от падения чего-то тяжёлого и мягкого, удаляющиеся шаги и, наконец, все стихло...

– Хорошо, протокол покажем экспертам... – Ушаков снял очки, провел ладонью по уставшим глазам и обратился к подчиненному:

– Итак, отбрасывая в сторону «оживший» труп без сердца с ненормальным расположением органов... мы имеем дело с пропажей этого самого трупа и убийством свидетеля... Но кто он и куда мог деться? И что это за человек, который голышом разгуливал по больничному парку?.. Ты что-нибудь понимаешь, Коля?

Сунцов пожал плечами. На некоторое время в кабинете повисла тревожная пауза. Настойчиво жужжал вентилятор, пытаюсь пропихнуть потоки воздуха сквозь застывшее в ожидании прокуренное пространство. Майор затушил сигарету о пепельницу и швырнул очки на исписанные листы. Поднялся из-за стола.

– Итак, – потерянным голосом произнёс Ушаков. – Какие у нас есть версии случившегося?

– Я считаю, что данное тяжкое преступление совершено с целью сокрытия какого-то другого преступления... А, учитывая...

– Стоп! – рука майора вновь потянулась к портсигару. – Вот это, Коля, – кивок в сторону диктофона, – мы приобщать к делу не будем... Вдруг у доктора случились галлюцинации... Ну, там каких-нибудь поганок ему в чай подсыпали... Ведь такое могло быть?

– В принципе, да...

– Я тоже так думаю... Может произойти так, что в журнале что-то напутано? Сам доктор и напутал... Нездоров он был на момент вскрытия, понимаешь? – Ушаков покрутил пальцем у виска. – Тогда всё встаёт на свои места! Никакого трупа не было, никаких шаровых молний и странных патологий – тем более... Хорошо бы для начала расспросить о нём коллег.

Майор вышел из-за стола и вплотную приблизился к молодому сотруднику.

– Если мы вынесем весь этот бред за пределы нашего кабинета, Николай, нам самим обеспечена психушка. Надеюсь, ты меня правильно понял...

– Да, конечно...

– Так значит, что мы имеем в сухом остатке? Неизвестного эксгибициониста, ворвавшегося в морг, и напавшего на специалиста-прозектора... Ну, мало ли у нас разных извращенцев, с его поиском мы как-нибудь справимся... Что ты на это скажешь?

Сунцов шмыгнул носом.

– Хороший диктофон, – наконец, выдавил он. – «Сони»...

ЧАСТЬ I. СПРАЖНЫЕ ЛЮДИ ПРИ ДВОРЕ ГЕРЦОГА АЛЬБРЕХТА

«Я мог стать сказочно богатым и купаться в роскоши, мои желания исполнялись бы быстро и беспрекословно... Только судьба распорядилась совсем иначе... Но в моей душе нет и тени обиды. Я благодарен Создателю за то, что остался жив и имею возможность радоваться солнцу и растить своих детей...

Да будет то, что есть, а враги... пусть теперь сами замаливают свои грехи. Я же их простил...»

Глава 1. Беседа старых друзей возле Замкового пруда

Начало августа на Самбийском полуострове выдалось совсем не летним. По морскому побережью гуляли штормовые ветра, прилетевшие откуда-то из Швеции, они подняли высокую волну и заполнили небо лохмотьями грязных туч. Не по сезону затяжные и холодные дожди уже целую неделю нагоняли тоску на жителей Кёнигсберга.

Вечером, 8 августа 1564 года, пользуясь временным затишьем в разбушевавшейся непогоде, вдоль северного крыла Королевского замка, оживлённо беседуя, прогуливались два человека. Были они довольно важными персонами, поскольку сам комендант Замка барон Отто фон Трейт лично расставил караулы, дабы жители Замковой слободы, иногда

слоняющиеся здесь по делу или без оно́го, не могли помешать непринуждённой беседе этих знатных господ.

Даже издали было заметно, что собеседники – люди весьма почтенного возраста. Мужчина, выглядевший старше и солиднее, видимо, сильнее страдал от пронизывающего северного ветра. На его широких плечах (очевидно, из-за опасений получить простуду) красовалось тёмное шаубе, под которым скрывалась короткая куртка. Длинные узкие штаны и высокие сапоги свидетельствовали о том, что данный господин не очень-то увлечён испанскими костюмами, и одет несколько старомодно, что, впрочем, было простительно для его лет. Гордо поднятую голову украшала чёрная широкополая шляпа, с которой довольно своеобразно контрастировала шевелящаяся на ветру ухоженная седая борода. На боку висела шпага-фламберг.

Звали этого господина не иначе как Альбрехт маркграф фон Бранденбург-Ансбахский. Он был первым герцогом Пруссии и последним Великим магистром Тевтонского ордена. На ту пору ему исполнилось 74 года.

Его сопровождал доктор Томас Волькенштайн, врач, астролог и хиромант, прибывший из Кракова по личному приглашению герцога. На вид ему было не менее шести десятков лет. Усы, небольшая седеющая бородка и живые пронизательные глаза, обрамленные сеточкой морщин – так выглядел гость герцога. С первого же взгляда на него создавалось впечатление, что снимая перед герцогом головной убор, он никогда «не снимает» свою голову.

Было заметно, что доктор приехал сравнительно недавно, поскольку ещё не сменил туалет и находился в дорожной одежде. На нём хорошо сидела плотная куртка, поверх которой была надета короткая мантия с большими вздутыми рукавами, застёгнутая на груди. Широкие штаны имели продольные полосы. Такими же полосатыми были и чулки. А вот обувь казалась явно подобранной для дальней и утомительной дороги: модным остроносим туплям прибывший издалека господин предпочёл плоские башмаки типа «коровья морда». Голову Томаса Волькенштайна украшал тёмный берет. На боку висела короткая шпага с плоским клинком и итальянской гардой.

По своему обыкновению, герцог в непринуждённой беседе не утруждал себя правилами придворного этикета. Со своими добрыми знакомыми он общался, не церемонясь, «по-свойски»:

– Как я рад, дружище, что ты не пренебрёг моим приглашением и прибыл сюда, хотя тебе наверняка пришлось бросить множество важных дел! Ведь мы не виделись, почитай, три десятка лет!

– Я, ваша светлость, как только получил от вас письмо, не смог сдержать своих чувств...

– Милый друг, не надо «ваших светлостей», называй меня так же, как и я тебя! *Amici vitam ornant!* (2). – Я часто вспоминаю прежние времена, и гороскоп, который ты составил для меня сорок лет назад! Ты был тогда совсем молод, даже юн... и я сильно сомневался, что предсказание окажется точным и правдивым. Но, время показало, что и в свои двадцать лет ты был уже весьма учёным человеком и настоящим мастером своего дела! – Герцог сделал небольшую паузу, чтобы отдышаться. – Ты предрёк мне долгую жизнь и множество великих свершений... Кто знает, взялся бы я за столь серьёзные, а порой – судьбоносные дела, не будь убеждён, что ко мне благоволит Господь, и звёзды прямо указывают на это!

– И звёзды, и линии на ладони... Но разве можно было предвидеть, насколько ваши свершения окажутся величественны...

Доктор Волькенштайн бросил взгляд на темнеющее неприветливое небо. Герцог заметил это:

– Да, дружище Томас, с погодой нам не повезло. Но это ненадолго, день-два и к нам снова вернётся лето...

В Альтштадте на местной ратуше мелодично пробили башенные часы.

– Ты прав, сделано много доброго, – продолжил герцог. – Пожалуй, единственное, чего мне не удалось достичь, так это – освободить Пруссию от опеки польской короны...

Он задумался, замедлив и так не очень торопливый шаг.

– А я старался это сделать всю свою жизнь... Одно хорошо, что удалось избежать большой войны. Тогда, после перемирия в Торне, я был готов сражаться до конца, но... известные события... напрочь изменили мои помыслы. Воистину, *ad augusta per angusta* (3).

Оба вспомнили те давние баталии, когда с 1517 по 1521 год Тевтонский орден воевал с Польшей. Временное перемирие Великий магистр собирался использовать для того, чтобы выпросить помощь у императора, поскольку из самой Пруссии эта война уже вытянула все соки... Но, случилось так, что в этот период Господь свёл Альбрехта Бранденбургского с Филиппом Меланхтоном и Мартином Лютером...

– Я люблю такие вечерние прогулки на свежем воздухе, – признался герцог, отрываясь от воспоминаний. – В последнее время без них мне долго не заснуть. Старость...

Лютер... В беседах с ним, Альбрехт чувствовал, как в глубине его души что-то просыпается и обновляется... Также как луг или сад молодеют и расцветают после теплого майского дождя. Порой начинало казаться, что всю предыдущую жизнь он брёл наугад, блуждал, спотыкаясь в потёмках, или слонялся из одного угла в другой, находясь в тесной и душной келье... И вдруг перед ним распахнулась дверь в совершенно новый мир, яркий и бескрайний. Но, чтобы коренным образом изменить свою жизнь, потребовалось всё его рыцарское мужество...

В ту пору Центральная Европа была охвачена идеей Реформации (4), поскольку католическая церковь уже в полной мере проявила своё бездушие, лицемерие и кровожадность. Альбрехт тоже стал сторонником «преобразований» и они на долгое время стали ему опорой во всех начинаниях.

Он добился того, что Тевтонский Орден прекратил своё существование. В открытом письме «К рыцарям Немецкого ордена» Альбрехт убедил воинов бросить распутный образ жизни, в котором погрязли многие братья вопреки обету безбрачия, и перейти к истинному целомудрию, а именно – супружескому.

Словом, рыцари-тевтонцы вскоре стали помещиками-землевладельцами, Пруссия превратилось в светское государство с лютеранским вероисповеданием, а Краковский договор 1525 года утвердил её ленную зависимость от Польши.

Сколько же всего, без преувеличения доброго и славного, было совершено после этих событий! Стараниями Альбрехта Бранденбургского крепло и богатело герцогство Пруссия, сглаживались религиозные распри, подавлялись вооружённые конфликты. Строились дома, ширились города, преумножались библиотеки и галереи. Был учреждён Университет, а каждый просвещённый человек стал желанным гостем в Кёнигсберге... Неустанно развивалась торговля с соседними странами. «Давайте жить со всеми народами в равенстве, чтобы не было разобщения между нациями», – таков был призыв герцога Альбрехта к жителям Кёнигсберга и его подлинное жизненное кредо...

Доктор Томас мельком взглянул в лицо герцога, увлечённо рассказывающего о Королевском замке, чьи стены обрамлялись зелёными липами. Время превратило широколицего богатыря с чёрной бородой и насмешливыми глазами в морщинистого старика с нездоровой желтизной кожи и бесцветным взглядом. «Не иначе, колдовство или порча?» – мелькнула невесёлая мысль у старого доктора. Он хорошо разбирался в подобных вопросах и умел ставить правильные диагнозы. Не давала покоя и какая-то недоговоренность со стороны его вельможного друга. В полученном от герцога письме было сказано, что Альбрехт приглашает его отметить двадцатилетие основания Академии или – Университета, как её еще часто называли. Но, что-то подсказывало пожилому врачу, что дело тут в чём-то другом. Так в чём же?

Тем временем, герцог завёл речь о новых замковых пристройках, о залах и галереях, о бесценной Немецкой библиотеке – подлинном сокровище Пруссии.

– Мой почтенный друг, – осмелился обратиться доктор к герцогу, едва тот сделал паузу в разговоре. – Проявляя заботу о Замке и его обитателях, боюсь, вы недостаточно времени уделяете собственному здоровью... Уж простите меня, но врач – всегда и везде врач... Позвольте поинтересоваться, не беспокоит ли вас печень?

Брови герцога поползли вверх.

– Печень? Как ты догадался, дружище? – Альбрехт остановился и пристально взглянул на гостя. – У меня это написано на лице?

– Не совсем так, ваша светлость... Я определил это по окраске склер ваших глаз и форме ушных раковин. – Я бы рекомендовал вам принимать отвар ромашки с чередой, а каждое новолуние поститься в течение трёх дней...

– Вот как, – медленно произнёс герцог. – Мои лейб-медики об этом ничего не говорили...

– И прошу вашу светлость... меньше пить вина. *Abusus in baccho* (5.) – серьёзная помеха здоровью и делам!

– Ха-ха! Вот в этом ты абсолютно прав! *Ebrietas est metropolis omnium vitiorum!* (6.) Но я уже борюсь с этим пороком. Мне в том здорово помогает мой... друг и соратник Пауль Скалих! Слышал ли ты о нём, дружище Томас?

Как не слышать? В Кракове и в Вене только и было разговоров, как об ушлом молодом человеке, хорватском простолюдине, сумевшем приблизиться к герцогу Альбрехту настолько, что тот стал безгранично ему доверять. Говорили, что Скалих не только получил доступ к финансовым делам герцога, но и был способен сместить того или иного советника, а на его место назначить другого. От Альбрехта он получал и значительное жалование, и поместья в личную собственность, и, разумеется, драгоценности.

– Как же... – доктор дипломатично подбирал подходящие слова, – князь Скала, такой у него титул... талантливый и весьма образованный человек. В восемнадцать лет – уже доктор теологии в университете Болоньи! – Томас внимательно следил за реакцией герцога. Тот улыбался и кивал головой. – Он умён, знает множество иностранных языков, ваш преданный слуга и... советник!

– И это ещё не всё, мой дорогой друг. Пауль Скалих умеет вызывать духов и выведывать у них разные тайны. Он довольно молод, ему всего тридцать... Но он уже известный учёный и читает лекции в нашем Университете. Кстати, – герцог махнул рукой в

сторону Трагхайма, где среди прочих домов и домишек располагался роскошный особняк, – вон там его резиденция! Позже ты познакомишься с ним поближе и оценишь его... таланты.

«Герцог до сих пор питает пристрастие к разного рода магам, – с грустью подумал доктор. – Не мудрено, что среди них нашёлся тот, кто оказался способен очаровать бедного старика. Не извольте беспокоиться, ваша светлость, уж я присмотрюсь к молодому проходимцу».

Альбрехт между тем рассказал о спиритических сеансах, которые проводил Скалих. С его слов, однажды был вызван дух первой жены герцога, Доротеи. При этом дух «открыл» такие подробности из личной жизни властителя, которые могла знать только она. Герцог не забыл упомянуть и тот факт, что во время проведения одного из таких сеансов ему вдруг стало очень дурно и придворные врачи едва привели его в чувство...

«Действительно, этот Скалих – довольно опасный тип... А добрый Альбрехт, по-видимому, давно уже у него на крючке», – подумал доктор, но спросил следующее:

– А как поживает ваша нынешняя супруга, Анна Мария Брауншвейгская?

– О-о, – герцог улыбнулся. – Анна Мария подарила мне наследника, ему уже одиннадцать! Но сейчас ей скучно в обществе старика, – он улыбнулся ещё шире. – Ведь ей всего тридцать два. Она часто отлучается к себе в Нойхаузен, где проводит время в чтении и беседах с учёными людьми, а также по-своему облагораживает свою резиденцию. Благодарю тебя, дружище Томас, с ней всё в порядке.

«Скалих и Анна Мария?... – мелькнуло в голове у пожилого астролога, – что ж, очень может быть... Оба молоды...» Вопрос же задал такой:

– А как себя чувствует ваш наследник Альбрехт Фридрих?

Видя, как герцог изменился в лице, доктор Волькенштайн понял, что он близок к разгадке мучавшего его вопроса.

– Спустимся к Замковому пруду, – предложил Альбрехт. – И я тебе всё расскажу...

Они изменили направление своего движения и начали постепенно удаляться от северного крыла Замка. Бравые «гвардейцы» фон Трейта, зная обычный маршрут герцога, предусмотрительно заняли новые позиции, ограждая своего правителя от нежелательных встреч.

Ветер дул в лицо, правда, сил у него заметно поубавилось. Оранжевое пятно солнца, едва проглядывающее сквозь растрёпанные тучи, приблизилось к крышам Трагхайма, находящегося на западе от Замкового пруда. Поверхность воды тускло поблёскивала, покрывшись мелкой рябью, словно «гусиной кожей».

– Здесь я любил посидеть с удочкой, – вспомнил герцог, когда оба собеседника приблизились к водоёму. – С обыкновенной ореховой удочкой. А поплавок у меня был из сосновой коры, вощёный... И ловил я... вьюнов.

Они немного помолчали. С обоих берегов пруда, с Трагхайма и Росгартена слышался цокот подков и скрип колёс – народ возвращался с альтштатского рынка. Редкие прохожие, увидев стражников и важных персон, прогуливающих неподалёку от Королевского замка, тут же удалялись, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания охраны.

– Именно о наследнике я и хотел с тобой поговорить, мой друг. Я не могу определённо сказать, насколько серьёзно он болен, да и болен ли вообще... По двору кто-то распускает упорные слухи о том, что Альбрехт Фридрих не в себе, что он слабоумен и даже помешан...

Тяжело вздыхая и часто останавливаясь, тщательно подыскивая нужные выражения, герцог поведал старому другу о своём сыне, несчастном Альбрехте Фридрихе. По его

словам, младенца вскармливала кормилица, болеющая сифилисом. Видимо, от этого, а может быть, от перенесённых в раннем детстве простуд, наследник и начал страдать душевной болезнью.

– Мой дорогой друг, то, что я тебе рассказываю, должно остаться тайной. Я не хочу, чтобы подтвердились мои худшие опасения, но и утаивать от тебя ничего не стану...

Итак, герцог Альбрехт страстно желал сына. Анна Мария родила его на четвёртом году их брака. Странности начали проявляться сразу после рождения ребёнка. Он долго не давался в руки, кормить грудью его приходилось довольно своеобразно: кормилица наклонялась над ним, и малыш ловил сосок губами...

– Фридрих до сих пор не терпит ничего прикосновения, даже материнских рук, – тихо говорил герцог Альбрехт, отрешённо глядя куда-то в сторону. – Мальчик очень пуглив: лёгкий хлопок ладонями может вывести его из себя...

Рассказывая эту грустную историю, герцог менялся буквально на глазах, превращаясь в дряхлого старика. Он сообщил о том, что наследник время от времени теряет всякий интерес к жизни, замыкается в себе и может часами сидеть, глядя в одну точку. В эти периоды в его глазах отражается только тоска и страдание. Он не терпит проявлений ласки, а присутствие рядом кого-либо из слуг или членов семьи только раздражает его.

– Итак, – ответил доктор, едва герцог закончил свою горестную речь, – наследник нелюдим и малообщителен... Но слабоумен ли он? Сомневаюсь... Те симптомы, что вы перечислили, свидетельствуют о наличии меланхолии, но её можно попробовать вылечить...

– Придворные лекари утверждают, что он... неспособен ни к учёбе, ни к дальнейшему управлению герцогством... И лекари, и советники. Порой мне кажется, что они ошибаются или умышленно вводят меня в заблуждение... Но, всякий раз обнаруживаются новые факты, которые отменяют напрочь все мои сомнения в его недугах и надежду на исцеление. Мой сын, моя самая великая драгоценность... Порой, мне говорят, что он пошёл на поправку: учит латынь, историю, философию, рассуждает о политике. А потом утверждают, что это были лишь временные прояснения рассудка... Я уже начал подозревать, нет ли среди моих придворных какого-то заговора... Но для чего им так больно ранить любящее отеческое сердце?

Доктор промолчал. На своём веку он повидал и настоящих больных, и мнимых... Поэтому не спешил с ответом.

– Прежде чем что-то сказать, мой достопочтимый друг, я должен осмотреть вашего сына. Но сначала не как врач. Мне нужно понаблюдать за ним со стороны... Кстати, где он сейчас?

– С матерью, в Нойхаузене.

– Это – первое. Затем, мне необходимо оценить обстановку при дворе, почувствовать и разобраться, кто чем дышит. Это – второе...

Герцог пристально взглянул на опытного доктора.

– Оставайся в Замке, дружище! На столько времени, сколько тебе понадобится! Всё, чем я могу помочь, будет к твоим услугам! На днях мы соберём всех приближённых и устроим праздник по случаю двадцатилетия нашей Академии. А моя супруга с сыном пожалуют сюда уже завтра. Ты же смотри, делай выводы и... найди способ мне помочь!

Они подошли к самой воде. С грустью глядя на желтеющие листочки, которые волны полоскали у самого берега, герцог печально произнёс:

– Я сейчас нахожусь в самой крайней точке своего жизненного пути... У обрыва... Сколько лет или дней даст мне ещё Господь? Я уже стар. Но я хочу умереть на

процветающей земле, среди верных подданных, окруженный заботой любимой жены и наследника!

Затем на мгновение задумался и добавил:

– Раньше пруд был чище... А сейчас люди настроили по берегам дома и стали сливать в него нечистоты...

– Да, – рассеянно подтвердил доктор Томас. – Город разрастается...

– А вьюн... Знаешь ли ты, что это за рыба? Чёрная, ужасно похожая на змею. С хоботками вокруг рта... Схватишь его рукой, а он извивается, даже, порой, пищит! Скользкий и сильный. И в руке его не удержать... Думаешь, вот он, попался, уже никуда не уйдёт! А уж если вьюн начнёт извиваться, то не успеешь и глазом моргнуть, как он уже выскользнул из твоих рук... Только и оставит на память, что слизь на ладонях...

«Множество людей считает Королевский замок чуть ли не своим домом. Одни приходят сюда по утрам исполнять служебные обязанности, другие живут здесь постоянно. Но все ли любят его так, как должно любить собственный дом?»

Я думаю, что сюда идут даже те, кто хотел бы бежать от этого Замка как можно дальше, но они приходят, преодолевая свой страх и отвращение...

По-моему, сам Замок воздействует на людей, заставляя их приезжать сюда вновь и вновь. Но иногда мне кажется, что он притягивает к себе не только людей...»

Глава 2. Размышления доктора Волькенштайна

Кёнигсберг начинал строиться с Замка на Королевское горе. История его возведения довольно проста. Тевтонские рыцари, во главе которых стоял чешский король Оттокар II Пржемысл, в погоне за разрозненными отрядами свободолюбивых пруссов, вышли на гору Твангсте, неподалёку от того места, где река Прегель делится на два русла. Оценив стратегические преимущества данной местности, крестоносцы решили основать здесь крепость. Случилось это в самом начале 1255 года. Первые оборонительные сооружения возводились из дерева. Уже в 1260-1262 годах крепость выдержала жесточайшую осаду восставших пруссов. Впоследствии, мятежный народ удалось усмирить, а замок Кёнигсберг продолжил своё развитие, растянувшееся на долгие годы. Его, выложенные уже из камня, стены достигали высоты 10-13 локтей, их ширина составляла 3-4 локтя (7). Он постоянно перестраивался и расширялся, становясь всё более мощным и неприступным. Но, наступили времена, когда, увы, стены Королевского замка перестали быть надёжной защитой от мощной артиллерии. И тогда он, утратив своё стратегическое значение, постепенно стал превращаться в громадное здание, сочетающее в себе «строгость» крепости и пышность дворца. Во внутренних помещениях Замка стали размещаться самые ценные произведения искусства, включающие полотна великих мастеров, изделия из янтаря, серебра и золота, мраморные скульптуры, ковры и гобелены, роскошное оружие и доспехи, а также книги.

С 1525 года Королевский замок стал официальной резиденцией герцога Альбрехта, первого светского правителя Пруссии. Крепость всё более походила на дворец, а дворцу не нужны казематы, тесные орденские кельи, караульни и узкие бойницы вместо окон. Он нуждался в роскошных залах, в удобных покоях для герцога и членов его семьи, многочисленных помещениях для гостей и прислуги.

Стараясь соответствовать духу своего времени, герцог Альбрехт решил полностью перестроить и украсить Замок. Удлинилось северное крыло, в его восточной части разместились просторные Московитские палаты (8). В 1525 году было заново возведено западное крыло. В 1532 году на восточной крыле Замка появилась основательная пристройка, названная «Альбрехтсбау». Находилась она в непосредственной близости от широких ворот. На самих воротах красовалась надпись «*Turris Fortissima nomen Domini*» (9) и личный девиз герцога: «Доброта к верноподданным, но борьба не на жизнь, а на смерть с преступниками – это есть долг правителя».

Замок славился своими подземельями. Многочисленные ходы вели из него на остров Кнайпхоф, в районы Трагхайма, Закхайма, Росгартена и ещё дальше, в разные концы Кёнигсберга. В хитросплетениях подземных лабиринтов могли разобраться лишь весьма сведущие люди.

Доктор Томас Волькенштайн, давно не бывавший в Кёнигсберге, был приятно удивлён свершившимся здесь переменам. Вокруг городов Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф, выросли свои пригороды, дома в них были преимущественно кирпичные, а остроконечные крыши покрыты добротной черепицей. Сам Замок поразил его, если не своим великолепием, то тем величественным и пышным видом, который он приобрёл в последние годы. Неудивительно, что, сопровождая доктора по коридорам Замка, герцог кивал то в одну, то в другую сторону:

– Здесь трудятся мои мастера. Я хочу соорудить в этом зале роскошную Оружейную палату.

Или:

– Здесь каменщики выкладывают новый камин... А вот это помещение будет расширено... Тут будет пол с подогревом... Эти залы я переоборудую в хранилище скульптур и портретов великих людей...

Ремонт и перестройка внутренних покоев происходили таким образом, чтобы строительные работы как можно меньше докучали их обитателям. Во всех помыслах и действиях герцога Альбрехта чувствовался размах, и доктор мог лишь догадываться о его истинной широте.

Томаса Волькенштайна поселили в небольшую, но довольно уютную комнату, благо, свободных помещений в Замке хватало. Расположена она была в том же крыле, где разместились и покои самого герцога.

В ожидании прибытия наследника и его матери, доктор проводил время в герцогской Немецкой библиотеке, расположенной над воротами Замка. Здесь было собрано, по его мнению, не менее тысячи самых разнообразных книг, фолиантов в деревянных, кожаных и серебряных переплётах. Манускрипты были, в основном, на латыни и греческом. Тут же на полках располагались и недавно отпечатанные в кёнигсбергской типографии томики на немецком, литовском и польском языках. Кроме книг, взятых из монастырей и имеющих привычную, библейскую тематику, здесь были катехизисы Мартина Лютера, которого Альбрехт очень уважал, и книга Николая Коперника «Об обращении небесных тел». С самим учёным герцога Альбрехта связывали давние, и даже дружеские отношения. Хотя, в своё время глава тевтонцев едва не убил Коперника при осаде Эльблонга (10). С удивлением доктор обнаружил среди прочих книг новые издания сочинений Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Любовь к чтению, захватившая герцога ещё в детские годы, со временем вылилась в настоящую страсть к просветительской деятельности. «Это – настоящее

богатство! Хвала господу, – думал целитель и хиромант, – что такой человек стал во главе герцогства! Это послужит Пруссии только на пользу!»

Неподалёку от библиотеки был расположен кабинет самого герцога Альбрехта. Туда он не стал приглашать своего старого друга, зато не преминул похвастаться своей недавно отреставрированной спальней.

– Полюбуйся, дружище, работой моего придворного столяра Ганса Вагнера!

Личные покои герцога оказались необычайно красивы. Сама комнатка была весьма скромных размеров, чего не скажешь о камине, который был воистину велик. Стены помещения украшало панно из венгерского ясеня. Резьба по нему была столь вычурна и тонко выполнена, что всё увиденное заставило приезжего врача длительное время простоять с раскрытым в изумлении ртом, к вящему удовольствию хозяина.

Рядом располагалась эркерная комната с гербом, представляющим собой двадцать семь цветных полей. В центре герба прусский орёл держал в когтях серебряную букву S – символ верноподданничества Сигизмунду, польскому королю. «Не за горами тот день, когда Пруссия выйдет из-под польской опеки, – подумал доктор Томас. – И тогда она превратится в сильнейшее европейское государство».

Супруга герцога Альбрехта с принцем появились в Замке только десятого августа. День выдался довольно солнечным и о недавней непогоде напоминали лишь лужи, тут и там поблескивающие на улицах Альтштадта и Лёбенихте. О приезде высоких гостей огласил колокол с донжона (11), расположенного внутри замка.

Молодую супругу герцога Анну Марию Брауншвейгскую и его наследника сопровождал, кроме слуг и придворных фрейлин, обычный эскорт: Якоб фон Шверин – учитель принца, философ и мыслитель, духовник наследника и воспитатель Иоганн Функ, а также придворный лейб-медик Симон Титиус. К ним присоединился магистр Кёнигсбергского университета Кристофорум Невиус. Доктора Томаса не удивляло присутствие этих людей. Он уже знал, что герцог Альбрехт разработал для своего сына собственную методику обучения и воспитания. Вышеупомянутые господа практически постоянно находились в обществе наследника.

Среди этих людей довольно почтенного возраста выделялся молодой человек с высокомерным и насмешливым выражением лица, одетый щеголевато, но не вызывающе. «А это и есть Скалих», – догадался доктор Томас.

Добавим сразу: если Анну Марию, наследника и Скалиха доктор узнал сам, то остальных господ ему представил лично герцог Альбрехт. Сделал он это легко и доброжелательно, без лишних церемоний, в свойственной ему манере.

– А это – мой старый и добрый друг, – рекомендовал герцог и самого доктора, – Томас Волькенштайн. Он – известный врач, знаменитый хиромант и астролог. Гороскоп, составленный им для меня сорок лет тому назад, подтвердился полностью!

По-разному восприняли это известие появившиеся в Замке господа. Слегка поклонившись прибывшей свите, доктор тут же уловил флюиды, испускаемые этими людьми. В разнообразном букете эмоций он явственно уловил как любопытство, интерес, безразличие, так брезгливость и даже неприкрытую ненависть.

«Отлично, господа, – подумал доктор. – Кое-кто из вас уже боится меня». И попытался уловить, от кого именно исходило это тревожное чувство. Подняв голову и приветливо улыбаясь, он скользил изучающим взглядом по лицам представленных ему

господ. Удивительно, но ненависть исходила не от Скалиха. Её источником был лейб-медик Титиус.

Последующие несколько дней Томас Волькенштайн присматривался как к наследнику, так и окружающим его людям, многие из которых были способны (порой, даже не осознавая этого) повлиять на состояние здоровья принца. Значительное психологическое давление могли оказывать и сам Титиус, и капеллан Функ, и даже фон Шверин. Не стоило исключать и других приближённых, особенно Скалиха. Оставалось наблюдать, и делать это, по возможности, незаметно. К тому же, следовало разобраться в самом недуге наследника. Вдруг он на самом деле серьёзно и неизлечимо болен?

Накануне у доктора Волькенштайна состоялся откровенный разговор с герцогом.

– Да... Старость приходит к нам незаметно, – вздохнул Альбрехт. – Сначала думаешь, что тебе почудилось, порой кажется, что ты просто устал... Но увы... Отдохнуть мне теперь хочется даже после отдыха... Это в молодости мы спешим жить и стремимся заглянуть в грядущее. В юности даже год-два – очень большой срок, а теперь для меня и десяток лет – словно вчера...

Мне ничьи предсказания больше не нужны. Ведь будущего у меня почти не осталось, и мне о нём всё давно известно... Моя судьба – это уже написанная и давно прочитанная книга. И перелистывать её грустно. Но страшит не только немощь, дряхлость и забвение... Я очень многого не успел сделать и сегодня меня больше всего тревожит судьба наследника и то... кто же займёт моё место...

– Обратите внимание на ночное небо, ваша светлость, – ответил на его грустные слова пожилой астролог, – на нём мириады больших и малых звёзд, которые образуют созвездия и туманности, видимые, порой, лишь в оптическую трубу. Но в их скоплении есть небесные тела особенные, путеводные – Полярная звезда, Сириус... И такие люди тоже существуют! А вы – в их числе...

Герцог пристально посмотрел в глаза врача, и понял, что тот ему не льстит.

– ...Вокруг этих звёзд по разным орбитам вращаются иные планеты и спутники – это ваши ученики и последователи. Пусть их орбиты не всегда близки, а яркость различна, но ваш свет, тепло, живительная энергия достигают и меня, и других преданных вам подданных. Мы позаботимся о том, чтобы ваша старость не была печальной...

Сам Альбрехт Фридрих не был похож на своих сверстников из других сословий. Да, излишне молчалив и печален – это заметно. Видимо, сказывалось наличие жёстких рамок, в которые «втиснул» его отец, дабы со временем воспитать образованного, мудрого и справедливого повелителя, настоящего отца для своего народа.

Когда герцог Альбрехт взял за руку сына и впервые подвёл его к Томасу для более близкого знакомства, Волькенштайн склонился в глубоком поклоне, а наследник тихим голосом спросил:

– Так это вы собираетесь меня лечить, доктор?

– Смотря, что понимать под «лечением», ваше высочество. Я не уверен, что вам нужен просто врач...

– Как, разве вам не сказали, что я слабоумен?

Некоторое время доктор находился в замешательстве, не зная, что ответить. «Высокий лоб наследника, форма носа и густые брови свидетельствуют о его способности к ясному мышлению, – мелькнуло в голове Волькенштайна, – и усвоению различных наук. А так же о

решительности и целеустремленности... Длинные пальцы рук говорят о хорошо развитых эстетических наклонностях и возвышенных эмоциях... Более подробно он смог бы рассказать о его состоянии чуть позже, после исследования холмов и линий ладони, которые наиболее точно предсказывают будущее и рассказывают о прошлой жизни человека...

– Слабоумие не лечится, ваше высочество, – произнёс Томас, глядя прямо в глаза принцу. – Зато «лечатся» неверные слухи и исправляются врачебные ошибки...

«Конечно, он по-своему необычен и даже странен, – думал доктор о наследнике. – Но кто из нас не подвержен странностям? *Quis hominum sine vitiiis* – (12). Допускаю, что мальчик, порой замкнут, угрюм и даже подавлен... Но и у выдающихся людей, иногда, встречаются такие особенности... Просто они не вписываются в общепризнанные рамки поведения... Ну и что? Это ничуть не мешает им создавать гениальные творения... Но слабоумие? Нет, на первый взгляд, очень сомнительно... Или я сужу предвзято? Не хочу, чтобы подтвердились опасения старого герцога? Что ж, присмотримся ещё»...

– Вы что же, проявляете к принцу врачебный интерес? – прямо спросил доктора лейб-медик Титиус, когда заподозрил первого в повышенном внимании к Альбрехту Фридриху. – Поверьте, это – излишне. Он находится под неусыпным медицинским наблюдением. К его услугам – лучшие и весьма почтенные доктора. – Тут он слегка поклонился, демонстрируя тем самым и собственную значимость.

Выглядел придворный врач, скорее, как монах. Тёмная сутана, чёрная шляпа, выпирающий живот, крючковатый нос на одутловатом лице, кустистые брови, почти закрывающие глаза, делали его похожим на старого, нахохлившегося ворона. Сама беседа происходила в небольшой гостиной, расположенной в Альбрехтсбау. Стены её украшали полотна Брейгеля Питера Старшего, а также некоторых итальянских мастеров. Потолок гостиной, вероятно, собирались расписывать, но когда начнутся эти работы, пока не было известно.

Рядом с врачами сидел сам наследник. Он был молчалив, грустен и сосредоточенно рассматривал ногти на своих руках. Весь его вид показывал, что ему скучно с присутствующими, и он был бы рад поскорее от них избавиться.

– Да, сударь, – ответил лейб-медику Волькенштайн. – У меня богатая врачебная практика, но я приехал сюда не за этим. Признаюсь, о болезни наследника я узнал на днях, будучи уже в гостях у его светлости герцога Альбрехта... Он посчитал, что я способен предложить что-то более действенное, чем все врачи его светлости.

– Излишняя самоуверенность может вам в этом сильно помешать... – елейным голосом пропел Титиус. Чувствовалось, что у них начинается словесная дуэль.

– Пока же я могу сказать лишь одно, – невозмутимо продолжил Волькенштайн, – нет верного лекарства от неверного образа жизни! Большому обычно подробно рассказывают о том, как, когда и сколько принимать пилюль, но часто забывают о питании, сне и прогулках... А это, как раз – самое важное!

Как вам известно, я прибыл на торжественную встречу в честь двадцатилетия основания кёнигсбергской Академии. Но, врач – всегда врач: наш долг не знает отдыха...

– Как же вы правы, сударь, – слащаво заулыбался оппонент. – Единственное, что может спасти наследника... или хотя бы оттянуть тот исход, которого мы все боимся, это – отдых среди лесов и полей. Его высочество любит уединение и покой, вот пусть и поживёт в тиши с матерью в замке Нойхаузен. *In pace* (13). Под нашим присмотром. На данный момент только это пойдёт ему на пользу...

К беседе двух докторов присоединился Якоб фон Шверин, сухощавый господин высокого роста, с круглой лысой головой, крупным носом и выдающейся вперёд нижней челюстью. Его лицу, казалось, была чужда мимика: оно постоянно оставалось отстраненно-безмятежным, лишь в серых глазах улавливалась какая-то грусть. Две глубокие складки у переносицы свидетельствовали о том, что мыслительный процесс учителя и наставника наследника – явление довольно частое и охватывающее продолжительные периоды времени.

– Дорогой доктор, мы слышаны о вас, как об известном хироманте и астрологе. Не могли бы вы нам рассказать, как данные науки помогают вам в лечении больных?

Волькенштайн был рад вмешательству фон Шверина. От Титиуса исходил такой заряд антипатии, подозрительности и страха, что поддерживать разговор становилось всё труднее.

– Видите ли, сударь, в своей практике я применяю живительные силы природы и воздействую на пациентов собственной мыслью...

– *Macte!* (14) Но неужели это возможно? Поделитесь с нами, любезный друг, своими премудростями!

Доктор Томас улыбнулся.

– Ошибочно думать, что болезни побеждают только с помощью ланцета, настоек или микстур. При желании и определённом навыке, исцелять можно, подобно нашему Спасителю, словом и силой человеческой мысли...

– Не слишком ли смелое утверждение? – воскликнул фон Шверин.

– Такие способности, – продолжал доктор Томас, – я развивал у себя ежедневными тренировками: часами смотря по утрам на горы, вечером – на воду, а ночами – на свечу... И теперь нисколько не сомневаюсь, что «умными» глазами можно делать всё!

– Поясните-ка, сударь, свою мысль, – заинтересовался Титиус, поглядывая на коллегу, как инквизитор.

– Через наши зрачки божественная энергия перемещается в двух направлениях, в зависимости от того собираемся ли мы просто рассмотреть и запомнить некий предмет или решили воздействовать на его сущность. Например, совсем не сложно взглядом, усиленным молитвой, остановить кровотечение при порезах, стоит только приказать крови: «Утихни, перестань течь!», и представить, как иглой зашиваешь рану. Для меня не представляет особого труда унять боль, тошноту, головокружение...

– А не в самой ли молитве тут дело? – усомнился собеседник.

– Пусть так. Молитва – неоспоримая целебная сила, но моё зрение помещает её в нужное место. Всякий человек – есть творение Господа: он – вместилище десятков органов и членов, призванных действием или бездействием обеспечивать здоровье своего хозяина. Исследуя их работу, я убедился в том, что эта согласованная и ритмическая деятельность... ни в коем смысле не хаотична, а вполне осмысленна. Другими словами – этим управляет сам Бог! А в случае недуга – Сатана!

В гостиной воцарилась тишина.

– Также я пришел к выводу, – продолжал доктор Волькенштайн, – что большинство болезней возникает у человека от разлада мышления наших внутренних органов. Все они частенько вредничают, точно малые дети, и поэтому обращаться к ним надлежит, как к капризному, но любимому ребенку. Иными словами, к каждому нужно постараться найти свой подход... Таким образом, этим мы поможем нашему Творцу, а он – нам.

Доктора словно забавляло замешательство его учёных собеседников. Он продолжал, и речь его текла тихо, размеренно и уверенно:

– Наиболее восприимчиво к такому «разговору» сердце. Это – очень мудрый, но самый ранимый орган, поэтому убеждать его следует нежно и дружески. А вот почки иногда полезно слегка поколотить... Напротив, кишечник – терпеливый и послушный слуга, зато *hepar* (15) – бестолкова и ленива, посему её надо не ласкать, а пугать, порой даже понуждать, как упрямого вола... Всё это – кирпичики моей теории.

Свою беседу я обычно начинаю с восхваления Господа, затем налагаю руки на нужную область тела и обращаюсь к самому органу: «Проснись и слушай!..», а далее – рассуждаю, увещаю и приказываю... С вместилищем нашего разума – головой, конечно, всё намного сложнее, ведь она не в меру заносчива и высокомерна, однако, выбрав нужный момент, можно и её попробовать уговорить, успокоить и призвать к порядку... Чем я мог бы заняться в ближайшие дни, если возникнет такая необходимость...

Не стоит забывать и о прекрасном воздействии на здоровье духовной музыки. Она добавляет новые цвета в палитру человеческого сознания. Если мы намерены объединить тело, ум и сердце, то нет лучше способа, чем орган. Его целительные звуки проникают сквозь кожу и производят массаж души... Особенно благотворно сочетание такой музыки с церковным песнопением. Если в тяжелые минуты петь о своих печалях, то душа светлеет и становится мягче. А коль мы собираемся развить у ребенка достоинство и самосознание, ему следует дольше находиться в высокодуховной среде, такой как музыка, которая помогает выйти из этого мира, очиститься и вернуться в него совсем новым человеком...

Только это ещё далеко не всё: я могу лечить и многими другими средствами, например святой водой, воском и ладаном, «горячим» или «холодным» дыханием, но как это правильно делать известно одному мне...

«Ни Титиус, ни фон Шверин, – размышлял после ужина доктор Волькенштайн, – не кажутся мне людьми, чьё воздействие на юного принца столь пагубно, чтобы вызвать у него симптомы психического расстройства или слабоумия... Но это – на первый взгляд... Что ж, у нас остаются другие подозреваемые – матушка наследника, Анна Мария, да-да, любезный доктор! Не стоит исключать и её! Иоганн Функ, тоже весьма любопытная личность... И сам Скалих... При этом, не стоит упускать из виду и самый неблагоприятный вариант: Альбрехт Фридрих действительно болен! Ведь мне так и не удалось с ним поговорить наедине... А это многое могло бы дать для дальнейших размышлений!»

Этой ночью доктору не спалось. Через приоткрытое окно, откуда веяло сырой прохладой, налетело множество комаров, и Томас устал от них отбиваться. В Замке было тихо. Иногда казалось, что жизнь в нём вовсе угасла, и он остался единственным мыслящим существом на пустынном острове...

Ближе к полуночи послышались раскаты грома, и дождь забарабанил по ставням его мрачной обители. Доктор уже собирался встать и зажечь свечу, когда в спальне послышалось легкое шипение, и внезапно она озарилась светом. Томас тотчас открыл глаза, повернул голову на странный звук и увидел посреди комнаты ослепительно яркий жёлто-оранжевый шар размером в три-четыре дюйма, медленно плывущий от окна к его постели.

«Огонь сатаны!» – с ужасом констатировал Волькенштайн, порывисто сев в кровати и непроизвольно натянув лёгкое покрывало до самых глаз. Прежде ему доводилось слышать, что подобные огненные шары могут вести себя вполне миролюбиво, но могут напасть, обжечь или убить человека, после чего – либо мгновенно растаять, или взорваться с ужасным грохотом. Священники называли их «дьявольским знамением», а люди учёные –

«разумными шарами». Говорили, что они обладают способностью «просачиваться» сквозь малейшие щели, появляться, когда и где захотят, и творить, что только вздумают...

Вот и этот ночной гость вёл себя вполне осмысленно: как бы в глубоком раздумье, он немного повисел неподвижно, затем стал кружить над самым полом, с любопытством принохиваясь, подобно собаке. Наконец, он остановился почти у самого лица испуганного врача, словно пытаясь изучить или околдовать его. Бедный доктор ощутил, как капли пота заструились по его щекам, он боялся пошевелиться или даже просто вздохнуть... Странно, но никакого жара при приближении этого пылающего объекта Волькенштайн не ощутил. Однако шипение и гудение внутри шара усилилось, а цвет его сделался почти красным. Время словно остановилось. Перед глазами Томаса всё поплыло, жутко заболели виски, как если бы их стянул тугой обруч.

Шар медленно поплыл к двери. Доктор в отчаянии схватился руками за голову, и тут... внутри неё прозвучал чей-то властный голос: «Следуй за мной!» Не в силах ему противиться, Волькенштайн, как был в колпаке и длинной ночной рубаше, будто зачарованный, безропотно последовал за таинственным пришельцем, который продолжил своё движение по коридорам Замка...

После нескольких поворотов и коротких лестничных переходов, огненный гость внезапно вспыхнул и растаял в воздухе. На некоторое время воцарилась полная тьма, в которой глаза доктора, привыкшие к яркому свету, ничегошеньки не могли различить, однако головная боль стихла и к Томасу вернулась способность мыслить.

«Святые угодники! Если бы кто-то другой рассказал мне эту историю, то я бы ему не поверил, – было первое, о чём подумал он, потирая слезящиеся глаза. – Вот бы развесить такие штуковины под сводами нашего Замка. Стало бы светло, как днём»...

Вскоре доктор смог различить узкую полоску света, пробивающуюся из-под массивной двери, и обнаружил, что стоит напротив замковой библиотеки. Он потянул за массивное медное кольцо, дверь отворилась. И вот, что он увидел...

«Слабоумный» мальчик сидел в полутьме на полу, держа в руках какую-то книгу. Подсвечник был установлен на одном из свободных стеллажей. Взгляд Альбрехта Фридриха был устремлён не на книжные листы, ибо при таком освещении невозможно было разобрать буквы. Принц смотрел куда-то вдаль, он словно видел через стену что-то далекое и ... прекрасное. Блики огня отсвечивали в его глазах, делая взгляд наследника искрящимся и каким-то... бесовским. А губы тронула грустная улыбка. Поневолу у доктора на голове зашевелились остатки волос, а сердце бешено застучало...

Тем не менее, Томас Волькенштайн сделал несколько шагов к мальчику.

– Если ясновельможный пан собрался читать, – произнёс он тихо, но внятно польски, – то ему необходимо добавить немного свечей...

Медленно, бесконечно медленно поворачивалась голова принца к доктору.

– Не извольте беспокоиться, сударь. Иногда размышления заменяют чтение...

Ответ был произнесён на чистой латыни!

«Кёнигсбергский университет по праву считается детищем герцога Альбрехта. Именно поэтому после смерти своего основателя храм науки получил его имя. Учебное заведение стало называться ласково – Альбертина.

Самые просветлённые умы Европы учились и преподавали здесь...

Но так же, как всё прекрасное и высокое, он притягивал в свою обитель самое мерзкое и отвратительное...»

Глава 3. «Диагнозы» доктора Волькенштайна

Доктор Томас усмехнулся, вспомнив вчерашнюю беседу с лейб-медиком Титиусом и фон Шверином, когда он рассказал им о своём методе лечения. Если первый счёл всё сказанное им ересью и невежеством, а сам надулся, став похожим уже не на ворона, а на индюка, то второй искренне заинтересовался.

– Где вы научились этим премудростям? – улыбаясь, спросил философ. – Воистину, такой подход к лечению больных органов весьма оригинален!.. Впрочем, мне думается, что он не лишён смысла. Доброе слово всегда успокаивает и несёт в себе божественную силу. А укор или упрёк – побуждает к действию! Не хотите ли, доктор, выступить с докладом на нашем медицинском факультете? Магистр Кристофорум Невиус мог бы посодействовать вам в этом!

– Я много путешествовал, – уклончиво ответил Волькенштайн. – Довелось побывать и на Востоке... И раз уж я прибыл на празднование Юбилея нашей Академии, то наверняка пообщаюсь с ректором и профессорами. Думаю, будущим медикам будет полезно узнать о тех методах лечения, которые не практикуют в традиционной медицине.

– От всего этого пахнет ересью и колдовством, – нахмурился Симон Титиус. – *A propos!* (16)... Как долго нужно развивать это... такое... умение? – недоверчиво спросил он.

– Всю жизнь, уважаемый доктор. Но первых результатов можно добиться уже через год тренировок. Всё в руках Господа... Это также зависит от силы вашего духа и желания помочь ближнему... *Varba philosophum non facit!* (17)

«*Parvo contentus* (18), приведу некоторые результаты проведённых исследований, – записал вечером в своём потайном свитке доктор Томас, – и поставлю диагнозы отдельным лицам из близкого окружения наследника, которого подозревают в душевном нездоровье и слабоумии. Пусть Господь поправит мои мысли, если я в чём-то ошибусь...»

Diagnosis (19) 1. Фон Шверин. Мыслящий человек, приверженец весьма передовых взглядов. Умеет развивать мышление ученика и способствовать постижению наук... Благодаря его стараниям, наследник прекрасно владеет польским и латынью... Поразительно... Сам превелико учён, но более тяготит к античному вольнодумию, чем к католическим догмам. Способен ли он внушать мальчику сомнение в собственной уравновешенности и здравомыслии *pro domo mea* (20)? Весьма сомнительно...»

«*Diagnosis* 2. Симон Титиус. Как врач, возможно, имеет определённые познания и опыт. Но доброму слову предпочитает острый ланцет. Подозреваю, в его душе таится страх, который передаётся и принцу... Лейб-медик чувствует, что делает что-то не то, но кто-то, видимо, заставляет его поступать именно так... Словом, тут ещё много непонятного».

Прошлой ночью, удивительным образом оказавшись возле библиотеки, доктор Волькенштайн обнаружил в ней наследника. Обратившись к нему на польском языке, он услышал чёткий ответ на хорошей латыни, что весьма удивило врача. Не задавая лишних вопросов, доктор Томас подошёл к мальчику и осторожно взял его маленькую ладошку. Тот

не отдернул руку, не отшатнулся, не закричал. Посветив себе свечой, пожилой хиромант изучил узоры на ладони наследника и, не проронив ни слова, удалился в свои покои.

«*Diagnosis 3.* Альбрехт Фридрих. Фигуры на холме Сатурна обнаруживают бережливый, задумчивый, склонный к меланхолии характер. Дугообразные полосы на холме Луны указывают на уединённость, мечтательность и склонность к мистике... А вот крест и звезда предвещают незаслуженные преследования и грозящую жизни опасность. Но его линия счастья в своём начале и конце имеет разветвления, и это означает победу над всеми врагами. Линии Юпитера и Венеры говорят о том, что он встретит настоящую любовь, от которой родится много детей. Жизнь он проживет долгою, здоровую и невозмутимую, а умрет тихо и естественно...

Пока ясно лишь одно: где-то неподалёку затаился враг, который упорно раздувает слухи о слабоумии наследника. Сам мальчик сильно напуган, а о своих страхах и сомнениях ему некому поведать... Врачи, учителя и воспитатели упорно твердят о болезни принца (в такой ситуации точно можно свихнуться!), видимо, они выполняют чьё-то задание...

Что же в итоге я узнал? Над ними всеми стоит кто-то могущественный и беспощадный, жестокий и хитрый, готовый нанести смертоносный удар! Когда? Возможно, сразу же после смерти самого герцога!.. Кто этот человек? Думаю, что не стоит искать изменника где-то на стороне: он обычно среди самых близких! Дайте мне ещё немного времени, дружище Альбрехт, и я найду его, не будь я великий маг и целитель Томас Волькенштайн! *Procul negotiis!* (21)».

Утром 16 августа доктор Волькенштайн совершил небольшую прогулку по городским кварталам. По тем местам, которые он давно уже не посещал. Целью его было побродить по знакомым улицам трёх городов (22), слиться с местным разношёрстым населением и привести в порядок свои мысли.

Сам Замок Кёнигсберг и прилегающие к нему города-побратимы готовились к празднику двадцатилетия кёнигсбергской Академии, что стало событием, важным для всех сословий. Южное крыло Замка, выстроенное в 1551-1553 годах Кристофом Ремером и Андреасом Хессе, имело длину почти двести локтей. Своими изящными балюстрадами, балконом-садом, оригинальным входом и громадной каменной чашей, наполненной водой, оно производило сильное впечатление на жителей Кёнигсберга. Многие из них почтительно внимали шляпу перед этим архитектурным творением и осеняли себя крестом.

Расположенный за южным крылом Крепости, самый старый город, и носящий соответствующее название – Альтштадт, как всегда был оживлён. Много народа толпилось возле церкви святого Николая. Сюда и зашёл доктор Томас, чтобы поведать Господу о своих сомнениях и получить доброе напутствие. Тем более что как раз началась служба.

Внутренне убранство этой лютеранской церкви, как обнаружил Волькенштайн, выглядело значительно проще, нежели у католических, например, польских храмов. Нет разукрашенных фигур ангелочков, не бросается в глаза пышная роскошь... Не было свечей и изображений святых на довольно скромном алтаре, возле которого располагалась чья-то гробница...

Выйдя из церкви, доктор Томас машинально сунул мелкую монетку в руку женщины, которую сотрясали приступы кашля, пожалев её чумазных ребятишек, копошившихся рядом в изодранной одежде, напоминающей лохмотья.

От госпитальной кирхи «Святого духа» до капитула и городской ратуши на домах весели флаги с гербом Альтштадта. Возле Лавочного моста, соединяющего Альтштадт и Кнайпхоф, скопилось множество повозок. Пахло рыбой. Галдѣж покупателей и торговцев напоминал крики голодных чаек, когда им бросают мелкую рыбѣшку.

Доктор Томас, вдоволь насмотревшись на придворную публику и чувствуя всё нарастающее отвращение к высокомерным канцлерам, надутым гофмаршалам, важным священникам и прочей дворцовой челяди, включая чопорных фрейлин герцогини и лакеев, решил развеяться среди обычного городского люда. Ему нравилось не спеша бродить по городу, слушать слащавые крики зазывал, споры лавочников с покупателями, ругань извозчиков, чьи экипажи не могут разъехаться в узком проходе между домами, смех и весёлые голоса студентов и... даже брань между пожилыми супругами...

В раскрытые окна лавок выглядывали торговцы, приглашая заглянуть к ним; одни предлагали ткани, хвалясь их изяществом и добротностью, другие гремели кухонной утварью, третьи выставляли клетки с заморскими птицами, крикливыми и разноцветными. Один, совсем ещё молодой парень, едва не выпал из окна своей лавки, показывая юной горожанке модную флорентийскую шляпку.

Со стороны реки, где располагались торговые ряды, раздавался гогот гусей, кудахтанье кур и визг поросёнка. Всё это сопровождалось озабоченными призывами лавочников и весёлыми шутками прохожих.

С восточной стороны города через вытекающий из Замкового пруда ручей Лёбе-бах, который служил и крепостным рвом, был расположен Лёбенихт – город-побратим Альтштадта. Туда и направился Томас Волькенштайн, дыша полной грудью и чуть заметно усмехаясь, глядя на городское столпотворение. Ему было невдомѣк, что от самых ворот Замка за ним следует невзрачный человек, одетый так же, как и большинство горожан. Правда, своё лицо он скрывал широким капюшоном. Его осторожная поступь и некоторая суетливость усиливали впечатление, что этот человек старается оставаться незамеченным для преследуемого им господина.

Не доходя до женского монастыря святого Бенедикта, доктор повернул назад, намереваясь перейти на остров Кнайпхоф по Кузнечному мосту. Незнакомец, чьего лица никто не видел, следовал за ним по пятам...

А поразмышлять Томасу Волькенштайну было о чём. Вчера вечером ему, наконец, удалось пообщаться с супругой герцога Анной Марией Брауншвейгской, наставником наследника Иоганном Функом и с самим Паулем Скалихом, которого при дворе уже привыкли называть не иначе как князь Скала. Было у него и другое имя – граф фон Хун.

Случилось эта беседа во время ужина, который слегка затянулся и незаметно перешёл из дворцовой церемонии в дружескую вечеринку, если такое сравнение уместно при дворе. Но, как бы то ни было, обстановка в трапезном зале способствовала добродушной беседе, чему немало помогал сам герцог Альбрехт. В тот вечер, несмотря на торжественный наряд (он надел короткую куртку, рыцарский плащ, на плечах его висела драгоценная цепь из широких колец, а с шеи спускался золотой знак «Ордена Лебеда» (23). Герцог был весел и остроумен, стараясь никого из гостей не обделить своим вниманием, добрым словом и уместной шуткой.

– Любезный доктор, – с улыбкой обратился герцог к Томасу Волькенштайну. – Что ты сидишь с таким кислым видом, словно тебя потчуют вином «трѣх людей»? (24) Отведай рейнского! А может, ты предпочитаешь бордоское или бургундское? В наших подвалах к твоим услугам любое! *Ad liberum!* (25)

– Я бы предпочёл испанское, но от него веет инквизицией, – улыбнулся в ответ Волькенштайн. – А это не самый лучший запах...

– Забудь, дружище, это слово здесь, в доброй и просвещённой Пруссии! Вот когда отправишься странствовать по Южной Европе, там уж будь осторожным! Ибо *de lingua slulta incommoda multa* (26).

А поскольку к пожилому доктору, в дворцовом обществе уже сложилось, в основном, доброжелательное, хоть и несколько настороженное отношение, то сопровождающий наследника вместе с Анной Марией Иоганн Функ, проходя мимо, в целях нравоучения для юного принца, заметил:

– Господин Волькенштайн, слова словами, но ваши увлечения гаданиями и предсказаниями... в том числе и ваш метод лечения болезней... могут вывести вас на... весьма скользкую и опасную дорожку.

Доктор поднялся из-за стола, отвесил почтительный поклон наследнику и герцогине, затем повернулся к теологу и изобразил на своём лице крайне удивление, почти обиду.

– Да-да, любезный доктор, – Иоганн Функ намеревался играть привычную для себя роль проповедника и наставника. – Ибо Господь снабжает наше тело необходимыми для жизни органами, а наши души оживляет своим божественным дыханием, – он поднял глаза к сводчатому потолку, словно ища поддержки свыше. – И судьбу, предначертанную Им для каждого из нас, не должно читать без Его ведома! Только молитвой и постом мы можем заслужить Его высочайшее участие в своей судьбе, и спасение *detur digniori* (27)...

Юный Альбрехт Фридрих откровенно скучал. Анна Мария с любопытством слушала, не прерывая своими репликами разговор, который, по её мнению, грозил перерасти в интересную дискуссию.

– Как? Вы отрицаете известных всему миру предсказателей, астрологов и хиромантов?

– Увы. Подавляющее большинство из них совершают грех, преувеличивая свои возможности и выдавая свои скромные способности за божественный промысел...

– А что вы скажете о гороскопе, составленном моему супругу, который подтверждается уже сорок лет? – наконец, не выдержала герцогиня.

Доктор благодарно поклонился ей вновь.

– Или о гороскопе, составленном господином Скалихом, который обещает счастливое тысячелетие Пруссии?

Пока Функ что-то лепетал о звёздах, установленных в порядке, определённом самим Богом, доктор позволил себе рассмотреть герцогиню более внимательно.

Одета Анна Мария была в расшитое жемчугом тёмно-вишнёвое платье, по существующей в то время испанской моде. Рукава и лиф его украшали разрезы. Стоячий воротник касался золотой сеточки, в которую были спрятаны роскошные тёмные волосы. Драгоценное кольцо переливалось в огне множества свечей, блестели перстни на пальцах, а в глазах затаилась глубокая печаль, которую так и не смогли вытеснить её молодость и красота...

И тут к ним подошёл Скалих.

– Не будете же вы отрицать дар предвидения, которым обладал Парацельс, или известный всей просвещённой Европе Мишель Нострадамус? – с усмешкой спросил он Иоганна Функа, который совсем уже было смутился. – Чем вы можете объяснить сбывшееся предсказание Нострадамуса о внезапной гибели на рыцарском турнире короля Франции Генриха II (28)? – И продекламировал на память:

*Молодой лев одолеет старого
На поле битвы в одиночной дуэли.
Он выколет ему глаза в золотой клетке.
Два перелома — одно, потом умрет жестокой смертью.*

Как вы помните, копьё пронзило глаз бедному Генриху и сломалось... И он умер после продолжительных и невыносимых страданий.

– Слово Господа в предсказаниях пророка... – произнёс Функ.

– Нострадамус не только астролог и предсказатель, он же ещё и врач! – заметил доктор Томас.

– Совершенно верно, – подхватил Скалих. – Кстати, я лично с ним знаком! Один из своих катренов великий прорицатель посвятил мне. Он хранится здесь...

С этими словами советник герцога водрузил на стол шкатулку, которую до этого держал в левой руке.

– Вот тут лежит его послание! – он придавил ладонью поверхность шкатулки и усмехнулся. При этом кончики его тонких усов вздрогнули и подпрыгнули вверх.

– Почему же вы не прочтёте его нам? – спросила Анна Мария.

– Мишель пишет по-французски... Не все присутствующие понимают этот язык. К тому же, большинство его предсказаний не несут в себе прямой смысл, они как бы завуалированы и зашифрованы... Иной раз приходится поломать голову, чтобы разобраться в его сочинении...

Волькенштайн присмотрелся к шкатулке. Она была овальной формы, сделана из серебра и расписана магическими символами. Томас успел рассмотреть кресты, пяти- и шестиугольные звёзды, надписи на латыни и иврите... Но больше всего его привлёк чёткий отпечаток ладони Скалиха на блестящей поверхности коробочки...

– Так что, уважаемый капеллан Функ, – продолжил Пауль, забирая шкатулку со стола, есть всё же настоящие пророки, хотя, не скрою, гораздо больше шарлатанов! – Он рассмеялся.

– А как вы читаете будущее по руке, любезный доктор? – спросила Анна Мария. – Раскройте нам свои секреты!

– Охотно, госпожа, – в очередной раз склонился в поклоне Волькенштайн. – Если господин Функ позволит... – тот протянул доктору правую руку и раскрыл ладонь. – Ваши линии о многом говорят... Вот это – линия жизни. Она означает ход физического развития, линия Сатурна — направление таинственных роковых наклонностей. Линия Аполлона, или Солнца, — стремление использовать умственные способности. Линия Меркурия — те явления, которые появляются у нас в своё время, такие, как возмужалость и старость, причём их нельзя ни своевольно приблизить, ни препятствовать им. А линии Марса и Юпитера означают направления, которые говорят о наших собственных волевых побуждениях и решениях. Холмы обозначают энергии, долины – недостатки и потери, линии – влияния и путь действий. Звёздочки всегда указывает неожиданные опасности....

Говоря всё это, хиромант умолчал о будущем Функа, которое уже узрел в складках его ладони.

– Это просто восхитительно! Взгляните же на мою руку, любезный... – и герцогиня протянула доктору свою изящную ладошку.

Увиденное несколько смутило пожилого хироманта.

– Видите ли, ваша жизнь тесно переплетена с жизнью вашего супруга...
– Не надо... Я не хочу, – потянул мать за рукав молчавший до сих пор наследник.
– Что ж, как-нибудь в другой раз... – улыбнулась герцогиня. – Мальчик устал и хочет отдохнуть...

Оказавшись на Кнайпхофе, доктор Волькенштайн подумал: «Как невелик остров, а сколько всего удалось здесь построить!»

Тут расположена знаменитая Голубая башня, ставшая местом заключения преступников, городская ратуша, недавно возведённое здание Университета и, настоящее украшение Кнайпхофа – Кафедральный собор.

Город-остров связан со своим южным форштадтом двумя мостами: Зелёным и Потроховым. Перед каждым мостом стоят прочные ворота. С востока Кнайпхоф соединён с островом Ломзе Медовым мостом, к которому можно пройти через одноимённую башню. На Альтштадт ведут мосты: Лавочный и Кузнечный.

Здесь же, кроме жилых домов располагаются склады с углём, пакгаузы, небольшая пристань, лавки, пекарни и всё, что необходимо для существования полноценного города, имеющего свою печать и герб.

По Лавочному мосту доктор перешёл в город Альтштадт. Таинственный человек, прячущий своё лицо, неотступно следовал за ним. Посторонившись, пропуская карету, запряжённую двумя рысаками, Томас Волькенштайн направился к Королевскому замку.

После прогулки он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим. Но, неведомо откуда взявшееся чувство тревоги всё-таки досаждало ему.

«*Diagnosis 4.* Иоганн Функ. Теолог, проповедник, советник герцога и наставник наследника... Пожалуй, одна из ключевых фигур... Я верю, что он может дурно воздействовать на психику принца, подавляя его волю и приучая к мысли о собственной неполноценности и бессилии... Только зачем?.. По своей ли воле? Пожалуй, в ближайшее время должно что-то случиться. Ибо линия жизни Функа обрывается. Но он ещё не стар. Значит, его ждёт трагический конец... В связи с чем, пока не понятно. Если составить гороскоп, я бы сделал более точные выводы. Но одно ясно определённо – господь скоро приберёт его в свои чертоги...»

«*Diagnosis 5.* Герцогиня Анна Мария... Это печально, но и ей осталось жить совсем мало... Действительно, что-то должно вскоре произойти... Самое вероятное – это смерть самого герцога. Вот тогда всё и завертится... Сколько ей ещё осталось, известно только Господу... Год или пять?... Не более. Жаль. Молодая, красивая женщина... Боже, что будет с наследником? Впрочем, я уже видел: с ним всё будет хорошо».

Прежде чем писать следующий диагноз, доктор представил лицо главного советника герцога. «На первый взгляд – приятный и обаятельный молодой человек, – размышлял он, – но... форма ушных раковин, складки на лбу и возле губ, окраска и точки на ирисе (радужной оболочке глаза) – всё свидетельствует о недюжинных умственных способностях и талантах, но одновременно, и даже в большей мере, о склонности к интригам, изворотливости, обману и предательству. Не сомневаюсь: перед нами величайший хитрец и плут! Это – очень опасный человек, ему нельзя верить!»

А вот о чем поведал врачу отпечаток ладони на поверхности шкатулки.

«*Diagnosis 6*. Скалих. Я созерцал отпечаток его ладони всего несколько мгновений, но мой опыт и зрительная память позволили мне сделать выводы об увиденном ... Итак, фигуры на холме Венеры обнаруживают ненасытно-чувственное и развратное существо. Крест между линией головы и линией сердца указывает на мистицизм и расположение к оккультным наукам. Но такой человек может легко забыться до жестокости и кровожадности. Даже до убийства! Однако отвесная линия от холма Солнца по направлению к линии счастья указывает на расположение к нему высокопоставленных лиц. Совершенно отсутствует линия счастья, а это знак безбожия и вероломства, но одновременно очень длинная линия жизни... Мне многое не понятно в знаках на его ладони, возможно, он появился на свет в результате кровосмешения... И этот странный завиток на ушной раковине! Как у хищного животного...»

«В Королевском замке множество помещений. Среди них есть как огромные залы, так и маленькие комнатки... В этих покоях прохладно даже жарким летом и сумрачно даже ясным днём. В залах каждый звук отдаётся гулким эхом. Лица Гогенцоллернов глядят на вас с портретов в позолоченных рамах. Их рыцарские доспехи блестят даже самой тёмной ночью.

А в подземельях Замка таится страшный зверь. Каждую ночь он поднимается наверх и бродит по Замку, заглядывая в приоткрытые двери.

Когда ему становится тесно в коридорах, он выходит во внутренний двор...»

Глава 4. Вино и кровь

Утром в пятницу, 17 августа 1564 года, едва часы на восьмиугольной башне Хабертурм показали половину десятого, из ворот Королевского замка выехала роскошная кавалькада, состоящая из восьми карет и сопровождаемая двумя десятками всадников.

Колокол на донжоне радостно приветствовал это событие.

Одеты кавалеристы были торжественно и празднично: яркие расписные куртки, развевающиеся плащи. В руках они держали длинные копыя с флажками и штандартами. Впереди скакал герольд. Он трубил в рог и громко объявлял встречному люду, чтобы те не мешали движению герцога и сопровождающих его лиц к детищу Альбрехта – кёнигсбергской Академии, коей сегодня исполняется двадцать лет. На белом арабском скакуне Отто фон Трейт замыкал процессию. Несмотря на праздник, лицо его было непроницаемо, а взгляд – настороженным. По левому боку коня коменданта Замка постукивал узкий меч в расписных ножнах.

В передней карете ехал Альбрехт Бранденбургский с молодой герцогиней и наследником. В остальных ехали придворные, советники, священники и почётные гости.

Народ высыпал на улицы, приветствуя своего повелителя.

По утреннему городу далеко разнёсся звонкий цокот подков. Небо было ясным, ветерок тёплым, а покрытый лёгкой рябью Прегель, блестел, как рыба чешуя.

Томас Волькенштайн ехал в карете вместе с магистром Невиусом. Этот господин тоже входил в круг людей, приближённых к наследнику. Поэтому, приезжему доктору было

интересно пообщаться с учёным человеком, и он сделал всё возможное, чтобы оказаться с последним в одной карете, сев как раз напротив его. Кроме них, в экипаже устроились два бакалавра, которые перевозили упакованные в мешки книги из личной библиотеки герцога. Это был подарок Альбрехта ко дню рождения Академии.

Глядя, с какими предосторожностями перевозятся драгоценные фолианты, магистр не преминул заметить:

– Всю жизнь его светлость относится к Академии, как к собственному ребёнку... Как любящий отец, да хранит его Господь и Пресвятая дева Мария... Уж сколько он передал в собственность Университета книг, сколько учебников напечатал на свои средства...

Магистр поведал доктору о том, что герцог с момента основания Университета стал приглашать в Кёнигсберг учёных людей в качестве педагогов. Студентом же этого учебного заведения мог стать не только сын богатого бюргера, но и отпрыск любого простолюдина, если у такового обнаруживался дар к учению.

– Да-да, и не смотрите так недоверчиво, господин врач! Это у вас в Кракове или в Болонье такое может только присниться, а наш герцог заявил, что образование должно быть доступно даже детям бедных крестьян! Если те являются коренными пруссами и у них имеются способности, то могут получить бесплатное образование в Университете, при условии, что впоследствии будут служить в герцогстве, каждый в своей должности...

Волькенштайн внимательно слушал магистра и всё больше убеждался, что со стороны сего увлечённого наукой человека ничего вредного наследнику грозить не может.

Между тем, Невиус упомянул и о том, что университетской профессуре даны невиданные доныне привилегии: их освободили от уплаты налогов, однако, дозволили при этом заниматься пивоварением и рыболовством в Прегеле.

– Да что я вам рассказываю! – магистр порылся в складках мантии и достал свиток. – Пройдут года, потомки про нас и не вспомнят. Но, если сей документ сохранится, то они поймут, что сделал для них этот великий человек! С вашего позволения, любезный доктор, я зачитаю...

«Повелеваю всем и каждому из наших благородных прелатов и господ, представляющих рыцарство, дворянство, общины, города, сельское население и бюргерство и всех остальных наших подданных... чтобы они все вместе, и каждый в отдельности настоятельно и непреклонно оказывали содействие нашему университету и его профессорам, студентам и сотрудникам во всех вопросах и делах, касающихся основ, регалий, привилегий, статутов, юрисдикции, содержания и свобод; избегали любых недоразумений и нанесения ущерба, не создавали препятствий Университету сами и не позволяли того никому другому. А в случае необходимости все без исключения, кто бы то ни был, помогали защищать и охранять его интересы, во избежание сурового наказания, а именно, штрафа в 100 унций золота, который безо всякой пощады должен будет уплатить каждый, кто совершит деяние, причиняющее вред Университету. Писано в замке Кёнигсберг месяца апреля восемнадцатого дня, в день Святой Пасхи, в лето 1557 после Рождества Христова. Альбертус»...

Он мог бы ещё много интересного поведать любознательному доктору, приехавшему из Польши, но поездка быстро закончилась: процессия обогнула южную часть Замка, проехала по Альтштадту, переправилась через Лавочный мост на Кнайпхоф и очутилась перед Кафедральным собором. Возле собора прибывшие господа вышли из карет и направились к Университету.

Торжество по случаю двадцатилетия Кёнигсбергской академии началось ровно в десять часов. С праздничной речью выступил ректор Академии Якоб Гурвиц. Произнёс он её

на латыни. Ректор поведал о пути, прошедшем учебным заведением за минувшие двадцать лет, о наиболее выдающихся выпускниках и преподавателях, о щедрой помощи самого основателя Академии, герцога Альбрехта Бранденбургского и его ближайших сподвижников Филиппе Меланхтоне и Андреасе Осияндере, о первом ректоре Академии – Георге Сабинусе (29). Далее в честь важного события состоялось торжественное богослужение в Кафедральном соборе. И без того густонаселённый Кнайпхоф в эти часы был переполнен зеваками, пришедшими сюда и с Ломзе, и с Лёбенихте, и с Закхайма... Впрочем, удовлетворив своё любопытство, люди расходились по своим делам, коих у каждого было немало...

После мессы герцог Альбрехт пригласил всех учёных мужей Университета отобедать с ним в Замке. Доктор Волькенштайн, наблюдая за ним, нашёл, что сегодня герцог выглядел гораздо лучше, чем несколько дней назад, когда они беседовали на берегу Замкового пруда. Лицо его было мужественным и помолодевшим, а взгляд – одухотворённым и искрящимся. На голове – та же широкополая шляпа. По-прежнему мощную фигуру облегал тёмный костюм, прикрытый белым плащом, на который был нашит чёрный «иерусалимский» крест. На широкой груди красовался металлический орденский крест на чёрной ленте. Сбоку – неизменная шпага-фламберг.

Дальнейшие события происходили в зале Московитов Королевского замка. Этот самый большой зал использовался для проведения торжественных мероприятий. К началу обеда он был заставлен массивными столами, покрытыми светлыми ажурными скатертями и расположенными в определённом порядке. Самый большой и роскошный стол – для герцога Альбрехта и близких ему людей. Остальные столы стояли рядами вдоль стен, с небольшими промежутками-проходами для гостей. Посередине нашлось место и для придворных музыкантов.

Доктор Волькенштайн был несколько удивлён, узнав, что и во внутреннем дворе Замка накрыли столы для горожан. «Пусть придут и порадуются вместе с нами, – сказал герцог Альбрехт. – Почтенные бюргеры, – обратился он к жителям Кёнигсберга, – прошу вас отпраздновать двадцатилетие нашей Академии! Все, кто поддерживал и намерен поддерживать наш Университет! Не обессудьте, если будет тесновато, зато вино в подвалах Замка не переведётся никогда! – он рассмеялся. – И помните: *Tarde venientibus ossa!* (30).

Герцог, после посещения Университета и Кафедрального собора, общения с профессурой, магистрами и бакалаврами, выглядел несколько утомлённым. Но, будучи окружён приближёнными, охотно общался со всеми, стараясь не прятать улыбку в усы и бороду.

– Дорогой Томас, – обратился он к Волькенштайну. – Позволь представить тебе моего верного слугу и доброго друга Дитриха Вёллера! А это, благородный Дитрих, мой старый друг и соратник, целитель и мудрец – Томас Волькенштайн!

Этот широкоплечий человек в кожаном колете, застёгнутом на шее, широких штанах и сапогах, ещё носивших следы дальней дороги, резко отличался от других, уже известных доктору Томасу, лиц. На вид ему было лет 35. Серые глаза, умный, пронизательный взгляд. Густые брови, усы и небольшая светлая бородка... Доктор, взглядевшись в черты его лица, сразу отметил твёрдость характера и бесстрашие представленного ему господина. И ещё он заметил висевшую на боку у Дитриха Вёллера длинную шпагу с узорчатой гардой и дагу (31) с длинным прямым клинком.

– Он – тоже врач, – с улыбкой продолжил герцог, пока представленные господа церемонно кланялись друг другу. – И также – путешественник. Но, скажем иначе:

Privatissime (32) – выполняя мои личные поручения. А сейчас он прибыл из Московии! Представляешь: страна некогда диких славян превратилась в великую державу!

– Вот как? – удивился доктор Томас и вновь поклонился Дитриху Вёллеру.

– Да, дружище. Ты знаешь, этой весной у московского государя Ивана заработал печатный станок! Царь любезно одарил меня несколькими первыми книгами, напечатанными на Руси! Немного позже я покажу тебе «Апостол»! Изумительная по красоте книга!

– Но она не сравнится ни с одной из вашей Серебряной библиотеки, – скромно заметил Вёллер.

– Конечно, – согласился герцог. – Над некоторыми моими книгами поработали знатные ювелиры, мастера по серебру, а над иными – нюрнбергские мастера по золоту... Позже я покажу тебе, дружище Томас, эту сокровищницу. Серебряная библиотека находится у моей дорогой супруги Анны Марии в Нойхаузене... Что ж, – добавил он после некоторой паузы. – Царь Иван затеял войну с Ливонией. Приятно, что при этом он не забывает своих давних друзей...

– Ваша светлость, кушанья поданы! – объявил сенешаль Герман Пронас, худощавый мужчина высокого роста, облачённый в соответствующий для торжественного обряда костюм.

Изысканный пир продолжался уже более двух часов. К этому времени запахи яств и вин перемешались, создав в огромном зале благостную атмосферу. Так же смешались и звуки: голоса людей, звон серебряной посуды и кубков, музыка придворных виртуозов... Герцог Альбрехт захмелел, раскраснелся, но умело руководил праздничным застольем, не давая людям погружаться в глубокие раздумья, а тем более – грустить.

Сенешал с достоинством выполнял свою работу: на столе у герцога одно яство сменялось другим, после кабана и зайчатины настал черёд жареных гусей, за ними последовали сельдь и треска, а также прегельский угорь, сом и судак. К ним подавались овощи и фрукты, сыры и каши. Присутствовал на столе и вошедший в повседневный рацион жителей Пруссии картофель, а также бобы.

К мясным и рыбным блюдам господин Пронас подавал приправы в пряном кисло-сладком сочетании. Здесь были уксус и сок незрелых плодов из кёнигсбергских хозяйств, к ним присоединились специи на основе чёрного перца, имбиря и шафрана. Для подслащивания использовался сахар и мёд. От соусов и супов исходил лёгкий запах миндаля.

И, конечно же, большой выбор вин: рейнское, эльзасское, бургундское, ронское, бордоское... Белые, красные и розовые вина, всё, что хранилось в подвалах Королевского замка, было выставлено на столы и пользовалось повышенным вниманием присутствующих.

Герцогине прислуживали камерфрау. Анна Мария Брауншвейгская блистала и за столом. Её волосы были тщательно причесаны и заплетены в тяжелые косы, перевитые цветными лентами и золотыми нитями. Лоб супруги Альбрехта украшал обруч с переливающимися самоцветами. Она с лёгкой, кокетливой улыбкой выслушивала шуточные комплименты и любезности своего пожилого мужа.

Доктора Томаса и Дитриха Вёллера судьба свела за одним столом. Волькенштайн почувствовал к «тайному послу» герцога Альбрехта (как он окрестил загадочного путешественника) если не сиюминутную симпатию, то несомненный интерес.

Пожилой врач специально не стал занимать место рядом с герцогом (хотя тот любезно его пригласил), сославшись на необходимость кое за кем проследить. Альбрехт понимающе кивнул старому другу и полностью переключился на пир.

Находясь немного поодаль от главного действующего лица данного торжества, доктор Томас с удовольствием вкушал подаваемые поварские изыски, оценив высказывание Рабле о том, что аппетит приходит во время еды, и смаковал превосходные вина, отдавая предпочтение розовым. При этом он не забывал посматривать по сторонам и анализировать ситуацию. Первое, что его смутило, это отсутствие наследника, Скалиха и лейб-медика Титиуса. Сразу ёкнуло сердце – Волькенштайн представил себе, как два взрослых человека в тесной и полутёмной комнате долго и настойчиво убеждают беззащитного мальчика в его умственной неполноценности, в то время как его могущественный отец и благородная мать увлечены светским пиром...

– Осиандер? – герцог вёл шумную дискуссию с двумя теологами из Университета. – Да, раньше мы с ним соглашались во всём! – Было заметно, что Альбрехт от души «приложился» к рейнскому. – Но потом он переврал учение Лютера, отчего и стали возникать в нашей Академии разные ложные течения, всё больше удаляясь от истинного...

– Но его учение, ваша светлость... – пытался возразить один из профессоров.

– Его учение о том, что оправдание не есть юридический акт признания Богом несправедного праведным, а должно пониматься как передача внутренней праведности, проистекающей из мистического соединения с Христом? – громогласно провозгласил герцог. Затем внезапно успокоился: – Впрочем, вы – теологи, вам и решать! Спорьте, ибо в споре рождается истина, но не вносите смуту в сердца и умы студентов! *Arbor mala, mala mala!* (33)

– О чём задумались, сударь? – на лице у Вёллера играла дружеская улыбка. – наших профессоров и после кружки альтштадского пива не оторвать от богословских споров. А вот я хочу сегодня наесться, как Гаргантюа!

Доктор Томас улыбнулся в ответ, а его соседа отвлек господин, расположившийся с другой стороны от Вёллера:

– Прошу извинить за вторжение в ваш разговор, любезный Дитрих, но нам хотелось бы узнать, как питаются эти самые... московиты? Говорят, они едят кору с деревьев, как зайцы в окрестностях Кёнигсберга?

– Если вам интересно, то я расскажу, – ответил ему Вёллер. – Но не забывайте, мой дорогой друг, что московиты – это народ, живущий среди настоящего богатства. Их леса полны дичи, а реки и озёра кишат рыбой! В часы застолий они едят много и от души! Случается, что со двора хозяина, угощающего гостей, люди не уходят по нескольку дней! Иногда приходится принимать меры для облегчения... опорожня желудок... прошу прощения, не к столу будь сказано! Но после этого обжорство продолжается вновь! И, заметьте: едят они отнюдь не кору! Баранья голова в чесночном соусе и жареные лебеди – это первое угощение для знатных московитов! Всё, что вы видите на этих блюдах... – он указал пальцем на ломившийся от яств дубовый стол, – их этим не удивишь! Здесь я что-то не вижу осетрины, да и как-то не достаёт мне теперь чёрной и красной икры...

– Вообще, сударь, – Вёллер вновь повернулся к Волькенштайну, – в Московии на большие праздники еду, вина и мёд доставляют обозами, столы же, уставленные серебряной и золотой посудой... нередко ломаются под тяжестью блюд!

– За трапезой, – опять поворот в сторону любопытного господина, – прислуживают по двести – триста человек, а в застолье принимают участие...

– Не надо! – рассмеялся его собеседник, – теперь меня всю жизнь будет преследовать желание побывать на московской пирушке!

– А вы, сударь, наверняка начитались воспоминаний Йозефа Милха, – заметил Вёллер, – раз у вас такие сведения о москвичах. Вы, наверное, думаете, что московский царь – упырь и кровожадный убийца, а его подданные – безропотные рабы?

– В общем, да, – смутился его оппонент.

– И напрасно, – тайный посланец вновь обернулся к доктору Томасу. – А знаете, что я долго держал в тайне своё ремесло... врача?

– Отчего же? – поинтересовался тот.

– Иноземные врачи у русских царей не в почёте. И это обосновано. Дело в том, что отец нынешнего царя, великий князь Василий III погиб при весьма странных обстоятельствах. Лекари Теофил и Николо не смогли спасти князя от ничтожной раны. Считается также, что не без помощи врачей была отравлена и мать нынешнего царя Елена Глинская.

– *Omnia in manus Dei*, (34) – вздохнул Волькенштайн.

– А я воздам должное вот этой лопатке ягнёнка! – провозгласил Вёллер и вонзил двузубую вилку в приличный кусок ароматного мяса, лежащего на блюде. Затем обильно полил его кисло-сладким соусом. – *Carpamus dulcia – nostrum est quod vivis!* (35)

В этот момент закончилась грустная мелодия, которую исполняли музыканты, и началась новая песня. Зазвучала лирическая романеска на слова Зигфрида Хольца. Пел немолодой тенор, которому подыгрывали на флейте и лютне. Но слова вокалиста плохо укладывались в голове старого доктора.

– Позвольте полюбопытствовать, сударь, – обратился он к Вёллеру. – У герцога ведь давние отношения с москвичами?

– Ещё в 1517 году герцог Альбрехт обратился к отцу нынешнего правителя Московии, великому князю Василию III за помощью в войне с польским королем Сигизмундом, и тот прислал ему своё посольство. Герцог принимал москвитов в этом самом зале. Отсюда и его нынешнее название... А *propos*, знаете ли вы, что, возможно, царь Иван и наш герцог принадлежат одному старинному роду?

– Поясните, сударь...

– Московский царь Иван IV ведёт свою родословную от Рюрика... Есть сведения, что и Альбрехт Бранденбургский тоже Рюрикович и это многое объясняет.

Некоторое время оба молчали, слушая пение, которое начал уже хор под сопровождение инструментальной капеллы. Наконец, Волькенштайн поинтересовался:

– Я слышал, что царь Иван Васильевич затеял войну...

– Да, русский царь неглуп. Он понимает, что Руси без моря нельзя. Тем более, он считает, что берега Остзее – это древние славянские земли. Четыре года назад он отвоевал город Нарву и теперь строит там порт, чтобы выйти на морские просторы... Понимаете, что случится, если москвиты получат доступ в наше море?

– У них и у нас откроются новые возможности для торговли...

– Да! И я уже говорил, насколько богата эта страна! Представьте, сударь, мы ведём с москвичами торговлю: поставляем им янтарь, а они нам – пушнину! Куницу, соболя, песца... А мы могли бы торговать этим с Англией, Голландией... Да со всем миром!..

– Но в море сейчас хозяйничают шведы...

– Вы правы. Придётся бороться с пиратами. Но, думаю, со временем, мы приструним и «викингов»...

Томас Волькенштайн обратил внимание на оживлённый разговор проповедника Иоганна Функа со своими приближёнными – Маттиасом Хорстом и Иоганном Шнеллом. Со стороны казалось, что они затевают какой-то заговор – настолько нелепо смотрелась тройца на фоне всеобщего веселья.

– Долго ли вы отсутствовали при дворе герцога? – спросил он у тайного дипломата.

– Четыре года, – ответил тот. – И с грустью нахожу, что многое тут изменилось, причём не в лучшую сторону.

– Я всё больше убеждаюсь в том, что герцогу сегодня нужны не советники, чародеи и астрологи, а... надёжный защитник...

– Вы правы, – тихо произнёс Вёллер. – Приехав сюда, я был счастлив... но и сильно удивлён тем, что он до сих пор жив... Незадолго до моего отъезда на его жизнь уже покушались... Герцога пытались отравить...

– Вот как? Надеюсь, злодея нашли и жестоко наказали?

– Увы... Был использован какой-то необычайно сильный яд, который совсем не ощущался под миндальным соусом... Хвала господу, что герцог рано закончил трапезу, его блюдо, уже убранное со стола, решил попробовать один из юношей, прислуживающий ему... Смерть была мгновенной... С той поры я не прикасаюсь к тем блюдам, которые пахнут миндалём...

Некоторое время доктор Волькенштайн раздумывал, стоит ли ему открыться малознакомому человеку.

– Как вы считаете, сударь, кто взойдёт на престол после смерти герцога?

– Его сын Альфред Фридрих.

– Но его считают слабоумным...

– Тогда, по закону – его супруга.

– А если и она умрёт?

Наступила пауза.

– Вот вы куда клоните, любезный доктор...

Их беседу прервал громкий голос самого герцога:

– Где встречаются два теолога, разговор затевается о Всевышнем, но когда спорят врачи, то никто не сомневается, что их речь – о медицине! Здоровье – бесценный дар, который преподносит человеку Создатель. Разве может без него жизнь оставаться прежней желанной, интересной, счастливой? Поведайте миру, почтенные господа, как лучше избежать болезни? А то ведь мы, грешным делом, хоть и страшимся смерти, но так редко внимаем советам знающих эскулапов!

Его поддержало близкое окружение.

– Вы сказали очень мудрые слова, – ответил герцогу Вёллер. – Как ни странно, о здоровье мы знаем намного меньше, чем о болезнях. Наличие здоровья определить просто, однако, рассказать о нем весьма сложно...

Вы правы в том, что люди легкомысленно растрачивают этот божественный дар, забывая, что потерять здоровье легко, а вернуть его иногда невозможно! Поэтому и выходит, что жизнь дается всем, а старость – только избранным! В первую половину жизни человек обычно приобретает болезни, а во второй – начинает искать способы, как от них избавиться. Здоровье же всегда требует от человека работы и определённых ограничений. Но это единственный способ прибавить не только годы к жизни, но и жизнь к годам.

– Главная причина болезней – зависть, злоба и страх! – среди притихшего зала раздался голос доктора Волькенштайна.

– К тому же, в вашем теле не должно быть ленивых мышц, а каждую свою трапезу мы должны сначала заслужить какой-нибудь работой и усталостью, – вторил ему Вёллер.

– А что нам делать в случае мигрени после столь обильного застолья? – произнёс Функ, проглотив кусок баранины и запив его рейнским.

– А вам, сударь, я советую... от мигрени... поставить свою кровать изголовьем на север и покидать её не к обеду, как вы привыкли, а с первыми петухами!

Веселье в зале возобновилось. Кубки начали наполняться, послышались шутки и смех.

– У вас отличная шпага, – тихо заметил Вёллер. – Насколько хорошо вы владеете ею? Доктор Томас не смог скрыть улыбки:

– К моим услугам были великолепные итальянские мастера фехтования... И большая практика на дорогах Европы!

– Тогда я за вас спокоен, – улыбнулся в ответ загадочный собеседник.

Праздничный пир закончился. До ночи слуги убрали столы, развозили подвыпивших господ по домам, иных укладывали в свободные комнаты. Двор тоже привели в порядок. Оттуда ещё засветло «попросили» празднующих бургеров, и те не стали артачиться, благо, попотчевалось за счёт герцога превеликое множество горожан.

Когда всё начало стихать и погружаться в глубокий сон, доктор Томас удобно расположился в своей комнате. Он сделал несколько записей в потайной свиток, который спрятал, как ему казалось, в самое надёжное место – в полое основание массивного подсвечника. И теперь, несмотря на позднее время и обильную еду, ему не спалось и хотелось заняться составлением гороскопа – натальной астрологической карты на герцогиню Анну Марию Брауншвейгскую, супругу Альбрехта.

Собираясь с мыслями, Волькенштайн выглянул в окно. Ночь зажгла яркие звёзды над Кёнигсбергом. Казалось, что они дразнят и манят его к себе, в тёмное, загадочное и бескрайнее небо. Луна прищуренным оком безмолвно следила за доктором. «Прекрасная пора, август...» – вздохнул Волькенштайн.

Вдруг, порыв свежего воздуха ворвался в его окно. Затрепетало пламя свечи, и доктор понял: это отворилась входная дверь. И тотчас что-то мягко упало на пол. Отпрянув от окна, Томас быстро проследовал к двери, приоткрыл её и прислушался. Далеко, в тиши Замка эхом разносились чьи-то торопливые шаги...

На полу лежал крохотный свиток, перетянутый тонким шнуром. Развернув его, Томас подошёл поближе к свече. «Вас ждут во внутреннем дворе Замка поблизости от дома Конвента. Не поднимайте шума и ничего не бойтесь. На все Ваши вопросы будет дан ответ.

Мастер языка».

Чувство беспокойства вновь захлестнуло душу доктора. Но, на раздумья времени не было. Если это друг, то он ответит на все вопросы Волькенштайна, а их накопилось немало. Но если писал враг, то доктор всегда готов дать достойный отпор: его рука тверда, а умение пожилого врача фехтовать испытало на себе множество бретёров, дуэлянтов и разбойников, чьи тела остались лежать на пыльных дорогах и мостовых разных городов беспокойной Европы.

Он подпоясался широким ремнём, проверил, легко ли выходит шпага из ножен и поспешил к лестнице, ведущей во внутренний двор. Ночная прохлада освежила его голову. Доктор прислушался и осмотрелся. Яркая луна и несколько горящих факелов хоть с трудом, но всё же освещали внутреннее пространство Двора. Когда-то здесь проходили рыцарские

турниры, за которыми наблюдали зрители с деревянных галерей, расположенных по периметру. В дальнем конце Двора располагался древний колодец, выкопанный ещё первыми строителями Замка. Рядом с ним – дом Конвента. Это строение, как узнал Волькенштайн, собирались сносить. Но, пока оно стояло, хоть и в заметно обветшавшем виде. В нём ютились слуги, работающие на кухне, строители и прочая челядь.

Где он, этот таинственный Мастер языка? Надо же, придумать такое прозвище...

Внезапно, волна страха буквально с головой накрыла доктора. Волькенштайн ещё ничего не увидел и не услышал, а его рука молниеносно выхватила шпагу! И тут из черноты ночи возникло чьё-то мертвенно бледное лицо, приобретшее в свете луны неестественный восковой оттенок. Томас попытался сделать разящий выпад, поскольку был уверен, что перед ним враг!

«Иш-ш-шь... ты...» – только и услышал он чьё-то шипение. И в ответ сверкнул другой клинок...

Острая боль пронзила грудь Томаса Волькенштайна. Холодная сталь с хрустом вошла в тело доктора, поразив его в самое сердце.

«Звёзды... – порванной струной зазвучала его последняя мысль, – я иду к вам...»

«...Это не мыши скребутся в ночной тиши. Это роет подземные ходы Зверь. Он умело прячется в мрачной глубине подземелий, поджидая свою добычу. Сколько людей бесследно исчезли в его логове, и сколько исчезнут ещё, не знает никто...»

Глава 5. Тайная дипломатия на службе герцога Альбрехта

Тело несчастного доктора обнаружили в Прегеле только через день. Оно запуталось в рыбацких сетях. Наткнувшись на такую ужасную находку, выдавший виды рыбак был поражён и сильно испуган. Труп Волькенштайна был изуродован до неузнаваемости и распотрошён, как будто внутри него разорвалось пушечное ядро: большинство органов были повреждены, а сердце попросту отсутствовало. К тому же и речные обитатели не преминули заглянуть на угощение...

За день до этого весь Королевский замок буквально сбился с ног в поисках старого друга герцога Альбрехта. По приказу бургомистров были подняты все силы Альтштадта, Лёбенихте и Кнайпхофа, задействованные для поддержания порядка в этих городах. И вот, менее чем в пятистах рутах (36) от Кнайпхофа, ниже по течению, была обнаружена страшная находка...

– Это он, ваша светлость, – голос Дитриха Вёллера был глух и печален. – Я узнал его по небольшому серебряному перстню на мизинце.

– Перстень? Я его раньше как-то не замечал... – герцог тяжело опустился на стул. Лицо правителя было мертвенно-бледным, лишь вокруг глаз обозначились тёмные круги – следствие бессонницы. – Ты не ошибся, друг мой? – с надеждой переспросил он.

– Я запомнил этот перстень во время праздничного пира. Он действительно малозаметен, но именно такой был на мизинце доктора Томаса. К тому же лицо, хотя оно и изрядно пострадало... В общем, ошибки быть не может, ваша светлость. Кто-то зверски убил вашего друга, и я не думаю, что это – случайность или недоразумение!

– Да, да... – прошептал герцог. – Доктор Волькенштайн по моему поручению расследовал обстоятельства, сопровождающие болезнь моего сына и наследника... Я предупреждал его о необходимости соблюдать осторожность... Пресвятая Дева, у меня под носом затаился враг!..

– Видимо, доктор слишком близко к нему подобрался ...

– Я ещё на пиру чувствовал, что Томас что-то хочет мне сообщить! – с грустью молвил Альбрехт. – Но решил поговорить с ним после праздника...

– Осмелюсь доложить вам, ваша светлость, что в комнате доктора кто-то произвёл настоящий обыск. Видимо, ваш друг вёл какие-то записи или составил гороскоп...

– Проклятие! – в сердцах воскликнул герцог. – Значит, они всё похитили!

Разговор происходил в кабинете Альбрехта, где кроме него самого и тайного посланца в московские земли больше никого не было. Солнце покинуло восточную часть Замка, откатившись по небосводу к его южной стороне. В кабинете стало сумрачно, но никто не торопился зажигать свечи. На столе перед Альбрехтом стоял графин с красным вином. В полутьме оно казалось кровью. Герцог наполнил серебряные кубки.

– Выпей со мною, мой друг. Ты даже не представляешь, сколь тяжела моя утрата...

– Позвольте, ваша светлость, я сам расследую обстоятельства гибели Томаса Волькенштайна... А также продолжу то дело, которое вы ему поручили.

Герцог молча влил содержимое своего кубка в рот, вытер губы и произнёс:

– Я бы не хотел потерять и тебя, мой друг... Дело оказалось гораздо опаснее, чем я предполагал...

– Я буду очень осторожен, ваша светлость. Бороться с опасностями – моё ремесло.

– Что ж, – герцог поднял голову и пристально взглянул в глаза путешественника. – Ты показал себя прекрасным воином и отличным дипломатом. Документы, которые ты привёз, мы ещё будем изучать и подготовим ответ русскому царю. На это уйдёт время. А ты пока отдыхай, но если сам желаешь... то я не могу отказать тебе в подобной просьбе...

– Мне понадобится охранная грамота от вас, ваша светлость – промолвил Вёллер. – Я не хочу, чтобы мне строили козни и препятствия в ходе расследования. Пусть люди, знают, что я действую по вашему прямому указанию...

– Ты получишь её, дружище. Чего ты хочешь ещё?

– Во-первых, я должен тщательно осмотреть покои доктора Волькенштайна. Возможно, убийцы не нашли то, что искали...

– ...Зато отыщешь ты? Пусть будет так. Какую ещё помощь ты ждёшь от меня, мой друг?

– Пусть ваши советники не мешают мне...

– Никто не будет знать об этом деле, если ты так хочешь. Но я бы на твоём месте обратился за советом к Паулю. Я выдал Скалиху полторы тысячи флоринов на магические опыты. Он умеет общаться с духами умерших людей и, возможно, сам Томас Волькенштайн назовёт ему имя своего убийцы.

– Именно этого я желал бы менее всего, – ответил Вёллер и учтиво поклонился герцогу.

– Ступай, дружище. Иди и делай своё дело. А я стану молиться за тебя...

– Действовать будем, как всегда, вместе, брат мой Симеон, – обратился к высокому, худощавому, но жилистому мужчине лет тридцати Дитрих Вёллер, войдя в свои покои. – Мы с тобой распутали множество загадок. Надеюсь, с Божьей помощью, справимся и с этой. Не

забывай, что для посторонних глаз, ты – мой слуга. И когда я буду подниматься в господские покои, ты станешь общаться со слугами. Они зачастую знают гораздо больше своих хозяев.

– Ты как будто знал, что твой приезд на родину будет сопровождаться очередным расследованием, – ответил Симеон, заправляя рубаху в узкие штаны. Проклятие, что за ужасная мода! Срам один! То ли дело наши казацкие шаровары...

– Боюсь, ты никогда не привыкнешь к европейскому... стилю жизни, – усмехнулся Вёллер. – Герцог дал согласие на мою просьбу. Итак, тебе есть что доложить?

Поверх сорочки Симеон надел короткий польский жупан, на голову он водрузил венгерскую шапку магерку. Сапоги и висящий на боку палаш с серебряной чеканной рукоятью в обтянутых алым бархатом ножнах делали его похожим на обедневшего польского шляхтича.

– Вхожу в роль, герр доктор, – Симеон почтительно поклонился Вёллеру. – Я тщательно обследовал Внутренний двор Замка и поговорил с прислугой. – Тут он понизил голос. – Похоже, что нашего доктора убили здесь. Пойдёмте во Двор, тут совсем рядом с домом Конвента...

Они вышли из комнаты...

Семён Жменя был донским казаком. Стриженным «под горшок» восемнадцатилетним паренёком он оказался в казацком войске, под предводительством Сусара Фёдорова, и в 1552 году принял участие в осаде и взятии Казани.

– Кто это у тебя так лихо беседует с пленным татаринном? – как-то поинтересовался у Фёдорова князь Михаил Воротынский.

– Мой казачок Сенька Жменя. Толковый и остроглазый выросток, а языки схватывает, как заправский толмач! И в бою не промах – в седле и с саблей с десяти лет! Да и страху не ведаёт: участвовал в подкопе городской стены, куда мы зелье закладывали!..

– Славно, – почесал бороду Воротынский. – Государю такие хлопцы потребны. Я доложу о нём...

И оказался Семён Жменя на службе в Посольском приказе, коим руководил тогда думный дьяк Иван Висковатый. Сие учреждение ведало переговорами с другими державами. Иван Михайлович довольно быстро «прибрал к рукам» всю дипломатическую кухню и сыскную деятельность. Государь Иван Васильевич высоко ценил выведенные сведения, получаемые в Посольской канцелярии, и благоволил к её служащим.

К герцогу Альбрехту московский царь, затеявший войну с Ливонией за выход к Варяжскому морю, питал если не родственные, то достаточно уважительные чувства. Послы от герцога приносили ему подчас жизненно важные сведения. Таким посланником оказался и Дитрих Вёллер.

Герцог Альбрехт вёл с московским царём переговоры втайне от своего суверена – польского короля Сигизмунда. Он полагал, что московский царь поспособствует ему, наконец, добиться для Пруссии независимости от Кракова. А царь Иван питал надежды на помощь Альбрехта в ливонской войне.

Провожая посла в обратный путь, царь приставил к нему телохранителя. Самому же Семёну Иван Грозный дал такой наказ:

– Ты, Сенька, стереги немца пуще живота своего. Я считаю, что герцог Альбрехт долго будет нашим другом и то, что я задумал на морских берегах, он, герцог, с Божьей помощью, поддержит. Лучше свою голову сложи, но посла от напасти убереги! А находясь в землях польских и немецких, всё что выведаешь – мотай на ус! Уразумел?..

И отправился Семён с немецким врачом-посланником в дальний путь. Тяжёл и опасен был поход, но и сам Вёллер был мастером клинка, да и донской казак свято исполнял свой долг. Несмотря на различные приключения и стычки с лихими людьми, до Кёнигсберга они добрались благополучно.

При этом оба посланника считали себя по чинам равней. Со временем между ними наладились приятельские, даже дружеские отношения. Они словно заключили негласное соглашение: не лезть друг другу в душу, уважать чужие традиции и обычаи, помогать спутнику в тяжёлую минуту. Не стало препятствием и различное вероисповедание. Ведь вера в Спасителя помогает каждому человеку найти лучшее в себе, считали друзья.

Тайный посланник – должность щекотливая... Иногда Вёллеру, в зависимости от ситуации, приходилось играть разные роли – от путешествующего врача, до странствующего рыцаря. В таких случаях Семён, ставший Симеоном, брал на себя обязанности его помощника или слуги. Он даже, скрепя сердце, побрил щеки на французский манер: сделал из своей густой темной бороды – тонкую изящную бородку. Так же, в походный сундук до лучших времен отправилась шапка с клобуком и казацкий суконный чекмень.

– Вот следы от сдвинутых столов и лавок, герр доктор, – еле слышно произнёс Симеон. – Они были убраны вечером в день празднования. И всё же, поверх этих вмятин кое где я заметил запёкшуюся кровь... Хотя, праздник прошёл без кровопролития. Оно произошло позже – ночью... А теперь, подойдите к стене... Обратите внимание... Вы видите, куда брызнула кровь?

– Похоже, именно здесь и был нанесён роковой удар...

– Да, и тот, кто его получил, упал вот сюда!

В густо растущей траве у самого основания стены они обнаружили другие бурые пятна.

– Но крови натекло совсем немного...

– Его подняли и понесли! Заметьте, доктор, не потащили, а понесли! Одиночные капли крови я обнаружил во Дворе и догадался, куда первоначально спрятали тело.

– Это башня Лиделау!

– А тот, кто нёс тело, вероятно, сильно испачкался... Как вы думаете, сударь, не следует ли нам прямо сейчас заглянуть в эту башню?

– Заглянем, дружище Симеон, обязательно заглянем. Но прежде нам надо выяснить, что за люди сюда приходят... Ведь это не совсем обычная башня... Давай-ка, возвращайся к себе и жди меня там. А я загляну в покои доктора Волькенштайна и попытаюсь отыскать что-нибудь, что должно было остаться после беглого обыска...

– Чем же она необычна, эта башня?

– Видишь ли, брат мой, эта древняя башня названа в честь фогта (37) Дитриха Лиделау... Он был жестокий человек, к тому же – судья.

– Понимаю... Кто в чин вошёл лисой, тот в чине будет волком!

– Эта башня считается самым страшным местом в Кёнигсберге. В ней находился пыточный подвал и подземная тюрьма... Из которой не возвращался никто.

– Подземная тюрьма? Стало быть, из этой башни есть выход в подземелье...

– Именно так, дружище Симеон. В одной из подвальных камер злодеи зачем-то изуродовали тело доктора, а затем вытащили его через один из ходов и бросили в реку.

– Кто же они, эти нелюди? – в сердцах произнёс казак.

– Думаю, мы это скоро узнаем...

Симеон недоверчиво посмотрел на высокую башню, хранящую в себе мрачные тайны.

– Знаешь, дружище, сегодня мне приснился странный сон, – молвил Вёллер, оглядывая каменную кладку старой крепостной стены. – Я не хотел тебе об этом рассказывать...

– Я не мастер разгадывать сны, но иногда в них звучат явные призывы к действию.

– Так вот. Приснился мне доктор Томас. Мне кажется, он хотел приоткрыть тайну своей смерти...

Казак молча слушал, посматривая на ворона, усевшегося на край стены и высматривающего, не осталось ли чего съестного на территории Замкового двора.

– Он произнёс странную фразу... «Чтобы мрак рассеялся... нужно взять в руку свечу», – вот, что он сказал.

– И всё?

– К сожалению, всё... Понимаю, что этого мало, чтобы сделать какие-то выводы... Но в этом определённо что-то есть...

– Так и сделаем. Запасёмся свечами... По-моему, он предупреждает, что нам придётся плутать во тьме...

– Ты прав, дружище. У меня теперь не выходит из головы эта чёртова башня Лиделау!

Поднявшись наверх, доктор Вёллер обратил внимание на царившую в Замке суету. Чуть позже он узнал, что герцог решил отправиться в свою резиденцию в Тапиау и слуги спешно готовились к отъезду.

По приказу Альбрехта обстановка в комнате Томаса Волькенштайна осталась нетронутой. Сквозь приоткрытое окно робкий свет проникал в осиротевшее жилище. На полу валялись подушки и одеяло, стоящий у изголовья кровати дорожный сундук доктора был открыт, все вещи из него были выброшены и валялись тут же. Было очевидно, что убийцы искали записи врача-хироманта.

«А заметки, без сомнения, велись, – подумал Вёллер. – Перо и чернильница стоят на столе... Догадался ли несчастный доктор спрятать свои бумаги? Или он унёс их с собой на ночное свидание?»

Беглый осмотр не дал никаких результатов. Казалось, что тут и прятать-то негде. Обстановка последней обители лекаря-путешественника была на удивление бедна. Если что-то важное находилось в постели, то она выпотрошена. Если в сундуке, то и его содержимое вытряхнуто...

«Подскажи, дружище, – мысленно обратился Вёллер к старому врачу. – Куда ты подевал свои записи. Ведь ты же вёл их... Неужели они действительно похищены?»

Взгляд Дитриха привлек массивный стол. Он стоял на четырёх ножках, вырезанных в виде львиных лап. Похоже, его не сдвигали... Тайный посланник герцога заглянул под крышку стола, постучал по ножкам... «Думаю, никакого тайника тут не было предусмотрено... А вот такой же весьма габаритный подсвечник... Доктор Томас, конечно, пользовался им, когда надо было поработать ночами. Если была необходимость пройтись по Замку, для этого имелся маленький подсвечник с одной свечкой. А этот, напоминающий перевёрнутый вазон, в который вставлены целых пять свечей, наверное, весьма увесист».

Вёллер ещё раз осмотрелся. Да, воистину, спартанское жилище. На столе ещё стоял серебряный кубок и кувшин с вином. Но кубок был пуст, а содержимое кувшина было выплеснуто на пол...

Врач взгляделся в медную поверхность массивного подсвечника. Отчего-то захотелось поднять его и подержать в руках... К удивлению, светильник оказался гораздо легче, чем он ожидал. Рука словно по волшебству скользнула под декоративное основание, и пальцы нащупали что-то жёсткое...

«...нужно взять в руки свечу!» – вдруг вспыхнули в мозгу слова несчастного Волькенштайна.

Вёллер заглянул внутрь подставки. Она укреплялась двумя полосками из меди, соединёнными крест-накрест. А вот за ними... Минутой позже Дитрих извлёк из недр подсвечника тугой свиток, перетянутый тесьмой, и развернул его...

– Пресвятая Дева! – воскликнул обрадованный дипломат. – Это же и есть записи Волькенштайна!

Спрятав драгоценную находку в складках своей одежды, Вёллер вышел из комнаты покойного доктора. «Мы отомстим за тебя, друг!» – мысленно произнёс он.

В этот момент раскрылась дверь кабинета герцога Альбрехта. Оттуда вышел слуга, вынося пустые кувшины из-под вина.

– Рейнского в карету! – послышался зычный голос самого герцога.

Вёллер направился к Альбрехту в надежде получить обещанную охранную грамоту.

– Это ты? – герцог был уже изрядно пьян. – Вот, дружище, документ, который ты просил. Он откроет тебе все двери в Пруссии... Держи меня в курсе дел. Я буду у себя в Тапиау. Воспользуйся поддержкой Скалиха...

– Благодарю вас, ваша светлость!

– Бедный доктор! – воскликнул Симеон и истово перекрестился. – У нас на Руси, чего греха таить, тоже случаются подобные зверства, но здесь, под боком у великого герцога! В этом уютном уголке Европы!..

– Зло не признаёт никаких границ, дружище Симеон, и проникает в самые заповедные уголки нашего мира, – изрёк Вёллер. – Сейчас, как мы видим из записей доктора Томаса, этого весьма пронизательного человека, оно свило гнездо в непосредственной близости от герцога и его семьи...

Дипломаты сидели в тесной каморке Северного крыла Замка, выделенной под временное жилище казака Семёна Жмени, чей истинный статус держался в секрете для дворцовой челяди. За окном сгустились сумерки, в разрывах облаков виднелись россыпи звёзд. Издалека доносилось уханье филина. На небольшом столике горела свеча, бросая робкий свет на лица собеседников.

Вёллер молча наполнил кубки вином из глиняного кувшина.

– Помянем старого хироманта. Он вручил нам нити для дальнейшего расследования.

Они осушили кубки и немного помолчали.

– Коль Бог души не вынет, то сама она не выйдет... – задумчиво произнёс Симеон. – А мог ли доктор предвидеть для себя такой исход?

– Не думаю... Ведь ему было уже немало лет. В таком возрасте естественная смерть – вполне закономерный итог...

– И всё же... Что заставило его выйти во Внутренний двор?

– Я не думаю, чтобы он решил совершить прогулку перед сном... Видимо, его каким-то образом выманили.

Симеон поднялся из-за стола и подошёл к узенькому окошку. Постоял, вслушиваясь в ночную тишину.

– Так завтра мы едем в Нойхаузен?

– Да, мой друг. Тем более, есть отличный повод: меня пригласили ознакомиться с Серебряной библиотекой. Необходимо собрать как можно больше сведений об окружении герцогини. Говоря нашим, дипломатическим языком, по всему видно, что готовится какой-то заговор... Узнав его цель и выявив главных зачинщиков, мы, возможно, спасём Анну Марию и... наследника.

– Выезжаем на рассвете?

– Да, ещё есть время отдохнуть. Я попробую подобрать ключики к ларцу по имени Анна Мария...

– А я займусь фрейлинами и слугами...

Вдруг Симеон, вглядывающийся в ночную темень, резко взмахнул рукой. В тот же миг Вёллер задул свечу и подскочил к окну.

Там, во Внутреннем дворе послышался посторонний звук, напоминающий шелест одежды. Если бы кто-то чихнул, это не вызвало бы столь резкой реакции двух, привыкших к опасностям, друзей. Но от этого неотчётливого, почти неслышного шуршания исходила настолько зловещая сила, что поневоле заставила насторожиться выдавших виды путешественников. Затем раздалось приглушённое звяканье ключей и скрип отворяемой двери. В густой тьме вспыхнул огонёк факела. Стало ясно: кто-то собирался проникнуть в башню Лиделау. Дверь раскрылась, расширяя проход. Две или три фигуры в серых одеждах прошмыгнули внутрь.

«... Если бы замок Нойхаузен внезапно оказался охвачен огнём, первое, что стали бы спасать его обитатели, это – бесценную Серебряную библиотеку. Коллекция принадлежала супруге герцога Альбрехта Анне Марии и насчитывала два десятка книг по богословию. Часть её составляли сочинения Мартина Лютера. Переплёты семнадцати книг были отделаны серебряными пластинами с витиеватой гравировкой и украшены серебряными застежками и петлями. Три тома были оправлены золотом.

Но когда этих великих творений касались руки мошенников, убийц и предателей, их блестящая поверхность отчего-то не чернела...»

Глава 6. Тайная дипломатия в райском уголке

Семён Жменя не терял надежды, что когда-нибудь вернётся к себе на Дон. Да, предстоит долгая и нелёгкая служба в Посольском приказе, будут ответственные и рискованные поручения, но потом... Поэтому и снились ему такие сны: шорохи и запахи ночного куреня, родная степь, плеск полноводной реки... Этой ночью он вновь купал коня. Сам как будто опять стал мальчишкой, а конь – это его Каштан, верный друг в сегодняшней беспокойной жизни. Реку и её берега, словно мохнатой буркой, покрыл густой туман, который поглотил все посторонние звуки. Только откуда-то издали слышался жалобный скрип колодезного журавля...

Ранним утром 20 августа 1564 года из Замоквых ворот Кёнигсберга выехал всадник. Чёрный дорожный берет, широкий плащ, накинутый поверх кожаного колета, высокие сапоги, вооружение, состоящее из шпаги и даги, всё свидетельствовало о том, что путник

собрался в дальний и опасный поход. Во всяком случае, если даже путь и был близким, то к возможным неприятностям всадник подготовился тщательно. Весь его вид говорил о том, что становиться на пути этого человека было, по меньшей мере, безрассудно.

В эту пору улицы Кёнигсберга уже проснулись, народ потянулся в Альтштадт, к торговым рядам, к разгружающимся судам. Задымили пекарни и кузницы, звон подков и грохот колёс всё настойчивее врывается в окна горожан.

Едва всадник пересёк Замоктовую слободу и углубился в трущобы Росгартена, со стороны Замка вслед ему огромной серой крысой метнулся человек, одетый под цвет этого животного и даже копирующий его повадки. Описать этого торопящегося пешехода было сложно – он тщательно скрывал своё лицо от посторонних... Единственное, что сразу же бросалось в глаза – уродливый горб на его спине. Человек действительно чрезвычайно спешил, но одновременно старался не привлекать к себе лишнего внимания. Он вошёл в неказистый домишко, какими была застроена Замоктовая слобода. Через пару минут из ворот стоящего рядом дома выехал другой всадник, который сразу направил своего коня следом за первым. При этом преследователь выглядел словно монах: длинный плащ и капюшон, скрывающий лицо практически до подбородка... Только священником он, разумеется, не был – сноровка и выправка выдавали в нём умелого наездника, а притороченный к седлу арбалет мало напоминал Псалтырь.

Минутой позже следом за «странным монахом» в том же направлении неспешно выехал третий всадник. Любопытный прохожий, взглянув на него, сразу бы подумал: это – польский шляхтич... А если и не шляхтич, то, по всей видимости, доверенное лицо некоего важного господина. Он ехал, широко улыбаясь и приветливо кивая встречным молодым, и казался вполне беспечным, словно совершал увеселительную прогулку. Особи женского пола не могли не отметить его красивое мужественное лицо и обольстительный взгляд. Но, удивительное дело: те, кто оборачивался вслед проехавшему молодцу, спустя всего несколько мгновений, уже не могли его разглядеть – тот непостижимым образом растворялся среди спешащих по делам людей, густой листвы деревьев, за уступами домов и в узких переулочках.

Через некоторое время первый господин достиг окрестностей замка Нойхаузен, о чём свидетельствовал виднеющийся в пятистах рутах впереди орденский Мельничный дом со стройной кирпичной стеной. Всадник спешил, оставил коня щипать сочную траву близ ручья, а сам удобно расположился в тени роскошного дуба. Второй, так похожий на монаха, следовал за данным господином вплоть до его остановки. Некоторое время он, спрятавшись за деревьями, наблюдал за ним. Наконец, убедившись, что тот намерен посетить Нойхаузен, как только немного отдохнёт, повернул своего коня обратно.

Третий же всадник, издали заслышав его приближение, быстро и бесшумно укрылся в придорожном кустарнике. «Странный монах», между тем, погнав коня к Кёнигсбергу, не остановился возле дома, из которого выехал утром, а повернул в сторону Трагхайма. Его конечной целью был роскошный особняк на берегу Замоктового пруда. «Польский шляхтич» отследил этот маршрут до самого конца, при этом умудряясь оставаться незамеченным, после чего повернул коня в сторону Нойхаузена, где через час встретился с первым господином.

– Итак, слежка за мной всё же велась... – то ли спросил, то ли сделал вывод Вёллер, когда Симеон слез с коня и повёл его к ручью.

– Как говаривали в Риме: *Caveant consules* (38), – ответил казак, утирая пот с лица. И делано-озабоченно: – Пока некоторые наслаждаются красотами природы, другие выслеживают злодея...

– Не томи душу, дружище, – улыбнулся «герр доктор» и участливо похлопал по плечу товарища. – Рассказывай, что видел!

– Когда есть пиво, приходят и гости, – промолвил Симеон. – Да, слезка велась.

Он наклонился к ручью и сделал несколько жадных глотков. Затем зачерпнул воды и омыл ею лицо и шею. – Помнишь ли, братишка (иногда он употреблял в беседе с Вёллером казацкие выражения, к которым тот давно уже привык), роскошный дом, на который ты давеча обратил моё внимание?

– В районе Трагхайма? Резиденция Скалиха?

– Верно, как сто гадалок нашептало! Проследив твой путь, шпион помчался докладывать своему покровителю. А коль тот обитает в доме Скалиха, то отсюда можно сделать вывод...

– ...Всё-таки Скалих, – выдохнул Вёллер.

– Очень похоже на это... Но не будем торопиться. В нашем Кодексе дипломата есть замечательная фраза: «Если среди тысячи доводов есть хотя бы один сомнительный, проверь его, прежде чем переходить к действиям»...

– Непременно проверим, дружище. Для этого мы и прибыли в Нойхаузен. Впрочем, нас ждут... Надо торопиться. Действуем, как ранее договорились.

Спустя минуту, два друга были уже на конях и следовали к замку.

Вытянутый прямоугольник замка Нойхаузен был форпостом, охраняющим Кёнигсберг с северо-восточной стороны. Находился он от Королевского замка на расстоянии более одной прусской мили (39). Строение было возведено в 1295-1297 годах и впоследствии не раз укреплялось и перестраивалось. На первый взгляд размеры замка не впечатляли: крылья строений имели длину: западное и восточное – около ста локтей, а южное и северное – сто пятьдесят (40). Всё сооружение было обнесено мощными стенами, а широкий ров наполнялся водой из Мельничной речки с запада и одноимённого ручья с востока. Ниже по течению река и ручей сливались, образуя Мельничный пруд. Замок с недавних пор перестал быть мощным оборонительным сооружением и теперь использовался как летняя резиденция герцога Альбрехта. Здесь, среди болот и густых лесов была прекрасная охота на зверя и птицу.

В настоящее время замок Нойхаузен принадлежал супруге герцога Анне Марии Брауншвейгской. Здесь она жила со своим сыном и наследником Альбрехтом Фридрихом в окружении фрейлин, наставников и учителей принца. Она была рада каждому гостю, пытавшемуся скрасить ее уединение. Приближение дипломатов было своевременно замечено на сторожевой башне. Приветливо затрубили трубы. По спущенному мосту друзья проехали на территорию Замка. Встретивший их слуга, поклонившись, сказал, что герцогиня готова принять «желанного гостя». Другой слуга повёл коней путников в конюшни, расположенные в северном крыле Замка. Семён последовал за ним.

Конюшня, в которую отвели коней прибывших господ, входила в замковый комплекс и выглядела, скорее, как неприступный бастион. Была она выстроена из крупных природных камней и покрыта черепичной крышей. Мощные стены и узкие окна-бойницы, навевали мысль о том, что, при случае, даже горстка вооружённых людей довольно долго смогла бы

держат здесь оборону. Более мирный вид сооружению придавали снующие под ногами куры. Рядом с конюшней были расположены кладовые, кухня и пивоварня.

Внутри вольеров томилось с десятков лошадей. Здесь было прохладно, пахло сеном, конским потом и навозом, который работники конюшни сгребали в кучу и грузили на телегу. Рой мух кружился над этим «богатством».

– Пусть пан гусар не беспокоится, – объявил пожилой, большеносый конюх казаку, когда тот прижал голову своего Каштана к лицу и по привычке шепнул ему на ухо заветное слово. – У нас отличный овёс и свежая вода. Ваш скакун будет доволен... Право слово, какой красавец! – добавил он, снимая уздечку.

– А с чего ты, братец, взял, что я – польский гусар? – поинтересовался Семён.

– Да повидал я вашего брата, – с улыбкой ответил словоохотливый конюх. – На вас польская одежда и по виду вы – браваый кавалерист. Но, поскольку вы сопровождаете господина Вёллера, а он, насколько я знаю, дипломат, то гусарскую службу вы оставили. Возможно, по ранению!

– Однако, остёр у тебя глаз, дружище!

– Когда служишь важным господам, пан гусар, то поневоле должен всё замечать! Вот вы – вроде бы и при дворе, и по виду шляхтич, но сердце у вас настолько же доброе, насколько и благородное. Для многих дворян конь – существо низкое, животное, одним словом. А для вас он – первейший друг!

– Всё верно... Он не раз спасал меня в бою.

– Да что там, по отношению человека к животному можно многое сказать о его хозяине! Иной пнёт во дворе собаку, хлестнёт «для порядка» лошадь.... Такому и слугу пришибить – раз плюнуть!

– Да ты, брат, философ!

– Служба наша такая, ответственная, – важно ответил конюх, проверяя подковы на копытах Каштана. – Расчешем гриву и хвост, и будет ваш боевой друг в полном порядке!

– Что ж, прими, приятель, монету за хорошую службу и за столь зоркий глаз!

– Что вы, пан гусар! Клянусь кровью Господа нашего! Это же золотой гульден!

– А я тебя ещё кое о чём попрошу...

– Слушаю вас внимательно, пан...

– Я действительно сопровождаю доктора Вёллера в целях его безопасности... Дело в том, что герр доктор долго отсутствовал в здешних краях. А за это время много что переменялось...

– Да, это верно...

– Меняются господа – меняются лошади...

– И это верно, сударь. Что же вы хотите узнать?

– Каких перемен следует опасаться доктору? Как ты считаешь, полагаясь на свой острый глаз и опыт?

– Сударь, я назову имя одного человека, с которым и вам, и самому доктору нужно держаться настороже! – конюх вмиг как бы сделался меньше в размерах. Он съёжился и осмотрелся по сторонам.

– Эй, Густав, – приказал он своему помощнику, парнишке лет тринадцати. – Возьми ведра и наполни бочку водой!

Дождавшись, пока малый уйдёт, конюх тихо прошептал:

– Пан гусар, остерегайтесь князя Скалу! Как только он объявился во дворе его светлости герцога Альбрехта, так и начались неприятности... Маттиус фон Тротт... в этом стойле он оставлял своего коня, Йозеф Гиммерлинк...

– Кто они?

– Это были советники герцога. Но, князь... По крайней мере, так говорят, и я этим слухам верю... Он избавился от них, заменив своими людьми. А эти люди, Зоннерлихт и Шваубе... Вы слышали о них?

– Нет, мы с доктором приехали совсем недавно...

– Теперь они стали советниками герцога. Это – плохие люди. Как и сам Скалих... Много про них сказывают дурного, но я не стану повторять чужие байки... Так вот, Зоннерлихт при мне истязал своего коня! Он бил его плетью по морде! А Шваубе стоял и поторапливал: «Скорее, Генрих, твоя скотина уже получила то, что заслужила, а нас ждёт князь!» И я был не в силах заступиться за бедное животное. Иначе могли и меня так же...

– Значит, Скалих меняет по своему усмотрению советников герцога?

– Да, а на их место ставит своих людей! Слуги, пан гусар, прекрасно слышат, о чём говорят их хозяева...

– Господа, позвольте представить вам Дитриха Вёллера, врача, дипломата и, насколько я могу догадываться, большого любителя приключений, – с улыбкой объявила герцогиня окружающим её придворным: фрейлинам, магистру Функу, его супруге и помощникам, лейб-медику Титиусу, Якобу фон Шверину и другим лицам, находящимся при дворе Анны Марии Брауншвейгской. – Герр Вёллер – друг и советник моего супруга, герцога Альбрехта и, насколько мне известно, московского царя Ивана IV. Он приехал, чтобы увидеть нашу Серебряную библиотеку и рассказать о нравах и обычаях при дворе московского государя.

– Сердечно приветствую вас, ваша светлость, – с глубоким поклоном ответил Вёллер, сняв свой берет. При этом он отметил, что обычные правила этикета, имеющие место при высоких дворах, тут не всегда соблюдаются. Герцогиня радушно принимает тех гостей, кто ей интересен, не взирая на титулы и звания. – Я также приветствую всех присутствующих здесь господ. И весьма охотно расскажу вам об обычаях и нравах, царящих в далёкой Московии, а кому интересно – и о политических интригах, творящихся при дворе царя Иоанна. К тому же, смею напомнить, что я был и остаюсь врачом и, если кто-то нуждается в моих услугах, то с удовольствием их окажу.

Среди присутствующих возникло оживление. Новый гость обещал необыкновенное развлечение, по которым здесь давно соскучились.

– Надеюсь, что и Вы введёте меня в курс тех событий, которые произошли у вас... то есть, при дворе герцога, пока я отсутствовал, выполняя его поручение, – добавил Вёллер и опять почтительно поклонился.

После непродолжительного обеда, завершившегося небольшой прогулкой возле Замка и посещением местного зверинца, где животные обитали в огромном загоне, не в клетках, а практически на воле, герцогиня ознакомила Вёллера с Серебряной библиотекой.

– *Macte!* – воскликнул дипломат. – Всё имеющее цену – ничтожно, поскольку истинное богатство – бесценно! Воистину, только драгоценные мысли достойны того, чтобы храниться в не менее драгоценной оправе!

Затем герцогиня показала «интересному гостю» внутреннее убранство Нойхаузена. В основном, потолки замковых помещений имели крестовые своды. Впрочем, кое-где

сохранились цилиндрические и даже звёздчатые формы, как в местных кирхах. Они укреплялись центральными опорами – восьмиугольными колоннами с фигурными консолями, украшенными ажурным орнаментом. Каменный пол, высокие стены и арочные конструкции создавали необыкновенный акустический эффект, при котором звуки могли «повисать» на долгое время. А бестелесное эхо звучало, кажется, отовсюду и ниоткуда. Попутно Анна Мария рассказала о недавно сооружённых порталах и показала Вёллеру удивительно красивые каминные.

«Очаровательная затворница», как окрестил про себя Анну Марию дипломат, рассудительно говорила и чрезвычайно внимательно слушала. Ей очень нравились рассказы путешественника об обычаях москвитов.

– Герцог передал мне привезённые вами подарки от царя Ивана – чудную соболью шубу и шапку... Вижу, вы немало способствуете укреплению торговых связей между нашим герцогством и Московией?

– Конечно, ваша светлость. Правда, развитию торговли мешает война, которую Московия ведёт с Ливонским орденом. Но я надеюсь, что царь Иоанн сумеет закрепиться на побережье Остзее и тогда, благодаря морской торговле, наши страны начнут процветать! Случись это, пушнина: соболя, норка и песец буду прибывать в Кёнигсберг не только обозами, а между Нарвой и Пиллау откроется прямое сообщение по морю...

В этот момент к группе сопровождающих герцогиню и дипломата лиц присоединился «красавец-кавалергард», вызвавший восхищённые улыбки среди фрейлин, да и самой Анны Марии.

– Позвольте представить вам, ваша светлость, Симеона Жменю. Он – доверенное лицо московского государя Иоанна. Если у герцога не будет к нему поручений, то он на днях отправится обратно!

Внимательный, чуть насмешливый взгляд герцогини на рослого, симпатичного, но довольно просто одетого путешественника...

– Будьте поблизости, сударь. И впредь не теряйтесь... – она улыбнулась уголками губ.

На некоторое время процессия остановилась у картины, украшающей один из залов южного крыла Замка. На ней был изображён опоясанный мечом рыцарь в сфероконическом шлеме с подшлемником и кольчуге с длинными рукавами. В правой руке рыцарь держал короткое копьё, а в левой – щит «норманнской» формы и «иерусалимским» крестом на белом фоне. На ногах – кольчужные чулки и башмаки с подвязанными остроконечными шпорами. Поверх доспехов на рыцаре был надет белый орденский кафтан, украшенный на груди большим золотым крестом с чёрной каймой, а плечи защищены щитками.

– Это Великий комтур Тевтонского ордена Рюдигер фон Эльнер (41), – пояснила герцогиня.

В следующем помещении висели картины и гобелены, изображавшие различные сцены из королевской охоты.

– Герцог по-прежнему увлекается охотой? – попытался «перейти к делу» Вёллер. – Я заметил, что он несколько изменился за последнее время...

– Да, – вздохнула Анна Мария. – И это касается не только охоты. Мой супруг неуклонно отходит от дел. В силу возраста и... определённых обстоятельств. Но очень хорошо, что ему есть на кого опереться. Ведь у него толковые советники и верные друзья, среди которых – князь Скала.

– Я слышал, это – весьма образованный и компетентный человек... – Вёллер покосился в сторону подошедшего магистра Функа.

– Вы правы. В восемнадцать лет князь Скала, или, как мы его именуем здесь, граф фон Хун, уже был доктором теологии в Болонье, а в двадцать – перебрался в Рим, где вышел победителем из учёного спора с иезуитами.

– Представьте, – добавил Функ. – Он разгромил своих оппонентов в присутствии Игнатиуса Лойолы (42). А через год стал придворным капелланом императора Фердинанда I.

– А герцог, – опять обречённо вздохнула Анна Мария, – увы, мой друг... бывший Великий Магистр Тевтонского ордена в последнее время все чаще стал общаться с призраками. И неизвестно, к чему бы это привело, если б не князь Скала. Кроме того, что он теолог, он ещё считается и опытным медиумом. Князь сочинил для герцога специальную молитву, содержание которой уместилось на пяти листах пергамента... К тому же, очень помогли Альбрехту обряды с помощью двенадцати серебряных монет и магического кольца. Хотя, странные, каббалистические знаки, непонятные надписи на древнееврейском, разделённые крестами, по-моему, всё это плохо вяжется со святой молитвой и причастием... я уже не говорю о спиритических сеансах...

– Уверяю вас, герцогиня, что кабалистика – наука весьма благородная и высокая; она ведёт людей по удобной дороге к познанию самых глубоких истин... – почтенно склонил голову Вёллер.

– Ваша светлость, извольте отведать мозельского, – провозгласил церемониймейстер.

– Пойдёмте к столу, господа, – пригласила всех Анна Мария.

Так продолжался день. Вёллер вполне освоился в окружающей обстановке и, пользуясь тем, что герцогиня была полностью удовлетворена в своих расспросах о Московии, смог прогуливаться по Замку самостоятельно. Ему не терпелось повидать наследника, которого, как он подозревал, окружающие тщательно прятали. Незаметно проследив за капелланом Функом, дипломат проследовал в западное крыло замка, где в одной из комнат, окна которой выходили в поле, находился сын герцога Альбрехта. Чуть приоткрыв дверь, дипломат и путешественник услышал голос мальчика:

– Магистр Функ, – спрашивал наследник герцога у своего наставника. – Для чего вы учите меня Святому писанию, рассказываете про походы Александра Македонского и подвиги Геракла, о мудрости Аристотеля и Сократа? Так ли это необходимо слабоумному человеку?

Дипломат отметил про себя, что сказано всё было на латыни. Вёллер осторожно прикрыл дверь и направился в гостиную. Неожиданно, на пути ему встретилась супруга Функа. Он знал, что эта госпожа является дочерью знаменитого Андреаса Осиандера. Учтиво поклонившись, он собирался пройти мимо, но она обратилась к нему с просьбой:

– Простите, сударь. Вы ведь врач...

– Да, сударыня. И буду рад вам помочь ...

– Наши доктора заподозрили у меня чахотку...

– Назовите симптомы вашего заболевания, сударыня.

– Одышка... кашель, слабость и ночные поты... Иногда мне кажется, что это старость подкралась ко мне, хотя я ещё довольно молода... Можете ли вы посоветовать мне что-либо более действенное, чем кровопускания и клистиры?

– Конечно, сударыня. Я дам вам добрый совет. Вам кажется, что вы быстро стареете? Это оттого что часто смотрите в зеркало. Да-да... Сделайте так: вынесите из покоев зеркала, через которые по ночам к нам проникают и чёрные силы.

– Неужели? – всплеснула руками дама.

– Но это ещё не всё. От одышки, кашля и слабости помогает свежий воздух, доброе расположение духа и покой. Кроме прочего, настоятельно рекомендую задувать горящую свечу по десять раз утром и вечером... Я бы вам порекомендовал смазывать виски камфорным маслом и заваривать грудные сборы, принимать топленое нутряное сало с молоком. Вместо воды пейте отвар из овса и отрубей. В Московии их час запаривают, потом отжимают, процеживают и пьют по пять глотков утром и вечером. Можно добавлять в отвар мёд и гвоздику...

– Да поможет вам Пресвятая дева Мария! – обрадовано воскликнула дама. – Вы подарили мне надежду на выздоровление!

– А Скалих? – спросил Вёллер. – Разве его сеансы не оказывают целебное воздействие?

– Ох, любезный доктор. Его спиритические опыты не оправдали моих ожиданий. Да и сам он, скажу по секрету, весьма неоднозначная личность. Появился неизвестно откуда, вокруг него – постоянные сплетни и интриги... Недаром, нашлись люди, которые возмутились таким его... поведением. Недавно прусский дворянин Альбрехт Трухзесс фон Ветцхаузен, заявил, что слышал в Вене о том, будто Скалих бесовски присвоил себе высокий титул...

– И что же? – удивился Вёллер. – Кто-нибудь оспорил это заявление?

– Да, был суд. Скалих требовал доказательств и Трухзесс фон Ветцхаузен обещал их предъявить. Ему был предоставлен год на их сбор.

– Интересно! Продолжайте, сударыня.

– Так вот. Есть сведения, что фон Ветцхаузен собрал чуть ли не повозку документов и отправил их на рассмотрение. Но сам задержался, и вовремя прибыть в Кёнигсберг не успел. По каким причинам он опоздал, держится в секрете... Но Анна Мария и герцог Альбрехт объявили отсутствующего на суде Трухзесса фон Ветцхаузена виновным в клевете. Его приговорили к вечному молчанию и уплате судебных издержек.

Дама вполголоса поведала Вёллеру, что в качестве компенсации за моральный ущерб Скалих получил от Альбрехта разрешение на безопасный проезд по всему герцогству. Но это ещё не всё! Герцог потребовал от других недовольных дворян прекратить всяческие тяжбы против Скалиха. При этом он называл молодого человека «любимым другом», «родственником», «советником» и даже «сыном»! А все действия, направленные против Скалиха, обещал рассматривать как мятеж против собственной персоны! С соответствующими выводами, вплоть до казни. Ну, а Скалих получил право мстить всякому, кто усомнится в его происхождении!

– Спасибо, сударыня, следуйте моим назначениям, и обязательно поправитесь, уверяю вас. Если желаете, то я сам приготовлю для вас лечебные отвары...

У западного крыла замка в зарослях сирени одиноко стояла небольшая беседка. Она была увита плющом и оставалась скрытой от глаз большинства обитателей. Здесь, уже вечером, между фрейлиной герцогини и бравым «польским гусаром» происходил следующий разговор.

– У вас такое звучное имя – Си-ме-он... И – красивое...

– Симеон, сударыня, – имя благочестивых. Оно более подходит к праведникам, монахам или... епископам. Я же – воин!

– Вы – благочестивый воин! – барышня хихикнула, и тут же смутилась. – Вы, говорите, что приехали из далёкой Московии... Но прекрасно говорите по-немецки... Возможно, знаете греческий и латынь?

– Долгое время я служил при дворе нашего государя Ивана Васильевича в Приказе, ведающем дипломатическими сношениями. Усиленно изучал языки. Понимаю немецкий, французский, польский и латынь. Много упражнялся с разговорах с доктором Вёллером...

– Так вы в услужении доктора... герр Симеон?

– Нет, сударыня, я служу только своему государю. К доктору я приставлен с целью его безопасности, поскольку он – лицо дипломатическое и действует в интересах как герцогства Пруссия, так и государства Московского.

– Так вы – дворянин? Я затрудняюсь в выборе дистанции в отношениях с вами...

– Гм, вы можете смело довериться мне, сударыня. Мой титул скромн, но те, кто его носит, заслуживают доверия самого государя.

– А какой у вас титул? Виконт? Барон?.. Или, может быть, князь? – она лукаво улыбулась.

– Милая фрейлина, князь – это, конечно, слишком... Однако и виконты с баронами – это так себе, мелочь. Мой титул – казак.

Фрейлина сделала большие глаза:

– Казак? Как мило это звучит! Ка-зак... Пожалуй, лучше, чем «баронет».

– Что вы, гораздо лучше.

– Возьмите меня за руку... Так, только не сжимайте очень сильно...

– Это страсть, сударыня... Не могу сдержаться...

– Ну, что вы... Расскажите лучше о дамах, которые находятся при дворе вашего государя... Они очень красивы?

– Да, сударыня. Красивее русской женщины никого нет... Правда, и здесь, в Пруссии, как вижу, с красотой дам всё в порядке... И я, глядя на вас, хочу заметить, что красота весьма удачно сочетается с... утончённостью...

– Ах, сударь... Вы мне льстите, и я подозреваю, что неспроста...

– Милая фрейлина. Пусть я и провел полжизни в седле, но, узрев распутившейся цветок с капельками росы на таких нежных и... манящих лепестках, вижу в нём величайшее божье творение, а не просто красивую былинку...

– Ах, сударь, вы так красиво говорите, что у любой девушки от подобных слов просто тает сердце...

– Так, может...

– Ах, сударь, отодвиньтесь немного в сторонку. Мужчины так ловко умеют вскружить голову молоденьким девушкам... У вас в Московии, наверное, все благородные кавалеры на это – великие мастера?

– А у вас? Вон, как герр Скалих вьётся вокруг герцогини... И то сказать, грех ли это, ведь её супруг – довольно стар...

– Скалих? Он... очень любезен, но в отношении того, чтобы дать женщине желаемого... увы... – она кокетливо опустила глазки.

– Да что вы говорите? Вот уж никогда бы не подумал... А какой красавец... Такому подобрать ключик к сердцу герцогини...

– Даже не думайте, сударь. Он равнодушен к дамам.

– Но он не похож ни на скопца, ни на...

– Он – ни то, ни другое, – она коснулась ладошкой губ казака, призывая того к молчанию. – Мы с фрейлинами много говорили о нём... Он ни к кому из нашего женского общества не имеет ни малейшего расположения. Хотя, уместно шутит, улыбается, даже, порой, заигрывает...

– Ну, вот видите...

– Что вы, герр казак... Вы бы хоть раз заглянули в его глаза – они пустые. В них нет огня страсти... Вот ваш взгляд, он настолько горяч, что я чувствую его жар на расстоянии!

– Так уменьшите же это расстояние, милая фрейлина, и пусть вам станет ещё жарче!

– Постойте, сударь... Не стоит так спешить...

– Но нас никто не видит...

– Вы пользуетесь своим влиянием на нас, скромных девушек, фрейлин герцогини... Вы, наверное, думаете, что все мы так легкомысленны...

– Рядом с вами я не могу думать ни о чём другом, только о вас...

– У вас такое мужественное лицо, герр Симеон. Вы так горячи, так... неистовы, как...

– ...как любой живой человек, сидящий вблизи с такой утончённой красавицей, с такой нимфой...

– Вот именно, что живой. А вот Скалих...

– И чего же в нём не хватает?

– Не знаю... Души или сердца... Порою, он напоминает мне куклу... Говорящую куклу. А вот вы... Совсем другое дело... Я... Ой, герр казак...

– Простите, милая фрейлина. Мои губы просто хотели что-то сказать вашим губам...

– Они поняли это...

– Смею ли я надеяться...

– Не спешите, сударь...

– Не спешить? Скоро заканчивается моя служба при герре Веллере, и я отправлюсь домой. В Московию.

– Скоро? – чуть не плача, воскликнула она.

– Я бы хотел, чтобы вы отправились вместе со мной, сударыня. Подарите мне надежду! Согласны ли вы пуститься в столь дальний путь с мужчиной, носящим титул «казак»?

– С вами, – чуть дыша, ответила она, – хоть на край света, хоть в самую преисподнюю, хоть... в вашу Московию...

«...В замке Нойхаузен по ночам поднят мост через ров, зато открыты окна. Свежий воздух несёт в себе целебные флюиды: ощущается аромат летних трав с окрестных полей и слышатся крики ночных птиц. Однако уханье филина не страшит, поскольку лес довольно далеко от замка.

Но иногда в полночь зловещий крик ночного хищника раздаётся совсем рядом...

Во внутреннем дворе Замка...»

Глава 7. Чертовщина в окрестностях Нойхаузена

На самом краю леса, в зарослях ольхи и густого орешника, стараясь оставаться незамеченным со стороны замка Нойхаузен, уже несколько часов стоял странный человек.

Он был укутан в тёмно-зелёное покрывало из дешёвой шерсти и практически сливался с листвой деревьев. Его безволосую голову и лицо скрывал капюшон, а прищуренные глаза были устремлены в сторону Мельничного пруда. Отсюда было удобно наблюдать за путниками, выезжавшими из замка Нойхаузен. Единственная дорога, ведущая от речки-рва в сторону Кёнигсберга, проходила в нескольких шагах от человека, следящего за замком.

Дозорный совершал на удивление мало движений. Казалось, его совсем не донимали комары. Рядышком прошмыгнул крупный заяц, над самой головой захлопал крыльями потревоженный белками глухарь, а этот человек даже не шелохнулся. Могло создаться впечатление, что он неживой, настолько неестественной казалась его малоподвижность. Но, блестящие в лучах восходящего солнца глаза, время от времени все же моргали. Лёгкий утренний ветерок шевельнул зелёную, кое-где украшенную жемчужными каплями листву и ниточка паутины коснулась его сухих и узких губ, но он не обратил на это никакого внимания.

Но, вот человек словно очнулся. Его тело несколько подалось вперёд, а губы растянулись в улыбке, более похожей на оскал, выставив напоказ кривые желтые зубы. Со стороны замка послышался цокот конских копыт. Вскоре из-за кустарника, росшего по краям речки и пруда, появилась фигура всадника. Он ехал не спеша, пустив коня мелкой рысцей. Убедившись, что беспечного путника никто не сопровождает, наблюдавший за ним человек повернулся к лесу и издал звук, напоминающий уханье филина. В ответ ему раздался подобный крик. Бросив хищный взгляд на дорогу и неспешно приближающегося всадника, «наблюдатель» шагнул за ближайшее дерево и словно растворился в лесной чаще.

Доктор Вёллер лишь с виду выглядел беспечным. Сам он прекрасно понимал, что на обратном пути в Кёнигсберг его вполне может подстеречь серьёзная опасность. Поэтому оружие держал наготове и в любой момент мог дать молниеносный отпор. К тому же, следом за ним с интервалом всего в минуту выехал его друг и соратник Симеон Жменя. Утро было прохладным, чувствовалось приближение осени. Доктор любил это время года. Оно его успокаивало и, будь сейчас менее тревожная обстановка, непременно навяло бы умиротворение, лёгкую, добрую грусть и желание поразмышлять о чём-то далёком и прекрасном. Ситуация при дворе Альбрехта прояснялась. Пользуясь покровительством престарелого герцога, молодой авантюрист Скалих постепенно приблизился к правителю и, видимо, собирался стать его преемником.

Ещё позавчера дипломат случайно услышал фразу, мимолётно брошенную Скалихом Функу:

– Есть люди-собаки... я же, как кошка...

– Прошу прощения?... – сделал непонимающее лицо магистр, а Вёллер напряг слух.

– Первые преданы своему хозяину и благодетелю бескорыстно, а я – по трезвому расчёту... Слабоумный наследник не может быть полноценным правителем. А как поступает гончар с неудачным горшком? Правильно, разбивает... и лепит вместо него новый... Моя забота – найти достойную замену герцогу!

Дальнейшее расследование показало, что это были не пустые слова – Скалих собирался стать регентом при наследнике трона! Что в этом случае ждёт герцогиню Анну Марию? Томас Волькенштайн уже дал ответ на этот вопрос – она умрёт. А что ждёт наследника? Если он заявит о себе как самостоятельный, сильный и здравомыслящий человек, его, несомненно, ожидает та же участь. Но, пока мальчика считают неизлечимо больным и слабоумным, у него есть шанс выжить. Похоже, сам Альбрехт Фридрих осознаёт это и принимает навязанные ему правила игры. Хотя, делает это через силу...

Умный человек должен понимать больше, чем сказано. Итак, двор герцога Альбрехта переполнен заговорщиками, во главе которых стоит, несомненно, Пауль Скалих. Все они ждут скорой кончины своего повелителя... и тогда произойдёт захват власти! Как часто созревшие плоды обламывают ветви дерева, отдавшего им все свои соки...

Анна Мария... Слишком мало внимания она уделяет своему сыну, слишком быстро поверила в его помешательство... Возможно, её устраивает такое положение дел? А вдруг между Скалихом и нею существует тайная связь... Но оба не дают ни малейшего повода для сплетен, иначе это может стоить им очень дорого...

Функ... С одной стороны, он как бы выполняет указания всемогущего фаворита герцога, внушая наследнику мысль о его слабоумии, пробуждая в мальчике чувство неуверенности, беспомощности и страха... А если подобным образом он старается спасти принца? Ведь пока тот считается слабым претендентом на власть в герцогстве, ему ничего не угрожает...

Но Скалих... Хорош гусь! Как ловко он провёл герцога! А тот ведь и впрямь души не чает в своём «верном советнике», «любимом друге» и «сыне»!

Ладно, Скалих присвоил себе титул... Но знания, какими он блистал в Болонье и при дворе Фердинанда II! А обаяние и ум, которыми он сумел ослепить старого герцога и его супругу! Неужели всё это – красочные маски хитрого, коварного и жестокого существа? Слишком много необычного для обыкновенного человека...

Дорога сворачивала в лес. Света в нём меньше, глаза могут не заметить притаившегося врага, если тот будет одет в одежду соответствующих тонов. Конь всхрапнул и мотнул головой. «Спокойно, дружок, – мысленно сказал ему Вёллер. – Я тебя понял. Умница, Гракх!». Едва заметным движением дипломат вынул дагу и обнажил свою шпагу.

Едва оказавшись под нависшими зелёными кронами, всадник припал к телу коня и резко направил его в сторону. Этот манёвр оказался весьма кстати: над левым плечом прожужжала стрела и вонзилась в ствол сосны, отбив от дерева кусок коры. И тут же из зарослей выпрыгнули люди в серо-зелёных кафтанах, к поводьям потянулись руки, засверкали клинки.

– Я рад вас приветствовать, господа! – вскричал Вёллер и тотчас перехватил дагой летящее в него остриё шпаги. Другой рукой он нанёс разящий удар своим клинком в грудь одному из нападавших. Его Гракх, обученный правилам ведения боя и не раз прошедший подобные испытания, сразил второго неприятеля мощным ударом копыта.

– Смелее, негодяи! – проревел Вёллер, ногами управляя конём и оберегая его от возможных выпадов неприятеля.

Конь и всадник действовали как единое целое. Гракх раздувал ноздри и умело уворачивался от ударов, то и дело пуская в ход ноги и зубы. При этом он умудрялся не спотыкаться о корни сосен, уродливыми змеями пересекающие лесную дорогу. Вёллер крутился в седле, нанося во все стороны молниеносные и точные удары.

– Проклятье, сколько же вас, – пробормотал он, всаживая клинок в шею очередному злодею. Из кустов появлялись всё новые враги.

Это не было похоже на нападение обычных лесных разбойников. Те неохотно прибегают к помощи оружия. Зачастую, продемонстрировав своё численное преимущество и решительность, они предлагают освободить одежду от кошельков, снять с себя драгоценности и поделиться самым ценным, что есть в поклаже. Эти же люди выглядели наёмными убийцами. Никто из них не проронил ни слова, хотя и без того становилось ясно: они будут убивать!

И вдруг раздался лихой казачий посвист и крик:

– Э-ге-ге! Держись, братишка!

Полной неожиданностью для злодеев оказалось появление бравого казака в самый разгар сражения. Первым ударом палаша Симеон раскрыл голову разбойнику, натягивающему тетиву арбалета. Вторым – отхватил руку другому нападавшему. Его Каштан, почуяв настоящую битву, превратился в неистового зверя.

Через несколько минут лесная дорога, взрытая копытами скакунов, покрылась шевелящимися телами: у некоторых были сломаны кости, другие получили более серьезные раны.

– Ты вовремя, дружище! – крикнул товарищу Вёллер. – Эти негодяи чересчур упорны и... удивительно живучи!

Действительно, несмотря на решительный отпор, разбойники, как у них обычно принято, не побежали, не укрылись в зарослях, а продолжали наседавать. Но, что ещё удивительней, пытались остервенело сражаться даже те, кто получил, казалось бы, смертельное ранение! Мало того, даже человек с отрубленной кистью вновь намеревался нанести укол, держа шпагу в уцелевшей руке!

– Дьявол! – воскликнул Вёллер. Он привстал в стременах, и в этот момент остриё шпаги одного из злодеев вспороло ему седло. Доктор ответил ему коротким и точным ударом.

Симеон обратил внимание, что один из нападавших ползёт к арбалету. Это был тот самый человек, который несколько минут назад играл роль неподвижной статуи, наблюдавшей за замком. Он уже получил два довольно опасных ранения: из правого бока сочилась кровь, а рассечённая на спине одежда носила след от удара палаша. Однако его рука упорно тянулась к деревянному ложу смертоносного оружия.

– Прости меня, господи, – прошептал казак и обрушил клинок на голову разбойника.

Вёллер отметил, что нападавшие дрались как-то странно. Они подскакивали, наносили быстрый удар и отбегали в сторону, часто лишь мешая друг другу. Никто из них не блистал бретёрским искусством. К такой тактике можно было легко приспособиться...

– Кажется, всё? – спросил доктор, оглянувшись по сторонам. – Ты не ранен?

– Я цел, слава Богу.

Убедившись, что новой волны нападения не последует, Вёллер слез с коня, вытер лицо от пота, поблагодарил своего Гракха за неоценимую помощь в бою и воздал хвалу Небесам.

– Ох, как не нравится мне всё это, – процедил сквозь зубы Симеон, кивая в сторону шевелящегося человека с глубокой раной на шее. Тот пытался подняться на ноги. В руке у него была зажата шпага.

Казак подскочил к лесному разбойнику и одним ударом снёс тому голову.

– Действительно, чертовщина, – подтвердил Вёллер, заметив движение с другой стороны. – Уж не замешано ли здесь колдовство? – Он пронзил шпагой тело очередного нападающего, отметив при этом, что у того уже есть одна рана, как раз там, где должно находиться сердце!

Остальные злодеи неподвижно валялись на земле. Причём, лежали они как-то странно: в скрюченных позах. Да и крови из ран натекло на удивление мало... Казалось, что все они живы, просто чего-то выжидают...

– У нас на Дону, – промолвил Симеон, тяжело дыша, – есть небольшой хуторок. Называется оно Крутой Яр. Я, помню, мальчонкой ещё... рассказы тамошних стариков о

злых людях, с которыми станичники по мере сил боролись... Было это много лет назад... Похожая складывается картина. Те тоже росточком не удались, но были на удивление живучи... Умертвить их можно было, отделив голову от туловища. А потом голову нужно непременно обо что-то разможжить...

Вёллер перекрестился и прочитал молитву. Казак хмуро поглядывал то на него, то на шестерых лежащих врагов, ожидая, что они вновь начнут «оживать». Затем достал нательный крест и поцеловал его...

– Давай-ка, сначала оттащим их в лес, – наконец, сказал доктор. – Скоро потянутся люди в Кёнигсберг и обратно...

– Да, дорогу надо освободить... Но тишина-то какая... – заметил Симеон, с тревогой наблюдая за телами поверженных врагов.

Из глубины леса доносился стук дятла.

Дипломаты оттащили неподвижные тела в лесную чащу. Тут, в тёмном и тихом хвойном пространстве обнаружились овражки, густо поросшие ёлками и невысокими черничными кустами. На дне ям скопилась дождевая вода, а по краям каменными истуканами стояли гранитные глыбы разных размеров.

– Хорошее место для погоста, – скорбно проронил казак.

Они молча и деловито приступили к неприятной процедуре, постоянно прислушиваясь к звукам, доносящимся со стороны дороги.

Пока ничего подозрительного слышно не было.

– Гляди-ка, дружище Симеон, – Вёллер протянул казаку кинжал, который достал из лохмотьев одного нападавшего. Рукоятка клинка была пристегнута цепочкой к ремню. Чтобы освободить кинжал, ремень пришлось перерезать.

Холодная отполированная сталь тускло светилась перед глазами Жмени. Тот взял в руки клинок, рассматривая его. Внимание казака привлекли четыре зазубрины, сделанные, несомненно, мастером, изготовителем оружия. Зубцы начинались в дюйме от рукоятки, были они разных размеров и находились друг от друга на неодинаковом расстоянии.

– Что бы это могло значить? – пожал плечами Симеон.

– Видимо, у этого кинжала двойное предназначение, – пояснил Вёллер. – А, поскольку, он был почти прикован к телу, значит, им сильно дорожили...

– Тут какая-то надпись... – Жменя прищурился. – Похоже на латынь...

– Дай-ка, дружище, – Вёллер взял в руки клинок и прочёл: – *«Magna vi et animiet diabolicaignis! Aeternitatis gloriam»* (43)... Ничего не понимаю!

– Ничего, даст Бог, разберёмся, – ответил Жменя, швыряя тело последнего разбойника в вырытую яму.

– Пожалуй, сохраню его, как военный трофей, – пробормотал Вёллер, засовывая кинжал за голенище своего сапога.

Спустя некоторое время, «герр доктор» и «польский гусар» привели себя в порядок и тронулись в путь. Они долго ехали молча, иногда осеняя себя крестным знаменем и бормоча про себя слова молитвы.

– И всё-таки, брат мой Симеон, тут не обошлось без колдовства, – наконец, проронил Вёллер. – Я впервые видел, как отделённая от тела голова плевалась и пыталась что-то сказать... Я подозревал, что Скалиху помогает кто-то могучий, например, зять герцога Альбрехта маркграф Георг Фридрих фон Бранденбург Ансбах... или же герцог Мекленбургский Иоганн Альбрехт I... Но, похоже, на стороне самозванца более серьёзные силы... Сам Дьявол!

Казак молчал, зорко осматриваясь по сторонам...

– Самое скверное, – продолжал размышлять вслух озадаченный доктор, – что герцогу об этом прямо не скажешь. Он очарован этим чудовищем... Я даже склонен предполагать, что он уже изменил своё завещание...

– Надо добывать доказательства, – ответил Симеон.

– И ехать с ними в Краков... Надо собирать ландтаг (44), если сам Альбрехт не в силах противостоять Скалиху. Но у того – множество противников, которые поддержат меня. Самое главное – устранить этого выскочку-авантюриста!

– Ты собираешься действовать в одиночку? Тогда я не верю в успех твоего мероприятия...

– Я не смею тебя удерживать, а тем более рисковать твоей жизнью... Ты видишь сам, насколько здесь опасно, дружище.

– Господь дал нам волю принимать решения, поэтому я сам предлагаю тебе свою помощь. По сути – это исполнение приказа государя. Хотя я и сопровождал тебя к самому герцогу Альбрехту, но останусь ещё на некоторое время здесь, чтобы убедиться, что с тобой ничего дурного не случилось.

– Спасибо, друг... Я не ждал другого ответа... Но, как нам быть со Скалихом? Обвинить его в колдовстве и чернокнижии? Или в том, что он незаконно присвоил себе титул и собирается стать регентом при слабоумном наследнике? И для того, и для другого потребуются веские доказательства.

– Их можно собрать. Здесь. Достаточно проследить за всезнающим выскочкой, перехватить его письма, допросить тех, с кем он тесно общается...

«...Время, словно море. В иной день оно ласковой кошкой, тихо мурлыча, трётся о наши ноги, то вдруг принимается бурлить и бушевать, выбрасывая корабли на рифы и скалы... К сожалению, время нельзя накопить, сохранить и заготовить впрок. Его можно лишь обменять – на знания или опыт, деньги или власть. Когда человек ценит то, что имеет, а не живет в поиске идеалов, тогда он и становится по-настоящему счастливым мореплавателем. Но, многие не видят своего счастья, даже глядя ему в глаза...

...Время – виртуозный дирижёр. Повинуясь взмахам его невидимых рук, в нашей судьбе, как и в окружающей природе, постоянно происходят перемены. Чередуются времена года, деревья сбрасывают листву, а затем одеваются ею вновь. Старое умирает, уступая дорогу новому. И это прекрасно, когда всё обновляется и продолжает жить...

Гораздо хуже, если люди превращаются в нелюдей, а нежить принимает человеческий облик...»

Глава 8. Сбор гостей на дьявольскую мессу

– Вы, герр барон, не доверяете придворным врачам? – спросил Вёллер, входя в высокий холл и осматриваясь. Худощавый слуга, впустивший доктора, отошёл к стене, ожидая приказов своего господина. На улице было достаточно светло, здесь же, в доме высокого вельможи, царил полумрак.

На стенах висели охотничьи трофеи – волчьи шкуры, олени и лосиные рога, кабаньи головы. Между ними было аккуратно развешено оружие – алебарды, мечи, боевые топоры и кинжалы. Такой набор свидетельствовал об основных жизненных предпочтениях хозяина.

В глубине помещения, весело потрескивая берёзовыми дровами, горел камин.

– Да, – ответил Отто фон Трейт. – Вы знаете, дружище, что лейб-медики всё больше ударяются в алхимию, гороскопы и спиритизм. Так вот, если мне понадобится выбрать между медициной и спиритическими сеансами, я предпочту первое... Прошу вас, – военный комендант Королевского замка сделал жест, приглашающий гостя подойти ближе к камину и сесть за стоящий рядом стол.

Вёллер ещё раз огляделся: просторное помещение с высоким сводчатым потолком, и практически пустое. Отсветы огня камина, поблёскивали на развешенном оружии и доспехах, кабаньи и волчьи клыки обречённо белели в мёртвых пастях.

– Игнациус, – приказал слуге барон. – Вина – мне и доктору! И неси утку, если она уже готова!

Тот исчез, и врач остался наедине с пациентом.

– Помнится, – задумчиво продолжил старый вояка, – прежде вы умело лечили. Не прислушаться к вашим советам, было равнозначно выбору смерти... Так происходило до тех пор, пока герцог не сделал вас своим доверенным лицом в тайной дипломатии... Смее надеяться, что ваше блестящее искусство не растерялось по дорогам Европы, а напротив, заиграло новыми гранями, – он усмехнулся. – Садитесь же, доктор!

Они уселись за стол. Фон Трейт не спешил излагать врачу свои жалобы, он с интересом посматривал на Вёллера, всем своим видом показывая, что рад принимать дипломата в своём «родовом гнездышке». К этому стоило добавить, что дочь барона как-то уж слишком быстро повзрослела и превратилась в настоящую красавицу, тем самым, озаботив своего отца обязанностями по поиску подходящего жениха. Доктор тоже бросал на седовласого воина приветливые взгляды. Прежде они встречались, и не раз. Лет десять назад Вёллер поставил на ноги фон Трейта после серьёзного ранения: барона сбил кабан во время охоты.

– Что беспокоит доблестного рыцаря на сей раз? – спросил доктор, когда они осушили по первому кубку рейнского.

– Старость, – грустно ответил фон Трейт. – Дряхлость и ощущение ненужности... Прошу понять меня правильно, – он улыбнулся уголками губ, – но времена меняются столь быстро, что я на своём быстроногом Марсе совершенно не поспеваю за ними! Прав был старина Овидий: *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis* (45). Совсем недавно Кёнигсберг был грозной крепостью, а теперь это – роскошный замок, даже дворец! И я затрудняюсь с ответом: кто я, военный комендант или какой-нибудь гофмаршал? Раньше, дорогой доктор, в подвалах Кёнигсберга хранились бочки с порохом, а теперь – только с вином! Прежде здесь был сильный гарнизон, каждый солдат которого стоил десятка сегодняшних бездельников! А сейчас... музыкантов в придворной капелле герцога Альбрехта больше, чем воинов, умеющих владеть оружием... Раньше, – продолжал он, – казематы были переполнены пленниками, а сейчас подземелья облюбовали чернокнижники... В прежние времена врачи надеялись на Бога и собственные знания, а теперь ударились в колдовство. Одни для лечения используют старинные монеты и сатанинские заклятья на древнем иврите, другие – гороскопы и магические символы! Им проще принимать советы от духов на спиритических сеансах, чем дать ложку какого-нибудь снадобья, облегчающего боль!..

Прошу прощения, дорогой друг. Я, по обыкновению, брюзжу... А беспокоят меня припадки болей в костях рук и ног. Суставы опухают, до них невозможно дотронуться, даже лёгкое прикосновение одеяла вызывает нестерпимые мученья. Боль огненными волнами пронзает мои члены сверху вниз с каждым биением сердца... В эти моменты я совершенно обессилен и беспомощен...

– Позвольте узнать, в какое время суток у вас возникают подобные приступы?

– Обычно ночью, после чего я полностью лишаюсь сна!

– Это – подагра, любезный барон. Я пропишу вам порошки опиума и жаропонижающие компрессы. Но, чтобы приступы не повторялись, впредь избегайте употреблять мясо и красное вино.

– О, дорогой друг... Без красного вина я согласен обойтись, а вот без мяса... – он усмехнулся, – что ж, раз врач советует, попробую заменить его рыбой!

– Постарайтесь, герр барон. И последний совет – больше покоя. Вы слишком часто сами делаете работу, которую вполне могут исполнить ваши слуги и подчинённые...

– Вы правы, доктор. С тех пор, как умерла моя супруга, я практически не сижу на месте. Стоит мне оказаться в одиночестве, как горькие думы туманят мою голову, словно тучи с берегов Остзее... Игнациус! – повысил голос фон Трейт. – Принеси-ка мне белого вина! И разгребни угли в камине...

Некоторое время собеседники посвятили трапезе, впрочем, при этом каждый был погружён в собственные мысли. Молчание нарушил Вёллер:

– Вы что-то говорили о чернокнижниках в подземельях Кёнигсберга... Не думаю, что они выбрали подходящее место для проведения своих месс. Не пытались ли вы изгнать их оттуда, герр барон?

– Увы, мой друг, – фон Трейт сделал основательный глоток из кубка. – Я же и снабдил их ключами... А сделал я это по приказу герцога Альбрехта. Но кто его надоумил, надеюсь, вы уже догадались...

– Полагаю, ни одно чёрное дело, свершившееся в этих стенах, не обошлось без Скалиха, – заметил доктор.

– Вы правы, – медленно произнёс старый рыцарь. – Не князь Скала и не граф фон Хун... А просто Скалих... Хотя, думаю, и данное имя – вымышленное... Этот человек – воплощение лжи! Когда Господь призовет к себе нашего герцога... я первым делом сверну шею этому выскочке...

– Если он к этому времени не станет регентом...

– Вы полагаете... – барон осторожно поставил кубок на стол и пристально взглянул в глаза собеседнику, – разве такое возможно?

– Во всяком случае, Скалих делает всё, чтобы так случилось... Но, если и существует возможность этому помешать, то с каждым днём она становится всё меньше.

– Неужели ему ничего нельзя противопоставить? – фон Трейт был мрачен. Руки он положил на стол, кулаки крепко сжал. Красноватый отсвет от камина заиграл на его озабоченном лице, превращая его в страшную, даже дьявольскую маску.

– Я хочу добыть свидетельства против Скалиха, – ответил Вёллер. – Он очень опасный человек... Но с собранными материалами я обращусь не к герцогу Альбрехту, а отправлюсь напрямиком в Краков и попытаюсь добиться проведения ландтага в Кёнигсберге. В присутствии комиссии из Польши. Поэтому прошу вас помочь мне в этом.

– Что я могу для вас сделать? Или вы хотите связаться с единомышленниками? Тогда извольте, таковые есть: их предводитель – Элиас фон Канитц! Они примут вас в свои ряды,

хотя... сейчас это весьма опасно, проклятый самозванец имеет право самолично мстить! Так чем я могу вам помочь? Говорите смело, сударь!

– На первых порах потребуется не так уж много... Мне тоже нужны ключи от подземелий Кёнигсберга, любезный барон... И, желательно, план этих потайных ходов, если он, конечно, существует.

– Что вы задумали, доктор? Я, конечно, постараюсь предоставить всё, что вы требуете, но не могли бы вы меня сначала ввести в курс дела, поскольку...

– Увы, дорогой барон, – Вёллер приложил палец к губам. – Ради вашего же спокойствия... Просто, я хочу обнаружить то место, где крысы устроили себе гнездо...

Ранним утром 28 августа 1564 года возле небольшой пристани близ Альтштадта, выстроенной ещё двести лет назад и впоследствии укрепленной защитной стеной с четырьмя береговыми орудиями, пришвартовался одномачтовый когг (46). Мачту судна украшал штандарт герцога Альбрехта.

Река спряталась под одеялом утреннего тумана и тихо вздыхала, не торопясь просыпаться. На светлеющем небе висела ущербная прозрачная луна.

Вскоре на берегу появилась процессия, состоящая из десятка человек, одетых в длинные тёмные мантии. Со стороны могло показаться, что это учёные мужи из Академии; часть их прибыла из Кнайпхофа, остальные пришли со стороны Альтштадта. Были они степенны и немногословны. Их сопровождало такое же количество слуг: невысоких, расторопных парней в рубахах серого цвета и чёрных чулках.

Среди прибывших выделялся молодой человек, на голове которого красовалась квадратная академическая шапочка. Взмахом одной руки он подал команду грузиться на корабль, другая его рука была занята блестящей шкатулкой овальной формы, которую «молодой профессор» бережно прижимал к груди. Пятеро «учёных» и столько же слуг поднялись по скрипучим сходням на борт. Отдав последние распоряжения сопровождающим его людям, человек в мантии и академической шапочке тоже последовал на корабль.

На ратуше Альтштадта часы пробили шесть, когда когг, подняв прямоугольный парус, тихо отчалил от берега и пустился вниз по течению Прегеля.

– Мессир, – обратился к «молодому профессору» один из людей, облаченных в мантии, когда корабль уже следовал по каналу в направлении Пиллау, – Какая была у вас необходимость пускаться в путь лично? Не возникнут ли лишние разговоры при дворе? Я бы мог встретить Магистра Вечности самостоятельно... – произнесено это было на латыни.

– Ни в коем случае, брат мой Зоннерлихт, – ответил «профессор». Правила нашего Устава не позволяют мне уклониться от личной встречи с Магистром. Твои волнения излишни: Шваубе сейчас проследует к герцогу в Тапиау и объявит, что я встречаю паломников, посетивших Святую землю и принёсших новые тайные знания, которые будут использованы во благо Пруссии. К вечеру мы будем в Кёнигсберге и немедленно приступим к нашим обязанностям... Святым обязанностям... ты понимаешь меня, брат Зоннерлихт?

– Да, мессир. Нам предстоит инициация (47) трёх мастеров, трёх подмастерьев и одного просветлённого... Чёртов туман, он далеко разносит слова, неразумно брошенные болтливым ртом, – досадливо пробормотал Зоннерлихт.

– Успокойся, брат. Из членов команды судна никто не знает латыни. А если бы кто-то её даже и знал, смысл наших речей не доступен их скудному разуму... Лучше проверь, готова ли каюта для Магистра и место для его багажа.

– Слушаюсь, князь Скала, – поклонился Зоннерлихт и ушёл выполнять приказание.

Скалих же осторожно открыл серебряную шкатулку и погрузил пальцы внутрь неё. Вытащив кусочек пергамента и развернув его, первый советник герцога Альбрехта устремил свой взор на неоднократно читанные строки, затем закрыл глаза, пытаясь уловить туманный смысл витиевато написанного стиха... «Ох, Мишель, – пробормотал он, – любишь же ты загадывать загадки».

Туман, между тем, словно от лёгких взмахов мягких ладошек утреннего ветерка рассеялся, и спина реки вновь заблестела, как лезвие отточенного рыцарского меча. Судно ускорило ход. Журчала рассекаемая форштевнем вода, поскрипывали снасти. Пауль Скалих, спрятав заветный кусок пергамента обратно в шкатулку, медленно перешёл на корму.

Ноги, не привыкшие к морским путешествиям, предательски подгибались. Одной рукой приходилось придерживаться за части рангоута корабля.

Ни одно слово советника герцога, ни единый жест не ускользнули от внимания человека, усердно наводящего блеск на судовой рынде. Закончив работу с колоколом, матрос бесшумно переместился к корме.

– Курс на Бальгу, ваша светлость? – уточнил пожилой шкипер у Скалиха.

– Да. Как много времени займёт наш путь?

– При таком ветре... часа через полтора будем на месте. Вот обратно... потеряем вдвое больше...

– Мы, донские казаки – прирожденные мореходы, – усмехнулся Семён, опустошая кубок. – Наши славные предки с малых лет были приучены к седлу и к веслу струга. – Поэтому я сразу нашёл себе на судне дело и ничем не отличался от обычного матроса, что позволило слушать разговоры нашего малопочтенного господина и наблюдать за ним.

Благодаря стараниям барона фон Трейта, накануне отплытия удалось внедрить в экипаж судна «старательного матроса», успешно выполнившего роль «глаз и ушей» доктора Вёллера. И вот час назад Семён вернулся из морского похода на Бальгу, и сейчас сидел в своём «курене» (48) вместе с Вёллером, который увлечённо слушал его рассказ. Доктор позаботился о том, чтобы казак основательно подкрепился, поэтому на столе, кроме двух кубков и кувшина с бургундским, стояла миска с хорошо прожаренной грудинкой.

– И вот, – продолжал казак, – мы оказались между укреплениями замка Бальга с одной стороны и береговой линией, за которой угадывался Фишхаузен... Судно повернуло влево, то есть, приняло зюйд-вест, и вскоре уже швартовалось к причалу... Замок Бальга, доложу я тебе, удивительное место! К нему ведет мощёная булыжником дорога, по бокам – ряды уходящих верхушками в небо деревьев. Уединённый замок стоит не в поле, а в лесу, на высоком берегу моря. Отсюда хорошо просматривается весь залив Фришес Хафф... – Семён усердно расправлялся с едой и при этом старался не упустить из своего повествования ни одной мелочи.

Над городом сгущались сумерки, и в жилище казака стало совсем темно. Вёллер зажгёт свечу. Только что с башни донжона отзвучал хорал «Покой всем лесам и полям», что означало «девять часов вечера».

– Итак, Магистр Вечности... – пробормотал доктор. – И как он выглядит?

– Довольно высок и худощав. Вся компания была в капюшонах, поэтому их лиц я, как ни старался, не разглядел. Безбородые и очень бледные... Ещё запомнилось приветствие Скалиха и Магистра! Они сначала коснулись друг друга локтями левых рук, затем слегка стукнулись кулаками. На пальцах – большие перстни с зелёными камнями...

– Это похоже на ритуал! Они при этом что-нибудь говорили?

– Нет, когда касались друг друга локтями и кулаками – никто ничего не сказал. Впрочем, я попросту мог не услышать. Всё-таки, находился на почтительном расстоянии...

– Что было дальше?

– Потом... погрузили ящики на борт и отчалили. К своей поклаже матросов не подпускали. Перетащили сами. А ящики довольно тяжёлые – два человека поднимали их с большим трудом. Сделаны из дерева и обиты кованым железом. Размеры – локоть на три... И, мне показалось, что от них исходил весьма неприятный запах... Словно, внутри находилась какая-то гниль... Но охраняли их очень строго... А по прибытии в Кёнигсберг, сразу сгрузили в пакгауз в Альтштадте.

– Сколько было ящиков?

– Семь.

– Семь... – задумчиво повторил Вёллер. – Для инициации, то есть, физического воплощения... трёх подмастерьев, трёх мастеров и одного просветлённого... Семерых неизвестных нам господ...

– Для каждого – свой ящик, – подсказал Семён. – Значит, для воплощения... А мне эти ящики показались похожими на гробы... И ещё я оказался свидетелем одного занимательного разговора. Зоннерлихт завёл речь со Скалихом об Осиандере, умершем в 1552 году. Был он, по рассказам, сказочно богат, однако не оставил после себя ни талера. Его похоронили в Альтштадте, у церкви Святого Николая. А вскоре по городу поползли слухи о том, что якобы душу Осиандера унёс Сатана...

– Что-то подобное слышал и я, – заметил Вёллер. – Говорили, что он в своей могиле лежит лицом вниз...

– Да, и прихожане церкви стали бояться в неё заходить. Жители начали роптать. Тогда герцог Альбрехт разрешил вскрыть погребение...

– А после этого в городе возникли новые слухи. Говорили, что вместо мёртвого теолога в гробу обнаружилось тело колдуна и чернокнижника Никкеля Балтазара...

– Вот-вот. На это Скалих ответил: «Весьма занято. Посмотрели бы они, что находится там сейчас!»

– Видимо, без Сатаны тут действительно не обошлось, процедил Вёллер и перекрестился.

Оба надолго задумались. Им было над чем поразмыслить. Колдовство и сатанизм, казалось, напрямую связаны с деятельностью Скалиха. В этом они всё более убеждались... А всего два дня назад произошло следующее...

26 августа Семён Жменя вёл слежку за домом Пауля Скалиха. Разувшись, он закатал штаны до колен и устроился на берегу Замкового пруда с ореховой удочкой, которую купил у рыбака, возвращавшегося с Прегеля. Место для рыбалки казак выбрал не очень пригодное, но зато оттуда открывался неплохой вид на ворота, а также было легко разглядеть людей, входящих и выходящих из резиденции советника герцога. Казак уже неплохо разбирался в окружении Альбрехта и многих приближённых знал в лицо.

Жменя был одет в «живописные» обноски, всем видом показывая, что он – обедневший горожанин, пытающийся выловить себе на ужин хотя бы фунт мелкой рыбёшки. Он был уверен, что не вызывает ни у кого подозрений. Изредка к нему подходили зеваки, стояли, наблюдали за поплавком и уходили. А один из них заметил:

– На реку сходить бы... На остров Ломзе. Там если поймашь, так будешь что-то иметь, а тут... На прошлой неделе рыбак в лодке с сомом тягался... Намотал лесу на руку, а

рыбина его дёрнула... Сама чуть ли не с человека... Бедняга едва не утоп, да Господь сохранил...

Кто-то приходил в резиденцию Скалиха открыто, не таясь, кто-то с опаской. Были и те, кто старался пройти к всемогущему советнику герцога вовсе незамеченным. Казак напрягал свой слух в надежде уловить хоть какие-то обрывки разговоров людей, посещающих этого подозрительного господина. Иногда увиденное или услышанное побуждало его к немедленным действиям, хотелось бежать к Вёллеру и немедленно доложить ему о новых обстоятельствах, но он останавливал себя, ибо свято чтит Кодекс дипломата, который, кроме всего прочего, гласил: «Наша сила не в порывах, а в нерушимом спокойствии».

Сам Вёллер находился в Тапиау. Он собирал информацию о первых помощниках Скалиха. Так получилось, что, следуя за Зоннерлихтом из резиденции герцога Альбрехта, доктор оказался недалеко от дома советника его светлости, где был вынужден прервать слежку и связаться со своим другом. Поскольку уже совсем стемнело, и на улицах кое-где зажгли факелы, оба решили отправиться на отдых и поделиться друг с другом полученными сведениями.

Пока было ясно одно: Скалих и его приближённые готовились к встрече какого-то таинственного и чрезвычайно важного гостя. При этом, данное событие, как и связанные с прибытием высокого гостя тайные мероприятия, не должны были подвергаться огласке.

Они уже собирались уходить, как во дворе дома Скалиха послышался какой-то шум. Друзья затаились в зарослях кустарника, куда не проникал свет от горящих факелов. Наконец, ворота со скрипом раскрылись, и на улицу вышел человек в плаще с капюшоном. Он остановился возле дома и замер, поджидая кого-то ещё.

– Он самый, Зоннерлихт, – шепнул Вёллер. – Я к нему настолько пригляделся, что узнаю и в кромешной тьме.

Вскоре к первому объекту присоединился другой человек. Тоже – длинный плащ и надвинутый на голову капюшон.

– Его дружок Шваубе, – заметил Жменя. – Также примелькался мне за день. Вышагивает, словно журавль на меже.

– Подождём и посмотрим, что же они затеяли...

Ждать пришлось долго, около часа. Двое, стоящих в тени человека, изредка чуть слышно переговаривались, поглядывали по сторонам и прислушивались. К этому времени улицы города полностью освободились от прохожих. Кёнигсберг, намаявшись за день, спокойно отходил ко сну.

Наконец, убедившись в безмолвии ночных улиц, Шваубе что-то негромко сказал, повернувшись к дому, оттуда в ответ послышались невнятные голоса... Ворота вновь распахнулись, и со двора выехала повозка, запряжённая мулом, погоняемым возницей. Трое малорослых людей в тёмных одеждах сопровождали её. Зоннерлихт и Шваубе уселись рядом с возницей, и процессия тронулась в путь по безлюдным улицам Кёнигсберга.

Вёллер и Семён, стараясь оставаться незаметными, последовали за ними.

Идти пришлось недолго. Возле Замковой слободы, за монастырём святой Магдалены располагалось кладбище, огороженное забором из железных прутьев. Кликнув привратника, странные посетители дождались, когда отворятся ворота, и уверенно проследовали внутрь обители скорби. На ходу с повозки стянули рогожу и достали лопаты... Кладбищенский сторож стоял в стороне, безропотно наблюдая, как низкорослые землекопы бодро роются в чей-то свежей могиле. Он осенял себя крестным знаменем и шёпотом читал молитву. Один

из помощников Скалиха держал над ямой фонарь, другой отдавал короткие распоряжения. Судя по всему, эти люди занимались подобным делом не впервой. Более того, из раскопа доносилось довольное урчание!..

Через четверть часа извлечённый из могилы гроб погрузили на повозку, прикрыли рогожей и отправились в обратный путь. Вырытую яму наскоро забросали землёй и притоптали ногами. Сторож получил от Шваубе несколько монет и строжайший наказ держать язык за зубами.

...В кладбищенскую сторожку два дипломата ворвались разом. Бедный сторож не успел издать ни звука, как его обездвжили несколькими точными ударами под дых и скрутили руки за спиной. Тут же он почувствовал у своего горла холодное лезвие кинжала.

– Ради всех святых... – прохрипел насмерть перепуганный старик. – Я всего лишь выполнял приказ...

– Чей? – грозно прошипел Вёллер. – Отвечай, пока тебя прямо сейчас не потащили на Фиалковую гору (49)!

– Зачем куда-то тащить, – заметил Семён, давай прямо здесь отрежем ему голову...

– Нет, не надо! Я всё скажу! Это – для студентов-медиков нашей академии! (50) У меня документ!..

Друзья ослабили хватку и вскоре уже разворачивали свиток, который предъявил им трясущийся от страха сторож.

«...Не чинить препятствий господину Зоннерлихту в его тайных делах»... Подпись... Князь Скала... Печать герцога Альбрехта... – пробормотал Вёллер, вглядываясь в документ.

– Ничего не понимаю, – озадаченно произнёс Семён.

– Тут и понимать нечего, – ответил Вёллер. – Герцог даровал Скалиху чрезвычайные полномочия. Тот, в свою очередь, выдал соответствующий документ своему помощнику. А он занимается похищением покойников...

– Мне сказали, что это делается по воле его светлости герцога Альбрехта, – всхлипывал сторож, вытирая слёзы. – А у меня две больные дочери... Я знаю, что совершаю богопротивное деяние, но мне угрожали... К тому же меня убедили, что тела просто перезахоронят... С отпеванием и выполнением всех обрядов в присутствии священника...

– Ты грамотный? – после короткого раздумья задал вопрос Вёллер.

– Да, – закивал головой несчастный старик. – Я веду книгу, куда записываю...

– Жить хочешь?

– Умоляю, сударь, всеми святыми...

– Ты сейчас же найдёшь кусок пергамента и напишешь всё, что тут происходило. Укажешь имена тех, кто приходил сюда и тех, от чьего имени они действовали... В общем, я продиктую. И знай, что это – единственный способ спасти себе шкуру и не сгореть в аду раньше времени!..

– У этих господ странная тяга к мертвецам, – проговорил доктор Вёллер. – Как бы мне хотелось присоединить к последним всю их компанию!..

– Не боишься связываться с самим прародителем Зла?

– Это всего лишь адепты... Впрочем, христианин затем и рождается на свет, чтобы служить Богу и пресекать козни Дьявола...

Их разговор прервали звуки с внутреннего двора. Вёллер поднялся и подошёл к окну. Семён потушил свечу.

– Они разгружают ящики, – произнёс доктор. – Возле башни Лиделау...

«...Большинство людей похожи на знаки и символы: одни, словно буквы и цифры, а иные, как слова или даже фразы, но чаще встречаются обычные междометия или просто кляксы... Очень редко рождаются люди-формулы, люди-мелодии и люди-стихи. Иначе говоря, это – гении... Но есть особая каста существ – корректоры. В их силах исправлять чужие мысли и течение многих событий, стирать смертным память и выбеливать неудобные персонажи из истории...»

Глава 9. Тайнство в подземельях Кёнигсберга

– Ну, с Богом, дружище Симеон, – шепнул Вёллер, медленно отворяя дверь в подземелье. – Если кто-то встанет на твоём пути – смело руби. Своих здесь нет...

– С Богом, – выдохнул Женя, сжимая в руках рукоятку палаша. – Кому булава в руки, а кому – костыль! Уж я им спуску не дам...

– И будь осторожен...

Друзья дождались, когда таинственные ящики были внесены в башню Лиделау, убедились, что дверь наглухо закрыли изнутри. Затем тайные дипломаты спустились в дом Конвента, где, согласно представленному фон Трейтом плану, должен был находиться подвал, сообщающийся с подземным ходом, соединяющим «внутренности» башни. Вскоре заветная дверца была найдена.

Чтобы не привлекать постороннего внимания, фонарь пришлось погасить. Минуту друзья стояли, тщательно прислушиваясь и всматриваясь в крошечную тьму. Из глубины подземелья веяло холодом, сыростью и пахло чем-то весьма неприятным. Казалось, что они вошли в пасть огромного библейского чудовища, спящего мёртвым сном.

Вёллер, держа в руках шпагу и дагу, медленно пошёл вперёд. Дорогу приходилось нащупывать ногами. Ступенек не было, но пол уходил круто вниз. Ход был довольно тесен: вытянув руки в стороны, Вёллер мог коснуться обеих стен. Каменный потолок нависал в локте от головы доктора. Симеон тяжело дышал сзади. Так, ощупывая пол и шершавые, местами влажные стены, они, шаг за шагом, продвигались по проходу, обозначенном в плане фон Трейта как L2.

Идти пришлось минут десять. Вдруг Вёллер резко остановился. Впереди послышался характерный звук, похожий на лязг закрывающейся массивной двери. И тут же, бестелесным призраком, на стене появилось неясное облачко света.

– Они там, – шепнул доктор Симеону. – За мной! – И ускорил шаги.

Казак оглянулся, чтобы удостовериться, что сзади их никто не преследует. Прислушался. Всё было тихо. И бросился догонять Вёллера.

По левую руку доктор обнаружил ответвление в тоннеле. «Это проход L2-1 – мелькнула мысль, – он ведёт к ходу L1, что соединяется со входом в башню Лиделау. Благодарю тебя, старый рыцарь, за столь подробный план!»

Теперь шагах в двадцати впереди, ясно различалось освещённое пространство. Совсем небольшое, но ориентироваться по нему было возможно...

Жменя так и не смог понять, как вышло, что на него стал опускаться потолок. Только что тоннель был свободен и вдруг... удар теменем о каменную глыбу. Потеряв сознание,

казак рухнул на пол, по инерции скатившись кубарем на три или четыре шага вперёд. Одновременно с этим потолок, а, точнее, его поперечный фрагмент в виде каменной перегородки, бесшумно опустился до пола. Симеону повезло: откатись он хотя бы на шаг ближе к месту падения, массивная плита могла раздавить его.

Вёллер не заметил, что его спутник куда-то пропал. Он был уверен, что тот беззвучно следует за ним. Сделав отсутствующему товарищу знак остановиться, доктор осторожно направился к источнику света.

Он задержался перед железной дверью. Сквозь зарешёченное окошко проникал робкий свет. Внутри находились люди, сколько – не понятно. Но их тихий разговор был отчётливо слышен доктору. Вёллер заглянул в оконце и разглядел стол, на котором стоял массивный шандал (51) с тремя свечами. Рядом с ним поблёскивали стеклянными боками несколько больших сосудов с жидким и мутным содержимым. Вокруг стола столпились люди в длинных тёмных одеждах. Лица их были закрыты капюшонами. Один, высокий и статный, стоял поодаль от остальных. «Видимо, это и есть сам Магистр», – подумал Вёллер. Вскоре он убедился в том, что не ошибся.

– Итак, во имя Вечности, продолжим беседу, – глухо проговорил Магистр. – Ты, брат наш Зоннерлихт, уже считаешься посвящённым и допущен к обряду инициации. Но, прежде чем мы приступим к ритуалу, ты, наш новообращенный брат, можешь задать мне любые вопросы, касающиеся обряда. И помни: мы приветствуем стремление к истине и готовы утолить твою жажду познаний свежими и чистыми потоками самых разнообразных сведений...

Разговор проходил на латыни.

– Прежде всего, запомни: если хоть один человек когда-нибудь узнает о нашей великой тайне, то ты первым отправишься на костёр! – закончил свою речь Магистр.

Вёллер осмотрелся. Казака нигде не было видно. «Видимо, стоит в стороне, там, где ему указано, решил он. – И пусть стоит – мимо него и мышь не прошмыгнет, и враг не прокрадётся. А заговорщики, охраняющие данное сборище, должны быть где-то поблизости!»

– ...Человеческие существа способны появляться на свет и без естественных родителей, – отвечал на первый вопрос Магистр. – Они могут выращиваться, не будучи выношенными и рожденными женским организмом, а лишь благодаря мастерству искусного алхимика...

«Кровь Господня! – подумал Вёллер. – Неужели речь идёт о богопротивном способе создания человека?»

– Ты спрашиваешь, как это происходит? – продолжал неторопливую речь таинственный колдун, – и я отвечу тебе. Всё живое на земле возникает в результате соединения материального тела с небесным, называемым «астральным жизненным духом». В качестве материального носителя используется, разумеется, мужское семя, в котором уже изначально содержится зародыш гомункулуса, а дух привносится путём различных сокровенных манипуляций...

– Могу ли я, мессир, – дрожащим голосом произнёс Зоннерлихт, – попросить вас пояснить детали?

– Похвально твоё стремление к Знанию, брат мой. Приступая к данному магическому действию, щедро добавь в реторту (52) или колбу мужское семя, разбей туда три свежайших гусиных яйца и добавь корня мандрагоры, который усиливает магическую силу. Мандрагора обычно растёт там, где был повешен человек. Только корень должен быть откопан обязательно до рассвета и непременно чёрной собакой, а затем вымочен в молоке, мёде и

крови. Затем закупорь сосуд мочевым пузырем вола и запечатай великой магической печатью, после чего активируй содержимое тайными заклинаниями. Далее сорок дней держи всё в тепле, кое соответствует температуре внутренностей лошади...

– Простите, мессир... Как это следует понимать?

– Не будь болваном, брат мой. Просто зарой его в кучу конского навоза, пока содержимое не начнет бродить, жить и двигаться. При благоприятном расположении планет и теплоте образуется пар, который постепенно принимает человеческие формы, но вначале он будет прозрачен и нематериален...

Вёллер снова заглянул в окошко. Стоящий рядом с великим алхимиком человек, под суганой которого угадывался ни кто иной, как Скалих, в подтверждение сказанному постучал ногтем по печати на горлышке сосуда три раза, произнося одновременно какие-то слова, похожие, на древнем иврите. После этого вода в сосуде забурлила, начала розоветь, и сквозь эту мутную пелену постепенно проступило лицо человекоподобного существа... с хорошо различимым хищным оскалом и неправильными чертами, которые обрамляли густые черные волосы...

У Вёллера перехватило дыхание. Он истово перекрестился и прочитал «Отче наш».

– И что же дальше? – Зоннерлихт словно был готов к тому, что увидел. Во всяком случае, в его голосе не были слышны нотки ужаса.

– Научись слушать, не перебивая, брат мой, иначе тебя назовут олухом!.. Гомункулусов ежедневно питают свежей человеческой кровью, и эта кровь исчезает из воды сразу же, как только её туда наливают. Один раз в неделю жидкость в ретортах необходимо менять, и заново наполнять их дождевой водой. Это нужно делать предельно быстро, потому что, находясь на воздухе, наши чада закрывают глаза, становятся крайне слабыми и, похоже, теряют сознание, как будто готовы умереть.

«Господи, – едва не произнёс вслух Вёллер, – неужели это мне не снится?» Он почувствовал, как пот ручейками стекает по его лбу и щекам, но не нашёл в себе сил достать платок.

– Если все сорок дней их продержать в тёплом увлажненном мочой навозе, – продолжал Магистр, – из них получается настоящий живой ребёнок, почти такой же, как и рождённый от женщины, только втрое меньше. Это то, что мы зовём гомункулусом. Далее воспитывать его следует с заботой и прилежанием до тех пор, пока он подрастёт, начнёт подавать признаки разумного существа и не научится сам заботиться о себе. А растут наши чада весьма быстро... Однако у них нет души, поэтому каждый гомункулус жаждет обрести её... отняв у кого-то из людей, и самому сделаться человеком, но это удастся далеко не каждому...

– Они сильно отличаются от нас, мессир?

– Если гомункулуса правильно вскармливать, то он обретает нормальный человеческий облик. Разве что... как правило, бывает левшой и у него отсутствует пупок и сосцы, поскольку он вынашивается не во чреве матери. Обычно у нас получаются только мужские особи, которые не способны к продолжению рода, но, несмотря на это, каждая из них наделена какой-нибудь уникальной нечеловеческой способностью. Более того, они не стареют, обладают невероятной силой и неуязвимостью: если их ранить или даже убить, они воскресают за считанные мгновения.

– Получается, что гомункулус бессмертен?

– И да, и нет. Существует только один способ умертвить гомункулуса, но простому смертному не дано понять, как это возможно сделать... Об этом ты узнаешь в свой час, брат мой.

– Мессир... Мне не совсем ясно, для чего они вам нужны?

– Гомункулус может стать верным слугой и ответить на самые сокровенные вопросы своего создателя. Несмотря на свою злобность, хитрость и жестокость, они бывают преданней собаки. Что, согласишься, брат мой, среди смертных – большая редкость... Эти «чертовы куклы» видят то, что сокрыто от глаз обычных людей, и рассказывают об этом своим хозяевам, которые используют полученные знания с большой выгодой для себя. Они помогают легко разбогатеть и прославиться. Кроме прочего, владелец гомункулуса способен соблазнить любую красотку.

– О, это – то, о чем я всегда мечтал!

– Но не всё так просто. Ведь отцом гомункулусов является сам Дьявол. А уродец из реторты является не более чем посредником: все тайные знания исходят от самого Князя Тьмы, которому, как известно, ведомо все, что происходит в мире. И создатель гомункулуса обязан сначала продать свою душу Сатане за то, что последний наделил бездушный предмет своей дьявольской силой...

На это Зоннерлихт не смог найти слов ни возражения, ни восхищения.

«Клянусь Распятием! Эти люди продали свою душу Дьяволу!!! – бешено вращались мысли в голове Вёллера. – Они опустились до самой низкой точки падения христианина!»

– Но пусть тебя не смущает, брат мой, имя Сатаны, которым привыкли пугать народ церковники, – воскликнул Скалих. – Ибо это – один из Ангелов, который решил жить по собственным законам, для своего блага, обращая свой ум в силу! Настоящее его имя – Люцифер, он – «светоносец», «сын зари»! Это он дарит нам истинный свет!

– Гомункулусы, – продолжал между тем вещать Магистр, – включают в себя три вида: первый – подмастерья. Это – самая низшая ступень в их иерархии. Они так и остаются всю жизнь подмастерьями. Всё, на что способны данные твари – это жестокость и ненависть. Их задача – выполнять самую грязную работу, любой приказ, включая «убивать». А это они делают с большим удовольствием. Особым умом и умением подмастерья не наделены, красотой и формами – тоже. В основном, это – малорослые экземпляры, карлики и горбуны, лишённые растительности на лице... Итак, брат мой, следующий вид – это мастера. Каждый из них – специалист в своём деле. «Мастер клинка» – фехтовальщик. «Мастер языка» – увещеватель, «Мастер слёз и покоя» – искусный убийца или палач, «Мастер манипуляций» – выдающийся вор... Их тоже трудно назвать «красавцами». Мастера и подмастерья идут в услужение «Просветлённому». Этот гомункулус призван решать сложные и серьёзные задачи – идти во власть. При его создании стараются облагородить внешний облик – сделать усы, бородку... Высокий рост, выразительный голос... У них отменная память и незаурядный ум. Они вращаются в кругу людей, завоёвывают их симпатии, пользуются их слабостями, подчиняют их и таким образом завоёвывают своё место в обществе. При необходимости прибегают к помощи мастеров и подмастерьев...

– А кто же стоит за «просветлёнными»?

– Люди, брат мой, люди...

Когда Семён очнулся и открыл глаза, то ничего не смог разглядеть. Память цепко держала странное видение, пришедшее ему в недавнем коротком «сне». Будто перед ним стоял покойный Томас Волькенштайн, покручивая на острие своей шпаги пронзённое тельце

верещащего уродливого младенца... «Давно ли вы воюете с беззащитными детьми, доктор?» – спросил удивлённый казак. «Когда вы узнаете, что из них должно вырасти, то станете моими первыми помощниками... – ответил Волькенштайн. – Передай моему коллеге, что убить этих тварей можно только путём отсечения головы»...

Вокруг была абсолютная темнота. Но откуда-то, словно из-под земли доносились невнятные голоса. Жменя провёл ладонью по лицу. Кожа на лбу была содрана, рана саднила. Казак привстал, пытаясь сориентироваться... Впереди он заметил лёгкий отсвет. Видимо, Вёллер там. Его ноги во что-то уперлись. Пощупал руками... Сзади – глухая стена. Откуда она здесь? С какой стороны он пришёл?.. Или его, пока он был без сознания, доктор перетащил в другое место? А где палаш? Вот он, на полу... Так что же произошло?..

– А теперь, братья мои, во имя Люцифера... Приступим к обряду инициации, завещанному нам его Небесными Посланниками, спускавшимся на Землю задолго до Всемирного потопа! – провозгласил Магистр Вечности. – Открывайте первое хранилище. Брат мой, князь Скала, вызывай Дьявольский огонь!

При этих словах, как заметил Вёллер, присутствующие почтительно поклонились. Страх, отвращение и любопытство одновременно боролись в душе доктора. Он буквально прилип к зарешеченному окошку и, казалось, потерял всякую осторожность...

Скалих раскрыл серебряную шкатулку, взял оттуда горсть монет и металлических кружков с магическими знаками, высыпал всё это на стол, затем разложил в определённом порядке. Вновь послышались странные заклинания на непонятном языке.

«Все эти чернокнижники должны гореть в геенне огненной», – подумал Вёллер.

Пожалуй, он добыл достаточно важных сведений. Остаться в подземелье дольше было опасно. Вернуться тем же путём, каким пришли, и – продолжать расследование! Только оторваться от окошка было выше его сил...

Слуги подняли первый ящик и водрузили его на подставку возле стола. Затем вскрыли крышку... Даже до Вёллера донёсся жуткий смрад из дьявольского хранилища.

Скалих закончил чтение заклинания. Все присутствующие устремили свои взоры к потолку, словно ожидая оттуда чьего-то появления... Под зловещими сводами послышалось протяжное гортанное пение на непонятном языке...

...Семён поднялся на ноги. Ощупал стену. Потёр ушибленный лоб... Глубоко вздохнул и медленно побрёл в сторону светлого пятна...

– Приди, Люцифер! Принеси нам свет! – неожиданно взвыл Магистр.

И тут Вёллер невольно вздрогнул... В небольшом зале, где собрались дьяволопоклонники, внезапно добавилось света... Все притихли и замерли. Словно замороженный, доктор наблюдал, как яркий огненный шар, неизвестно откуда и как появившийся, начал плавный и беззвучный полёт между скопившимися в помещении людьми. Постепенно шар вырос до размеров пушечного ядра, и заиграл переливающимися цветами – от белого до оранжевого... «Дьявольский огонь!» – словно замороженный, прошептал доктор. – Они вызвали дьявольский огонь!»

Огненный шар, между тем, приблизился к открытому ящику и повис над ним. Он словно изучал его содержимое... Казалось, светящееся «ядро» с удовольствием вдыхает смрад, источаемый зловещим предметом. Наконец, шар опустился чуть ниже, коснулся внутренностей ящика и, озарив всё ослепительным светом, с грохотом исчез!.. И сквозь

раскаты эха, отозвавшиеся в подземных коридорах, послышался протяжный утробный звук, словно замычала корова, которой петлёй сдавили горло...

– *Ave diaboli!* (53) Таинство свершилось! – торжественно объявил Магистр, возвещая о рождении нового гомункулуса...

Вёллер отпрянул от окошка. Наблюдать дальше этот дьявольский обряд у него не было сил. Он вытер пот с лица рукавом куртки и тут краем глаза уловил какое-то движение. Прежде чем разум успел оценить опасность, «сработали» его натренированные руки – доктор встал в защитную стойку. И вовремя! Правая рука машинально отбила разящий удар. На миг в тусклом свете мелькнуло перекошенное злобой бледно-зелёное лицо и что-то прошелестело:

– Ишшь ты...

Вдруг где-то позади нападавшего сверкнула отточенная сталь, тело противника судорожно дёрнулось, а из его груди вышло лезвие палаша.

– Вот теперь – любо, – пробормотал Семён, выходя из темноты.

Казалось, только сейчас Вёллер опомнился. Сражённый враг упал, и казак с усилием выдернул палаш из его спины... Доктор с благодарностью взглянул на своего товарища. Однако радоваться было рано. Поверженный враг неожиданно зашевелился, встал на четвереньки и потянулся за выроненной шпагой...

– Ах, чтоб тебя... – прошептал Жменя и двумя руками всадил палаш под основание черепа живучему сопернику. Тот вновь растянулся на полу, несколько раз его тело дёрнулось и затихло... Но убить его не удалось и на этот раз. Сначала раздался оглушительный рык, потом крик:

– Р-р-р-с-с... С-сюда! С-с-сюда!!!

– Сдохни же наконец! – и Семён мощным ударом отсёк ему голову.

– Бежим, Симеон! – Вёллер схватил казака за рукав и потянул на себя.

Со стороны хода, обозначенного на плане L1, то есть, от самой башни, послышался топот и лязг оружия. Друзья бросились в противоположную сторону, туда, откуда и пришли.

«Там же стена!» – хотел крикнуть Жменя, но никакой стены не оказалось. Та шершавая и влажная перегородка, которую он ощупывал всего несколько минут назад, исчезла. Только лёгкий шорох свидетельствовал о том, что поднятая плита вновь начала своё движение вниз, перекрывая дорогу преследователям.

Выбравшись наружу, Вёллер скомандовал:

– Выводи коней!

А сам бросился в каморку Симеона, где хранились их нехитрые пожитки и некоторые, раздобытые с великим трудом документы... Спустя несколько минут, они уже скакали прочь от ворот Кёнигсберга...

«...Есть люди без лиц, а есть люди бездушные и бессердечные. Внешне они, как будто, ничем не отличаются от обычных людей. И, порой, не сразу заметишь, что тот человек – безликий. Его глаза никогда не светятся радостью, он не способен к состраданию и милосердию... Он всегда в маске, которая остаётся неподвижной. Неподвижно всё, кроме рта, который работает за остальные части лица, что делает общую картину отвратительной. Люди без души, напротив, постоянно гримасничают,

порой стараются вас развеселить или обольстить, но всё больше и больше напоминают кукол-марионеток. В конце концов, вы убеждаетесь, что они - давно мертвы.

И тем радостнее становится, если вдруг среди безлико-бездушных людей вам встретится настоящий, живой, преданный и благородный человек...»

Глава 10. Дуэль

Ранним утром 9 сентября 1564 года из замка Тапиау, где временно разместился герцог Альбрехт Бранденбургский, по направлению к Нойхаузену выехали два всадника. Это были дипломаты, принимающие участие в секретных переговорах между прусским герцогом и русским царём Иваном IV. Вчера они оба присутствовали на аудиенции с Альбрехтом Бранденбургским, который, изучив послание от московского государя, подготовил ему ответ.

– Царь Иван Васильевич – дальновидный политик, – заметил герцог. – И я верю, что он построит в Нарве большой порт и прочно обоснуется на берегах Остзее... Правда, никто не знает, насколько быстро это произойдёт... Но уже сейчас царь озабочен созданием собственного флота...

Герцог Альбрехт выглядел неважно. По всему было видно, что он устал от государственных дел, и самых близких людей ему в эти дни заменял кувшин, в котором стараниями его гофмейстера никогда не переводилось доброе вино.

– Если царь захочет приобрести торговые или, скажем, военные суда, мы поможем ему осуществить такую сделку... – герцог говорил отрывисто, делая длинные паузы в своих фразах. Он старался не смотреть в глаза собеседникам, видимо, чувствуя, что своим видом вызывает одно лишь сочувствие. – У нас есть свои торговые представители в Германии, Голландии, Англии и Швеции... Всё дело только в деньгах. Пусть присылает своё посольство, и мы обсудим все детали... Более того, когда у государя появится свой флот, мы можем предоставить его кораблям надёжные гавани... в которых они смогут укрыться от пиратов, переждать непогоду, пополнить запасы провизии или осуществить ремонт... Это крепости Бальга и Фишхаузен... А вскоре мы намерены углубить канал, и царский флот сможет следовать до самого Кёнигсберга... – герцог вытер испарину на лбу кружевным платком и пристально посмотрел на Вёллера. – Ты чем-то озабочен, друг мой Дитрих... Как продвигается расследование? Готов ли ты совершить очередное путешествие в Москву?

– Ваша светлость, – тихо, но твёрдо проговорил Вёллер. – Моё расследование приближается к завершению. Но для полного окончания дела я вынужден просить вас отправить меня в Краков. Миссию же по доставке вашего ответа царю Ивану, я предлагаю возложить на доверенное лицо государя, посланника Посольского приказа при дворе Иоанна IV Симеона Жменю, лучше которого с этой задачей не справится никто.

Казак отвесил герцогу глубокий поклон.

– Симеон сопровождал меня из Москвы. Царь поручил ему охранять меня и его послание. Этому человеку можно всецело доверять.

– Да-да, ты мне говорил о нём... – герцог внимательно взгляделся в мужественное лицо казака. – А вот вижу я его впервые. Что ж, доблестный Симеон, сейчас тебе вручат ответную грамоту с моим посланием вашему государю, охранную грамоту для тебя самого... и достаточную сумму денег, чтобы сделать твоё путешествие менее утомительным... На словах же передай царю Иоанну, что я по-прежнему остаюсь его верным союзником и добрым другом...

Первые два дня с момента бегства из зловещих подземелий Кёнигсберга друзья провели в особняке барона Отто фон Трейта. Старый рыцарь был хорошо осведомлён о творящихся в Замке порядках. Буквально на следующий день он сообщил Вёллеру и Жмене:

– Мне доложили, что в подвалах Замка проводился важный магический сеанс во благо Пруссии и нашего герцога... Совместно с восточными мудрецами. Были вызваны духи бывших магистров и комтуров Тевтонского ордена... Пруссию ожидает блестящее будущее, а герцога – длительный срок правления! Вас же, господа, никто не ищет, по крайней мере, мне об этом не известно... Полагаю, вам можно беспрепятственно следовать по своим делам.

Выждав ещё некоторое время, друзья отправились на поиски других свидетельств против Скалиха, справедливо решив, что обвинение последнего в искусственном возвращении человеческих существ и поклонении Дьяволу, могут посчитать бездоказательным и клеветническим. «Эти факты я приберегу на крайний случай, – сказал Вёллер. – Если того, что я соберу, окажется недостаточным, я готов под присягой рассказать то, что видел в подвалах Кёнигсберга самому королю Сигизмунду и служителям церкви, пусть даже для этого придётся обратиться к иезуитам (54)!»

А пока друзья решили нанести визит к Альбрехту Трухзессу фон Ветцхаузену, тому самому дворянину, который когда-то не побоялся пойти против всемогущего Скалиха, но потерпел при этом сокрушительное поражение.

Барон фон Ветцхаузен встретил доктора и его спутника настороженно, и, возможно, он отказал бы им в аудиенции, если бы не нуждался в помощи врача. Как оказалось, ещё до известного судебного процесса, в Европе на дворянина было совершено покушение. Из-за ранения он не смог прибыть в Кёнигсберг в указанный срок. Получив суровый вердикт от герцога и недвусмысленное напутствие от «доброжелателя» держать рот на замке, «если дорога жизнь», барон удалился в своё имение Гросс Клиттен, где решил доживать свой век в уединении, подальше от дворцовых интриг. Рана правого плеча постоянно напоминала о себе, а иногда боль была просто нестерпимой...

Вёллер не стал «тянуть кота за хвост». Осмотрев раненого, он объявил ему свой вердикт:

– Рана довольно запущена, но я приложу все свои силы для того, чтобы вам помочь, герр барон. Видите ли, порядочных людей среди прусского дворянства становится всё меньше, поэтому я не допущу, чтобы они покидали сей мир раньше времени... И, прозондировав гноящуюся рану, лекарь достал из неё несколько мелких костных отломков – причину воспаления.

Почти неделю Вёллер не отходил от фон Ветцхаузена: лично менял мазевые повязки, поил настойками, и только, когда убедился, что его лечение принесло желаемые результаты, обратился к нему с просьбой предоставить хотя бы небольшую часть из тех документов, которые тот собрал по делу Скалиха.

– Вот, в чём дело... – с вымученной улыбкой произнёс барон. – Вы хотите довести до конца, то, что не удалось мне... Что ж, будь по-вашему. Благодаря вам, я отсрочил свидание с Преисподней, пусть же туда отправится самозванец! Запоминайте адрес... Это в Кракове. Там живёт мой кузен, кое-какие свидетельства я оставил у него... Я вам напишу для него письмо... Но, ради всего святого! Будьте предельно осторожны!

Если всадник не боится загнать лошадь, то он может проделать путь от Тапиау до Нойхаузена часов за шесть. Два тайных дипломата были в пути уже более восьми часов. Они, конечно, спешили, но не настолько, чтобы причинять вред своим коням.

– А вот и та роща, где нам пришлось скрестить шпаги с живучими уродцами, – печально произнёс Вёллер, когда они оказались вблизи Замка.

– Неприятное воспоминание, – ответил Симеон. – Так это были гомункулусы?

– Несомненно. Причём, я бы отнёс их к подмастерьям. Злобы много, упорства не занимать, но мастерства – никакого.

– И живучи, как... даже не знаю, с кем сравнить...

– Да, хотя, возможно, один мастер среди них был... Вероятно, тот, кто стрелял из арбалета... Но его слишком быстро вывели из строя, поэтому он так и не смог показать своё мастерство!

– Как странно всё это, – промолвил Жменя. – Такая красота, тишина, благодать... Всё вокруг благоухает, щебечет, радуется жизни и солнцу... И тут же – мерзкие, хищные, бездушные твари!..

– Да, дружище. Вот я и подумал о том, что если нам удастся уничтожить Скалиха, то с этими созданиями... предстоит ещё повозиться... А кто знает, сколько их наплодили и где они скрываются...

– Ты прав, доктор. Только я думаю, что искать их нам не придётся. Рано или поздно, они сами себя покажут... Мне до сих пор становится жутко, при одном лишь воспоминании о тех склянках и ящиках с зародышами... Но и их создатели не сидят сложа руки...

– Ты опять тысячу раз прав, Симеон. Помнишь, эти поклонники Сатаны раскапывали могилы? Им зачем-то были нужны человеческие трупы... Так вот, я думаю, что они скармливают их своим чадам... чтобы вырастить существо, неотличимое от человека... – Он перекрестился. – Да поможет нам Пресвятая дева Мария в борьбе с дьявольскими кознями...

– Истинная вера придаст нам силы, – подхватил Симеон, размашисто осеняя себя православным крестом. – Как ты думаешь, дорогой доктор, а сам Скалих, он – человек?

– Сейчас я не могу ответить на твой вопрос. Иной человек, коль взглянуть на него внимательно, так похож на... куклу, что готов биться об заклад: он – гомункулус... Но в действительности оказывается таким же, как мы... Люди бывают разные, Симеон, в них иногда так непросто разобраться...

– Кстати, все нападавшие были левшами, – после недолгой паузы произнёс Жменя.

– А Скалих... Даже если он левша, то это ещё ничего не значит. Каждый десятый человек – леворукий. Нас в фехтовальной школе учили, как вести бой против левши... Не такая уж большая редкость...

Уже вечерело. Заходящее солнце слегка позолотило сентябрьское небо, которое будто бы прикоснулось своей нежной румяной щекой к зелёным верхушкам сосен. Путники прибыли в замок Нойхаузен. С момента их последнего визита в замке практически ничего не изменилось: Анна Мария, фрейлины с камерфрау, учителя и воспитатели наследника, а также лейб-медики, все были рады гостям, которые предпочитают не сидеть на месте, а много путешествовать и с радостью делиться свежими новостями, оживляя их уединение столь желанным разнообразием.

– ...Так вы, сударь, собираетесь похитить нашу прелестнейшую затворницу Агну? – с лукавой улыбкой приветствовала герцогиня бравого молодца в дорогом дорожном костюме, который учтиво поклонился ей.

– Ваша светлость, наш Симеон, выполняя поручение герцога Альбрехта, отправляется в Московию с чрезвычайно важной миссией, – объявил Вёллер. – Было бы просто замечательно, если бы в столь... ответственном походе его сопровождала дама, которая согласилась связать с ним свою жизнь...

– Ах, любовь... Ах, молодость... – словно лёгкое облачко коснулось прекрасных очей герцогини. – Конечно, это – чудесно... Но нам так будет не хватать нашей кроткой и задумчивой фрейлины... И вы тоже скоро уезжаете, доктор?

– Увы, сударыня... Герцог отсылает меня в... Польшу. Говорят, тамошние лекари – сплошь неучи и шарлатаны. Возможно, придётся ставить на ноги всю польскую знать и проверять, надежно ли держится на своём месте польская корона!

– Ах, милый Дитрих, опять ваши дипломатические шуточки... Скажите честно: мой неугомонный супруг натравливает вас на короля Сигизмунда... Смотрите, чтобы это не кончилось очередной войной!

– Ах, сударыня! Мы, дипломаты, как раз и стараемся избавить мир от сражений! Мне ли думать о войнах, ведь я тоже намереваюсь свить семейное гнёздышко... покорив очаровательную фрейлину из вашего окружения!

– И вы туда же! Уж не знаю, как мне уберечь свой двор от ваших коварных замыслов!

– В добром ли здравии сам герцог? – учтиво осведомился Титиус.

– Герцог, как всегда, занят государственными делами, – ответил Вёллер. – Вся Пруссия на его плечах, хотя одна лишь Академия способна доставить столько же хлопот, сколько студентов обучается в её стенах на данный момент.

– Не собирается ли он посетить свою супругу и наследника? – поинтересовался Функ.

– Я не осведомлён о ближайших планах герцога... Но, думаю, хорошая охота на зайцев в здешних местах ему бы точно не помешала...

Ужин прошёл с обилием простых, но достойных всяческих похвал блюд, сдабриваемых рейнским, бургундским и бордоским винами, а также непринужденным светским разговором.

– Помогли ли вам мои советы, фрау Функ?

– Ах, доктор, я неуклонно следую вашим рекомендациям и нахожу себя в гораздо лучшей форме...

– Герр Симеон, насколько трудна служба у русского царя? – спросил Якоб фон Шверин.

– Всякая служба не легка, если относиться к ней добросовестно, – ответил Жменя. – Но именно такое отношение и делает её необременительной и желанной...

– О, вы философ! Я слышал, в этом году военная кампания началась для русских неудачно?

– Незначительные неудачи, сударь, только укрепляют боевой дух русской армии. (55).

– Я уверен, что московский царь сделает правильные выводы, и скоро мы его увидим на берегах нашего моря!..

После ужина Вёллер проявил всё своё дипломатическое искусство, чтобы уговорить герцогиню позволить ему сказать наследнику несколько слов наедине.

– Не уверена, что он станет вас слушать, но извольте... Тем более, вы всё-таки врач...

– Благодарю вас, сударыня. Я убеждён, что мои слова пойдут ему только на пользу...

Сын герцога Альбрехта, юный Альбрехт Фридрих сидел в полутёмном зале и смотрел в окно. На столе горела единственная свеча и лежала открытая книга. Когда отворилась дверь, он даже не повернулся в сторону вошедшего.

– Позвольте войти, ваше высочество...

Молчание. Вёллер не стал дожидаться нежелательных свидетелей и, сделав несколько быстрых шагов, приблизился к принцу.

– Бедный мальчик, – отрывисто произнёс он. – Я знаю, в каком вы сейчас состоянии и пришёл поддержать вас. Я знаю, кто ваш враг, и обещаю вас скоро избавить от него...

Наследник медленно повернул лицо к говорящему. Прежде принц с трудом переносил внимательный взгляд в глаза, даже вполне доброжелательный или любящий... и редко сам смотрел в лицо собеседнику. А тут такой пронзительный взор! В его глазах блеснул огонь свечи, и доктору показалось, что внутри мальчика вспыхнула искорка надежды.

– Альбрехт Трухзесс фон Ветцхаузен пытался помочь вам, но был тяжело ранен и посрамлён... Доктор Томас Волькенштайн совсем недавно тоже пытался протянуть вам руку помощи... и был жестоко убит. Но есть ещё я, Дитрих Вёллер! И я даю вам слово дворянина, что сверну шею Скалиху и всей его компании, а вас избавлю от необходимости притворяться больным и слабоумным! А если и мне доведётся сложить голову, то найдутся другие верные люди! Потерпите ещё совсем немного... И верьте – Господь поможет нам!

Слабая улыбка озарила лицо мальчика.

– Храни вас Пресвятая дева Мария, храбрый рыцарь... Я не забуду добра, сделанного вами...

Аудиенция была закончена.

На следующий день, 10 сентября, Дитрих Вёллер и Семён Жменя простились.

На востоке едва забрезжил рассвет, а доктор уже был на коне.

– Тебе, Симеон, – в Кёнигсберг, а мне – совсем в другом направлении. Спасибо за всё, дружище. Даст Бог, ещё встретимся! Прими на память о своём друге... и о наших необыкновенных похождениях сей скромный подарок, – Вёллер протянул Жмене кинжал, тот самый, со странными зубринами, который он обрёл на поле сражения с гомункулусами.

– Благодарю тебя, братишка! – казак принял подарок. На блестящей поверхности клинка чернела надпись на латыни. – Коль Господу будет угодно, мы обязательно свидимся!

Они крепко обнялись, и доктор выехал за ворота замка.

Жменя перекрестил его. Сам он со своей невестой тронулся в путь немногим позже. Его Агна была сиротой, поэтому проводы её в чужие земли не заняли много времени. Анна Мария благословила свою фрейлину, а её подружки, как и полагается в подобных случаях, слегка всплакнули. Девушка превосходно держалась в седле, поэтому путешествие не казалось влюблённым тягостным. Единственное, что оставалось сделать, это прикупить в городе тёплой одежды и, по возможности, присоединиться к торговому обозу, следующему в Ливонию...

– Какой крутой поворот в моей судьбе, герр Симеон, – произнесла Агна, едва они выехали за ворота.

– Не надо меня называть «герр Симеон», милая. Называй просто «Се-мён».

– Хорошо... Се...мён...

– Не зябко ли тебе, моё солнышко?

– Когда ты меня называешь так нежно, «моё солнышко»... я таю от тепла, – она звонко рассмеялась.

Порой казалось, что она всё ещё не верит в своё счастье.

Дорога свернула в лес. Близость места, где недавно разыгралось нешуточное сражение, вызывала невольное беспокойство. «Ничего, как минуем этот чёртов участок пути, сразу станет веселей», – успокаивал себя казак.

Но треснули сухие сучья, закачались ветви ольхи, вспорхнули испуганные птицы и из леса навстречу дипломату и его спутнице выехали три всадника. Семён и Агна остановились, трое, что преградили им дорогу, тоже.

Жменя сразу узнал их: «Святая» троица, – мелькнула невесёлая мысль, – Скалих, Шваубе и Зоннерлихт!"

– Оставайся здесь, – шепнул он невесте, а сам двинулся вперёд.

Скалих не скрывал злорадства, завидев приближающегося к нему казака.

– А где Вёллер? – спросил он.

– Выехал ещё засветло. По приказу герцога, – ответил Семён.

– Куда же? – усмехнулся Шваубе.

– Он – дипломат. Поинтересуйтесь у его светлости.

Шваубе и Зоннерлихт спешили и двинулись было к Жмене, но Скалих жестом остановил их.

– Так ты и есть тот самый... неуловимый помощник проныры Дитриха, привыкшего совать нос в чужие дела? – Скалих прищурился и положил руку на эфес шпаги.

«Правая», – отметил про себя Жменя.

– Я не знаю, какие у вас планы, господа, но я выполняю поручение герцога Альбрехта, о чём имею соответствующие документы!

– Видим мы твои «документы», – осклабился Зоннерлихт, глядя на спутницу казака.

– Нет, он действительно собрался в Московию, – усмехнулся Скалих. – И, как видите, не один. Позвольте вам, господа, представить Симеона Жмену... Царский дипломат и похититель фрейлин герцогини!

– Да, таким именем нарекли меня отец и мать, – заметил казак. – Чужих же имён и титулов я не присваивал!

– Вот оно, как... – Скалих медленно вынул шпагу из ножен. – Оставайтесь на месте, господа. Я сам расправлюсь с дерзким холопом!

– А я – отомщу за доктора Волькенштайна, если позволите.

Показалось Семёну, или нет, но Скалих побледнел.

– Непростительно долго мы позволили тебе жить, – процедил он сквозь зубы.

Жмене очень хотелось обернуться, приободрить застывшую от ужаса молодую невесту. Но делать этого было нельзя.

Сверкнула сталь клинка. Шпага из правой руки Скалиха буквально выпрыгнула в левую. Агна вскрикнула. Советник герцога Альбрехта вонзил шпоры в бока коню и бросился на Семёна...

Шпага против палаша... Впрочем, не такая уж большая разница – шпага у Скалиха была длинная, почти в два локтя, с широким клинком из отличной стали. Да и сам он, как оказалось, был весьма неплохой фехтовальщик: Семён едва успевал отбивать быстрые, точные и сильные удары противника. Сдержав первый натиск, казак сразу ощутил, что имеет определённое преимущество и это – его конь! Каштан – боевой друг, который тонко чувствует хозяина и помогает ему в сражении. Конь же Скалиха совершенно не годился для такого боя. Советнику герцога приходилось сражаться и одновременно управлять животным.

Да и наездник из него был, мягко говоря, неважный. Пешим, как понял Жменя, у него самого было бы немного шансов на победу. Зато конным – гораздо больше!

Скалих был хладнокровен и чрезвычайно сосредоточен. Он не давал волю чувствам. Интриган верил в собственные силы и считал свою победу – делом времени. Семён же старался «закружить» врага. Он много двигался, заставляя противника терять его из виду и вновь принаравливаясь к дистанции и направлению. Помощники Скалиха держали коней под уздцы, следили за ходом дуэли и не решались вступить в схватку.

Каштан ударил грудью коня Скалиха. Советник герцога Альбрехта покачнулся в седле. Семён обрушил на врага град ударов. Демонстрируя отличную технику, Скалих умело отбивал их, пытаясь перехватить инициативу. Затем сам Пауль бросил своего коня вперёд. Но Каштан ловко увернулся. Противник Семёна на миг потерял ориентацию и «раскрылся». Тотчас Жменя нанёс молниеносный и точный удар в самое сердце врага. Помощники Скалиха на миг словно окаменели. Видя, как их хозяин выронил шпагу и валится с коня, Шваубе обнажил своё оружие и с криком: «Умри же и ты!» бросился на казака. Тот выверенным ударом снёс голову незадачливому вояке.

– Зоннерлихт! – Жменя направил палаш в сторону склонившегося над телом Скалиха третьего соперника. – В здешних местах я – лицо неприкосновенное! Вступая с вами в схватку, я нарушаю приказы, как вашего герцога, так и собственного государя. Как только ты закопаешь этих крыс (кивок в сторону Скалиха и Шваубе), а я доставлю послание по адресу, я буду готов встретиться с тобой на любой земле и в любое время!

«Мне нравится думать, что Жизнь – это определенное расстояние, которое нам предстоит преодолеть за отпущенное время. А та тропинка, которую каждый сам для себя выбрал – и есть наша Судьба. Каждый должен шагать только вперед, без остановок, независимо от того, нравится ему это или нет. Быть может, все спешат общей дорогой, только вот на одни и те же вещи смотрят разными глазами? Но неизбежно наступает момент, когда мы вдруг понимаем, что данный маршрут был выбран не нами, он давно уже предопределен... Вот только кем?»

Да, богатство и роскошь прошли мимо меня. Власть у меня тоже отобрали. Но я познал её настолько, чтобы оценить несомненные преимущества человека, не обременённого обязанностью ежеминутно думать о судьбе своего народа и принимать взвешенные исторические решения. Ибо, чтобы не стать проклятым своими же подданными, нужно иметь массу необходимых для настоящего вождя добродетелями... Какими именно? Во-первых, никогда не ошибаться... Во-вторых, знать и уметь то, что знал и умел мой отец, первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский...

Впрочем, моя жизнь могла быть значительно короче и безрадостнее, не повстречайся на моём пути такие люди, как Дитрих Вёллер...»

Глава 11. Post scriptum (эпилог к первой части)

Семён Жменя ещё не успев выехать из Кёнигсберга, уже прослышал, что Пауль Скалих вернулся в свою резиденцию. Он якобы был ранен лесными разбойниками, впрочем, рана оказалась лёгкой и большого вреда ему не причинила.

Спустя примерно месяц дипломат благополучно достиг Москвы, где явился пред очи государя Ивана Грозного с посланием от герцога Альбрехта. Невеста Семёна Агна приняла православие и получила новое имя – Анна. Они обвенчались, сыграли свадьбу и поселились в Москве.

В 1572 году Семён Жменя принял участие в Молодинской битве. Князь Михаил Воротынский поручил ему поддерживать боевой дух среди немецких наёмников. Бок о бок сражался казак вместе с Генрихом Штаденом (56). В этом бою Жменя был тяжело ранен и вернулся в Москву только через полгода после сражении. Расправа, которой Иван Грозный подверг спасителя Руси князя Михаила Воротынского (57), не коснулась Семёна. Царь высоко ценил свой Посольский приказ, и казак остался служить на прежнем месте.

После смерти царя Ивана Семён Жменя со своими детьми и внуками переселился на окраину города, где на берегу Москвы-реки выстроил целый квартал, получивший впоследствии название Семёновской слободы. Она просуществовала вплоть до сожжения Москвы Наполеоном... Он не принадлежал к известным фамилиям, борющимся за власть во времена Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова – Шуйским, Нагим, Долгоруким... Он всего лишь честно исполнял свой долг и не участвовал в политических интригах. Ему удалось стать настоящим дипломатом при дворе русских царей, и это не раз спасало его от расправ.

Семён и Анна прожили долгую жизнь. Они пережили страшное Смутное время. Но две мечты славному казаку так и не удалось осуществить: это – переехать жить на родной Дон и вновь встретиться со старым другом из далёкой Пруссии – Дитрихом Вёллером.

Дитрих Вёллер осуществил задуманное. Он добился аудиенции с польским королём Сигизмундом Августом и предоставил последнему собранные документы о заговорщике Скалихе. Началось разбирательство. Возможно, рассмотрение такого неординарного вопроса затянулось бы надолго, но из Кёнигсберга прибыли другие дворяне, тоже ярые противники авантюриста – Элиас фон Канитц и Отто фон Трейт. Информацию же, связанную с созданием гомункулов, Вёллер благоразумно утаил.

В августе 1566 года польский король направил в Кёнигсберг высокую комиссию для расследования дела Скалиха. Закончилось оно процессом, на котором председательствовал тринадцатилетний наследник, Альбрехт Фридрих. Но, поскольку к тому времени Скалих и Зоннерлихт из Кёнигсберга уже скрылись (коварный советник напоследок выманил у герцога Альбрехта более 7000 талеров!), то главными обвиняемыми перед судом предстали магистр Иоганн Функ, Матиас Хорст и Иоганн Шнель. Им вменялось следующее: нарушение в герцогстве христианского согласия, пропаганда еретического осландерского учения и поддержка авантюриста и чернокнижника Скалиха. За это они были казнены на рыночной площади Кнайпхофа.

Как стало известно, вскоре Скалих объявился в Данциге. Он вновь стал католиком и сменил фамилию на Скалигер. Его сопровождал верный помощник Теодорус фон Зоннер. По одним слухам, бывший советник герцога умер в 1575 году, по другим – в 1594-м он опять прибыл в Кёнигсберг, изменив внешность и имя, впрочем, к тому времени о нём никто уже не помнил.

Потрясённый случившимся, герцог Альбрехт полностью отошёл от государственных дел и умер в своём замке Тапиау 20 марта 1568 года. В тот же день из замка выехал всадник и помчался в Нойхаузен. Через несколько часов скончалась вдова герцога Анна Мария.

Бразды правления Пруссией принял пятнадцатилетний Альбрехт Фридрих. Хоть Скалиху и удалось убедить герцога изменить завещание в свою пользу, но его впоследствии

посчитали недействительным. Молодого же принца сочли способным управлять герцогством.

Но, как выразился в своё время герцог Альбрехт, «вьюн, такая рыба... когда держишь его в руках и думаешь, что поймал, а он возьми и выскользни»... Среди таких «вьюнов» оказался и лейб-медик Симон Титиус. По настоянию маркграфа Георга Фридриха фон Бранденбурга Ансбахского, придворный врач продолжал собирать (а точнее, фабриковать) медицинские документы, свидетельствующие о прогрессирующей душевной болезни второго герцога Пруссии. Зрел новый заговор, целью которого было отстранение от власти Альбрехта Фридриха. Вскоре «болезнь» молодого герцога уже не вызывала ни у кого сомнений. В 1577 году польский король Стефан Баторий назначил к «душевнобольному» Альбрехту Фридриху опекуна – Георга Фридриха маркграфа Ансбахского.

Надуманная болезнь не помешала Альбрехту Фридриху жениться в 1573 году на Марии Элеоноре Юлих-Клевской. Примерно в это же время герцог предложил Дитриху Вёллеру стать его советником и, по необходимости, придворным врачом... Доктор откликнулся на приглашение, но его деятельность отныне стала целиком врачебной. Он проводил время в кёнигсбергском поместье герцога, а также в его резиденции в замке Фишхаузен, куда тот позже переехал, передав бразды правления Георгу Фридриху. Семейство герцога увеличивалось. Между супругами царила любовь и согласие. Бог одарил их пятью дочерьми, и впоследствии ни у кого из потомков Альбрехта Фридриха не были отмечены признаки «безумия». Сам же герцог, посвятив дальнейшую жизнь собственной семье, мирно скончался в возрасте шестидесяти пяти лет.

Кипучая натура Дитриха Вёллера требовала выхода в активных поступках. Но ни опасных путешествий, ни политических противостояний, ни вооружённых конфликтов в его жизни больше не случилось. Свою энергию он направил на покорение сердца дочери самого Отто фон Трейта. Стремительный штурм по всем правилам дипломатического искусства, сдобренного нехитрыми приёмами рыцарского обольщения мужчины-воина, увенчался успехом. Победа была отпразднована шумной свадьбой в имении пожилого солдата. Благодаря этому событию, барон, как он сам выразился, прожил «дополнительные десять лет», увидел внуков и впоследствии ворчал только «по старой привычке».

Вёллер посвятил себя не только медицине. К концу жизни он взялся за перо и сел за мемуары, в которых подробно описал как свои дипломатические приключения, так и то, что произошло в Кёнигсберге в последние годы правления герцога Альбрехта. Некоторые его заметки легли в основу данного повествования. Он неоднократно порывался отправиться в Московию в надежде повидать своего друга и спасителя Симеона Жменю, но... звёзды расположились иначе.

Он так и умер у себя в кабинете, сидя за рабочим столом с пером в руке над исписанным листом пергамента. Отблеск свечи «играл» на его массивном лысом затылке, а лёгкий утренний ветерок, ворвавшись в оконный проём, шевелил седые пряди на висках. Было ему семьдесят семь лет.

Бежавший вместе со Скалихом Зоннерлихт впоследствии стал Теодором фон Зоннером. Помог ему получить новую фамилию и титул сам бывший советник герцога Альбрехта. Однако впоследствии помощник Скалиха попался на какой-то сомнительной сделке в Данциге, вследствие чего угодил в тюрьму. Дальнейшими сведениями о его судьбе история не располагает.

Сам же замок Кёнигсберг, его постоянно обновляющиеся постройки, просторные залы с роскошными украшениями, как, впрочем, и мрачные подземелья, продолжали

притягивать к себе массу самых разных людей. Спустя два столетия после описанных событий, Кёнигсберг облюбовали масоны, а также люди, весьма близкие к масонству, но таковыми не являющиеся. При встрече друг с другом они приветствовали своего собрата особым ритуалом – учтиво соприкасались локтями левых рук и кулаками. Имеются сведения об их тайных встречах в своих «штаб-квартирах» на Трагхайме и Росгартене. Судя по всему, «братство Вечности» не кануло в Лету, а продолжало действовать.

И кто знает, не существует ли оно до сих пор...

ЧАСТЬ II. «КТО Я?»

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«Возлюбленные дети мои, внуки и правнуки! Дожив до весьма преклонного возраста, и чувствуя приближение смерти, я хочу перед вами исповедоваться, предостеречь и дать некоторые наставления. Жизнь моя была полна событиями, кои истинный дипломат не имеет права разглашать, ведь тайна, сообщённая тобой хотя бы только одному человеку, перестаёт быть тайной. Но, ввиду грозящей всем нам вселенской опасности, моя совесть побуждает сделать некоторые исключения...»

Глава 1. «Затворник» и «кладоискатели»

Это утро Арсентий начал с пробежки. Такая привычка давно стала для него образом жизни – утренний бег лёгкой трусцой вокруг Верхнего пруда, раз уж довелось жить поблизости от этого благодатного места. Не сказать, чтоб непременно каждый день: всё зависело от капризов погоды и... в ещё большей мере от настроения, внутренней душевной потребности. Бывало, что он едва проснулся, а внутри уже всё зудит, звенит и зовёт: вперёд, на пробежку! Ощущать непередаваемое чувство мышечной «радости», дышать свежим утренним воздухом, любоваться увядающей листвой на цветастых кустах и деревьях! Созерцать водную гладь озера, плавающих по ней чаек, уток и лебедей; наблюдать за покинутыми душными квартирами горожанами: кто-то из них выгуливает собачку, иные так же, как и он – на зарядке. А некоторые уже спешат на работу...

Непреодолимое желание пробежаться утром вокруг озера возникало раза три-четыре в неделю. Обычно, следуя вдоль кромки воды, благо, в последнее время здесь появились удобные пешеходные и велосипедные дорожки, Арсентий ощущал, как его организм наполняется бодростью и новыми силами, а голову, порой, посещают очень важные мысли... Сначала – через мост, потом – по набережной мимо пляжа и «моржей», так горожане прозвали скульптурную композицию, венчающую небольшую плотину, через которую излишек воды по подземному стоку уходит в сторону форта, наполняя окружающий его ров.

А небо уже осеннее. Над городом нависли угрюмые тучи, собирающиеся расплакаться мелким дождиком. Так и хочется вытянуть руку, ласково похлопать по их отвисшим щекам и слегка отодвинуть, чтобы солнечные лучи, получив свободу, улеглись на сырую калининградскую землю, осветили и обогрели её.

Порой, осень напоминала Арсентию маскарад, на котором все участники вырядились в красивые изысканные одежды. Приглашённые гости веселятся, хотя понимают, что бал продлится недолго. Радость постепенно сменяется грустью, но грусть эта – светлая. А когда праздник заканчивается, и суeta в природе стихает, лишь усталые листья задумчиво лежат на земле. Они напоминают припозднившихся гуляк. Постепенно всё погружается в глубокий тяжёлый сон и смолкает до будущей весны, до нового праздника...

Хорошо думается в эту славную пору и мысли текут привольно... Иногда, во время короткой пробежки лишь вспомнишь о работе, о повседневных проблемах или результатах опытов, как вдруг... рождается новая идея! Вроде бы, и пришла она ниоткуда, жила где-то здесь, в тесных лабиринтах подсознания, а тут вышла ненароком «освежиться» на чистом воздухе...

А вот кафе «Парус». Повернув налево, Арсентий продолжил свой путь по улице Черняховского. Справа звенят трамваи и рычит прочий транспорт проснувшегося города. Слева – кирпичная стена, примыкающая к башне «Дона» (58), в которой сейчас расположен Музей янтаря. Сама стена ограничивает Верхний пруд с юга. Часть воды в этом месте уходит под землю и стекает каскадами уже правее – в Нижний пруд, он же – Королевский, пруд Лебедей, Замковый...(59).

Неутомимая память Арсентия «подбросила» ему вчерашний разговор с добрым приятелем Авениром Петровичем Овсянниковым. Тот уже более полувека живет на калининградской земле, и все эти годы посвятил изучению истории бывшей столицы Восточной Пруссии. Был он известным краеведом, историком, признанным специалистом по фортификационным сооружениям, а также возглавлял отдел по поиску культурных ценностей и охране памятников. В общем-то, друзьями они не были, но их связывало важное обстоятельство: любовь к Калининграду и его истории. Они и познакомились на диспуте,

посвящённом проблеме поисков Янтарной Комнаты... лет уж пятнадцать назад. С тех пор и встречались... преимущественно на стезе краеведения. А тут – неожиданный звонок!

– Арсентий Александрович, а у меня к вам интереснейшее предложение! По вашей, так сказать, специальности! – в голосе Авенира Петровича действительно чувствовались необычные интонации. – Пожалуй, нам стоит встретиться и обсудить его.

– По моей специальности? – вот этого Арсентий явно не ожидал.

– Да-да, вы же работаете над проблемой «сборки» из запчастей искусственного человека!

– Отнюдь, уважаемый Авенир Петрович! Этим делом бросили заниматься ещё во времена средневековья, – Арсентий ревностно относился к различным «интерпретациям» по поводу рода своей деятельности, считая, что это «умаляет» её истинную значимость. – Вы же прекрасно знаете, что мы заняты биоконструированием отдельных человеческих органов и не претендуем на роль Создателя!

– Не обижайтесь, дружище! Ради бога, я не хотел никоим образом задеть ваши профессиональные чувства! Надеюсь, вы простите старика, тем более что повод воистину... чрезвычайный! И речь идёт именно о биоконструкторе, только времён... весьма далёких от современности! Уверяю вас, что это выглядит очень интересно!

«Старику» было почти восемьдесят и, конечно, Арсентий никакой обиды на него не держал. Он знал Овсянникова как первоклассного специалиста и милейшего человека, поэтому ответил так:

– Вы меня заинтриговали, уважаемый Авенир Петрович...

И они договорились о встрече вечером.

Продолжая бег, Арсентий невольно улыбнулся. Отчего-то он придал большое значение предстоящему разговору. Овсянников был не просто взволнован, его, как показалось, распирали целый сонм эмоций!

«Видно, Петрович опять откопал что-то из ряда вон...» – решил Арсентий, ускоряя движения. Он нырнул под небольшую арку в крепостной стене и продолжил движение по «горбтому» мостику вдоль берега, но уже восточного. Справа осталась башня «Дона» с «Музеем янтаря», сзади – площадь Василевского. Его дом был уже совсем рядом...

Профессор Арсентий Ледовской, заведующий кафедрой нормальной анатомии человека медицинского факультета университета имени Канта, не так давно отметил свой «золотой» юбилей. «Пятьдесят лет – это не возраст, а счёт – 5:0 в мою пользу!», – шутил он с поздравлявшими его сотрудниками кафедры. Выглядел профессор соответственно своему статусу – лысый, с аккуратной академической бородкой и в очках. В быту он был неприхотлив, а порой даже аскетичен. Одевался Арсентий Александрович довольно небрежно, и как сам он говорил: «главное, чтобы было тепло и удобно». Галстуками пренебрегал, а расчёски считал излишеством. В юности он любил слегка «попижонить», однако с возрастом выработал свой собственный оптимальный стиль одежды и, вспоминая молодость, иногда любил пощеголять в добротном костюме...

А вот работа была для него всем! В трудах Ледовской забывал о еде, сне и отдыхе. Например, при подготовке докторской диссертации, он чуть не потерял зрение, просидев несколько суток подряд у монитора компьютера... От физического истощения и нервного переутомления его тогда пришлось буквально спасать в клинике.

Чудак и добряк, с искренней, как у ребенка, улыбкой. Внешне – настоящий «Рассеянный с улицы Бассейной»! Но нет, «ботаником» он никогда не был... наоборот,

отличался сильным и целеустремлённым характером... «Даже если в тебе разочаровался весь мир, всё равно верь в себя!» – повторял он своим студентам.

Вырос Арсентий в семье военного, вдоволь покочевал с родителями по гарнизонам, но в каждой новой школе всегда считался лучшим учеником в классе. Отец говорил ему: «Добро должно быть с кулаками», поэтому, как и все мальчишки, он, бывало, проказничал, а случалось – дрался, но всё равно с самого детства казался сверстникам... немного «не от мира сего», потому что много читал, любил учиться, избегал пустого времяпровождения и часто задумывался над «взрослыми» проблемами.

Он славился своей эрудицией и интересовался буквально всем: историей и искусством, музыкой и танцами, археологией и астрономией. Всякая наука казалась ему непаханой целиной, требующей освоения, а каждая мало-мальски стоящая теория – узкой тропинкой, из которой ему предстоит сделать широкую дорогу. Стоит ли говорить о том, что история Кёнигсберга также вызвала у него живейший интерес? Он лично общался со многими калининградскими краеведами и даже принимал участие в заседаниях их клуба.

В медицинском институте Ледовской неожиданно увлекся высшей математикой и теорией симметрии, которые вовсе не были предусмотрены учебной программой. На лекциях по клиническим дисциплинам листал учебники с «многоэтажными» формулами, мечтая когда-нибудь «просчитать» с их помощью всю физиологию человеческого организма... Он твёрдо уверовал в утверждение Галилео Галилея, что «книга природы написана на языке математики, её буквами служат геометрические фигуры, без помощи которых человеку невозможно понять её речь». Встретив «благодарного» слушателя, Арсентий мог часами рассказывать ему о своих необычных идеях и планах, которые обычно казались всем фантастическими и невыполнимыми...

Лет в тридцать-сорок Арсентий, будучи весьма перспективным учёным, пользовался большим успехом у студенток и аспиранток, но семьёй так и не обзавелся. «У меня категорически нет для этого времени, – говорил он друзьям, – к тому же я давно уже повенчан с наукой».

Своим главным научным направлением он избрал выращивание в лабораторных условиях искусственных тканей и органов для нужд трансплантологии. Его приглашали на различные симпозиумы, а работы печатали в научных журналах, ему надоедали падкие на сенсации журналисты, но денег на «сомнительные» исследования не выделяли. А когда у американских и даже корейских коллег стали выходить статьи с ошеломляющими результатами опытов, основанными на его теоретических разработках, Арсентий Ледовской перестал информировать университетской начальство и учёный мир о своих достижениях. Он начал работать «на себя»... Никого не посвящая в свои секреты, профессор привлекал самых талантливых аспирантов и студентов для решения небольших локальных задач, определённых расчетов, и они трудились над этим, чтобы всего лишь получить очередной зачёт. Работа успешно продвигалась, а учёный все более становился затворником, справедливо опасаясь того, чтобы очередная Нобелевская премия не уплыла из России за рубеж...

В семь вечера в Государственном архиве Калининградской области, в помещении, где обычно заседает клуб краеведов, Арсентия Ледовского ожидал Авенир Петрович Овсянников. Он сидел в кресле за широким ореховым столом. Пожилой исследователь выглядел молодцом: седые волосы, зачёсанные назад, прямой нос, строгое вытянутое лицо, а также жёсткий, сосредоточенный взгляд делали его похожим на политического деятеля

времён Леонида Брежнева. Рядом с ним находился писатель и историк, член правления Калининградского клуба краеведов Леонид Моисеев, круглолицый, черноволосый человек в очках, лет сорока пяти – пятидесяти. Перед собой он расположил раскрытый ноутбук.

Поскольку Арсентий Александрович прекрасно знал обоих, встреча прошла без лишних церемоний. Сразу перешли к делу.

– Я рад приветствовать вас, господа кладоискатели! – с сияющей улыбкой провозгласил Ледовской. – Но я вырвался максимум на час, прошу меня извинить, уважаемые краеведы, – добавил он, усаживаясь за стол.

– Тогда начнем, – заторопился Овсянников. – Сначала поделюсь информацией я. Впрочем, многое из того, что я скажу, вам уже известно. И всё-таки...

В 2005 году при раскопках фундамента Королевского замка археологи обнаружили маленькую серебряную коробочку с одиннадцатью предметами и небольшим кусочком пергамента. Нашлась она на месте, где раньше стояла замковая кирха, где-то неподалёку от «Зала москвитов». На глубине чуть более метра... Вы это, конечно, помните...

– Как ни помнить? – профессор вздохнул. – Дело нашумевшее!

Леонид Моисеев согласно кивнул.

– Я, с вашего разрешения, закурю, – сказал он. Однако не стал дожидаться позволения собеседников и тут же полез в карман за сигаретами.

– А я продолжу. Как известно, все предметы были изготовлены из различных металлов, в том числе из золота и серебра. На них были нанесены рисунки – пяти- и шестиконечные звёзды, изображения мифических существ и различные магические знаки...

– Мне помнится, что учёные нашли в шкатулке и массивный бронзовый перстень, намертво прикрепленный заклепкой! – поддержал беседу Арсентий.

– Да, и сразу возник вопрос: почему и для чего? Ведь его невозможно надеть на палец! Время изготовления шкатулки и её содержимого, предположительно XV-XVI век...

– Тогда и появилось предположение, что она... по всей видимости, принадлежала Паулю Скалиху, – добавил Моисеев. – Теологу, авантюристу, чернокнижнику... и вообще, загадочному человеку, обладающему незаурядными способностями. Об этом высказался ещё Вадим Храппа, – и стряхнул пепел в стеклянную пепельницу, стоящую тут же, на столе.

Авенир Петрович продолжал:

– Да, много странных вещей хранилось в шкатулке. Например, камень с вырезанным рельефным изображением, возможно, печать. На этой инталии (60) имелась золотая оковка с ушком, для нити или шнура. Но удивляет другое – по мнению экспертов, возникало ощущение, будто она никогда не была «в деле» и выглядит так, словно ещё хранит тепло рук мастера! Поговаривают, что она обладает какой-то таинственной силой...

– С этими предметами, действительно, много непоняток, – подтвердил Леонид. – Ясно одно – все они были нужны для проведения каких-то магических ритуалов... Что-то из области алхимии, оккультизма, гаданий.

– И всё-таки, – Авенир Петрович сделал многозначительную паузу, – учёные до сих пор не могут понять, почему данные предметы, с такой разной символикой собраны здесь, в одной шкатулке? И для какого ритуала она предназначалась?..

– И что? – поинтересовался Арсентий. – У вас появились какие-то предположения?

– Разумеется, – ответил Овсянников. – Теперь слово господину Моисееву, – и откинулся на спинку кресла.

Арсентий демонстративно взглянул на часы.

– Я буду краток, – заявил Моисеев. – Голос его был хрипловат, отчего казалось, что говорит он с трудом. – Речь идёт об епископском замке Фишхаузен. Точнее о том, что от него осталось...

– А дожило до наших дней совсем немного, – с усмешкой вставил Овсянников. – Всего-то руины одной стены.

– И всё же мы решили провести в этом месте археологические раскопки. Работа началась ещё два года назад...

– Я слышал об этом, – заметил Арсентий.

– Очень хорошо. Тогда вы, наверное, знаете о том, что нам довелось обнаружить и исследовать подвалы замка...

– Я старался внимательно следить за ходом исследований. Помнится, там тоже что-то нашли...

– Да, массу интересных вещей. Но, самое ценное, пожалуй, это – неплохо сохранившиеся документы... Среди них – записки некоего доктора Вёллера... Вам о чём-нибудь говорит это имя?

– Абсолютно ни о чём...

– Видите ли, в данном замке жил и умер сын небезызвестного герцога Альбрехта...

– Того самого, основателя Альбертины? – уточнил Ледовской.

– Да. Считавшийся слабоумным и душевнобольным Альбрехт Фридрих. Доктор Вёллер был его советником и личным врачом...

– И что в этих записях? – спросил Арсентий.

– Часть их удалось расшифровать... Точнее, прочитать. Ничего в них не было зашифровано, просто, они сильно пострадали от времени и сырости... Так вот, в них есть упоминание о Пауле Скалихе и некоем Братстве Вечности...

– Братство Вечности?.. Впервые слышу...

– Есть основания подозревать, что в подземельях Королевского замка проходили странные обряды... – Моисеев посмотрел на Арсения как-то виновато и запнулся, словно не зная, продолжать ли разговор.

– Ну-ну, – поторопил его Ледовской. – У вас есть предположения, что это за обряды?

– Видите ли, эти записи... а Вёллер сам был свидетелем тех событий... Прибавим к ним предметы, найденные в шкатулке... Всё это подтолкнуло нас на мысль, что в подземельях замка пытались создать искусственного человека...

– Ну и что? Известное дело, ещё Арнальдус де Вилланова и Парацельс говорили о создании гомункула...

– Речь идёт не о гипотетическом, а о реальном создании, Арсентий... Поэтому мы и решили обратиться к вам за консультацией...

Минуту Ледовской с сомнением смотрел на краеведов.

– Я-то думал, что тут настоящее открытие... Но, выслушав вас, соглашусь пожалуй, лишь с тем, что найден интересный документ... А вдруг это средневековый фантастический роман? – профессор усмехнулся.

Наступила пауза. Моисеев потянулся за второй сигаретой. Овсянников включил вентилятор.

– Я же говорил, – глухо пробубнил он. – Эта приманка не для Арсения Александровича.

– Да я рад проконсультировать, – горячо произнёс Ледовской. – Но по какому вопросу? Неужели по проблеме создания гомункулов? Так это же полная ерунда!

Моисеев что-то сосредоточенно разглядывал в ноутбуке.

Овсянников тяжело поднялся и вышел из-за стола.

– Видишь ли, Арсентий, – он приблизился к профессору. – Ты, конечно, нас извини, мы полные дилетанты в медицине, – впервые он обратился к Ледовскому на «ты», даже как-то по-отечески, и тот это прочувствовал. – Но давай посмотрим на это дело иначе... Абстрагируйся от своих университетских принципов и теорий... Ведь, неспроста мы затеяли данный разговор. Сказать, что это невозможно, легко... А если взглянуть с другой точки зрения?..

Арсентий молчал.

– Вот, первый наш довод: старинные артефакты и символика на них... – Моисеев повернул к профессору экран ноутбука. – На этой пластине изображено, как двое лишают трона третьего. Тот, что на троне, возможно, герцог Альбрехт. Видите, у него отчетливо прорисовано лицо и даже борода... А эти двое? Безликие, безволосые существа... Конечно, это может быть обычная астрологическая схема... Но, вот ещё предмет, на котором изображено... Что-то, похожее на огненный шар...

– «Дьявольский огонь...» – подсказал Овсянников.

– Очень может быть. Как видно, лучи от него пронизывают лежащее тело, а затем оно как бы... встаёт! Заметьте, надписи на иврите, означающие мандрагору... гусиное яйцо... Об этом мы ещё расскажем... Далее, вот овальный амулет. Здесь мы видим самого Люцифера в сопровождении своих слуг. И к нему мы тоже ещё вернёмся... А следующий предмет с изображением вавилонской блудницы из «Откровений Иоанна». Она словно высиживает что-то. Вот дракон, в зубах которого... яйцо. Всё это, плюс расшифрованные пиктограммы, символизирует зарождение и развитие эмбриона вне материнского чрева! И везде, словно охранные знаки – пятиконечные и шестиконечные звезды... А тут, вокруг звёзд написаны названия месяцев – это обозначения сроков выращивания такого зародыша.

– Всё сводится к тому, – пояснил Моисеев, – что здесь изображён процесс роста искусственного плода и пробуждение его к жизни с помощью особого обряда и «дьявольского огня»!

– И все эти, казалось бы, разноплановые амулеты, подчинены общей цели! – подвёл итог Овсянников. – Я бы предположил, что они символизируют свержение герцога Альбрехта с престола с помощью созданных гомункулов!..

– Жаль, что я не курю, а то закурил бы с вами... – задумчиво произнёс Арсентий после долгой паузы. – А если бы выпивал, то, пожалуй, дёрнул рюмочку коньяку... Но это всего лишь предположения, господа, к тому же... ненаучные.

– Тогда вот тебе наш второй довод!

Моисеев вывел на экран монитора текст.

– Это перевод найденных в Приморске, а точнее в подвалах замка Фишхаузен, записей вышеупомянутого доктора, – объяснил он. – Там есть всё, вплоть до описания процесса «самозарождения» гомункула! И процесса «оживления» его с помощью Люцифера и посланного им «дьявольского огня»! Там сказано и о корне мандрагоры, и о гусином яйце!..

– Иначе говоря, артефакты свидетельствуют об этом... И записи доктора – о том же самом!

– Мало того, Вёллер утверждает, что он общался и даже сражался с гомункулами!

– Конечно, всё это смахивает на сказку, в которую поверили мы, увлекающиеся и... наивные любители старины... Но, прошу тебя, Арсентий, просмотри эти материалы! Вдруг

ты найдёшь в них, если не подтверждение нашей теории, то хоть что-то полезное для своей работы!.. Если сомневаешься в переводе, то вот тут – качественные фото найденных листов. А то, что это не подделка, можешь мне поверить, экспертиза была проведена серьёзная и есть утверждённый результат!

– И вот что ещё, – добавил Моисеев. – Представлен фрагмент пергамента, найденного в этой же шкатулке. Написано по-французски, точнее, на старофранцузском. Многие эксперты утверждают, что это рука самого Нострадамуса! Очень похоже на один из его катренов! Возможно, он сможет пролить свет на это тёмное дело... Но... нам пока не удалось его расшифровать...

– Всё это... чертовски интересно, – ответил Ледовской, поднимаясь из-за стола. – Давайте ваши материалы, я на досуге взгляну... Даже несмотря на нехватку времени... «Дьявольский огонь», это, если я не ошибаюсь...

– Шаровая молния, – хором ответили краеведы.

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Неподалёку от замка лесничий нашёл истерзанное тело молодой крестьянки. Это уже второе убийство, совершённое с чудовищной жестокостью в лесу близ замка. А если учесть, что ранее в деревне пропала ещё одна несчастная, то становится ясно, что в окрестностях Фишхаузена обитают настоящие монстры. Жители поговаривают, что в здешних местах завёлся оборотень. Но нашлись и такие, которые открыто обвиняет в этих ужасных преступлениях нашего молодого герцога. Он де охотится здесь, а уж о его беспредельной порочности известно всем... Но я-то знаю, что Альбрехт Фридрих на подобное не способен, он ходит этими перелесками к монахам-отшельникам за мудростью.

Я поклялся Ранами Спасителя найти и наказать убийц!»

Глава 2. Учёный и следователь

Как известно, в любом коллективе четверть сотрудников делает более двух третей общей работы, причем самой важной и значимой для конечного результата. Отчего так происходит? Да оттого, что большинство из нас лишь отбывает на работе положенный срок, используя «казённое» время для решения личных проблем; если надо, то изображает «кипучую» деятельность, а коль нет, то считает возможным заняться чем-то другим. В первую очередь, налаживая свой быт и изо всех сил стараясь, чтобы семейный очаг светил и грел.

Значительно реже встречаются люди, фанатично преданные своей профессии. Зачастую они трудятся сверхурочно, а, бывает, что и дома решают архиважные проблемы, раздражая домочадцев бесконечными разговорами по мобильнику. У этих людей на второй план отходят не только отдых и развлечения, но и семья. Видимое благополучие до определённой поры может поддерживаться хорошим заработком, иными материальными благами и привилегиями, но вот с недостаточно чутким к себе отношением родным и близким приходится мириться. Это – деловые, целеустремлённые люди. Они не знают, что такое покой и семейное счастье. Их не встретишь на стадионе, они не лежат на диване перед

телевизором, не ходят с лукошком в осенний лес или к водоёму с удочкой. Они постоянно озабочены какими-то срочными проблемами, которых, как правило, по мере их решения меньше не становится.

Именно к такой категории людей относился профессор Ледовской. На своей личной жизни он давно поставил крест. К тому факту, что его ровесники имеют уже взрослых детей и даже внуков, он относился философски, прекрасно понимая, что рутинные домашние проблемы подчас не только тормозят профессиональный рост главы семейства, но совершенно выбивают из колеи. К тому же супружеская жизнь полна своих тонкостей, а уж где тонко, там и рвётся...

Словом, коль Бог не ссудил, так отчего клясть судьбу? Знать, так надо было...

Ксения появилась в жизни Арсентия год назад.

Как-то, улучив свободную минутку в своих «изысканиях», Ледовской заглянул в Художественный салон на Ленинском проспекте. Там проходила выставка картин калининградских художников. Профессор высоко ценил настоящее искусство, и в душе даже немного завидовал мастерам кисти, смычка и пера. Не мог он пропустить такое событие, как вернисаж. Зашёл и с головой окунулся в атмосферу тишины, гармонии и истинной красоты. В нескольких залах были вывешены полотна местных мастеров, которыми любовались поклонники, критики и просто любители прекрасного.

Его сразу привлекли работы Сергея Покровского, тот предпочитал изображать древние постройки: форты, замки, крепости. С его картин на современного зрителя смотрела история Восточной Пруссии...

Арсентий медленно переходил от одного полотна к другому. Вот, работы Екатерины Ростовцевой... а в этом уголке выставлены картины Ирины Каюковой, рядом – полотна Игоря Гусева, Татевика Манакьяна... Пейзажи и офорты, натюрморты и портреты, карандаш и пастель, масло и акварель... Старый Кёнигсберг и новый Калининград, аллеи, фонтаны, цветущие поля и лесные тропинки, морские просторы, мачты и паруса...

Постояв несколько минут у работ Игоря Заборских, Арсентий двинулся дальше и вдруг... замер у такого «произведения искусства», мимо которого просто невозможно было пройти! Женщина лет тридцати пяти, высокая и стройная, с короткой стрижкой, в лёгком джемпере и джинсах не отрывала взгляд от картины, на которой в бескрайнем океане призывно зеленел одинокий тропический остров... «Григорий Родственников. Остров надежды», – прочёл Арсентий и вновь переключил внимание на незнакомку.

Она стояла, повернувшись боком к открытому окну, на котором висели лёгкие кружевные занавески. Они мягко колебались под вздохи прохладного ветерка, который залетал в зал с улицы. Эти, похожие на морской бриз дуновения, и кружевные волны мягко гладили тело прекрасной женщины... Ледовского потянуло к ней с невероятной силой, которой он не смог противиться. Незнакомка же стояла, видимо, найдя в картине что-то особенное, а может, ощущая тепло от нарисованного южного солнца, согревающего прибрежный песок, или слушая, что шепчут ей набегающие на берег волны...

– Нравится? – тихо спросил Арсентий, понаблюдав за незнакомкой пару минут, и раздумывая, с чего бы начать разговор.

– Очень, – быстро ответила она вполголоса. – Так бы стояла и любовалась...

– Наверное, ужасно хочется хоть на часок перенестись на такой вот остров, затерянный в океане?

Тут она словно очнулась и взглянула на собеседника. Длинные ресницы вздрогнули, а красиво очерченные губы растянулись в приветливой улыбке.

– Я сама немного занимаюсь живописью. Для себя. А, глядя на картины мастеров, учусь и стараюсь понять, как они передают игру света и тени, как подбором цветов подчёркивают прозрачность и глубину воды, словом, много разных нюансов... Я удивляюсь и радуюсь способности человека наблюдать мир свежим взглядом с восхищением, чистотой и непосредственностью ребёнка...

В мочках её ушей блеснули простенькие серёжки – янтарь в серебре. Обручального кольца на пальце не было... Внезапно вся окружающая обстановка показалась Арсентию более светлой, объемной и приятной.

– Так купите эту картину и повесьте её у себя в комнате, – он дружески улыбнулся. – Будет у вас в доме свой остров...

Она ответила лучезарной улыбкой, но в тёмных глазах мелькнула грустинка.

В общем, случилось так, что Арсентий купил это полотно и тут же подарил его прекрасной незнакомке.

– Если вы не примете от меня этот подарок, – он видел, как она засмушалась, – я... – он состроил гримасу, давая понять, что с картиной может произойти нечто ужасное, – тут же верну её на выставку!

Они рассмеялись.

С тех пор Арсентий и Ксения стали встречаться.

Это утро Ледовской тоже начал с пробежки. Привычный маршрут, знакомые лица. Он приветливо кивнул Наталье, молодой женщине из соседнего дома, выгуливавшей свою таксу, пропустил стартовавшую от дома «Мазду» другого соседа, и направил свои стопы на «тропу здоровья». По давней привычке мозг сразу же установил в голове «рабочий режим», удалив остатки сна и извлекая из памяти самые важные и актуальные моменты.

Арсентий частенько бывал недоволен собой. «Когда в моей жизни всё тихо да гладко, – размышлял он, – то свежих мыслей в голове почему-то совсем мало... В такие периоды я словно копаюсь в мешке с гнилыми яблоками, выбирая там для себя парочку съедобных... Моим нервным клеткам время от времени просто необходима хорошая встряска, тогда они начинают работать в бешеном темпе... генерируя новые идеи и находя выход из самых безнадежных ситуаций...»

После вчерашнего разговора с местными краеведами он чувствовал внутри какое-то смутное волнение. Такое состояние могло означать только одно – затронутая тема его «задела» и он к ней обязательно вернётся. Хотя, казалось бы, что в ней интересного? «Положительные» результаты опытов по созданию искусственного человека? Мифические встречи и даже схватки с существами-гомункулами? Бред!

«А что, если то, о чём я всегда мечтал и что искал всю свою сознательную жизнь, находится ближе, чем мне до этого представлялось?» – Арсентий не был в этом абсолютно уверен, но он как бы предчувствовал, предугадывал... а интуиция подводила его крайне редко. Уж слишком убедительными выглядели его уважаемые оппоненты. А какие искры вспыхивали в их глазах!.. Они вручили ему флеш-накопитель, куда сбросили все документы в электронном виде, а именно – фотографии найденных в шкатулке предметов (и самой шкатулки тоже) с комментариями специалистов, снимки кусочка пергамента с текстом на старофранцузском языке (правда, без перевода) и несколько страниц из записок средневекового доктора Вёллера (здесь перевод присутствовал). Просмотреть дома эти материалы вчера так и не удалось, поскольку сразу после визита в клуб краеведов у него

состоялась встреча с любимой женщиной, которая настояла на покупке кое-каких продуктов, после чего они отправились к нему домой готовить ужин.

Ксения жила со своей мамой и двумя сыновьями-школьниками на Московском проспекте в двухкомнатной квартире. Арсентий ни разу не побывал у неё дома. Да и о будущем, которое ожидает их отношения, он прежде как-то не задумывался. А что он может предложить своей избраннице? Он, учёный с мировым именем, не имеющий ни собственного жилья (квартиру профессор снимал), ни даже автомобиля, чтобы свозить любимую женщину на море... Руку и сердце? Не смешите... Просто, ему было хорошо с ней, а ей – с ним. И это пока устраивало обоих. Лишь однажды любимая недвусмысленно намекнула: «В моем возрасте многие женщины уже становятся бабушками, а самые счастливые уходят в декрет...»

Ксения приготовила ему завтрак. Он умылся, они наскоро перекусили и вышли из дома. Ему – в университет, ей – на свою работу, в школу. Преподавать испанский и французский языки.

– Ты знаешь, – сказала она, когда они остановились, чтобы расстаться на пару дней, – у меня предчувствие, что наша разлука надолго...

– Отчего же? – улыбнулся он.

– Мне почему-то кажется, что ты вскоре куда-то уедешь. Далеко-далеко... Но я готова тебя ждать. Понимаешь, кому-то для счастья не хватает машины, денег, дачи у моря, а мне необходимо просто быть рядом с тобой. Всегда...

Весь день Арсентий находился на кафедре. Он проводил занятия в просторной аудитории, где все стены были выложены белоснежным кафелем и витал неистребимый запах формалина. Стулья в нём выстраивались по кругу, а в центре на гранитном столе с бордюрами возлежал труп, накрытый казенной простынкой... Здесь Ледовской всегда ощущал себя дирижёром собственной жизни, а не каким-нибудь третьеразрядным исполнителем.

Голос его звучал твёрдо и сочно, и каждое слово профессора звенело, как золотая монета. Для небольшой «встряски» студентов, усердно ведущих конспекты, Ледовской имел в своем арсенале большую коллекцию шуток и курьёзных случаев из медицинской (и не только) практики, а также любил цитировать высказывания великих людей. Он справедливо полагал, что подобные афоризмы необходимы нам, как стакан прохладной воды в жару... Сегодня он «помянул» Гиппократу:

– «Жизнь коротка, а искусство вечно...» – эти мудрые слова, дорогие мои ученики, приписывают Гиппократу. Многие мысли древнего грека, обладавшего удивительным даром врачевания, а также незаурядным литературным талантом, пережили два с лишним тысячелетия и актуальны по сей день. Однако, к сожалению, не все. Некоторые из его правил незаслуженно забыты, другие же, не выдержав испытания временем, нуждаются в пересмотре...

Отметив заинтересованные взгляды десятков глаз, он продолжал:

– Казалось бы, что такая заповедь Гиппократу, как «не навреди...», является незыблемой. Однако применение некоторых современных лечебно-диагностических методов вступает с ней в явное противоречие. Многие агрессивные способы лечения (такие как пункции, биопсии органов, эндоскопические методы исследования, химио- и рентгенотерапия) нередко являются совершенно необходимыми, хотя и наносят

определённый вред больному. Типичным примером тому является калечащая операция изъятия здоровой почки у донора для трансплантации её нуждающемуся больному.

К сожалению, данная заповедь: «не навреди, если не можешь быть полезен», у которой есть русский аналог: «не знаешь броду – не суйся в воду», порой оборачивается оправданием бездействия и нежелания врача идти на разумный риск... Запомните это, будущие эскулапы!

Заметив возникшее оживление в рядах студентов, он, словно дирижёр, управляющий оркестром, лёгким жестом «успокаивал» молодых людей.

– Что еще следует знать молодому человеку, решившему связать свою жизнь с медициной? В нашей среде нет места чёрствым, равнодушным и корыстолюбивым людям. Как писал академик Амосов: «Нельзя допускать в медицину людей без души». Эта мысль и должна стать нашей главной заповедью. Ведь труд медика особенный, он не для каждого. Случайный человек никогда не станет хорошим врачом, если не будет главного – таланта. Поэтому учитесь думать и наблюдать, будьте упорны и трудолюбивы, мужественны и решительны, честны и объективны. Любите своё дело, но помните, что любовь эта – трудная! В ней мало роз, но очень много шипов...

Касаюсь трудностей врачебной профессии уместно вспомнить и слова Чехова о том, что «у врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай бог никому этого». Это – о связанных с чувством высокой ответственности переживаниях за судьбу больного, переживания из-за неудач. А они бывают даже у опытных врачей. «Можно ли пройти врачебную жизнь без ошибок?» – размышляет профессор Эльштейн в своей книге «Диалог о медицине», и сам отвечает: «К несчастью, нет». Врачами не рождаются – ими становятся после долгих поисков и находок, утрат и разочарований...

Арсентий Александрович оглядел зорким взглядом аудиторию и, видя притихших и задумчивых студентов, продолжил:

– Великий хирург, анатом и педагог Николай Иванович Пирогов посвятил специальный труд анализу своих ошибок: «Я хочу осуществить заветную мечту: путём правдивого, открытого признания своих ошибок избавить учеников и начинающих врачей от их повторения»...

Ни в одной другой специальности вы не столкнетесь с жизнью в такой её полноте, противоречивости и драматизме, как будучи врачом. Часто видя смерть, вы научитесь любить и ценить жизнь!

Приступая к изучению основ медицины, никто не может предвидеть, как сложится его судьба в дальнейшем: привлечет ли вас практическая сторона нашей профессии или победит желание посвятить свои силы научным исследованиям. Впрочем, врач любого профиля окажется ни на что не годным, пока основательно не ознакомится с нормальной и патологической анатомией и физиологией человеческого организма. Но только тот, кто по-настоящему любит науку, для кого умственная работа является потребностью, своего рода наслаждением, станет истинным ученым, возможно, таким же, как кумир моей молодости – Николай Иванович Пирогов. Но для этого – читайте научную литературу, изучайте историю медицины, овладевайте современными методами научных исследований, никогда не пренебрегайте тяжёлой и «черновой» работой!

Хочу отметить, что история медицины хранит очень много имён выдающихся врачей, вся жизнь которых была всецело отдана науке, самозабвенному, нередко драматическому и подвижническому труду на благо страждущим людям!

То, как человек организует пространство своего кабинета, может довольно много о нём рассказать. В центре кабинета Ледовского «красовался» заваленный всевозможными папками, стопками книг и журналов стол, рядом с ним замерла в растерянности пара разномастных стульев, в углу скромно расположился мягкий кожаный диванчик «для раздумий», а наискосок к двери тянулась выцветшая синтетическая дорожка, обозначающая путь возможного посетителя и маршрут его отступления... То есть, никаких излишеств и полнейший беспорядок, в котором хоть что-то менять он строго-настрога запрещал... Иное дело – родная и горячо любимая им лаборатория – святилище, в котором Арсентий проводил практически все время, свободное от лекций. Тут бы мы могли, пожалуй, оценить внутреннюю гармонию хозяина и даже получить эстетическое наслаждение: со вкусом подобранный пластик, «прохладных» оттенков кафель, аккуратно расставленное оборудование и сверкающая, как в операционной, чистота...

Ежедневно профессор спускался в подвальные помещения корпуса, имеющего «народное» название – «Анатомичка». Здесь также проводились практические занятия со студентами. Неподготовленному зрителю было бы довольно неуютно находиться здесь, где в ваннах плавают человеческие тела. Но студенты – лица самые что ни на есть «непосторонние», и должны привыкать к подобному «соседству». Мало того, бедолаг, отхвативших «неуд», профессор в обязательном порядке заставлял препарировать трупы...

Общие собрания кафедры обычно проводились в анатомическом музее, где вдоль стен аккуратными рядами были расставлены сосуды с больными и здоровыми человеческими органами, сиамскими близнецами и прочими уродцами. А вот для проведения экспериментов имелись специальные «боксы». На факультете разумно считалось, что научный опыт – это самый плодотворный путь раскрытия закономерностей физиологии и патологии человека, важнейшее условие прогресса медицинских знаний.

К вечеру профессор немного устал. До окончания рабочего дня оставалось всего полчаса. Пора понемногу «приходить в себя», продумать план завтрашней лекции и скорей отправляться домой, где его ждёт весьма интересное занятие – знакомство с историческим материалом, найденным при раскопках в окрестностях Приморска.

И тут раздался стук в дверь. Не успел Ледовской ответить: «Войдите», как она стремительно открылась, и в кабинет шагнул человек средних лет, одетый в лёгкую куртку, под которой виднелась белая сорочка с бордовым галстуком.

– Вы позволите? – мужчина улыбнулся. – Старший следователь городской прокуратуры Николай Сунцов, – представился он и протянул раскрытую «корочку». – А вы, насколько я понимаю, Арсентий Александрович Ледовской?

– Да... – протирая стёкла очков, ответил профессор и пригласил вошедшего присесть. – Чем обязан? Надеюсь, наше учреждение не будет фигурировать в криминальных сводках? Студенты у нас смирные...

– Нет-нет, успокойтесь. Я по другому вопросу, – следователь ещё раз продемонстрировал дружелюбную улыбку. – Я только проконсультироваться... Надеюсь, это не займёт много времени...

– Тогда я вас внимательно слушаю!

– Уважаемый профессор, мне рекомендовали вас, как учёного с мировым именем и лучшего специалиста в области анатомии человека...

«Неплохое вступление», – отметил про себя Ледовской и ответил:

– Просто я очень люблю своё дело... Но передайте мое сердечное «спасибо» тому человеку, который так лестно обо мне отозвался...

– Арсентий Александрович, вы окажете следствию неоценимую помощь, если проконсультируете нас по некоторым медицинским вопросам.

– Буду рад помочь...

По тому, как Сунцов осторожничал и крайне неохотно делился информацией, становилось понятно, что тема, на которую предстоял разговор, была весьма деликатной. И первый же его вопрос это подтвердил.

– Скажите пожалуйста, как часто в вашей практике встречаются случаи транспозиции внутренних органов и, так называемые, «зеркальные» люди?

– Это – весьма редкая аномалия... – глаза профессионала загорелись, как у нумизмата при виде раритетной монеты. – За тридцать лет работы мне довелось видеть её всего пару раз. Хотя... в литературе такие пациенты описаны достаточно хорошо. На состояние, при котором верхушка сердца смотрит вправо, впервые обратил внимание еще Марко Северино в 1643 году, но истинная транспозиция органов была в первый раз описана более чем сто лет спустя Мэтью Бэйлли в 1797 году.

Транспозиция встречается и у животных. Так, виноградные улитки обычно имеют раковину с завитками с правой стороны. Частота появления улиток с «левой» раковиной оценивается примерно как отношение: один к миллиону. У таких животных, которые называются «короли улиток», внутренние органы также расположены с другой стороны...

– А каковы, по вашему мнению, причины возникновения такой аномалии у человека?

«Странно, что прокуратура заинтересовалась анатомией», – мелькнуло в голове у Арсентия. Он ответил не сразу:

– Причины до сих пор остаются загадкой для специалистов... Считается, что подобным образом может сказаться на эмбрионе вирусное заболевание, перенесённое будущей мамой, или повлиять радиация, интоксикации, экологическая обстановка и стрессы... как и многие другие факторы, препятствующие нормальному развитию плода. Я не исключаю и генетические «сбои», например, в результате инцеста, клонирования или искусственного оплодотворения... – указательным пальцем доктор поправил свои очки. Он словно читал очередную лекцию. – Если вам интересно, то существуют и альтернативные, не вполне научные теории. Так астрологи уверяют, что больший риск родиться с зеркальным расположением органов, имеют дети, зачатые под «парными» или «зеркальными» знаками. К таким знакам относят знаки «рыб», «близнецов» и «весов».

Пока следователь обдумывал следующий вопрос, Ледовской постарался внимательно разглядеть своего собеседника. Он отметил его немного помятый нос, сеть морщин вокруг глаз, усталый взгляд.

– Можно ли назвать данное явление болезнью, профессор?

– В большинстве случаев, уважаемый... Николай, транспозиция никак не сказывается на здоровье человека и его жизнь совершенно от этого не страдает... – Ледовской откинулся на спинку скрипучего кресла. – Люди с таким расположением внутренних органов, как правило, не осознают свою необычную анатомию, пока не столкнутся с медицинским обследованием. Зеркальное расположение органов может привести к замешательству и ошибкам медперсонала, – профессор усмехнулся, – так как большинство признаков и симптомов будут находиться на «неправильной» стороне.

Например, снять электрокардиограмму у человека с транспозицией попросту не получится, а если у него разовьется аппендицит, то он будет жаловаться на боль в левой

подвздошной области, так как именно в этом месте у него находится аппендикс... Поэтому, за рубежом люди с зеркальным расположением органов носят медицинские браслеты или медальоны, делают татуировки со своим диагнозом. Это распространенная практика – такие же меры предпринимаются, если человек страдает сахарным диабетом, эпилепсией, аллергией на медпрепараты и другими хроническими заболеваниями.

– Получается, что транспозиция абсолютно безвредна?

– Не совсем так... Подмечено, что большинство таких мужчин страдает бесплодием и бывают левшами. Но главная опасность в том, что транспозиция может сочетаться с пороками развития органов, а в отдельных случаях некоторые из них могут и вовсе отсутствовать...

– А сердце тоже может отсутствовать? – следователь заметно волновался, и его ноги удавом обвивали ножки стула.

– Помилуйте, но это уже из области фантастики! Однако возможен вариант, когда оно меняет свое расположение в грудной полости так, что его будет довольно трудно найти при беглом осмотре...

Следующий вопрос мог выбить из колеи даже всезнающего специалиста:

– А не знаете ли вы примеров, когда бы на теле человека не было пупка и сосков?

– Впервые о таком слышу! Давайте рассуждать: соски и пупок свидетельствуют о том, что мы с вами относимся к плацентарным млекопитающим... Пупок, в частности, пожизненный признак нашего внутриутробного развития – это рубец на передней брюшной стенке, остающийся после удаления пуповины у новорождённого. Если он действительно отсутствует, то мне не понятно, как такое существо появилось на свет. Исходя из вышесказанного, его и человеком назвать нельзя!

Но позвольте поинтересоваться: в связи с чем вы задаете мне такие странные вопросы?

– Можно закурить, профессор? – Сунцов заёрзал на стуле. – То, что я вам скажу... пусть останется между нами.

– Конечно, курите...

Следователь сунул сигарету в рот, щёлкнул зажигалкой. Затем, подумав о чём-то минуту, полез во внутренний карман куртки и извлёк оттуда портативный диктофон «Сони».

– Два месяца назад этой записи исполнилось пятнадцать лет, – сказал он и нажал на кнопку...

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Одного взгляда на тело несчастной жертвы мне хватило, чтобы составить своё заключение. Но, признаюсь, что я вновь сильно пожалел о том, что нет рядом моего верного побратима из Московии, Симеона Жмени: на пару с ним мы бы быстро расследовали это непростое дело... Я с грустью вспоминаю былые годы, когда мы вместе путешествовали и сражались, с восторгом рассказываю внукам, как искусно владел Жменя своим палашиом, с какой ловкостью он рубил подбрасываемые мной яблоки в садах Нойхаузена, и глубоко опечален тем, что нам так и не довелось увидеться, ведь в моей жизни никогда более не было такого преданного друга...»

А зверства, учинённые близ замка Фишхаузен, оказались делом рук гомункулусов, дьявольских отродий, коими руководил бежавший от возмездия Скалих...»

Глава 3. «Конструктор» и предсказатель

Не спится... Тяжёлые капли ночного дождя лижут стекло и барабанят по карнизу. Вниз, напевая монотонную песенку, стекает ворчливый ручеёк... И давно бы пора уснуть, особенно в такую погоду, но мысли никак не успокоятся...

Четверть второго... Арсентий встал с дивана, прошёл на кухню и поставил чайник. Вернулся в комнату, включил компьютер и присел на стул. Пока проходила загрузка операционной системы, отрешённо смотрел на корешки книг, выстроенных рядами по периметру его жилища. Вот на самом почетном месте стоит сборник работ его учителя, академика Василия Васильевича Куприянова – «Морфологические основы микроциркуляции». Ледовской взял томик в руки. На первой странице портрет серьёзного пожилого мужчины: очки в роговой оправе, на груди Орден Ленина и ряд не менее значимых для него боевых наград. А губы, кажется, слегка улыбаются... Вот бы он, видный учёный и идейный вдохновитель Арсентия, посмеялся над его сомнениями и метаниями... «Впрочем, учитель был большим знатоком, почитателем и исследователем истории медицины и естествознания, – размышлял Ледовской. – Думаю, его бы очень заинтересовали эти старинные находки...»

Сегодня, нет, уже вчера вечером, Арсентий изучил материалы, переданные ему краеведами. Конечно, всё оказалось любопытно, даже захватывающе интересно! По поводу предметов в шкатулке и изображений на них, тут можно выстроить множество предположений... Кстати и то, о чём говорили Овсянников с Моисеевым, вполне вписывается в общую картину. А вот записи доктора Вёллера... В те времена научной фантастикой как-то не увлекались... Так неужели всё то, что описал загадочный врач, является правдой? Этот страшный обряд «оживления» зародышей, стычки с неуязвимыми гомункулами... Но изложено всё с потрясающей точностью и последовательностью, не упущена ни одна мелочь! И при этом – имя фаворита герцога Альбрехта Пауля Скалиха... Не из мести ли к последнему всё это придумано?..

Но, пожалуй, не меньшее потрясение вызвал разговор со следователем из прокуратуры... И диктофонная запись!

Чёрт возьми, коллеги уверяют, что в такой ситуации помогает сигарета или рюмка доброго коньяку! Но Арсентий Ледовской оставался непримиримым противником и того, и другого. Он заварил крепкий чай с барбарисом, достал из холодильника сыр, сделал пару бутербродов...

Надо выработать некую стратегию... Линию поведения, что ли... Проанализировав ту информацию, которую он получил за последние двое суток. Как к ней относиться? Не получается считать всё это бредом! Не может он сделать такого, казалось бы логического заключения: всё это – ерунда. Не может... Что-то подсказывает ему, что за этим скрывается какая-то неизученная реальность... Как сказал Альберт Эйнштейн: «Есть два способа прожить жизнь. Один состоит в том, чтобы делать вид, что чудес не существует, а другой – в том, чтобы видеть чудеса повсюду». Теперь и он, занимающийся научной проблемой структурного и системного анализа микрососудистых сетей на основе математического моделирования с применением элементов механики, гидродинамики, физической химии, высшей математики, теории вероятностей, математической статистики, теории групп и теории симметрии... Обычному человеку и не выговорить... И даже он начинает верить в средневековую химеру о создании гомункула – искусственного человека! Но чаще всего

люди верят в то, во что они сами хотят поверить... По-моему, кто-то сходит с ума... Спокойнее, Арсентий, спокойнее...

Он нашёл записи Вёллера. Фото их оригинала... Написано на латыни. Можно проверить точность перевода... «Этой записи пятнадцать лет»... От чьих рук погиб несчастный врач-патологоанатом?.. И странное появление шаровой молнии! Здесь, в морге, и там, в подземельях Королевского замка... Совпадение или чертовщина?

«А как вы считаете, уважаемый Василий Васильевич?» – мысленно обратился он к своему учителю, но тот молчал...

И Арсентий расценил это, по-своему, как призыв к действию. Он отхлебнул из чашки обжигающий напиток и вновь задумался. В ночной тиши, нарушаемой тихими звуками непогоды и редким шумом проезжающих за окном машин, хорошо думается. Главное – сгруппировать полученные данные, разобраться во внутренних мотивах, выстроить приоритеты по ранжиру, в зависимости от их значимости. Именно так бы поступил его наставник, который своим темпераментом, характером и даже внешним обликом был поразительно похож на Александра Васильевича Суворова. Такой же стремительный и неутомимый, остроумный и мудрый. Когда они познакомились, Куприянову было «за девяносто», и Ледовской стал его последним докторантом, можно даже сказать, «лебединой песней». В одном из писем академика были такие строки: «Где же Вы, голубчик, были раньше? Почему не связались со мной сразу после окончания института? Сколько фантастически интересного и полезного мы могли бы сделать вместе...»

«Как же мне вас не хватает, Василий Васильевич... – с грустью думал Арсентий, – Теперь я остался единственным в стране специалистом, идущим в фарватере фундаментальной морфологии системы микроциркуляции, которой вы посвятили всю свою жизнь. К сожалению, часть учеников вас предали, другие – умерли, третьи – поменяли приоритеты... Но только зря говорят, что «один в поле не воин»... Я докажу всем обратное!»

Вчера, когда закончилась диктофонная запись, в кабинете профессора наступила напряжённая тишина. За дверью раздавались голоса студентов, возвращающихся с занятий, жизнь в университете продолжалась. А здесь, в этом скромном, тесноватом помещении, словно выкристаллизовался совершенно иной, сюрреалистический мир. Пауза длилась минут пять...

– Я сам там был... – наконец, нарушил молчание Сунцов. – На месте преступления. И изъясл это, – он кивнул на диктофон. – Я не прошу ваших комментариев, ваша точка зрения мне понятна... Мой шеф дал мне тогда понять, что лучше всего забыть обо всём этом. Чтобы нас не подняли на смех или не упекли в психушку... Поэтому запись добросовестно покоилась у меня в сейфе все эти годы и я уже в самом деле начал забывать о ней... До вчерашнего дня... Потому что случилось ещё одно непонятное... и страшное событие. Вы, наверное, в курсе, что сутки назад произошло нападение на сберкассу, которая расположена на Московском проспекте? Кассир вовремя нажал тревожную кнопку, полиция прибыла тоже своевременно... Без стрельбы, к сожалению, не обошлось, но грабители скрылись... Лишь одного из них в момент задержания «нейтрализовали» разрядом электрошокера, отчего он погиб на месте. При осмотре медэкспертом... выяснилось, что на трупе имеются три пулевых ранения, с повреждением внутренних органов, – Сунцов говорил монотонно, без выражения, словно читал чей-то скучный протокол. – У него были повреждены лёгкие, печень и кишечник, но, несмотря на всё это, он от нас активно убегал... А потом... внезапно вновь появились остальные члены банды, расстреляли опергруппу, забрали труп и исчезли!

Медэксперт, к счастью, был только ранен. Он и сообщил, что у убитого... отсутствовали соски и пупок...

– Про вчерашнюю стрельбу, конечно, доводилось слышать... Так вы хотите сказать, – Арсентий старался быть тактичным, поскольку видел, что его собеседник находился на грани нервного срыва, – что где-то в городе орудует маньяк... точнее, некое существо, даже не человек, а, скорее... биоробот... И наводит ужас на население? – голос его был тих, профессор внимательно наблюдал за реакцией Сунцова.

– Видите ли, уважаемый Арсентий Александрович, – следователь, наконец, «взял себя в руки». Он поднялся со стула, выключил диктофон и сунул его в карман куртки. – Я этого не могу утверждать с полной уверенностью... Но, если бы можно было допустить нечто подобное... то многое, очень многое встало бы на свои места... Но самое скверное в этой истории то... что оно, это существо... не единственное.

Прощаясь друг с другом, они обменялись визитками.

Мысли постепенно прекратили своё хаотичное движение, и начали выстраиваться в определённый порядок. Итак, что мы имеем?

Сначала о гомункуле. Ещё в XIII веке Арнальдус де Вилланова прославился чем-то подобным... Конечно, не созданием искусственного человека, ибо доказательств этому не было, а описанием самого способа. Однако один из наиболее известных методов получения гомункулуса предложил в XVI веке Парацельс. Учёный считал, что заключённая в особом сосуде мужское «семя» при нагревании и некоторых других магических манипуляциях становится гомункулом...

Следует отметить, что Парацельс заслуженно считается незаурядным человеком... Он был не только медиком, но также алхимиком и оккультистом... Скитался почти по всей Европе в качестве практикующего врача, общаясь с народом, изучая целебные источники, травы и минералы. Он заставил химию служить медицине и развеял множество заблуждений насчёт лечения болезней, но вместе с этим искренне верил в существование философского камня. Отметим, что лекарь всегда отличался остротой мысли и не страдал от ложной скромности. «Учёный должен изучать не «священные книги», а саму природу, – говорил он, – ...познать же её нашим разумом и опытами вполне возможно».

Идея Парацельса о возможности зарождения человеческого организма вне материнского чрева значительно опередила своё время. В последние годы жизни врач посвятил этому вопросу особенно много времени, о чём свидетельствуют его труды «Философия» и «Потаенная философия», «Великая астрономия» и довольно странная «Книга о нимфах, сифах, пигмеях, саламандрах, гигантах и прочих духах».

«За телом стоит душа, а за душой – мыслящая природа», – писал любитель парадоксов и неожиданных умозаключений Парацельс.

«Слова твои туманны, – подумал Арсентий, – но, возможно, это – некий намёк? Не указываешь ли ты нам данной фразой на шаровую молнию или абсолютный катализатор – философский камень, способный оживлять мертвецов?» Ледовской пока не мог этого понять, но чувствовал, что близок к истине. Он вышел из-за стола, сделал несколько упражнений, разминая мышцы. «Шаровая молния... Каким образом она «материализовалась» в моей голове?»

Капли дождя выбивали морзянку по карнизу, но это не было похоже на ответ.

«Как известно, – размышлял Арсентий, – любой сложный организм состоит из биологической ткани. Внутри этой ткани существует громадная сеть микрососудов, по

которым движется питательная среда, что позволяет ткани и организму в целом развиваться. То есть организм живёт, растёт и совершенствуется, благодаря сосудистой системе и гемодинамическому фактору.

Мне и моим помощникам удалось создать культуру функционирующих и саморазвивающихся микрососудистых сетей, что дало нам возможность приступить к созданию биоэлектронных гибридов с необходимыми характеристиками, оптимально сочетающимися в себе свойства живой и неживой природы. Мне удалось воспроизвести это *in vitro* (61) и теперь предстоит повторить *in vivo* (62). Думаю, данное открытие по своему значению не уступает открытию спонтанного деления урана, и позволит получать искусственные ткани и органы. Причем, это намного гуманней и этичней, чем создавать «запасные части» для рынка трансплантатов с использованием внутриутробных зародышей...

Но это не только выращивание органов «для пересадки», но и получение полноценной искусственной пищи, лекарственных препаратов и даже биологических строительных материалов. Такой биореактор можно будет использовать на орбитальных станциях с населением в несколько тысяч человек, для обеспечения их продуктами питания без зависимости от Земли, при подготовке межпланетных экспедиций на Луну или Марс...

Можно ли, исходя из того, что сделано мной сегодня, заглянуть за горизонт? Подумать, к примеру, о возможности создания искусственного разумного существа?»

Арсентий снова сел за компьютер, открыл папку «Реликвии из шкатулки». На этот раз его заинтересовал кусок пергамента. «Почему он хранится с этими одиннадцатью предметами, предназначенными для определённого культа? Видимо, какое-то отношение он к ним всё-таки имеет... Почему же до сих пор не расшифровали запись? Ну-ка, посмотрим...» Он щёлкнул кнопкой мыши, открыл файл... На экране возник клочок пергамента с написанным текстом. Оригинал, конечно, сильно пострадал от времени. Рядом располагался восстановленный текст. А вот перевод отсутствовал... С французским языком у Арсентия были проблемы, это не английский, на котором он, случалось, даже читал лекции. Значит, нужен переводчик, решил он. Или воспользоваться Интернетом? Например, переводчиком Google... Он скопировал запись на французском языке и вставил её в соответствующее поле электронного «толмача». Нажал кнопку и получил русскую версию старинного документа. Как и ожидалось, «русский текст» обескуражил его... Получилась абсолютно непонятная картина. Вообще-то русских слов в полученном отрывке было совсем мало. Большинство слов вообще не перевелось. Понять что-либо в этой «шифрограмме» было невозможно.

«Кто у нас в университете «дружит» с французским?» Он допил чай и налил ещё чашку. Мысленно составил список своих хороших знакомых... Все они весьма сносно знали английский. Как и он... Кто-то владел немецким... Но французский?..

Четверть третьего... Арсентий допил чай, сполоснул чашку. «Завтра спрашиваю – решил он. – Не может быть, чтобы у нас в университете не нашлось знатоков. Если на медфаке нет, пойду на другие факультеты... Боже мой! – вдруг вспомнил он. – Ксения! Она же преподаёт испанский и... французский!»

Он снова сел за компьютер, вошёл в почту и набрал адрес Ксении. Быстро набрал текст: «Милая Ксюша, прошу тебя, помоги с переводом данного текста. Утром позвоню». Немного подумал и добавил: «Целую тебя, моя красавица». Вставил французскую версию документа, отправил письмо и, несколько успокоившись, отправился спать.

- В перерыве между занятиями Арсентий созвонился с Ксенией.
- Ты получила моё письмо, солнышко?
 - Получила и попыталась перевести. Пока не получилось...
 - Очень сложный текст?
 - Дело не в этом. Документ не на французском...
 - А на каком же?
 - На старофранцузском!
 - Чёрт, совсем выпало из головы... Краеведы же говорили, что это старофранцузский...
 - Ты о чём?
 - Да так, вспомнил кое-кого... И что, есть большая разница между новым и старым французским?
 - Приличная. Владеющий новым, старый не поймёт... Что молчишь? Ты, например, понял бы старославянский текст?
 - Я думаю, что понял бы... С трудом, но понял... В общих чертах, конечно...
 - Ну, не знаю. А между старым и современным французскими языками довольно большая разница. Грамматика, фонетика... Тут нужен специалист. А что это вообще за текст? Откуда он взялся?
 - Долго объяснять. Предполагают, что это – катрен Нострадамуса, найденный при раскопках Королевского замка.
 - Самого Нострадамуса?
 - Именно так...
 - Ну, тогда понадобится и нострадамовед!..
 - Час от часу не легче... А у тебя никого нет из знатоков старофранцузского?
 - Ну, ты и задал задачку... Надо подумать... Может быть, и найдётся. А что я буду с этого иметь?
 - Всё! Ты будешь иметь всё, что захочешь! А специалист... Передай ему, что не обидим. В пределах разумного, конечно...
 - Нет, он денег не возьмёт. Это мой старый учитель... Не знаю, как он сейчас, давно не общалась. Он в своё время интересовался старофранцузским, даже какие-то работы публиковал. Если не он, то... даже не знаю кто...
 - Ну, будем надеяться. Передай ему, что... очень надо. А раз денег не берёт, то с меня – презент! Подарку-то он будет рад?
 - Наверное. Хорошо, я попробую сегодня с ним связаться... Когда увидимся?
 - На днях. Надо разобраться с делами. А у тебя как?
 - Мама приболела. Так что, на этой неделе... никак.
 - Хорошо, созвонимся!
 - И споемся!..

Через три дня Арсентий получил долгожданный перевод.

«Хоть и небольшой текст, но доставил хлопот, – писала Ксения. – За качество перевода ручаемся. Русские аналоги слов подобрали с особой тщательностью. Получилось очень близко к оригинальному тексту. Хотя, общий смысл понять довольно трудно. Возможно, это действительно катрен Нострадамуса, он умел зашифровывать свои предсказания...»

Попутно она сообщила, что ужасно соскучилась по Арсентию, что мама выздоравливает, но заболели дети.

С замиранием сердца Ледовской открыл прикрепленный к письму файл с переводом:

*Дети мрачных подземелий без душ и сердец
остановят время и опрокинут мир людей в светлых чертогах...
Тогда миг станет годом, а день сделается миллениумом,
И случится это на рассвете в среду...
Велика сила и разум дьявольского огня!*

«На первый взгляд, полная белиберда», – подумал Арсентий, прочитав текст раз десять. – Но с этой белибердой надо разобраться!»

Он знал, что «прокручивая» в мозгу одну и ту же задачу, пусть она и чрезвычайно сложна, он найдёт ответ. Точнее, сам ответ выплывет откуда-то из потаённых уголков его сознания.

Следующие три дня Арсентий провёл в университетских хлопотах: читал лекции, проводил практические занятия со студентами, закончил статью «Модель подготовки аспирантов и соискателей на кафедре анатомии человека», выступил на совещании по организации учебного процесса. Часами пропадал в лаборатории, будучи поглощён своим биоконструктором для создания культур функционирующих и саморазвивающихся микрососудистых сетей. Словом, был загружен по полной программе.

И всё-таки он находил время как для размышлений над загадкой Нострадамуса, так и для поиска ответа в Интернете. Он узнал, что в катренах есть ряд ключевых слов, которые определяют основной смысл предсказаний, написанных, как правило, иносказательно или в умышленно искажённом виде. Некоторые исследователи считают, что Нострадамус вовсе не являлся предсказателем. Ведь большинство катренов было им написано на исторические темы периода средневековья, а также на темы античного периода древнеримской и древнегреческой цивилизации. Другие, напротив, считают его пророком.

«Если читать с самого начала, – рассуждал Ледовской, – то речь идёт о детях мрачных подземелий... Тут, вроде бы, всё понятно. Кроме одного: кто они?» Мозг услужливо открыл страничку из «Машины времени» Г. Уэллса – морлоки. Кроме них масса последующих фантастов выдумала и других «героев» – гоблинов, троллей, орков... Но, «без души и сердца»? Всё это напоминает уже совсем других существ – роботов. Только тогда получается, что роботы создавались в мрачных подземельях, а это мало походило на правду. Современный робот должен создаваться в лаборатории (и даже не в одной), оснащённой совершенной аппаратурой, где поддерживается определённая температура, влажность, давление, освещённость, да и масса других факторов, влияющих на процесс. А кого может «родить» мрачное подземелье? Ни одно живое существо не может жить без сердца... Но фраза «без сердца» в тексте может означать: «без сострадания», «без милосердия», то есть, то же самое, что и без души. Функции сердца можно возложить на насос, перегоняющий кровь (или что там у них) по соответствующим протокам.

Кого же имел в виду Нострадамус, назвав их «детьми подземелий»? Уж не гомункулов ли? Последние события прямо об этом говорят, только слепой не увидит...

Далее, две фразы: «остановят время и опрокинут мир людей в светлых чертогах» и «тогда миг станет годом, а день сделается миллениумом», могут означать для нас, ибо «люди

в светлых чертогах» – это мы и есть, только одно: настоящее потрясение, катаклизм, иначе говоря, апокалипсис... Словом, должно произойти что-то ужасное... Не так ли, уважаемый Мишель? И случиться это должно «на рассвете в среду»... Здесь тоже не совсем понятно. Похоже, тут зашифрован период времени...

Много интересного Арсентий обнаружил в Интернете. Он зарегистрировался на форуме исследователей Нострадамуса под ником «Конструктор» и некоторое время активно принимал участие в обсуждении «краеугольных» вопросов в творчестве средневекового предсказателя. Потом решил открыто спросить, что означает фраза «на рассвете в среду» в одном из катренов пророка, для чего и «запустил» этот отрывок на форум. Больше суток ответов на него не было. Ледовской уже подумал, что толку от этой затеи не будет, что, впрочем, было вполне объяснимо. Но тут в его адрес посыпались недоумённые вопросы: «Откуда сия фраза? Из какого катрена?» Арсентий молчал. И вот, получен ответ от некоего знатока, носившего ник «Телохранилитель»:

«Уважаемый Конструктор, Нострадамус днями недели зашифровывает целые эпохи... Возможно, средой он считал третье тысячелетие. А «рассвет» указывает на самое начало данного периода времени...»

«Боже, как всё просто», – подумал Ледовской.

Что же касалось «дьявольского огня», то, Арсентий был абсолютно уверен, что речь идёт о шаровой молнии. Какова её роль, пока было не понятно. Но то, что она используется (каким образом – уму непостижимо!) при создании гомункула – это вполне вероятно.

После расшифровки катрена Нострадамуса на душе стало совсем скверно. Получалось, что на рубеже второго и третьего тысячелетий, то есть, именно в наше, сегодняшнее время, некие существа, возможно, гомункулы, искусственно возвращённые в неких секретных лабораториях, приведут Землю к хаосу и всеобщему кризису...

И, похоже, ужасное предсказание Нострадамуса начинало сбываться.

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Я несколько раз отсылал герцогу Георгу Фридриху свои медицинские заключения по поводу физического и умственного состояния Альбрехта Фридриха. В них я указывал, что не вижу никаких нездоровых отклонений в поведении своего сюзерена. Но, к моему мнению не прислушиваются, а свидетельствам не дают ход. Напротив, жалкие выдумки о «неспособности и тяжёлой прогрессирующей болезни» второго герцога Пруссии раздуваются с невероятной силой! Сколь раз я жалел о том, что вместо Иоганна Функа не казнили Симона Титиуса и его коллег – медиков-лжецов! Но, клянусь Распятием, им за всё воздастся!»

Глава 4. Профессор медицины и директор ассоциации поисковиков

Александр Бударин в Калининграде был человеком известным. В своё время он отслужил в Вооружённых силах сначала СССР, потом РФ и, выйдя на пенсию, занялся важным и благородным делом.

Историю не только покрывают пласты времени, а также слои пыли и иных осадочных пород. Историю коверкают и хоронят в сознании человека, когда отказываются от истинных,

традиционных ценностей и отдают предпочтение ложным понятиям, навеянным, в основном, западной псевдокультурой. В результате чего вырастают целые поколения, знания которых об истории собственной страны и своего народа искажены и, зачастую, забыты.

Александр Валерьевич работал поисковиком. Во главе отрядов молодых энтузиастов он разыскивал останки погибших героев, сражавшихся в здешних краях, чем способствовал возвращению имен и фамилий неизвестным солдатам, вписывая их в славную историю нашего края. Официально его должность звучала так: директор ассоциации поисковых отрядов «Память», а также – Председатель ДОСААФ Центрального района г. Калининграда. Был он вхож и в «высокие» кабинеты, но пользовался этим исключительно для дела. Его деятельность не ограничивалась одними только раскопками: он был поглощён общественной работой и занятиями с подрастающим поколением, активно проводил перезахоронение павших воинов и установление их имён. Кроме этого, Александр Валерьевич правдиво, интересно и поучительно составлял и оформлял «Книгу памяти», разыскивал родственников погибших солдат и вёл переписку с архивами...

Подполковник запаса, инженер-связист, он пользовался заслуженным авторитетом среди молодёжи. И, пожалуй, ещё одна интересная деталь – Бударин был абсолютно бескорыстным человеком. О деньгах и славе он никогда не думал.

В его внешности ничего примечательного не было: среднего роста, худощав, немного суетлив. Однако речь часто казалась излишне эмоциональной и торопливой, а поскольку мысли обычно опережали слова, то он порой «проглатывал» их, говорил какими-то «рывками» и немного сбивчиво.

Идея начать полевые работы в Приморске родилась более двух лет назад. По слухам, в окрестностях города были обнаружены останки советского танка. Собрав необходимую информацию, Бударин во главе отряда отправился на раскопки.

Тот, кто когда-либо занимался поисковой работой, подтвердит: иногда случается так, что ищешь одно, а находишь совершенно другое. В данном случае это наблюдение с точностью подтвердилось: вместо танка был обнаружен уцелевший вход в подвалы епископского замка Фишхаузен. Оглядев открывшийся взорам удивлённых поисковиков провал в кирпичной стене, Александр Валерьевич настрого запретил лезть туда своим подопечным. Техника безопасности при подобных работах – первейшее дело. Но сам не смог унять исследовательский «зуд» и, взяв с собой фонарь и отдав соответствующие распоряжения помощникам, полез внутрь. Как он объяснял потом коллегам: «словно шагнул в открытый космос»...

Подвал сохранился на удивление хорошо. Снаружи вход в него был завален толстым слоем грунта, состоящего из каши битого кирпича, щебня, древесины и песка. Но сводчатый потолок самого подземелья, местами треснувший, всё-таки уцелел. Развалившаяся от сырости мебель, истлевшие ковры, разбитые зеркала, валяющиеся в беспорядке предметы обихода – всё указывало на значительный возраст обнаруженного помещения. Возле треснувшего сундука Александр обнаружил остатки книги – несколько десятков чудом уцелевших листов. Чувствуя, что именно это может оказаться самой ценной находкой, Бударин аккуратно собрал найденные листы и уложил их в свою сумку. Прихватив с «трёхлапого» стола в качестве «трофея» серебряный подсвечник, он вернулся наверх и, продемонстрировав свои находки ожидавшим его товарищам, тотчас сообщил о найденном «кладе» куда следует.

Скорее повинуюсь какому-то инстинкту, Бударин, прежде чем передать уцелевшие листы книги заинтересованным лицам, сфотографировал каждый из них и сохранил в цифровом виде в памяти компьютера...

– Я просто обожаю звучание органа! – громко объявила Ксения, находясь под впечатлением от концерта, который проходил в Кафедральном соборе. – Спасибо тебе, Арсентий, что опять вытащил меня из домашнего «болота» в мир культуры! – она рассмеялась и теснее прижалась к своему спутнику.

– Я знаю, милая, как ты любишь классическую музыку, – ответил тот, обнимая подругу. – Я тоже с удовольствием её слушаю... Но орган! Это что-то особенное!

Они шли по Острову Канта в сторону эстакадного моста. Весь Остров освещался высокими и низкими фонарями, а стоящие у причала небольшие суда добавляли в эту иллюминацию и свою скромную лепту. Осенний ветерок шаловливым щенком лизал лица выходящим из концертного зала посетителям.

– Как славно! – вырвалось у Ксении. – Давно мне не было так хорошо! Знаешь, сегодня я слушала музыку и тихонько плакала от счастья. Кажется, я опять превратилась в беспечную девчонку, готовую смеяться и плакать по поводу и без повода, какою и была когда-то прежде!

– Смейся, сколько пожелаешь, а вот слёз не нужно, – улыбнулся Арсентий. – Ты даже не представляешь, насколько мне приятно, когда ты радуешься.

– Да, музыка способна сделать человека счастливым... как и любовь, – она нежно заглянула в его глаза. – Для описания моих чувств недостаточно просто сказать: "Я тебя люблю!" У меня есть подруги, которые ищут себе мужчину, пытаются таким образом решить какие-то свои проблемы. Они наивно полагают, что избранник вылечит их от скуки, тоски и одиночества, надеются, что он заполнит собой пустоту в их жизни... Господи, о чём это я?.. Мне же просто необходимо стать для тебя верной спутницей и наполнить твою душу до краев вниманием, заботой и любовью...

– Спасибо, родная...

Они поднялись на мост и направились в сторону Московского проспекта. Весь город был в огнях: о чём-то перемигивались корабли в порту, красным пунктиром выделялась вышка калининградского телецентра, окна домов казались яркими уютными светлячками. Свет фонарей услужливо гнал тьму с дороги, а фары автомобилей сливались в одну гигантскую разноцветную змею.

На мосту свежий ветер, дующий со стороны залива, уже не показался им «игривым щенком». Арсентий и Ксения прибавили шаг.

Посадив «даму сердца» в троллейбус, Ледовской пересёк проспект, дошёл до гостиницы «Калининград» и немного постоял возле остановки. «Действительно, чудесный вечер», – подумал он и решил отправиться домой пешком.

Мысли о любимой женщине постепенно отошли на второй план, их оттеснили раздумья, что крутились в голове уже целую неделю: о шкатулке, гомункулах и шаровой молнии...

Разговоры о шаровых молниях ведутся уже два тысячелетия. Но до сих пор учёные не могут похвалиться какими-либо достижениями в сфере исследования этих объектов. «Что характеризует их как весьма осторожных и здравомыслящих существ», – улыбнулся своей шутке Арсентий, и тут же вспомнил, сколько по данному поводу велось споров...

В средние века появление шаровых молний было окрашено мистическим ужасом, и о них говорили, как об «адском пламени», «демонах с горящими глазами», оставляющих после себя запах серы, «адских псах» и «огненных птицах»... Иначе говоря, это природное явление приписывалось к нематериальной сфере.

Арсентий недавно узнал (покопавшись в Интернете, естественно), что тоже самое касалось и рассказов о падении с неба «камней, объятых пламенем». Возможность подобного отвергалась сентенциями знаменитостей: «Камни не могут падать с неба, потому что на небе нет камней»... Видимо, поэтому даже многие физики XIX века, включая Кельвина и Фарадея, всю свою жизнь были склонны считать, что шаровая молния – это либо оптическая иллюзия, либо явление неэлектрической природы.

И только таинственный ученый, сторонник существования эфира Никола Тесла в этих спорах стоял особняком. По слухам, он умел искусственно создавать явления, подобные линейным и шаровым молниям. Но он предпочёл не разглашать результаты своих экспериментов и исследований. К тому же после смерти Тесла ЦРУ засекретило большую часть его разработок и до сих пор скрывает их от мировой научной общественности.

Арсентий дошёл до Центральной площади и повернул направо, на улицу Черняховского. До дома ему оставалось идти минут двадцать. «К десяти успею», решил профессор.

Он знал, что на сегодняшний день существует более сотни гипотез, претендующих на объяснение физической сути шаровой молнии. Однако ни одну из них не удалось подтвердить с достаточной степенью вероятности. Время от времени в лабораторных условиях удавалось создать объекты, по виду и свойствам похожие на шаровые молнии — плазмоиды. Но время их «жизни» было весьма коротко и свойства, которыми они обладали, отличались от «классической» молнии. Словом, стройной картины и логичного объяснения этому явлению никто предоставить так и не смог. Для официальной науки шаровая молния по-прежнему продолжает оставаться загадкой. Может поэтому вокруг неё появляется столько околонуточных теорий и ещё большее количество вымыслов.

Арсентий шёл, слушая звуки вечернего города: звон трамваев, гул машин и автобусов. «А так хотелось бы послушать шуршание осенней листвы, гонимой ветерком-дворником по асфальту», – подумал он. – «Эх, осень, и за что я тебя люблю?»

Проходя мимо Центрального рынка, он вновь вспомнил о Ксении. Прогуливаясь с ним, она всегда спрашивала: «А что ты сегодня кушал? А чем собираешься поужинать?» И, не слушая никаких возражений, заставляла сворачивать к рынку. «Зайдём, возьмём что-нибудь к столу. Даже профессор должен позволять себе хоть иногда питаться по-человечески!»

Перекрёсток с Пролетарской. Дежурная аптека. Через дорогу – кондитерская фабрика... Скоро «начнётся» Верхнее озеро. И опять – мысли о «дьявольском огне»...

Необычное поведение шаровой молнии даёт простор для самых необузданных фантазий. Часто в описаниях очевидцев встречается отношение к молнии как к живому существу... Вспомнились записи доктора Вёллера. Не напрасно, видимо, средневековые колдуны использовали дьявольский огонь в своих обрядах.

Есть мнение, что молния является аналогом НЛЮ или существом из параллельного измерения с непостижимым разумом и логикой. Как минимум, шаровые молнии считаются приборами для исследования нашего мира. Как максимум — энергетическими сущностями, которые также собирают какие-то сведения о нашей планете и её обитателях.

Одно из самых необычных свойств молний – исчезать в одном месте и тут же появляться в другом. Есть предположения, что одна и та же шаровая молния «ныряет» в определённый участок времени и пространства – «иное измерение», устроенное по другим физическим законам, и, сбросив собранную информацию, появляется снова в нашем мире в новой точке. Да и действия молний относительно живых существ нашей планеты тоже осмысленны – одних они не трогают, к другим лишь «прикасаются», а у некоторых просто вырывают куски плоти, словно на генетический анализ!

Скоро «Музей янтаря» и маленькая арка в крепостной стене. Ещё немного – и я дома. Хороший вечер, прекрасный отдых...

Легко объяснимо и частое появление шаровых молний во время гроз. Во время энергетических всплесков – электрических разрядов, открываются порталы параллельных измерений, через которые к нам проникают сборщики информации о нашем мире...

На днях Арсентий прочитал в Интернете любопытную статью. Оказывается, с шаровыми молниями связан необычный феномен – металлические предметы небольшой массы, в непосредственной близости от неё становятся невесомыми. Например, очевидцы не раз отмечали, что при встрече с молнией с их рук соскальзывали кольца. И очередная загадка: шаровая молния, способна убить человека, совершенно безо всякого следа на теле, (лишь «удары» некоторых из них приводили к образованию на коже замысловатых узоров и иероглифов) а труп долгое время не коченеет и не разлагается... Некоторые ученые утверждали, что молния просто «останавливает время» в организме...

А вот его улица и его дом... Пришёл. Открывая дверь, Арсентий ещё раз «потренировал» память. Среди некоторых исследователей феномена шаровой молнии бытует мнение, что она наделена разумом, что это – самостоятельная форма жизни. Например, академик Сибирского отделения РАМН Влалиль Казначеев считает, что наряду с привычной нам формой существования есть и полевая форма жизни. «Это некая энергетическая субстанция, – поясняет академик, – возможно, плазменного типа. И она обладает зачатками интеллекта».

«Что из этого следует? – рассуждал Арсентий. – То, что шаровая молния не может существовать, но вопреки этому все-таки существует. И, возможно, даже думает...»

Примерно в это же время Александр Бударин притормозил на стоянке, взял с заднего сидения портфель, вышел из салона, закрыл дверь и поставил автомобиль на сигнализацию. «Железный конь» радостно мигнул ему огоньками и дважды пискнул на прощание. Глубоко вдохнув свежий осенний воздух, Александр Валерьевич неторопливо направился к своему дому, окна которого горели ярко и приветливо. Не успел он отойти от машины и на пять шагов, как дорогу ему преградили трое мужчин. Двое остались в стороне, а их спутник направился к Бударину.

– Здравствуйте, уважаемый Александр Валерьевич! – поприветствовал его господин, невысокого роста, в шляпе и длиннополой демисезонной куртке. Подмышкой он держал кожаную папку. – Я прошу извинить меня за то, что в столь неурочный час решился потревожить вас, но дела поджимают, и мне необходимо срочно ехать в аэропорт...

Как потом рассказывал Бударин: «мои мысли словно заволокло туманом. Я слышал только голос незнакомца и не мог ему возразить. Да и не было желания...»

Он – сотрудник такого же центра поисковиков, только в Тверской области... Приятно познакомиться...

«Очень хотелось бы обменяться опытом...» Отчего же нет?

Провести совместные изыскания?.. Да с удовольствием!

Снимки листов, найденных при раскопках в Приморске?.. Да, в компьютере и в фотоаппарате, в карте памяти... Достать фотоаппарат и извлечь информацию?... Извольте! Сей момент!

Бударин с улыбкой полез в карман за брелоком. Конечно, раз нужно товарищу, спешащему на самолёт, да к тому же коллеге... это – запросто! Нажал на кнопку... а на душе так легко, словно, гора с плеч свалилась... сейчас, пару секунд...

Машина ответила миганием и лёгким писком... И этот звук вернул Александра в реальность... Постойте, а зачем вам фотоаппарат? Что я должен оттуда вынуть, карту памяти? А какого чёрта? А вы вообще кто такие, господа?

Он резко повернулся к незнакомцу и краем глаза увидел, как к нему с двух сторон метнулись его подельники. От мощного удара Бударин потерял сознание...

Очнулся он через минуту. Сначала ничего не мог вспомнить. Ужасно болела голова – падая, он ударился о крыло автомобиля... А так, вроде бы, всё в порядке... Но что всё-таки произошло? Память на предшествующие удару события постепенно возвращалась. Кому-то понадобились снимки листов Вёллера... А они хранились в фотоаппарате... Вот он, лежит рядышком. Вдребезги разбитый... Карты памяти, разумеется, нет... «Ах, ты, гнида... Я ещё до тебя доберусь...» – зло подумал Александр. Запомнил ли он того, с кем разговаривал? Нет. Темно, да он ещё в шляпе. Ростом невелик. А те двое... Тоже коротышки, их лиц он не видел...

Поднявшись в свою в квартиру, Бударин с ужасом обнаружил, что его компьютер взломан, а жёсткий диск исчез...

В этот день, 27-го сентября, был выходной. Арсентий подумал: а не позволить ли себе полежать чуть дольше обычного, но сразу отогнал эту предательскую мысль. Нет, надо пробежаться! Только в свежей голове может родиться что-то стоящее. А свежие мысли ему всегда были нужны. Особенно, в последнее время. Он одел спортивный костюм, выглянул наружу... Прохладно и сыро. Это – не беда... Телефонный звонок! Какой-то настырный он сегодня, надо будет мелодию сменить, поставить что-нибудь «понежнее», – мелькнула мысль.

– Да?

– Арсентий Александрович, доброе утро... Овсянников беспокоит. Не разбудил вас? – голос пожилого краеведа был едва слышен.

– Нет, Авенир Петрович, я уже на ногах...

– Беда у нас, Арсентий...

Сердце сразу сжалось.

– Что случилось?

– Вчера Лёню Моисеева убили... Зверски... Вечером пришли к нему на квартиру, а там... Ужас...

– Какие-нибудь подробности известны: кто, за что? Обычный грабёж или что-то другое? Успокойтесь, Авенир Петрович, прошу вас...

– Нет, не знаю. Ведётся следствие... Похищены документы. В том числе, записи Вёллера... Но это ещё не всё. Вчера было совершено нападение и на Сашу Бударина. Ты его хорошо знаешь...

– Надеюсь, с ним всё в порядке?

– С ним то всё в порядке... Только похитили снимки этих же записей, которые хранились у него в фотоаппарате. Мало того, в сетях Интернета, где эти снимки были опубликованы, все файлы пропали!

– То есть...

– Запустили вирус... Выходит, ты единственный, у кого осталась копия этого документа, Арсентий! А за ним, я так думаю, кто-то начал настоящую охоту! Ты меня понимаешь?

– Понимаю, Авенир Петрович.

– Будь крайне осторожен!..

Закончив разговор, Арсентий присел на диван. Телефон он не выпускал из рук. «Вот и побегал сегодня...» А кто поручится, что его самого сейчас не поджидают там, на улице? На маршруте, которым он бегаёт по утрам, есть некоторые малолюдные участки, вполне пригодные, чтобы...

Вскоре позвонил и Сунцов. Овсянников объяснил ему ситуацию, и старший следователь счёл необходимым предупредить профессора о возможной грозящей ему опасности.

Но неужели ему всерьёз кто-то может угрожать? Из-за записей средневекового врача! А если он сейчас же возьмёт и уничтожит эти файлы? Спасёт ли его это?.. Не было печали...

В дверь позвонили. Арсентий, обычно без вопросов открывавший всем без разбора посетителям, на сей раз громогласно спросил, не вставая с дивана:

– Кто?!

– Бударин! – глухо раздалось с той стороны двери.

Ледовской впустил Александра Валерьевича. Они поздоровались без лишних слов, не показывая своих эмоций. Арсентий пригласил гостя на кухню.

– Уже слышали новость? – спросил Бударин, пока хозяин заваривал чай.

– Слышал. И про вас тоже...

– Да, неприятная история... И непонятная.

– Да, куда уж таинственной...

– Выходит, пока у вас на руках эти снимки, копии документов... то вы тоже под ударом.

– Уверены?

– Абсолютно. Я вчера с ними лично общался: получил по самую шляпку! Они ищут снимки этого текста. Думаю, всё неспроста. Что-то в нём есть такое, что должно, по их мнению, храниться в тайне.

– Я даже знаю, что.

– Вы знаете?..

– Да, я изучил текст и догадываюсь, что может смущать наших... оппонентов.

– И что именно?

– Кладите себе сахар, – Арсентий придвинул чашку к Бударину. – Если желаете, я вам вкратце расскажу, о чём говорится в тексте, а выводы вы сделаете сами. Хотите?

– Конечно. Ведь я сам раскопал эти бумаги, сам сфотографировал... Но как-то не довелось вдумчиво прочитать... Да и немецкий я знаю неважно. А теперь из-за моей находки начали убивать людей.

– Успокойтесь и пейте чай. – Он присел рядом с Будариним и поставил на стол тарелку с бутербродами. – Надо слегка перекусить и обсудить ряд вопросов... Так вот, в том тексте говорится о заговоре авантюриста Скалиха против герцога Альбрехта, случившимся в

XVI веке в Кёнигсберге. Сам Скалих – личность незаурядная, я бы даже сказал, что выдающаяся. Но квинтэссенция, сама суть, заключается не в этом...

– А в чём же?

– Вёллер описывает ритуал оживления зародыша гомункула, который якобы состоялся в подземелье Королевского замка... Гомункул – это искусственный человек, о возможности создания которого ходило множество слухов по Европе. Этому ритуалу Вёллер сам был свидетелем, в чём и поклялся на страницах рукописи всеми святыми. А в те времена – это была весьма серьёзная клятва... В конце концов он пришёл к выводу, что гомункулы жили в древнем Кёнигсберге и прежде, а у нас есть основания полагать, что они живы и сегодня...

Бударин внимательно слушал.

– Гомункулов делят на три группы: первые – это подмастерья, самый низший класс. Они выполняют самую чёрную, самую грязную работу. Они сильны, быстры, но малорослы и неказисты, – Арсентий наблюдал за реакцией Александра. Тот продолжал молчать.

– Вторая группа – мастера. Это – профессионалы, специалисты. Каждый в своём деле. Есть среди них увещеватели, способные уговорить кого угодно, есть убийцы, есть торгаши, наблюдатели...

– Увещеватели? – встрепенулся Бударин. – Тот, с кем я разговаривал, буквально загипнотизировал меня!

– Да, все они обладают сверхъестественными способностями. В той или иной мере.

– Постойте, не хотите ли вы сказать...

– Да, друг мой. Я, как учёный, подвергал сомнению всё это... Но, как показали последние события, эти существа... вероятно, до сих пор существуют. Они практически бессмертны.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал. Возможно, я ошибаюсь. Но теперь они уничтожают единственное доказательство своего существования.

– Те, которых я вчера видел, действительно, малорослы и весьма шустры...

– Вот видите...

– Профессор, – Бударин отхлебнул чай, – я как раз за этим и пришёл к вам. Вероятно, они посетят и вас. Я со своими ребятами... есть у нас спецы, организуем вам охрану. На полицию надежды мало, там не поверят в эти сказки...

– А вы справитесь? – Арсентий усмехнулся.

– Арсентий Александрович, теперь это дело моей чести! Уж будьте уверены!

– Тогда вам понадобится оружие...

– У нас найдётся. Травматическое...

– Э, нет. Для этих ребят нужно совсем другое.

– Какое же? Автоматы?

– Нет. Это, пожалуй, слишком... Я думаю, стоит попробовать электрошокеры.

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Вчера я узнал, что в далёкой Московии умер царь Иоанн IV. Всё в руках Господа нашего и творится по Его святой воле. Я хорошо помню русского государя. Выполняя поручения герцога Альбрехта, я дважды приезжал к нему.

В общении с ним мне всегда приходилось помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и начинается низкопоклонство, а также стараться, чтобы в моих речах слова были мягкими, а аргументы твёрдыми.

Мудрый был правитель, только вёл он неверный образ жизни, отчего и нажил много «самохотных болезней» (63). Сердце его усохло, а душа обмелела... Приходится лишь согласиться с мудростью Сенеки, сказавшего, что «искусство продлить жизнь – это искусство не сокращать её». Давно уж нет среди живущих и первого герцога Пруссии... Каждый человек смертен. Возможно, это – великое благо, данное людям самим Господом. Ибо бессмертны только гомункулусы...»

Глава 5. Взволнованный хозяин, незванный гость и незапланированное путешествие

Проводив Бударина, Арсентий понемногу успокоился. Не потому, что нашёл себе надёжного защитника в лице благородного человека и его помощников, а оттого, что понял: перед лицом опасности он не одинок. Да и так ли велика эта напасть? Если кто-то явится за рукописью Вёллера, он с радостью предоставит её им. Сам-то Ледовской досконально изучил этот документ и сделал необходимые выводы. Но вот если кто-то захочет, чтобы тайна находки снова ушла в небытие, то тогда...

Взгляд профессора остановился на рамке с небольшой картинкой, нарисованной карандашом его возлюбленной, на которой лысый бородатый очкарик, сидящий в позе «роденовского мыслителя», поразительно походил на Арсентия в минуты его раздумий. Причем исполнен данный шарж был, несомненно, с огромной теплотой и любовью. Внизу красовалась трогательная надпись: «Вспоминай хоть иногда... Твоя Ассоль».

«Хорошо бы этот день провести с Ксенией. Вместе съездить на море, в Светлогорск...» – родилась шальная мысль в уставшей голове Арсентия. Но нет, необходимо разобраться с теми, кого он считает своим «вероятным противником». Только существуют ли они реально? Готовы ли к решительным действиям? Что следует предпринять для предупреждения чрезвычайных ситуаций? Итак, удачи без подготовки не бывает! Нужно постараться всё предусмотреть и всякую случайность необходимо предвидеть.

А еще научная деятельность... Семестр только начался, пора загружать студентов работой. И в лаборатории столько дел... Хорошо всё-таки почувствовать себя нужным и полезным человеком. Он усмехнулся. Взгляд остановился на книжном шкафу. Снова вспомнилась Ксения и её первое посещение жилья профессора-затворника...

– Ты говорил, что работаешь врачом, – сказала она, внимательно разглядывая корешки книг. Затем раскрыла створки книжного шкафчика. – А медицинских книг не так уж много...

Арсентий с улыбкой наблюдал за ней. И любовался.

– Я вижу тут Чапека и Бернарда Шоу... Фейхтвангера... Томаса Манна. Ты – разносторонний читатель... Много книг по высшей математике... «Функциональный анализ»... А, вот оно... «Структурный анализ микрососудистых бифуркаций»... Я ни одного слова не поняла! – она по-детски хихикнула, прикрыв рот ладошкой. – «Системный подход в биологии и медицине...» А-а-а, вот ещё, это я даже читала: «Дух Альбертины и тайна

старинной книги!»! Это – точно про врачей... Так ты – учёный? – неожиданно догадалась она.

...И вот, почувствовав, что больше не в силах обходиться без любимой женщины, он решил. «Позвоню, приглашу её на обед... Нет, не в кафе, а сюда, – его взгляд упал на диван. – Но сначала схожу на рынок, куплю что-нибудь к столу... А эти... да пошли они!..»

Арсентий так и поступил. В супермаркете он приобрел копчёную курицу, кое-каких овощей и фруктов, бутылку полусладкого вина для подруги, и появился возле своего дома примерно через час. Ничего подозрительного по пути он не заметил и решил, что его опасения, скорее всего, преувеличены. Открыв входную дверь, он сразу прошёл на кухню, где оставил свои покупки, и только возвращаясь обратно в прихожую, чтобы снять одежду и обувь, вдруг обнаружил, что в его квартире находится посторонний. Незнакомец вальяжно развалился на вертящемся стуле за его письменным столом, и насмешливо взирал на опешившего хозяина.

– Что вы тут делаете?! – Арсентий был вне себя от такого наглого вторжения.

– Жду вас, профессор, – ответил тот, поднимаясь.

Гость был несколько ниже Ледовского, и выглядел лет на сорок. – Я прошу прощения за столь бесцеремонный визит, но... обстоятельства таковы, что я был вынужден нарушить все мыслимые правила этикета! – Он слегка поклонился.

Да, было что-то неуловимо странное в его внешнем виде... Для визита к профессору он выбрал светлый вязаный свитер, закрывающий горло, и чёрные джинсы. Лицо было немного вытянутым и слегка скошенным (по крайней мере, так показалось Арсентию). Зеленоватого оттенка глаза излучали симпатию и добродушие. А это заметно успокаивало. Особых примет не наблюдалось – нос с небольшой горбинкой, ямочка на подбородке... Чёрные волосы аккуратно зачёсаны назад. Руки чистые, даже холёные, а ногти ухоженные, как у аристократа.

– Впрочем, – не преминул воспользоваться замешательство хозяина пришелец, – вы, наверное, уже ждали, что вам нанесут подобный визит. Только вряд ли догадывались, при каких обстоятельствах состоится наша встреча. Прошу вас, успокойтесь, не спеша переоденьтесь и подсаживайтесь к столу. Мне чертовски хочется с вами поговорить...

Через пару минут Ледовской присоединился к «приветливому» незнакомцу.

– Я слушаю вас, – произнёс Арсентий, хмуро взглянув на собеседника.

Тот сразу перешёл к делу:

– Дорогой профессор, нам стало известно, что вы проявляете повышенный интерес к древним опытам самозарождения жизни...

– Допустим... – Ледовской ощущал всё нарастающее беспокойство.

– Я хотел бы предостеречь вас от этого. Дело в том, что крайне редко океан истинных знаний на деле оказывается замечательным местом, полным чудесных обитателей. Для большинства исследователей – это мрачная и холодная стихия, кишашая страшными чудовищами, готовыми вас проглотить. Выслушайте меня спокойно, и... забудьте о попытках вызова охраны. Во дворе в машине сидят несколько молодых парней, которым поручено оберегать вас в случае нападения, но, уверяю, они вам ничем не помогут.

– Вы что же, читаете мои мысли? – Тревога всё росла в душе учёного, примерно так же, как сода «поднимает» тесто в духовке.

– Не все, а только самые яркие... Но, чаще положение рук или ног человека может больше и правдивее рассказать о мелькнувшей в его голове мысли, чем все сказанные вслух слова...

– Для начала вам не мешало бы представиться. Хотелось бы знать, с кем я имею дело.
– Арсентий пытался скрыть своё волнение и даже убрал со стола руки.

– Можете звать меня Павлом, хотя прежде у меня было много разных имён, – уклончиво произнёс загадочный посетитель.

– Так чем обязан, Павел? – Арсентий решил оказать небольшое «давление» на пришельца с целью «прощупать» его позицию.

– Мудрейший из людей, – невозмутимо ответил Павел, – сын Давида, царь Соломон однажды сказал: «Сердце мудрого – справа!» Как думаете, что он имел в виду?

Гость поднялся со стула и начал невозмутимо расхаживать по комнате, то подходя к профессору, то удаляясь от него, время от времени поворачиваясь к собеседнику спиной. Со стороны это выглядело как явное неуважение и «перехват» главенствующей роли...

– Вы хотите сказать, что древние мудрецы были «зеркальными» людьми?..

– Почему только древние? Ваши современники, кстати, тоже. И великие учёные, и гениальные злодеи... Не все, конечно... Лишь те, кто был создан искусственно, а таких довольно много.

Павел внезапно остановился и пристально посмотрел в глаза Арсентия, как в детской игре «кто кого переглядит». Ледовской от неожиданности даже вздрогнул, но понадеялся, что Павел этого не заметил.

– Вы, конечно, можете привести мне примеры таких... гомункулов? – профессор саркастически усмехнулся.

– Да сколько угодно! Альберт Эйнштейн вас устроит? А Жорж Дантес или Джек Потрошитель?

– Гениальная глупость! – недоверчиво воскликнул учёный. – Ваше утверждение, уважаемый, невозможно проверить... Вы что же, решили, что я вам так сразу и поверю? Вы, случайно, не состоите на учёте у психиатра?

Павел, казалось, совсем развеселился.

– Хорошо, не будем голословными, – ответил он. – Один из таких избранных находится сейчас перед вами...

– И я могу вас обследовать? – Арсентий отчего-то был уверен, что его собеседник не врёт.

– Думаю, будет достаточно беглого осмотра, – Павел стянул с себя свитер вместе с рубашкой и через несколько мгновений продемонстрировал профессору свой торс, на котором отсутствовали пупок и соски.

– Пластическая операция? – продолжал играть роль недоверчивого доктора Ледовской.

– Профессор, мне ли вам говорить, что даже пластические хирурги оставляют следы на коже пациентов. Можете убедиться, что у меня их нет. Кроме нескольких боевых отметин, полученных много веков назад.

– Я хочу выслушать тоны вашего сердца... – Ледовской поднялся, подошёл к шкафчику, где хранился его медицинский инвентарь, и, достав оттуда стетоскоп, приблизился к гостю.

– Действительно – зеркальная транспозиция органов... – констатировал он через минуту, и почувствовал, что голос его дрогнул. – Но в это невозможно поверить...

– Не надо так расстраиваться, профессор, – заметил Павел, поправляя одежду. – Главное наше различие – не в анатомическом строении тела. Между нами есть и более важное, принципиальное противоречие. Человека, как известно, создал Бог, а нас – Дьявол, который снабдил своих чад всем в избытке, за исключением одного – не дал им души... Но она, как я вижу, и большинству людей ни к чему... И, наконец, самое главное – он сделал нас бессмертными, а это – воистину бесценный дар!

Обессиленный, Арсентий почти рухнул на стул.

– И чего вы от меня хотите?

«Порождение Зла» хитро сверкнул глазами:

– Вы должны прекратить свои исследования и эксперименты по созданию живых тканей и органов, или продолжить их под нашим руководством, но уже на совершенно ином качественном уровне. Поверьте, наша встреча совсем не случайна. Мы давно за вами наблюдаем, и пришли к выводу, что вы нам подходите.

Ледовской был готов услышать всё, что угодно, но только не то, что прозвучало.

– Подхожу? Но для чего?

– Для того чтобы возглавить лабораторию по выращиванию гомункулов, – не уставал удивлять профессора «нечеловек».

– И где находится эта таинственная лаборатория?

– Там же, где и всегда – в подземельях Кенигсберга...

– Но вы требуете от меня оставить любимое дело, которому я был предан всю свою жизнь?

– Каждый из нас предан... Одни кому-то... другие – кем-то... – грустно пошутил Павел. – Смириться с тем, что мир вокруг нас реален лишь отчасти, поскольку искажён нашими несовершенными органами чувств и дополнен воображением, а оно имеет склонность нас обманывать. К тому же не только мы сами дирижируем своим сознанием, но и оно, в свою очередь, тоже управляет нами... Если вы примите наше предложение, то взамен получите все, что пожелаете: славу, деньги, самых красивых женщин... Соглашайтесь: мы очень серьёзные партнёры.

– Но почему я должен верить вам на слово? – попытался возразить Ледовской, – мне, как учёному, необходимы веские доказательства. Ведь согласитесь: одного лишь отсутствия пупка тут явно недостаточно!

На минуту гомункул задумался. Арсентий обратил внимание, что за окном опять разыгралась непогода и капли дождя дружно застучали по оконному стеклу.

– Тогда поступим следующим образом, – наконец, улыбнулся собеседник, – я устрою вам небольшой экскурс в прошлое, причём, не выходя из этого кабинета. Выбирайте любую эпоху. В какой исторический пласт вы хотели бы заглянуть, профессор?

Предложение было и заманчивым, и неожиданным.

– Вы и на это способны?

– И не только... Итак?..

– Предположим, столетней давности... – «поскромничал» Арсентий.

– Следовательно, 1915 год... У меня для вас заготовлен прекрасный маршрут!.. А теперь надо проделать абсолютно безвредную, но необходимую процедуру. Закройте глаза и представьте себе волшебную свирель, которая играет у самого вашего уха... Вы уже слышите её... и в то же время ощущаете, как прозрачная энергия перетекает в ваше тело и по нему ползут мурашки... У меня тоже так бывает, когда я начинаю слушать Великую музыку...

Действительно, комната наполнилась тихими протяжными звуками и робкими струнными аккордами... Время словно остановилось, а замороженный мозг Арсентия погрузился в состояние покоя и отдыха... Постепенно ясные ноты становились все громче и ярче. Музыка изменила всю окружающую атмосферу: пространство до краёв наполнилась безудержной радостью, неописуемым восторгом, а невероятную теплоту и любовь, казалось, можно было потрогать руками. Подобно воде, волшебная мелодия нарастала и ниспадала мягкими волнами счастья, которые омывали, очищали и ласкали душу Арсентия. Сродни огню, в котором каждая искорка обладает своей неповторимой яркостью и энергетикой, жаркой напористой силой, что зовёт вперёд, возвышает, а затем, угасая, отступает... Музыка растопила и унесла с собой накопившуюся усталость, обиды и сомнения...

Порой Арсентий различал нечто похожее на шелест ангельских крыльев, которые по смутным воспоминаниям окружали его в раннем детстве, когда он засыпал на руках своей матери. Он представлял себе, что превращается в большую сильную птицу, летящую высоко в облаках, и чувствующую в небе полную безопасность...

Внезапно он увидел яркую вспышку, от которой к нему протянулся ослепительный оранжевый луч... Он без страха пошел по этому пучку света и, наконец, попал внутрь его источника...

Открыв глаза и оглядевшись, Арсентий вдруг осознал, что сидит на жёстком деревянном стуле в незнакомом просторном помещении, похожем на мастерскую электрика, со стен которой водопадом низвергается множество толстых и тонких проводов, а под ногами огромными толстыми питонами вьются какие-то кабели и трубы. По периметру странной комнаты громоздились зловеще гудящие жестяные шкафы, напоминающие трансформаторные будки, в них мигали красные и зелёные лампочки, а на нескольких столах стояли разнокалиберные катушки, смотанные из медной проволоки, и конденсаторные батареи. В воздухе, словно после грозы, остро пахло озоном.

Арсентий поднялся и немного размял ноги, собираясь подойти к небольшому зашторенному окну. В этот момент распахнулась входная дверь, и через неё стремительной походкой вошел высокий худощавый человек лет шестидесяти, одетый в чёрный шерстяной костюм, под которым виднелась белая сорочка со стоячим воротником, подвязанная тёмно-синим галстуком. Его седые волосы были расчесаны на прямой пробор, пристальный взгляд был острым и немного насмешливым.

– Извините за ожидание, господин профессор, но мне только что доложили о вашем прибытии, – произнёс он, протягивая руку Арсентию, и представился, – Доктор Никола Тесла.

Ледовской был настолько обескуражен, что единственное, что смог произнести в ответ: «Неужели вы тот Тесла, благодаря которому в наших квартирах по проводам течёт переменный ток?»

– Да, я знаю об электричестве все! – довольный его замешательством ответил ученый. – Сегодня все площади и улицы Нью-Йорка освещаются дуговыми лампами моей конструкции, а на предприятиях работают мои электромоторы и генераторы. Без меня не было бы и Ниагарской гидроэлектростанции... Вот, смотрите...

Он взял с ближайшего стола пустую стеклянную колбу, и она, хотя в ней не было видно никакой спирали, загорелась ярче электрической лампочки.

– Я основоположник новой цивилизации, – торжественный голос Тесла приобрёл металлический оттенок, – в которой единственным, неисчерпаемым источником энергии станет асинхронность различных уровней физических процессов, то есть – само Время! И

мне оно покорилося! – Чёрные глаза собеседника лихорадочно блестели, а на впалых щеках поигрывали нервные желваки.

– Я, конечно, уважаю точные науки... Но разве подобное возможно? – усомнился Ледовской, удивлённый такой явной саморекламой учёного.

– Конечно, ведь мы же сейчас с вами беседуем, хотя живём в разных столетиях. Весь фокус в том, что каждый миллиметр пространства Вселенной насыщен безграничной, бесконечной энергией, которую нужно лишь суметь извлечь. Зная, как это сделать, я легко могу расколоть нашу планету: мне нужен только подходящий вибратор и несложный расчёт... Я уже не раз ставил подобные опыты с электрической энергией. Надеюсь, вы слышали про Тунгусскую катастрофу 1908 года? Мне тогда удалось эффектом резонанса «раскачать» электромагнитную волну так, что в результате получился разряд небывалой мощности...

Ледовской не знал, как на это реагировать. Тесла, между тем, словно сам был источником энергии: его тело постоянно находилось в движении – он, то стряхивал с рукава невидимые пылинки, то массировал шею, то ощупывал пальцами основание носа, то приглаживал волосы...

– Но всё это – присказка, – учёный из прошлого подался вперёд и устремил на Арсентия пронзительный взгляд. – Уважаемый профессор, я уполномочен у вас спросить: желали бы вы обладать эксклюзивной и исчерпывающей информацией в своей или любой иной области знаний?

Ледовской пожал плечами.

– Разумеется, если только это возможно. В моих исследованиях существует ряд нерешенных проблем, которые затрудняют движение вперёд.

– Всё это легко поправимо, – Тесла покрутил длинными пальцами золотую запонку на белоснежном манжете. – Но готовы ли вы заплатить необходимую цену за своё подключение к единому информационному полю Земли?

– Смотря, какова будет эта цена... Но мне кажется, что наш разговор совсем не о деньгах.

– Вы, конечно, правы. Мы можем дать вам реальную возможность стать успешным и известным учёным – биоконструктором, а также богатым, счастливым и независимым человеком. Вы сможете читать чужие мысли, предвидеть будущее, путешествовать во времени, но... всё это – лишь вершина айсберга. Главной вашей работой станет служба Братству Вечности. Мне в своё время тоже было сделано аналогичное предложение! Я его без колебаний принял и ни разу не пожалел об этом.

Арсентию всё происходящее очень напоминало сказочный сон, а когда человек уверен, что видит сновидение, то без стеснения говорит и делает всё, что приходит ему в голову.

– Что это за Братство и какая роль мне в нём уготовлена? – с показным равнодушием спросил он оппонента.

– Наше Братство объединяет самые просвещённые умы человечества. Поскольку вы – выдающийся специалист в медицине, а также талантливый и прозорливый человек, наше Братство нуждается в вас и предлагает вам стать Создателем. Будете заниматься тем же самым делом, только конструировать придется уже не людей...

– А кого?

– Наших бессмертных чад – гомункулов...

– А если я откажусь?

Ответ можно было предугадать:

– Тем самым вы сами себя накажете. Мы сотрём у вас память о нашей встрече, и вы вновь окажетесь в одиночестве у своего «разбитого корыта»...

«Одиночество – удел сильных, это пусть слабаки сбиваются в стадо...» – подумал Арсентий.

– Вы думаете, что стоите на пороге величайшего открытия, – продолжал пожилой изобретатель, – но на самом деле ваши исследования зашли в тупик и без «адского огня» у вас ничего не получится...

Арсентий старался казаться бесстрастным.

– Уважаемый коллега, коль вы всё равно решили стереть мне память, то не могли бы рассказать об этом подробнее?

– Почему бы и нет. Может быть, это поможет вам принять верное решение...

Итак, общепризнанная формулировка: «жизнь – есть способ существования белковых тел» верна лишь отчасти. Конечно, трудно переоценить роль белков в нашем организме, но что запускает и регулирует механизмы жизнедеятельности: обмена веществ, роста, старения?.. Чей разум и воля управляет всеми этими процессами? Кто дарит нам жизнь и кто её забирает? Вы прекрасно знаете, что на молекулярном уровне между живым и мертвым организмом нет никакой принципиальной разницы, за исключением одного, и самого главного признака: первый – способен созидать, а второй – будет лишь распадаться... Так что, жизнь – это не «способ существования», не совокупность примитивных химических реакций и электрических процессов. Нужно брать намного выше: жизнь – это Мудрая Сила Вселенной, которую нам ни «открыть», ни познать не дано. Ей можно только служить! И поверьте мне, она за это способна щедро вознаградить.... Как, впрочем, и покарать.

– Простите, но я – материалист, и за долгие годы своей научной деятельности ни с чем подобным ни разу не сталкивался...

– Это потому, что вы не являлись «посвящённым», но мы можем предоставить вам такую возможность, приняв в Братство Вечности. Но, чтобы развеять ваш скептицизм, профессор, могу устроить небольшую демонстрацию...

– Было бы весьма кстати...

– Тогда смотрите...

Изобретатель подошёл к большому шкафу, повернул рукоять рубильника и переключил несколько тумблеров. Гул внутри агрегата усилился. Пожилой учёный посмотрел на стрелки манометров и передвинул рычажок реостата... На всех металлических предметах, находящихся в лаборатории засияли «огни святого Эльма», а неизвестно откуда взявшаяся испуганная бабочка беспомощно порхала своими крыльями, окруженными синими ореолами и бьющими тонкими электрическими струйками.

...И, казалось бы, вовсе некстати в зале вдруг тонко и пронзительно зазвучала флейта... Сначала мышцы у Арсентия напряглись, как бы пытаясь оградить его от раздражающих и неприятных звуков, но потом голова перестала втягиваться в плечи; и хотя руки всё ещё сжимали спинку стула, но их хватка стала немного мягче...

Тональность мелодии постепенно возростала, затем, достигнув определённой высоты, ноты причудливым водопадом обрушились вниз, сплетаясь в затейливую мелодию... Наконец, раздался громкий хлопок и посреди комнаты вспыхнул яркий огненный шар размером с теннисный мячик, который, шипя, стал кружить над столом, возле коего стояли собеседники. Тесла протянул руку, осторожно взял «пришельца», как пасхальное яйцо, двумя пальцами левой руки и поднес к лицу Арсентия.

– Вот это – тот самый «адский огонь», о котором я вам говорил, профессор. Он представляет собой сгусток разумной плазмы, называемый иначе «шаровой молнией», – с демонической улыбкой произнес Тесла, наблюдая за Ледовским, который был не на шутку взволнован увиденным. – Только вся эта фантазмагория устроена мной не для того, чтобы кого-то напугать. Для нас с вами данная энергетическая субстанция совершенно не опасна, – Тесла несколько раз подбросил сверкающий шар на своей ладони, – Но, действуя по моему приказу, она может забрать энергию жизни у любого существа. А также способна передать её кому-то другому... Например, оживить мёртвого! Для этого существует ряд интереснейших древних ритуалов... – рассказчик внезапно запнулся, а шаровая молния плавно взлетела с его руки и повисла возле самого уха.

– Продолжайте, коль уж начали, уважаемый доктор, – прервал его задумчивость Ледовской.

– Что ж... «Адский огонь» становится нам подвластен только после слов: *«Magna vi et animiet diabolicaignis!»* и *«Aeternitatis gloriam!»*, – произнес по-латыни Тесла, но внезапно вновь замолчал, и, казалось, к чему-то прислушался.

«Что-то знакомое... – напряг свою память Арсентий. – Так это же последняя строка катрена: «Велика сила и разум дьявольского огня! Слава Вечности!»

– К сожалению, профессор, время вашего визита истекло, – лицо Теслы сделалось строгим. Он протянул Ледовскому руку, – вам пора возвращаться. Но вы обдумайте наше предложение. У вас есть на это ровно три дня...

Вновь зазвучала тягучая музыка, и глаза профессора непроизвольно закрылись...

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Альбрехт Фридрих, кажется, полностью поглощён радостями семейной жизни. Он любит и ценит свою красавицу-супругу, самозабвенно забавляется со своими детишками... К чему ему герцогство, вечная кровавая борьба с завистниками, лжецами и безбожниками? Я смотрю на Георга Фридриха: как же он изменился за последнее время, как постарел! Принесла ли ему счастье власть над Восточной Пруссией? И всё же мне нелегко смириться со свершившимся беззаконием...

«Кто восстанет за меня против злодеев? Кто станет за меня против делающих беззаконие? (64)»

Глава 6. Убеждённый материалист и Братство Вечности

Очнулся Арсентий у себя в комнате. Он сидел на стуле за столом, а напротив хозяйски расположился его посетитель. Павел не был насмешлив, но не напустил на себя и вид скучающего бездельника. Едва Ледовской открыл глаза, его визави проявил к нему живейшее участие.

– Вы себя хорошо чувствуете, профессор?

– Спасибо, – ответил тот. – Кажется, обошлось без последствий и осложнений...

– Вот и прекрасно. Как вам «путешествие»?

«Всё-таки, это – действительно гомункул, – мелькнула мысль в голове Арсентия. – Не заметно блеска в его глазах. Видно, что старается «оживить» своё лицо, мимика работает, как надо, а вот во взгляде ничего живого нет... Бездушный мертвяк», – констатировал он.

– Было весьма интересно. По-видимому, я пребывал в состоянии гипноза?

– Называйте это, как хотите, – промолвил гомункул. – Вам, как убеждённому материалисту, нет смысла подробно объяснять процесс перехода вашего духа через пространство и время. Но, как учёный-исследователь, вы вполне можете допустить, что в мире возможно и то, о чём пока не пишут в научных журналах.

Арсентий с удовольствием ощутил, что он – дома, его руки и ноги действуют, он мыслит и может продолжать дискуссию.

– То есть, то, что мне сказал...э-э... Тесла?..

– Тесла, – кивнул Павел.

– ...я должен воспринимать всерьёз?

– Да. Хорошо, что вы это уяснили. Теперь мы будем ждать вашего ответа... Или вы продолжаете сомневаться?

– Да как вам сказать... Всё это так неожиданно и сумбурно... Ворвалось в мою жизнь, как ураган, и накрыло, как снежная лавина... И тут же: «дай ответ»...

– У вас есть время подумать...

– Не знаю, как скоро я приду в себя... – неуверенно протянул Арсентий.

– Придётся, успокойтесь. Или вам нужны новые доказательства? Я готов предоставить вам и другие, но на первый раз, когда вы только стоите на пороге величайшей Тайны мира, у самого входа в Братство Вечности, думаю, будет достаточно того, что вы узнали.

– И всё-таки... Расскажите мне... хоть немного о самом Братстве Вечности!

На минуту Павел замолчал. Он нахмурился и устремил свой взгляд куда-то вдаль. Арсентию даже показалось, что гомункул с кем-то мысленно советуется. Дождь за окном прекратился, но чувствовалось, что ненадолго. «А липа наша совсем уже пожелтела», – отметил про себя Ледовской.

– Хорошо, – наконец, произнёс Павел. – Что вы хотите узнать?

– Ваши цели. Почему вы, обладая такими способностями, до сих пор не захватили наш мир?

Павел рассмеялся. Получилось действительно весело, если не считать, что щёлочки его глаз отнюдь не вспыхнули живым светом.

– Вы имеете в виду гомункулов?

– Да.

– Гомункулы создаются для того, чтобы помогать людям, дорогой профессор. Мы лишены тщеславия, нам не нужны богатства, слава и почести... Согласитесь, если бы было наоборот, мы бы ничем не отличались от людей и тотчас бы начали воевать, – он скривил рот в усмешке. – Но чем больше гомункулов, тем меньше войн. Мы сами, я имею в виду просветлённых гомункулов, а не мастеров с подмастерьями, довольно успешно поднимаемся по лестнице, ведущей к власти. Но только затем, чтобы провести по ней тех людей, которым служим – наших Создателей. Если того требует дело, то мы даже обзаводимся фиктивными семьями. Иногда случалось, что гомункул оказывался на вершине власти в том или ином государстве... Но это случалось не по его воле, а по вине обстоятельств. Потом бразды правления передавались человеку... Конечно, если рассуждать логически, проку от этого было мало, ибо каждый человек полон всевозможных пороков. Став царём или королём он неизбежно начинал путь к уничтожению своей страны... Вообще, если бы миром правили

мы, гомункулы, для человечества настали бы золотые времена... Но, так уж в нас заложено Создателями, что нам это абсолютно не нужно.

– Вы упоминали Дантеса...

– Это – гомункул. Только он мог, не моргнув глазом, выстрелить в великого поэта и не испытывать при этом никаких угрызений совести... К слову, покинув Россию, Жорж сделал блестящую карьеру и стал сенатором. Хотите узнать о других гомункулах, оставивших след в истории человечества? Извольте! Пожалуй, самая крупная фигура из нашей, если позволите, семьи, двенадцать лет продержалась у власти в Германии...

– Кого вы имеете в виду?

– А вы разве не догадались? – улыбка Павла стала шире его плеч. – А теперь, давайте порассуждаем... Рождение Гитлера связано с тайной! Инцухт, изменение фамилии... И уже это о многом говорит. Далее... Не добившийся признания художник. Почему? Из-за отсутствия своего лица и души в картинах... Храбрый солдат в Первую мировую. Выжил после химического отравления (64), от которого любой его сослуживец непременно бы умер. У него же лишь немного пострадало зрение. Дальше. Вам известно, что Гитлер был левшой? Ладно, это малозначачий факт...

– Но он же проходил медицинские обследования...

– Данные о медицинских обследованиях сфальсифицированы. К тому же, отметьте следующее: когда надо было казаться человеком, он курил по сорок сигарет в день. А когда это оказалось лишним для имиджа, тотчас бросил... Многих вы знаете курильщиков, способных на такое?.. Идём дальше. Исключительная память... Блестящая карьера, вся Европа... даже целый мир перевёрнут вверх дном и... такой же непонятный конец... Кто-нибудь знает, куда делся труп Гитлера?

– По этому поводу имеются только предположения...

– Вот именно. Он ушёл в никуда, откуда и пришёл... Впрочем, у нас есть вполне достоверные сведения о том, что позже он жил в Южной Америке. Пока снова не исчез...

– Да, тут не знаешь, чему верить...

– Вот и я про то же.

– Но почему же его никто не устранил от руля власти, коль он не человек?

– Видимо, решили посмотреть, к чему приведёт страну гомункул, если им не руководить... Видите, и у нас случаются промахи. – Кстати, гомункулы используются не только для того, чтобы тянуть человека на вершину Олимпа. Нередко они играют роль некоего советника... или советчика при правителе. Этаким «агент влияния»... Одним из таких являлся... Вы только не удивляйтесь, любезный профессор...

– Мне кажется, я уже разучился удивляться...

– Ну, что ж... Одним из самых видных таких деятелей являлся небезызвестный Гришка...

– Отрепьев? – вспомнил Арсентий.

– И Отрепьев тоже, не волнуйтесь. Но сейчас речь не о нём, а о Распутине.

– Григорий Распутин – гомункул? – чуть ли не вскричал Ледовской.

– Самый настоящий, – невозмутимо ответил Павел. – О, это был прекрасный экземпляр просветлённого гомункула...

– Но он же слыл известным бабником! Его бесстыдные похождения сводили с ума всю придворную знать!

– Как вы думаете, что обычно делают, когда хотят спрятать некий предмет? – с лёгкой улыбкой спросил Павел.

- Говорят, кладут его на самое видное место...
- Верно. И тут такой же случай. Чтобы спрятать свою «бесполость», наш Гриша играл роль этакого неутомимого, неразборчивого любовника... Женщины всегда находились под его гипнотическим воздействием! То, что Распутин умел пользоваться гипнозом, тоже замечено...
- Да, были у него и другие странности...
- Конечно. И всё вписывается в нашу... теорию. Тайна происхождения, тайна появления в Петербурге, тайна «вхождения» в царскую семью, тайна магического воздействия на супругу царя Александру Фёдоровну, тайна некоторых его предсказаний (впоследствии сбывшихся!), секреты лечения от гемофилии наследника престола...
- Да, гемофилия обычной терапии практически не поддаётся...
- А помните, с каким трудом его удалось убить? Яд его не брал, резали его, да не дорезали, душили, да не додушили... Наконец, вроде бы утопили. Но он, даже в горящем гробу взял, да и поднялся...
- Но он всё-таки погиб?
- Разумеется... Но память о нём жива, – Павел криво усмехнулся и сдвинул брови... Арсентий поёжился. Не от холода, а от ощущения непонятного страха...
- Да-да, – словно вспомнив что-то, продолжал Павел. – В планах гомункулов, порой, входил даже взрыв Луны... Но это, считали мы, для пользы дела. Хорошо, что люди иногда и дальновиднее гомункулов, и умеют более масштабно мыслить. В общем, нам есть, куда развиваться. Поэтому и нужна помощь таких специалистов, как вы...
- Страшно подумать, что могло бы произойти...
- Да вы успокойтесь, профессор. Такого в ближайшей истории больше не наблюдалось и вряд ли произойдёт. Хуже, когда гомункулы выдвигают в президенты особь, которая только физиологически является человеком. Который на людях может и пьяным появиться, вот мол, какой я живой и близкий вам по духу!.. Или оказаться замешанным в сексуальном скандале... А вся его политика сводит страну в пропасть... В хаос и бездну...
- Да... – вздохнул Арсентий.
- А недавно дружественное нам государство... Там руководство страной захватили сразу несколько гомункулов. И посадили в кресло президента нужного им человека.
- «Король из мармелада
Сшил платье для парада
И ленту для заслуженных наград!..»* – пропел он, правда, не без фальшивых нот. – И к чему это привело, вы можете видеть сами...
- Кажется, я знаю этих гомункулов...
- Не открою большого секрета, если скажу, что многие, очень многие сомневаются в принадлежности этих особей к человеческому роду-племени... Уж больно неадекватные, с точки зрения логики и морали, они совершают поступки... Впрочем, достаточно просто посмотреть на их лица... Кстати, самые «отмороженные» командиры карательных батальонов в этой замечательной стране – гомункулы. И это ещё раз подтверждает постулат: не надо «нашему брату» лезть в президенты! И вообще, находиться среди публичных особ. Они своё дело сделали и должны уйти в тень. Обычно так и происходит.
- Выходит, что они повсюду...
- Да, практически в каждой стране, от которой хоть что-то зависит в мире...
- А между собой они как... не случается между ними конфликтов? И если что-то подобное происходит, кто их рассудит?

– Недоразумения бывают, но очень редко. *Bella gerunt mures, ubi cattum non habet aedes* (66). Я же говорил, что они без чувств. У них нет ни собственного достоинства, ни антипатии, у них никто не отбирает кусок хлеба, не отбивает любовниц... Вот если им мешают исполнить приказ, тогда – да. При этом если человеку справиться с гомункулом очень тяжело... практически невозможно, то мастера могут без труда устранить подмастерьев, а просветлённый легко выведет из строя любого мастера. Гомункулы чувствуют друг друга на расстоянии и, при случае, без труда обнаружат своего собрата.

– А откуда оно пошло, ваше Братство? Кто его задумал, когда и зачем?

– На этот вопрос я не уполномочен отвечать... Но, если хотите, могу высказать своё личное предположение...

– Было бы интересно...

– Я думаю, что корни нашего Братства происходят из тех мест, куда приземлились первые небесные странники, заселившие Землю, и от которых пошёл людской род... Более конкретно я не могу вам ничего сообщить. Тем более, пока вы – не член Братства. Вот, когда станете им, на многие вопросы у вас появится правильный ответ. Хотя, для того, чтобы понять и оценить эти ответы, даже вам придётся много... расти и развиваться.

– То вы говорите, что мир без гомункулов погрязнет в войнах, то утверждаете, что... гомункулы сами могут дров наломать...

– И то, и другое верно, дорогой профессор. Гомункулы несовершенны... Как, впрочем, и люди. Методы их выращивания и оживления не меняются уже много столетий. А всё вокруг претерпевает стремительные перемены... Процесс создания гомункула необходимо совершенствовать. Сегодня нелегко создавать даже подмастерьев, а уж вырастить просветлённого – весьма тяжёлая задача. К тому же, мы несём потери... Хотя и редко, но они есть... Поэтому наше Братство и нуждается в Создателях. Новых, креативных... Таких, как вы...

– Но почему именно я?

– А не попить ли нам... чайку?

Брови Арсентия медленно поползли вверх.

– Вы хотите чаю?

– Не так, чтоб очень, просто... приятно вести беседу за чашечкой чая. По-домашнему... В гости со своим чаем не ходят, а спиртное вы не приемлете. Поэтому я осмелился напроситься. Так угостите или нет? Да и вам не повредит чашечка горячего чая... или кофе.

– Хорошо, сейчас поставлю, – Ледовской отправился на кухню. «В гости вообще-то ходят по приглашению», – раздражённо подумал он.

– Вы абсолютно правы, – последовала спокойная реплика. – Так я отвечу на ваш вопрос: видите ли, *a priori* (67) вы заинтересовали нас как человек, причастный к известной вам рукописи. Но когда мы поближе познакомились с вами, с вашей работой... с вашим образом жизни... Мы пришли к выводу, что сам Бог одарил вас теми качествами, которые позволяют вам стать Создателем! Вы учёный с мировым именем, разносторонне развитый человек, безо всяких комплексов...

– Постойте, – перебил его Арсентий, внося в комнату чашки и чайник. – Вы только что упомянули о Боге. А недавно уверяли, что служите Дьяволу! Как же сочетать эти две... противоположности?

– А очень просто, – ответил Павел. – Вы разливайте чай. – Он принялся. – Барбарисовый. Одобряю... Так вот, не существует, видите ли, отдельно ни Бога, ни Дьявола.

Наш Творец, если разобраться, – един. Как Солнце, которое, светит и греет, даруя жизнь всему живому, но при этом, другую часть планеты оно нещадно палит, выжигая растительность и заставляя живых тварей прятаться в тень или закапываться в землю. Так и Огонь, животворящий и вечный... сами понимаете... Любой предмет имеет две стороны – позитивную и негативную, белую и чёрную. Поэтому и наш Всевышний... С одной стороны он – Бог, а с другой, извините, Дьявол... – Гомункул зевнул, как-то совсем по-человечески. – Считать нашего Всевышнего чем-то односторонним... Богом или Дьяволом, было бы по меньшей мере неучтиво... Так что, эти противоположности, в сущности, едины. Вы же – материалист, понимаете. А отдельно взятого Дьявола как олицетворение Зла, люди придумали сами. Для того чтобы было на кого свалить результаты своих нечистых помыслов и грязных поступков.

Некоторое время они молча пили чай. Арсентий поймал себя на мысли: сейчас он непринуждённо общается... с гомункулом! С самим порождением Сатаны, который вот-вот выставит перед ним условие: «Продай душу моему господину». Хотя, кое-что по этому вопросу он уже прояснил. И что же? Ледовской не чувствует никакого дискомфорта, напротив, его собеседник очень мил, непосредственен, эрудирован... И стоит ли принимать во внимание тот факт, что он, кроме всего прочего – безжалостный убийца?

– О чём задумались, профессор? Решили, что я сейчас начну торговаться за вашу душу?

Гомункул улыбался. По-своему, по-нечеловечески...

Арсентий переместил взгляд на осень за окном.

– Да как-то выпало из головы, что я же у вас... как бы заложник.

– Полноте, дорогой профессор! Я уже считаю вас почти членом Братства. Найти в вашем лице Создателя, это для нас, признаюсь, большая удача! Тем более вы сами работаете над похожей проблемой!

– Ничего подобного, – хмуро ответил Арсентий. – Я тружусь над созданием культур саморазвивающихся микрососудистых сетей... а в перспективе – тканей и органов с заданными функциями...

– Вот видите, вы производите плоть... Или, говоря вашим языком, ткань... Значит, у вас есть материал. Слепите из него гомункула, а мы его оживим! *Ad impossibilia nemo obligatur* (68). И вы будете вознаграждены!.. По-моему, – ухмыльнулся Павел, – тут и рассуждать не о чем!

– Это – по-вашему...

– Опять вы о своём! Уж не о совести ли? Бросьте! Весь наш мир только и твердит о морали, о заповедях, о добродетели... А на деле? Во все времена люди плевали на мораль и только тогда добивались чего-то стоящего!.. Знаете, как строится вся мировая политика? Сначала возникает идея. Она может родиться везде, где у кого-то появляется какой-то личный интерес. Допустим, страна сидит на залежах полезных ископаемых и не желает делиться ими. Что тогда делает заинтересованное лицо? Правильно, засылает в эту страну наших братьев. Просветлённый гомункул за определённый период времени достигает какой-то политической значимости. В этом ему помогают мастера и подмастерья... Сами понимаете – кого-то надо убедить, кого-то купить, кого-то попросту убить... Увы, ещё старина Аристотель заметил: «Политика не создает людей, но берёт их такими, какими их создала природа»... Затем наступает момент, когда гомункул должен уйти, а на своё место поставить человека. Так осуществляются государственные перевороты, так происходит захват власти... Сценарий практически везде одинаков. Да вы всё сами видите, если смотрите телевизор... К сожалению, иногда случается стрельба и взрывы, то есть то, что мы

не в силах пережить. И несём потери... – Павел, изображая печаль, скрестил руки на животе и слегка склонил голову. – Создатели тоже старятся и... *ad patres*. (69)

– А чем же вам помешал Леонид Моисеев?

– Я ждал, когда вы зададите этот вопрос. Так уж получилось...

– «Иждержки производства»?

– Можно сказать и так... С ним тоже пытались поговорить по-хорошему. Хотя, доверили такое щекотливое дело подмастерьям... А кто он вам? Близкий друг или родственник? Что это вы так переживаете за него? В этом мире никому ни до кого нет дела. Случись беда с вами, разве кто-нибудь вспомнит о том, какой вы великий учёный и как много всего сделали для науки и своей страны? Герои прошлой великой войны, защищая Родину, тоже думали о своих друзьях, близких, о потомках... И что же? Сейчас на их могилах строят рестораны, возле памятников устраивают мусорные свалки, а те, кто выжил в те времена, глядя на всё это, с тоской думают: ну, почему я тогда не погиб?

«Да, – подумал Арсентий, – на это и возразить, пожалуй, нечего».

– Позвольте поинтересоваться... А кто из людей за всем этим стоит? Уж не «комитет ли 300»? – непроизвольно вырвалось у Арсентия. – Хотелось бы хоть в общих чертах понять, кто руководит всем этим... хозяйством.

– «Комитет 300» (70) – не более чем выдумка. На самом деле это совсем другая... организация. Но вы о ней узнаете в своё время. А пока не утруждайте себя поисками истинных хозяев жизни. Эти поиски ни к чему хорошему не приведут, поверьте.

Некоторое время молчали. Арсентий пил чай и думал. Иногда ему хотелось ответить как-нибудь резко, но он понимал, что на каждое его протестное высказывание, гомункул найдёт свои доводы. Он очень хитёр и уверен, что во всём прав. Любое лишнее слово, к которому можно придраться, какой-нибудь сомнительный факт... Нет, похоже, Павел неплохо подготовился к разговору. Как же противостоять ему? Потянуть время? Попытаться перехитрить?

Вспомнились слова Кафки: «При настоящем противнике в тебя вселяется безграничное мужество». Но здесь нужно не только мужество, тут нужна мудрость...

– Вы зря думаете, что я пришёл вас в чём-то переубеждать и увещевать, или на чём-то настаивать... – Павел произнёс это скорее усталым тоном, в котором сквозила забота матери о непослушном малыше. – Вы – человек со сложившимся мировоззрением и не мне его ломать... Да и никто не собирается этого делать. Считайте, что мой визит имел целью одно – познакомиться с вами, прозондировать, так сказать, почву. И уверить вас, что ничего сверхъестественного от вас не требуют... – И тут он в очередной раз дал понять, что умеет читать мысли: – Как говаривал тот же Кафка, которого вы так часто вспоминаете: «Лестничная ступенька, не вытоптанная ногами, есть сама по себе нечто деревянное, грубо сколоченное»... Лично я вполне удовлетворён знакомством с вами и нашей содержательной дискуссией...

Арсентий только пожал плечами.

– Благодарю за чай... Пожалуй, мне пора удалиться. Ведь к вам скоро придёт ваша подруга... Не годится принимать её в таких апартаментах, – Павел оглядел скромную комнатку профессора и покачал головой, – к тому же, вам не принадлежащих... Скажем так: вы заслуживаете большего. Если же сочтете наше предложение приемлемым, то сможете выбрать район и планировку вашей будущей квартиры. Она станет подарком от нашего Братства в знак того, что мы пришли к соглашению и начинаем сотрудничество... А нет – подождём. – Он поднялся. Арсентий тоже вышел из-за стола.

– Вы даёте мне на размышление три дня? – спросил он.

– Давайте не будем торопиться. Мы уверены, что пройдёт совсем немного времени, и вы сами поймёте, что без нас вам не обойтись. – Павел сделал несколько виноватое лицо, потупив взгляд. – Вам страстно захочется увидеть результаты вашего труда... И, разумеется, получить реальные дивиденды! Не только в валюте. С нами вы обогатитесь духовно, поверьте мне...

Уже в прихожей Павел доверительно добавил:

– Мы будем ждать. Но в ваших интересах, чтобы этот процесс не затянулся. Вам предстоит важная и интересная работа. А её лучше начинать на позитиве: с высоким творческим потенциалом и добрым настроением...

Арсентий попытался выдавить из себя улыбку:

– В следующий раз потрудитесь прийти по-человечески...

– О, не сомневайтесь. Ещё раз извините за бесцеремонность. Надеюсь, я вас ничем не оскорбил и не нанёс никакой обиды? В любом случае, прошу простить, – Павел поклонился.

Арсентий открыл дверь, провожая незваного гостя.

– Созвонимся, – на прощание сказал гомункул. И «бросил» ещё одну цитату из Кафки: – «Кто уходит, того нетрудно любить».

В конце улицы, справа от двора его ожидал светлый «Мерседес».

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Сытая и беззаботная жизнь в замке Фишхаузен приносит свои плоды: я стал толст и ленив. Но иногда, глядя с крепостной стены за горизонт, в морские дали или на лес, я спрашиваю себя: «Где мой верный конь, где моя шпага, походный плащ и дорожная сумка?» Вместо всего этого, у меня теперь семья и любящие потомки. И мне приятнее слышать детский смех, чем свист стрел и звон шпаги... Верно сказано: женись – и стань ручным...»

Но, клянусь Муками Господа нашего, заслужить всё это мне было совсем непросто!..»

Глава 7. Арсентий Ледовской и Николай Пирогов

Прошло ещё несколько дней. Ласковое бабье лето сдало свои позиции, и в Калининград пришёл самый унылый период осени – затяжные, холодные дожди, скользкая листва под ногами и злой, пронизывающий ветер. Иногда этот противный «мокродуш» разгонял тучи, и золото листвы радостно вспыхивало под лучами доброго светила, но эта «милость» Природы с каждым днём становилась всё мимолётней и призрачней.

В 2013 году медицинский факультет был преобразован в медицинский институт Балтийского федерального университета им. И. Канта. Но, по старинке, среди студентов и преподавателей он продолжал именоваться «медфаком». По пути к месту своей работы Арсентий отметил, как меняется город. Ярче горят огни, рекламные щиты, закрывающие крепостной ров башни «Дона», с призывами отдохнуть на калининградском взморье кажутся всё более нелепыми, а от обилия зонтов тротуары города становятся теснее. Яркие вывески призывают заняться фитнесом, угоститься свежайшим «старым альтштадтским» пивом с

раками в подвальчике «Кёнигсбергский дворик» и приглашают на концерт Стаса Михайлова, который изрядно надоел московской публике и решил покрасоваться пред калининградцами.

До 1 мая остановлены все городские фонтаны, а их в городе целая дюжина (71). Жёлтая листва всё активнее прощалась с городом, до заморозков оставалось совсем ничего...

После проспекта Александра Невского Арсентий, перейдя проезжую часть улицы Черняховского, пересёк площадь Василевского и свернул на улицу Боткина. Справа, за Клинической улицей начинался Нижний пруд. В старом Кёнигсберге этот район носил красивое название Росгартен...

– Здравствуйте, Арсентий Александрович! – дружно поприветствовали профессора студенты, дожидаящиеся начала занятий у входа в альма-матер.

– Здравствуйте, двоечники, – шутливо отозвался Ледовской.

– Приветствую тебя, Саныч, – торопливо поздоровался с Арсентием Михаил Лапов, невысокий крепыш, страстный автолюбитель. Он работал старшим ассистентом на его кафедре и имел учёную степень кандидата медицинских наук.

– Доброе утро, Анатолич. Как твоя поездка в Германию?

– Потом расскажу, – отмахнулся всегда куда-то спешащий Лапов.

– Здравствуйте, Арсентий, – приветствовали профессора коллеги. Кто так, попростому, кто по имени отчеству. Но все – с неизменным уважением. – Какой-то у вас нынче загадочный вид...

– Здравствуйте, коллеги. Жизнь, если разобраться, – великое таинство!

– Как у вас сегодня со свободным временем? – спросила Ледовского сотрудница кафедры, Наталья Кузьменкова.

– Для вас, – весело отозвался Арсентий, – я всегда найду минутку!

– Ах, Арсентий Александрович, всё вы со своими шутками. У нас вечером небольшое собрание, а точнее – банкет. – И шёпотом: – Сергей Владимирович отмечает день рождения. Примете участие?

– У меня до обеда лекции. А потом – куча работы в лаборатории. Вы уж сами передайте от меня поздравления и наилучшие пожелания имениннику... А я потом лично к нему загляну...

Наскоро пообедав в небольшом кафе, Арсентий спустился в лабораторию. Тут был уже совсем другой мир. Даже, если угодно, иное измерение. Здесь витали свои духи, и стояла особая загадочная атмосфера, тут по-иному текло время, а голоса людей звучали как-то таинственно и приглушённо. Обычно, заходя в это лоно науки, Ледовской мысленно обращался к одному из своих кумиров, профессору и «доброму доктору» Николаю Ивановичу Пирогову, портрет которого висел в его кабинете. Порой Арсентию даже казалось, что великий хирург и анатом с небес улыбается ему и помогает своими добрыми советами, вспыхивающими в мозгу Арсентия Александровича чередой ярких мыслей. Это – как у хорошего шахматиста, который, делая свой ход, уже знает, как на него ответит партнёр.

«Приветствую вас, Николай Иванович, – по привычке поздоровался со своим «наставником» Ледовской».

«И я тебя, – тут же последовал ответ. – Чем займёмся на этот раз?»

«Сначала посмотрим результаты синтеза», – решил Арсентий.

Он всё глубже погружался в свой мир, окунался в лоно науки и медицины, продолжая извечную схватку добра со злом, где под последним подразумевались всевозможные человеческие недуги.

«В нашей работе не существует более важного мотива, кроме здоровья больного человека, – размышлял Ледовской, проверяя показания приборов и сверяя их с записями в журнале наблюдений, которые вели его помощники из числа студентов. – Для восстановления функции органов пациентов в случае их поражения существует ряд действенных способов. Не так ли, уважаемый Николай Иванович?.. Вот вы своими золотыми руками спасли не одну тысячу жизней. Вы участвовали в ряде войн: Кавказской, Крымской и русско-турецкой, впервые на поле боя оперировали солдат под эфирным наркозом, сращивали кости уникальными пластическими операциями, а также при помощи гипсовых повязок, переливали раненым кровь, доставали пули из любых ран, как это было, например, в случае с известным итальянским повстанцем Гарибальди. До нас дошли легенды, которые о вас слагали раненые. Они утверждали, что вы, шутя, пришиваете увеченным оторванные руки и ноги, а из двух убитых способны «собрать» одного живого...»

«Чего только не придумают наши благодарные пациенты... – Арсентий представил, как добродушно усмехнулся Пирогов, впрочем, его лицо тут же сделалось серьезным. – Главное – не рассматривать свою врачебную практику как источник обогащения, а единственно – как помощь страждущим и материал для изучения болезней и способов борьбы с ними. Ведь мы живём на земле не только для себя. Тому, у кого не остыло ещё сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на всё, что происходит вокруг нас односторонним эгоистическим взглядом»...

Сегодня Арсентий был в помещении абсолютно один. Он сел за стол, настроил кондиционер на нужную температуру и сделал несколько записей в журнал. Затем включил приёмник, нашёл «Радио Классик» и установил громкость на необходимый уровень.

Казалось, Николай Пирогов умиротворённо прикрыл глаза.

Ледовской считал, что при относительно небольших повреждениях органов, их лечение можно начать со стимуляции процессов регенерации в теле самого больного. При более значительном расстройстве функций врачи нередко прибегают к помощи искусственных аппаратов, к которым пациенты подключаются на определённое время или которые имплантируются внутрь их организма. Но всё это является временными мерами. Более радикальный метод лечения – использование донорских органов, включая материал, взятый от животных. Однако это направление тоже сталкивается с рядом серьёзных проблем, таких как дефицит доноров и биологическая несовместимость тканей. Поэтому Арсентий нашёл другой путь, а именно: выращивание искусственных органов, которые могут создаваться как в теле человека, так и вне его.

Всё это выглядит в какой-то мере революционно. Так же, как во времена Пирогова смотрелись его идеи относительно видов и объёма медицинской помощи, приближения её к нуждающимся, мысли о важности статистики, борьбы с «госпитальными заражениями», о гигиене и антисептиках, о роли женского ухода...

«Вашу военно-медицинскую доктрину и многие другие наработки мы используем даже спустя полтора столетия», – мысленно сказал Арсентий и тут же «услышал» ответ: «Не представляете, как я этому рад, коллега!»

«Но мы идём своим путём... Хотя именно вы вывели нас на эту широкую дорогу... Лично меня...»

Арсентий представил себе этого неказистого с виду доктора, обладающего ноздреватым носом и косящими серыми глазами. Тот никогда не скупился на сочувствие и доброе ободряющее слово раненому, не страшился никакой работы, если она была на благо

больного, и требовал того же от своих подчинённых. Всё, чего он достиг, стало плодом титанических усилий, необыкновенной трудоспособности и целеустремлённости.

«Да, коллега... В неполные четырнадцать лет вы стали студентом медицинского отделения, а в тридцать были уже профессором Медико-хирургической академии в Петербурге, где учредили новую кафедру госпитальной хирургии с клиникой при ней и Анатомический институт... Вас бы в наше время! В наш университет! К нам на кафедру», – Арсентий усмехнулся.

«Все в руках Господа. Это его мудрая воля вела меня по жизни... А сейчас я возле тебя. И с интересом наблюдаю за твоей работой...».

«Да, я это чувствую... Сейчас, уважаемый профессор, много говорят о клонировании. Этот процесс, конечно, интересен, но банален с точки зрения науки, и во многом напоминает мне искусственное осеменение. Поэтому я придумал принципиально новый подход, разработав свой биоконструктор, который состоит из синтезатора и принтера».

«Не поделитесь ли со стариком деталями, голубчик?»

«Биосинтезатор состоит из матрицы, заполненной питательной средой, генератора микропотоков, искусственной саморазвивающейся капиллярной сети и активной зоны роста тканей с сенсорами и системой визуализации. В таком приборе поддерживается заданная температура, система обогащается кислородом и очищается от продуктов жизнедеятельности, а микроканалы играют роль миниасосов. И вот, когда в данную систему мной был добавлен механический или, так называемый, гемодинамический фактор, который другие исследователи обычно старались исключить, как повреждающий мембраны, то это сыграло решающую роль, став своеобразным катализатором, дав всплеск деления клеток культуры и роста необходимых мне тканей»...

«Ничего не скажешь, придумано хитро. И с превеликим знанием дела!»

Арсентий включил чайник. Чаепитие на работе он считал делом наиважнейшим. Оно успокаивает нервы, даёт отдых мозгу, настраивает все «струны» в организме для гармоничного звучания. Порой он думал о себе как об оркестре, который воспринимает и виртуозно воспроизводит сложную симфонию звуков, химических реакций и электрических разрядов, образов и эмоций. «Когда мы здоровы, все инструменты нашего оркестра играют в такт и унисон, – считал он. – Когда же нам нездоровится, это значит, что один из инструментов расстроился или часть органов выбилась из ритма»...

Арсентий налил чаю, бросил в чашку пару кусочков сахара. Медленно перемешал ложечкой.

«Прошу вас к чаю, доктор!»

«Премного благодарен!»

«Прежде мы пытались получить в лабораториях искусственные культуры, – продолжал Ледовской мысленную беседу со своим кумиром, – «засеивая» подготовленную матрицу клетками, как грядки на огороде. Из-за этого у нас получалась двумерная структура. Но ткани в человеческом теле растут и функционируют в объёме. Поэтому сложные по строению органы и части тела я собираюсь «печатать» на «3D-биопринтере». Вместо чернил разного цвета его картриджи будут заправлены суспензиями разных типов клеток. Компьютер вычисляет структуру необходимого органа и задает режим «печати». Этот процесс, конечно, гораздо сложнее воспроизведения на обычной бумаге, поскольку в нем множество слоев. Однако за счёт них и создается объём органа».

«А вас бы, профессор, в наше время! Мы бы с вами такое сотворили!..»

Арсентий улыбнулся и перестроил радиоприёмник на новостную волну: «Распадается блок НАТО»... «Ураган «Вики» приблизился к побережью Флориды»... «Футбольный клуб «Зенит» вышел в следующий круг Лиги Чемпионов»...

Арсентий ещё раз взглянул на значения показателей датчиков, регистрирующих процессы в биореакторе. И только сейчас почувствовал, на пороге какого открытия он оказался...

«Следуя принципу: «от простого к сложному», для начала я решил создать своему «детису» искусственную кожу. И первые же результаты меня очень обнадежили. Вы только представьте, дорогой доктор! Выращенная на каркасе из нитей паучьего шёлка, она оказалась в десятки раз прочнее стали и неуязвима, как у супермена. Потом настал черёд мышечной ткани. Искусственные мускулы в моём «исполнении» представляют биотехнические модули, которые можно прикреплять к любым рычагам и управлять ими при помощи электрических импульсов, генерируемых по определенной программе. Питание данных мышц я обеспечил, подключив их к единой системе искусственной крови. Управление всей работой должен координировать особый компьютерный центр, генерирующий команды для различных групп мышечных волокон. Программы могут предопределять любые движения, теоретически возможные в конкретной механической реализации устройства. Но это ещё не всё... От вас, Николай Иванович, у меня секретов нет»...

И, переведя дыхание, продолжил «изливать душу» потрясённому Пирогову:

«Тот факт, что повсеместно проводятся успешные операции по пересадке сердца, лёгких, почек и поджелудочной железы, уже давно никого не удивляет. Благодаря технологиям протезирования и имплантации органов я решил собрать своего первого бионического человека из искусственно выращенных органов и частей тела...

Вы понимаете, доктор, что я нахожусь на пороге создания искусственного человеческого тела! Мало того, я могу обеспечить неограниченную продолжительность жизни своему «андроиду»! Так как наука развивается стремительно, то по мере появления новинок можно будет менять его устаревшие «детали» на новые, более совершенные! Так же, как сегодня мы чуть ли не ежегодно приобретаем себе мобильники и компьютеры более современных моделей... Надеюсь, что со временем мы научимся легко заменять старое человеческое тело на новое и молодое»...

«А вам не кажется, что вы взяли на себя роль Господа?»

«Так вы человек верующий?» – искренне удивился Арсентий.

«Конечно, истинная вера никогда не мешает серьёзным занятиям наукой».

«Ну, а как же тогда, например, эволюционная теория Дарвина?»

«Вы знаете, коллега, существует множество теорий возникновения жизни, болезней и их лечения... Но врач обычно старается придерживаться какой-то одной. Кто-то верит в Бога, загробную жизнь и чудесное Воскресение Христа, другие это отрицают... Лично я не разделяю воззрений Чарльза Дарвина и придерживаюсь теории Сотворения мира. Не вижу смысла полемизировать по этому поводу, но всеми давно уже признано, что Иисус Христос был исторической личностью. А вы, как я понимаю, материалист?»

«Я был им... совсем еще недавно»...

«Любопытно... И что же изменило ваше мировоззрение? – спросил профессор и по-доброму открыто улыбнулся».

«Я столкнулся с необъяснимыми наукой явлениями... – «замаялся» Арсентий. – Просто с какой-то чертовщиной»...

«Видите ли, мой друг, каждая медаль имеет и обратную сторону. Так, например, вера в Бога предполагает и существование его антипода – Дьявола, со всеми вытекающими последствиями»...

«Итак... Венцом ваших петербургских анатомических исследований считается классическая «Топографическая анатомия», называемая еще «Ледяной анатомией» (72). Поэтому меня, в первую очередь, интересует ваше мнение, как великого анатома.

«Полноте, уважаемый, меня никогда не заботили титулы и слава... – укоризненно произнес «светило» и покачал лысой головой с рыжеватыми бакенбардами. – Спрашивайте».

«Извините, профессор, но как вы относитесь... к теории создания алхимиками, в частности Парацельсом, человеческих существ с помощью чёрной магии и без участия естественных родителей?»

«Есть многое на свете, друг Горацио, что неподвластно нашим мудрецам»...

Арсентий взглянул на рабочие камеры и колбы, соединённые прозрачными трубочками, на провода, исходящие от них и подключаемые к модему, а от него – к компьютеру. Последние данные говорили о том, что ему удалось синтезировать все основные органы «искусственного человека». Оставалось лишь соединить их в единое целое. В голове начали выстраиваться новые мысли. Он взял ручку, раскрыл тетрадь и начал набрасывать схему...

Пирогов покачал головой, и было непонятно, осуждает ли он профессора или, напротив, воздаёт ему почести...

Через некоторое время Арсентий оторвался от рабочей тетради, взглянул на своё «произведение», удовлетворённо хмыкнул и вновь включил чайник.

«Наконец, – продолжил он мысленную беседу со знаменитым коллегой, – апофеозом моего проекта должно стать создание искусственного интеллекта и «протеза» головного мозга!»

«Эка, вы замахнулись, батенька!»

«Для выращивания различных нервных центров в биомассу я внедрил электроды, сопряженные с созданными на монокристаллах микросхемами (есть такое понятие – «система на кристалле, СнК»), которые тренируют данные клетки, вырабатывая у них нужные рефлексы и заданные свойства. А потом полученную запрограммированную «конфигурацию» тканей собираюсь пересадить в мозг андроида, обеспечив между ним и компьютером постоянную связь.

За счёт стимулирования нервных клеток мозга на частотах, которые могут ослаблять или укреплять связи между нейронами, называемые синапсами, стало возможным сформировать или стереть память, даже включать её по желанию путём применения стимулов, которые избирательно усиливают или ослабляют синаптические связи»...

Не будучи уверенным, что его коллега из прошлого досконально понимает все тонкости, Арсентий всё же продолжал:

«Группы особых клеток, назовём их биочипами, станут отвечать за зрение, слух, вкус, обоняние и осязание... И вот, что интересно: оказалось, что искусственный язык намного более чувствителен ко вкусам, нежели человеческий, глаз – зорче, а ухо из клеток летучей мыши и серебряных наночастиц, превратилось в прекрасный аудиоприемник с возможностями, прежде недоступными оригиналу ...

В итоге значительная часть головного мозга перестала быть биологической. Говоря проще, такой мозг можно будет «разобрать», поменять его фрагменты на искусственные, а затем все заново собрать, как конструктор Лего».

«Поразительно, коллега!»

«Перенос в такой искусственный мозг личности, сознания конкретного человека – самое фантастичное в проекте! Это было непросто, но, кажется, я нашел решение...

Согласно расчётам, мой искусственный человек, назову его синтетическим гуманоидом, должен обладать куда лучшими, нежели у среднестатистического человека, физическими и умственными характеристиками. Но будет ли его разум таким же креативным и гибким? Это выяснится только в ходе эксперимента»...

«Да, поражаюсь вашему размаху... Хотя, в ваш век просвещения, в век компьютерных технологий... И всё же, я вижу, что вас что-то смущает... Не поделитесь ли со стариком своими сомнениями?»

«Увы, дорогой доктор... Совсем недавно... какой-то гомункул, искусственно выращенный человек, предложил мне вступить в некое Братство Вечности и стать... Создателем... Я должен буду воспроизводить таких же уродцев-гомункулов. В душе я готов был дать ему отказ, но наяву этого не сделал, потому что не отнёсся к этому предложению всерьёз. А теперь... теперь получается, что я, сам того не ведая, приступил к созданию подобных существ!.. Выходит, я превращаюсь... в прислужника Сатаны. Причём, добровольно»...

«А вы знаете, в своё время и ко мне приходили члены этого Братства»...

«Неужели? И... что вы им ответили?»

«Как вам сказать... Послал к чёртовой матери! – старик усмехнулся. – А вы не бросайте своего дела. Создайте мудрого, сильного и преданного... гуманоида. Но постарайтесь наделить его чем-то вроде души! И он вам непременно поможет! Поможет в борьбе с гомункулами!»

«Легко сказать... Оживить, заставить течь по сосудам искусственную кровь, заставить работать мышцы и даже мозг... это вполне возможно. Но одушевить?»...

«Да, необходимо «зажечь» в нём жизнь! Представьте, как она «горит»... И «зажгите» её!»

«Зажечь? Но чем?»

«Искрой! В Библии сказано: «Из искры возгорится пламя!» Слышали, наверное? Вот и найдите этот источник искр!»

Ледовской вновь наполнил чашку. «Источник искр»... Что-то неуловимо знакомое, даже почти осязаемое, промелькнуло в его памяти...

«...Но для чего были нужны мертвые человеческие тела в технологии создания гомункулов? – размышлял Арсентий над рукописью Вёллера. – Скорее всего, древние алхимики просто не имели необходимого количества органического материала, поэтому брали его из трупов, похищаемых на кладбищах. Возможно, упомянутые Павлом «небесные странники» оставили на земле некий генератор, способный органику мертвых человеческих тканей, содержащую все необходимые элементы и компоненты жизни, преобразовывать в тела гомункулов. Это, конечно, требовало огромных энергетических затрат. По-видимому, энергия для такого процесса выделялась в ходе локальной термоядерной реакции, поддерживаемой сильным электромагнитным полем, и внешне выглядела, подобно шаровой молнии. Чтобы запустить данную реакцию, требовалось включить некий «центр управления» с помощью особого «пароля», для чего следовало произнести заклинание, молитву или воспроизвести мелодию, после чего задействовать специальный «ключ»... Если данный процесс рассматривать с чисто научной точки зрения, опираясь на известные законы

природы, то нет такого эксперимента, который нельзя было бы успешно повторить и даже в чём-то превзойти своих предшественников. У меня обязательно всё получится!»

Шесть часов вечера. Радиоприёмник сообщил о ходе строительства моста, соединяющего Россию с Крымом, о громадных разрушениях на пути урагана Вики, столкновениях полиции с новой боевой мусульманской организацией в Лондоне, о росте цен на турпоездки в страны Западной Европы, об очередном взрыве в столице Ирака...

«Неспокойно в мире, – подумал Арсентий. – Гомункулы не дремлют. Кому-то эти беспорядки очень даже выгодны. Кто-то решает важную задачу... В личных интересах»...

Выходя из лаборатории и опечатывая дверь в неё, он вновь задумался. Дело в том, что процесс биосинтеза достиг такой важной стадии, что впредь придётся обходиться без помощников. Результаты его работы стали слишком очевидными, всё сделалось очень явным! Следовательно, дальнейшую работу необходимо проводить в строжайшей тайне. Поэтому, он должен остаться наедине со своим «детисцем».

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Последнее время я частенько прогуливаюсь в окрестностях замка. Мне нравится здешний воздух, насыщенный ароматами хвойных лесов, луговых трав и свежестью моря. В любую пору я тут прекрасно себя чувствую...

Я наблюдаю за крестьянами, живущими в этих местах, а также за приезжающими сюда по каким-либо делам людьми. Каждый низкорослый человек и всякий левиа вызывает у меня живейший интерес. Что-то давненько я ничего не слышал о гомункулах. С одной стороны – это радует. Неужели они потеряли ко мне интерес?

Конечно, гомункулы не способны мстить, у них нет чувства собственного достоинства, чувства вины или обиды. Они умеют только выполнять приказы... А их кто-то должен им отдавать...»

Глава 8. Любитель музыки и музыкант-профессионал

– А не включить ли нам печку, Александр Валерьевич?

– Включи, Серёжа, только не на максимум. – Бударин сидел на переднем пассажирском сидении малоприметного «Шевроле» и напряжённо всматривался в вечерние сумерки, пытаясь что-то разглядеть в переулке с одиноким тусклым фонарём, освещающем овал стерильного, недавно выпавшего снежка. Искрящиеся снежинки самозабвенно и плавно вальсировали в его луче, возникая, как будто из воздуха...

– Что-то наш профессор с каждым днём всё дольше задерживается в университете...

– Сергей, если тебе «напряжно» дежурить по вечерам, так и скажи.

– Нет, Александр Валерьевич, совсем не напряжно. Просто я вспомнил, как он сам просил не обеспечивать ему прикрытие...

Немного подумав, Бударин ответил:

– Я тоже это помню. А также то, чем профессор мотивировал свою просьбу. Он сказал, что мы всё равно не сможем ему помочь, если что-то случится. А это значит, что опасность действительно существует и Ледовской о том знает. А что мы сможем, а что нет,

теперь зависит только от нас... Тебе же известно, что на прошлой неделе мы видели двух субъектов, ошивающихся возле дома профессора, видимо, поджидая его. И позавчера мы с Никитой спугнули одного странного типа. Так что, я думаю, наши бдения проходят не зря... Впрочем, если у тебя семейные или ещё какие дела...

– Что вы, Александр Валерьевич, я дежурил и буду дежурить. Однако, мне до сих пор не понятно, что происходит... Видному учёному угрожает опасность, а полиция, чья прямая обязанность обеспечить ему охрану, ни слухом, ни духом...

– Сергей... Во-первых, ни у кого нет прямых доказательств, что профессору кто-то угрожает. А полиция и пальцем не пошевелит, если им не предоставишь что-нибудь реальное – запись телефонного разговора, подброшенную записку, сообщение по Интернету... Во-вторых, сам профессор против того, чтобы принимать активные меры для своей защиты...

– Но почему?

– Да кто его знает? Он же – учёный, можно сказать, гений! А у гениев информационное поле открыто в одну сторону, а в другую, например, в бытовую, напрочь замуровано... Он может решать мировые проблемы, а дверь на ночь запереть забудет! Таких людей следует опекать. Даже вопреки их желанию...

– Это верно. Правда, он почти безвылазно сидит в своих лабораториях уже почти месяц... Видимо, именно из-за его исследований такой интерес к нему со стороны... неизвестных врагов?

– Враги, Серёжа, в некоторой степени известны, – подумав, тихо ответил Бударин. – И в этом вся беда... Помнишь, как убили Моисеева? И на меня напали. Всё это – они, одна и та же компания... Кстати, старший следователь прокуратуры, Сунцов его фамилия, тоже о них знает... Но тут настолько всё запутано... Словом, всё может проясниться лишь тогда, когда мы поможем задержать хотя бы одного... урода.

Сергей, сидевший за рулём, резко обернулся.

– Увидел что-нибудь? – почти шёпотом спросил Бударин.

– Мелькнуло что-то в зеркале заднего вида.

Александр Валерьевич повертел в руках электрошокер. Он купил его по совету Ледовского почти месяц назад. Выбрал модель «Скорпион». Хотел к нему приобрести дополнительные кассеты, которые отстреливаются на тонких проводках, и поражают недруга на расстоянии 3-5 метров. Но, передумал и решил обойтись без них. Сам шокер был выполнен в виде дубинки, длиной почти сорок сантиметров, им, при случае, и «заехать» можно. Дома он, по военной привычке, приступил к тренировкам с таким оружием, справедливо полагая, что постоянно упражняясь, в случае опасности можно сработать правильно и грамотно «на автомате».

Немного помолчали.

– Завтра эта красота растает, – заметил Сергей. – Первый снег всегда тает.

– Да, конец октября – ещё далеко не зима...

Он хотел что-то добавить, но вдруг в левую дверцу машины что-то громко ударило, причём так, что «Шевроле» качнуло, а оконное стекло ссыпалось в салон. В тот же миг раскрылась правая дверь, чья-то сильная рука схватила за полу куртки Бударина и, едва не порвав её на части, рывком выволокла поисковика наружу и швырнула на заснеженную землю. Падая, Александр Валерьевич в отчаянии махнул рукой с зажатым в ней электрошокером. Удар был очень силён и достиг цели – шокер-дубинка «рубанул» нападавшего прямо по колену. Тот присел на одну ногу и ослабил хватку. Перед Будариним

возникло перекошенное от злобы лицо противника, мертвенно-бледное в свете фонаря, даже зеленоватое.

– Иш-ш-ш-шь ты... – раздалось шипение из темного отверстия рта и в глаза офицера взглянули чёрные зрачки «киношной нежити». Отработанным движением Бударин ткнул в морду нападавшего электрошокер и одновременно нажал кнопку. Раздалось характерное жужжание, противника отбросило в сторону.

Молниеносно вскочив на ноги, даже не глядя на извивающееся тело поверженного противника, Бударин бросился на помощь другу. Он обежал машину спереди и, видя, что второй бандит пытается задушить водителя, произвёл второй «залп» в открытую шею врага. Эффект получился не менее впечатляющим – того отбросило от машины прямо к стоящему в трёх шагах от них забору.

– Ты как? – тяжело дыша, спросил Бударин, садясь в «Шевроле». Дверь он захлопнул и поставил на замок.

– Н-нормально, – с хрипом отозвался Сергей. – Ещё бы чуток...

– Можешь отъехать?

Вместо ответа его напарник нажал на газ, и резче, чем требовалось отпустил сцепление. Машина рванула вперёд.

– Тс-с, тихо, не гони...

Они отъехали метров на пятьдесят, свернули направо.

– Стой, – приказал Бударин.

Он вышел из машины и осторожно выглянул из-за забора на улицу. Туда, откуда они только что ретировались. То, что Александр увидел, неприятно удивило его. Откуда-то появилась другая машина, по виду – фургон. Два человека быстро затащили безжизненные тела нападавших во чрево машины и захлопнули дверцы. Фургон тут же отъехал в противоположную от охранников профессора сторону и скрылся за поворотом...

– Поехали на Клиническую, – сказал Бударин, вновь садясь в автомобиль. – Что-то я сильно беспокоюсь за нашего профессора!

Николай Анатольевич Бондарев был человеком чрезвычайно занятым. Деятельность его распространялась, во-первых, на область бизнеса, во-вторых, на творчество, а точнее, на самый настоящий джаз. Кроме прочего, был он мужчиной серьёзным и надёжным, а вдобавок – милейшим человеком. В самом положительном смысле этого интеллигентского словечка, что прекрасно его характеризовало как предпринимателя и музыканта.

Выглядел он лет на 55... Высокий, статный и «широкий в кости», густые седые волосы собраны на затылке в тугий пучок. Добродушное лицо украшала окладистая борода, делающая его ужасно похожим на Санта Клауса.

Более десяти лет своей молодости он отдал службе в рядах Советской армии. Должность не ахти какая важная – клубный работник, но во времена СССР, когда только КПСС являлась «умом, честью и совестью эпохи», достаточно щекотливая. Николай был одним из немногих, кто решился пойти против идеологии «загнивающего социализма». В своей клубной библиотеке он убрал с полок классиков марксизма-ленинизма, забросив их в дальнюю комнатуху, а на самом видном месте поставил самовар с чайным сервизом. После чего в его «кают-компани» постоянно было полно людей, которые теперь приходили пообщаться друг с другом, почитать стихи, спеть песню под гитару, обменяться новостями и просто отдохнуть.

Но однажды, когда кто-то из посетителей клуба заявил, что теперь его женитьба «неизбежна, как крах империализма», Николай взял да сказал в ответ: «Не надейтесь, ребятки, краха империализма не будет никогда!» Вслед за этим последовали неприятные беседы с командиром части, замполитом и особистом... Поняв, что служба в армии не отвечает его личным интересам, Бондарев решительно снял свои капитанские погоны и стал привыкать к гражданской жизни.

Николай Анатольевич обожал джаз, отлично в нём разбирался, играл на многих музыкальных инструментах, неплохо пел и даже сочинял стихи и музыку. Особую гордость вызывали у него казачьи корни своего рода. Предки Николая жили на Дону, верой и правдой служа своему Отечеству. Бережно хранил Бондарев старые фотографии, на которых были запечатлены его далёкие родичи в лихо сдвинутых набекрень папахах и с Георгиевскими крестами на гимнастерках. От них и перешёл к нему по наследству кинжал старинной работы. «Сынок, – как-то сказал Николаю отец, передавая эту семейную реликвию. – Вот тебе клинок, принадлежавший нашему славному предку. Он был любимцем самого царя и известным дипломатом во времена Ивана Грозного! Сохрани его для своих детей, и не забывайте главного нашего завета: «Казакom нужно родиться, казакom нужно стать, казакom нужно быть!» Как видишь, одного происхождения мало, поскольку казак – это состояние духа, склад мышления и образ жизни. Поэтому последнее правило самое важное: оно предполагает постоянное и безупречное служение правде и добру!»

Вот и жил Николай Анатольевич с двумя взрослыми сыновьями, надёжными его помощниками во всех делах, жена же от него давно ушла по причинам нам неизвестным и в рамках данного повествования не рассматриваемым. Что касается бизнеса, то имел потомок донских казаков в Калининграде мини-рынок, пяток магазинов да школу верховой езды. На свои личные деньги он выстроил недалеко от дома большой белокаменный Собор. А в последнее время доводил «до ума» лучший в городе культурный центр с современным танцзалом и новейшим музыкальным оборудованием.

Бондарев без лишних слов давал людям деньги на лечение больных детей, оплачивал старушкам продуктовые наборы, устраивал на работу бомжей... Но был один случай, который особенно врезался в его память. Как-то в «лихие девяностые» он увидел возле своей первой торговой палатки бедно одетого старика-ветерана, печально сидящего рядом с разложенными на какой-то серенькой картонке боевыми орденами и медалями.

– Отец, ты что, собираешься их продать? – спросил обалдевший Николай. – Не жалко? Ты же кровью за них заплатил!

Старик взглянул на него снизу вверх и потупился. Было понятно, что ему самому очень стыдно.

– А что делать, сынок, если старухе нужны лекарства, а у меня больше ничего нет?.. – с горечью ответил он предпринимателю. – И Родины, которую я когда-то защищал, тоже уже не существует, и власть теперь не народная, а бандитская...

– Тем более не стоит продавать за гроши свою честь и доблесть ничтожным людишкам, которые этого недостойны, – парировал Николай.

Дед сгреб ордена в ладони и поцеловал их, а потом тихо сквозь слезы произнес: «Спасибо, сынок, за правильные слова...», – и встал, намереваясь уйти.

Бондарев посадил дедушку в свой «крутой» автомобиль, довёз до ближайшей аптеки и купил ему нужное лекарство. После этого раз в неделю навещал его с бабушкой в старом немецком доме и привозил старикам полный пакет продуктов...

Нелегко жилось «милейшему человеку»: конкуренты «наезжали» на него с завидным постоянством, администрация района и города досаждали судами, поскольку у него имелся очень «аппетитный» участок земли под домом и рынком. Но Николай Анатольевич боролся с возникающими трудностями и небезуспешно. С Арсентием Ледовским его связывала родная школа, в которую они ходили в детстве, хоть и учились в разных классах. А ещё любовь к музыке... Но, если Николая можно было смело назвать профессионалом, то не знающего нотной грамоты Арсентия – лишь любителем.

Нечасто, но посещал профессор студию Николая, когда тот со своими ребятами наигрывал джазовые композиции. «Я просто послушать, – объяснял он, улыбаясь. – Ужасно люблю живую музыку».

А сегодня, 1 ноября, в воскресенье Бондарев пришёл в студию только ради Арсентия, который накануне позвонил музыканту и обратился к нему с просьбой:

– Вертится у меня в голове одна мелодия... Хочу узнать, звучала ли она где-то или нет... И ещё, я бы очень хотел, чтобы ты её воспроизвёл на каком-нибудь музыкальном инструменте...

– Саксофон подойдёт?

– Саксофон?.. Это было бы великолепно. Я понимаю, Николай, что ты постоянно занят и у тебя масса дел, но и у меня сложнейшая ситуация. Ты не подумай, что это какой-то каприз...

– Да что ты оправдываешься, Арсентий! Ты же знаешь, что я всегда рад пообщаться с тобой. Мне это страшно интересно! Никак, ты вздумал музыку писать? Похвально!..

– Нет, ты неправильно меня понял. Я просто слышал эту мелодию, хотя где и при каких обстоятельствах, не могу припомнить... А она для меня... чертовски важна!

– Хорошо, давай завтра вечером, часиков в семь... У меня в студии...

У Николая Бондарева был свой джаз-банд. Ребята выступали на различных мероприятиях, но больше играли для самих себя. Бизнес и сопутствующие ему проблемы отнимали массу времени, поэтому организатор джазового оркестра не мог присутствовать на репетициях постоянно. Но, когда он оказывался в «своей стихии», все его неприятности сразу отодвигались на задний план. Музыка буквально лечила его организм и возвращала молодость и силы.

– Ты один? – спросил Арсентий, оглядываясь и снимая куртку.

– Ребята только что разошлись. Раздевайся и устраивайся... Кофейку?

– Было бы неплохо, – устало улыбнулся профессор.

– Ты неважно выглядишь...

– Работы много. По уши увяз, – оправдывался Ледовской, принимая блюдце с чашкой кофе. – Работаю на износ...

– Э, дружище, ты это зря. В нашем возрасте к работе нужно относиться творчески. Пока есть задор, надо работать. А как только чувствуется усталость, или, скажем, снижение к.п.д., тут надо давать себе передышку.

– Не получается. У меня сейчас сплошной задор! – усмехнулся Арсентий.

– Ну, сегодня мы гнать коней не станем, – мягко произнёс Николай. – Не часто доводится нам просто посидеть и поговорить... У тебя какие-то проблемы на работе? Говори, не стесняйся...

– Проблемы? – Арсентий сделал глоток. – Вовсе нет. Скорее, наоборот, идёт прогресс. Но чтобы поддерживать всё в нужной тональности и заданном ритме, приходится вкалывать...

Бондарев внимательно посмотрел на профессора.

– А известно ли профессору, что музыка – это лучшее лекарство от хандры и усталости? Авторитетно заявляю! Ты посиди, а я тебе что-нибудь наиграю... Не могу смотреть на твою кислую физиономию! – рассмеялся он, подходя к роялю.

– Сыграй, буду признателен, – ответил Ледовской.

– Ты что-нибудь слышал об «эффekte Моцарта»? – спросил Николай, усаживаясь на стульчик. И не дожидаясь ответа, продолжил: – Научные и исторические свидетельства показывают, что танцы и песни появились раньше, чем членораздельная речь. Это означает, что музыка является первобытным и исходным языком человечества. Пение и танец, ритмичное дыхание и движение в унисон способствовали созданию так называемого коллективного сознания или разума. – Пальцы Николая побежали по клавишам, а Арсентий внутренне вздрогнул, настолько тронули его нежные звуки рояля.

По-научному, Ледовской мог объяснить влияние музыки на сердечный ритм и кровяное давление, он знал, что музыка повышает уровень эндорфина, активизирует иммунную систему. Она стимулирует творческие процессы, повышает концентрацию внимания, усиливает способность к интуитивному мышлению...

А мелодия неторопливо текла. Арсентию она не показалась знакомой, видимо, Николай «выдавал» что-то своё.

– Музыкальные звуки обладают и мистическими свойствами, – продолжал Николай, не отрываясь от игры. – Порой они могут приобретать физическую форму и контуры, которые тоже способны воздействовать на наше здоровье, сознание и поведение. Это можно наблюдать, если насыпать, например, опилки на вибрирующую поверхность металла, пилы или тарелки. Если провести смычком по краю такой тарелки, то можно получить различные калейдоскопические рисунки для каждой конкретной мелодии. – Он ускорил темп, усилил звучание. Арсентий слушал, затаив дыхание, в голове его стала ощущаться лёгкость и свежесть, какой не было уже больше месяца...

– Похожим образом музыка синхронизирует и гармонизирует электромагнитные поля... А тебе как учёному, должно быть известно, что даже эмбрион человека, находясь в утробе, обладает способностью слышать пение матери... Достоверно доказано, что музыка способствует росту растений, коровы под её влиянием дают гораздо больше молока, молодняк быстрее набирает вес, а пекари выпекают более пышный хлеб. Всё это – так называемый «эффект Моцарта», – прозвучал последний аккорд.

Закрыв крышку рояля и повернувшись к Арсентию, Николай закончил:

– Сила музыки может быть ещё более значительной, чем ты думаешь. Гармония звуков служит ключом для получения доступа к хранилищам нашей памяти. Она может создавать иллюзии, которые воздействуют на наше восприятие времени. И это ещё не всё. Музыка изменяет и наше восприятие пространства. Например, медленная мелодия содержит больше пространства, чем быстрая. Так что немудрено, если под её воздействием ты вдруг очутишься... в ином веке и на другом материке!

– Спасибо, друг, – благодарно улыбнулся Арсентий. – Гении всегда поймут друг друга... Скажи, что ты играл мне сейчас? Что-то своё?

– Да, забытые юношеские наброски...

– Не забрасывай их. Чудесная мелодия.

– Однако перейдём к твоему вопросу. Во всё, что касается музыки, я готов поверить. В то, что она может возникнуть из ниоткуда, в то, что она имеет определённое воздействие...

– Эта мелодия вызывает одно малоизученное явление... А точнее, шаровую молнию.

– Уверен? – в вопросе Николая послышалось недоверие.
– Да, музыка плюс заклинание...
– Ну, давай попробуем. Сначала, выберем тональность. Я сейчас сыграю несколько аккордов, а ты выбери, отчего начнём плясать.

Он взял в руки саксофон, и вновь зазвучали бархатные переливы...

– Ниже, – мотнул головой Арсентий.

Бондарев «спустился» ниже.

– Ближе, но не то...

Николай изменил тональность, затем ещё...

– Похоже! – Арсентий непроизвольно взмахнул рукой.

– Послушай ещё раз...

– Да, это оно!

– Ре-минор, – констатировал Николай. – Что ж, давай, продемонстрируй свой вокал...

– Я не мастер, но в общих чертах смогу...

Они бились больше часа. Николай исписал несколько листов нотной бумаги, а Арсентий почти охрип. Но в итоге мелодия была запечатлена на бумаге.

– Скачок на три октавы вверх, – произнёс Николай, разглядывая написанные ноты. – Затем такой же «спуск» вниз. Но... отдельными «ручейками»... Сложно. Впрочем, гармония в этом, определённно, есть. Интересно, как ты ухитрился запомнить данную мелодию?

– А я её не запоминал, – ответил Ледовской. – Она во мне постоянно звучит.

Воспроизведённый музыкальный этюд, казалось, получился именно таким, каким Ледовской его услышал в лаборатории Теслы.

– Попробуем проиграть ещё раз, полностью, – решился Бондарев. – А ты слушай, вдруг обнаружишь фальшь. – Арсентий согласно кивнул.

Николай мощно и выразительно «изобразил» вроде бы нехитрую, но замысловатую мелодию. И, как только отзвучала последняя нота, свет в помещении сначала вспыхнул, а потом заметно померк.

– Что за чертовщина? – недоумённо обвёл взглядом тускнеющие лампы музыкант. – Впрочем, недавно я прочитал историю о том, как в годы войны в одном из концентрационных лагерей вблизи Львова фашисты создали из заключенных музыкантов оркестр, который в момент расстрелов играл своеобразное "Танго смерти". Когда после войны велось расследование этого дела, то удалось при помощи выживших заключенных восстановить только восемь тактов зловещей мелодии. Когда попытались её воспроизвести, бывшие узники этого лагеря впадали в транс или же у них начинались приступы истерики... Когда к городу прорвались наши танки, эсэсовцы построили оркестрантов в круг и вновь заставили исполнить «Танго смерти», потом по одному, выводили музыкантов в центр круга, принуждали раздеться и стреляли им в затылок. Скажи мне, друг, могут ли так поступить нормальные люди? – с горечью в голосе закончил Николай.

В это время напряжение в сети восстановилось, и свет стал заметно ярче.

– У меня есть соображения о том, кто был этими палачами, и какую расу сверхлюдей на самом деле пытались создать арийцы... – прошептал Арсентий. – Я потом тебе всё расскажу... А сейчас запиши мне нашу мелодию такой, как она прозвучала в итоге.

– Да не вопрос. Лишь создадим файл в формате mp3. Флешка-то есть?

Из рукописи Дитриха Вёллера, найденной в подвалах разрушенного епископского замка Фишхаузен:

«...Где ты, мой старый приятель Симеон? Всё так же скачешь на своём Капитане или давно лежишь в холодной могиле, сражённый неприятельской пулей или саблей? А может, Господу было угодно, чтобы ты, как и я, встречал свою старость в тихом уголке среди любящих детей и внуков?

Все эти годы мне ужасно не хватало твоей твёрдой руки и бесстрашного сердца, ободряющего взгляда и мудрого слова. Ты часто рассказывал мне про славный Дон, и я всю жизнь мечтал посетить те благословенные места, где Земля рождает таких замечательных людей, которые кому-то бывают верными и преданными друзьями, а для кого-то становятся беспощадными мстителями...»

Глава 9. Создатель и его детище

Больше месяца прошло с тех пор, как состоялась встреча члена Братства Вечности с профессором Ледовским. Как известно, Арсентий времени не терял, он усиленно работал в лаборатории над своим биореактором. «Служители Сатаны» старались не упускать его из виду, но попасть в «святая святых» строптивного профессора они не могли, и чем он конкретно занимается, по-видимому, мало представляли. Попытки же проникновения в квартиру учёного закончились безвозвратной потерей двух подмастерьев. Это происшествие не на шутку встревожило всесильное Братство, и оно решило вновь пойти на контакт со своим, как они предполагали, потенциальным «членом».

А славный город Калининград готовился к зиме. Когда она начнётся, да и будет ли вообще, никто не знал. Случалось, что перед самым Новым годом люди слушали, как поют скворцы за Центральным рынком, там, где дремлют старые фортовые сооружения и ров, поросший по берегам лесом, превратился в живописный пруд. Сейчас деревья почти полностью обнажились, сбросив свои пёстрые наряды. По ночам изрядно подмораживало, но снег никак не хотел ложиться на улицы древней столицы Восточной Пруссии.

Телефонный звонок застал Арсентия перед входной дверью в Университет второго ноября ровно в девять часов утра. Ледовской зашёл в просторный холл, расположился возле декоративной колонны со вставками из зеркал в металлической оправе и достал смартфон из кармана.

– Здравствуйте, дорогой профессор, – услышал он знакомый голос. Мягкий баритон спокойного, уверенного в себе человека, который, казалось, немало удручён тем, что о нём забыли, а он от вас по-прежнему чего-то ждёт. – Прошло не три дня, а целых тридцать три... Знаковое число, не правда ли? Так вот, нам бы хотелось знать, готовы ли вы дать ответ по интересующему нас вопросу...

– Нет, – тут же выпалил Арсентий.

– Не готовы ответить или... не согласны с предложением?

– Не готов... Я был болен... И много работал! – Он лихорадочно соображал, стараясь придумать вескую причину для того, чтобы хоть немного успокоить адептов Братства и получить очередную отсрочку. За эти дни он как-то совсем забыл о том, что когда-то придётся отвечать на проблемный вопрос.

– То-то мы глядим, что вы забросили свои утренние пробежки... И со своей пассивностью почти не встречаетесь...

– Да, нервы, заботы, усталость...

– Что ж... очень жаль... – прервал его голос собеседника, и по интонации невозможно было понять, верит ли гомункул Арсентию на слово, или нет. – Но напрасно вы всё принимаете так близко к сердцу. Значит, вы ещё пребываете в раздумьях...

– Извините, но было как-то не до этого... Повторяю: все это время я себя ужасно чувствовал...

– Ну-ну, успокойтесь... Вам надо отдохнуть. Сходить на концерт, послушать хорошую музыку. Музыка, говорят, лечит (тут сердце Арсентия ёкнуло)... Пообщаться с приятными людьми, с вашей любимой женщиной...

– Да, вы, пожалуй, правы...

– Что ж, тогда встретимся через неделю...

– Хорошо... – внутренне ликуя, ответил учёный.

– И ещё... Не вздумайте с нами хитрить. Очень вас прошу.

Спускаясь в свою лабораторию, Арсентий подумал: «Как вы меня достали, ребята!» Впрочем, он вскоре забыл об этом разговоре. Ведь сегодня у него, возможно, самый важный день в жизни!

«Николай Иванович, приветствую вас, – привычно поздоровался профессор с Пироговым, хитро прищурившимся с портрета на стене. – Сегодня у меня очень важный эксперимент... даже самому не верится!»...

«Смелее, мой друг. Я буду рядом. Подстрахую».

Арсентий спустился в лабораторию, поставил на стул портфель, раскрыл его и вынул оттуда аудиосистему. Затем вернулся к двери, запер её на все имеющиеся замки... Несколько минут постоял у своего биосинтезатора, наблюдая за показаниями приборов. Затем включил компьютер, и некоторое время изучал показания датчиков, расположенных на теле недавно созданного им искусственного человека.

«Все параметры в норме...»

«Наверное, следует разбудить его, – подсказал старый доктор. – Тогда многие процессы будут протекать более активно»...

«Вы правы», – Арсентий набрал на клавиатуре соответствующую команду и нажал «Enter». Тут же «оживились» и датчики... А из полупрозрачной камеры, казалось, послышался лёгкий вздох облегчения «синтетического гуманоида». Арсентий ввёл следующую команду, и дверца камеры плавно раскрылась. Чуть слышно зашумел механизм, выдвигающий пластиковый «поддон», неглубокую ванночку, на которой под белой простынёй узнавались очертания человеческого тела. Профессор «собрал» его из синтезированных им органов и биологических блоков, и назвал «андроидом».

«Теперь проверим твои рефлексы...»

Ледовской подошёл к своему «детищу» и откинул простыню. Минуту удовлетворённо смотрел на него, отметив, что тело чистое, здорового цвета, без видимых шрамов в местах сращивания анатомических составных частей. Всё было на своих местах и выглядело, как у обычных людей. За небольшим исключением...

«Ну, здравствуй», – теперь Арсентий мысленно обратился к андроиду.

Тот медленно открыл глаза. Профессор провёл перед его лицом рукой, отметил, как выразительные серые глаза отслеживают движение его ладони, пощелкал двумя пальцами возле уха – подопытный повернул голову на звук.

«Как живой человек...» – мелькнула мысль.

«Не совсем, коллега, но действительно очень похож», – подтвердил Пирогов.

Арсентий прикоснулся к кисти андроида. «Слишком прохладная...» – подумал он. Затем ободряюще похлопал его по плечу.

– Всё в порядке, – произнёс он как можно жизнерадостнее. – Я рад видеть тебя в добром здравии!

Лицо гуманоида, прежде выражающее некоторую растерянность, сменилось маской задумчивости, а возле переносицы появилась чуть заметная складка: шёл процесс узнавания интонации и смысла слов.

– Готовься стать человеком, – добавил профессор, вернувшись к компьютеру и сверяя данные датчиков. – Надеюсь, ты будешь хорошим парнем... И достойным членом нашего общества.

Андроид издал невнятный звук, похоже, он пытался что-то ответить, но рта не раскрыл. Затем губы его расползлись в искренней детской улыбке, впрочем, она вскоре исчезла. Конечностями он шевелить не мог, Арсентий пока держал их «парализованными».

«Ну что, уважаемый профессор, может, начнём?» – взглянул он на портрет коллеги.

«С Богом, сынок», – ответил Пирогов.

Ледовской достал блокнот, в который он занёс заклинание, взятое из текста рукописи Вёллера, и вставил «флешку» в «музыкальный центр».

– С Богом! – произнёс он и нажал кнопку воспроизведения.

Помещение тут же наполнилось протяжными звуками саксофона, которые были настолько печальны, что очень напоминали острую боль, которую мы испытываем, когда влюбляемся... Мелодия ворвалась в лабораторию, заставила чаще биться неутомимого барабанщика – сердце Арсентия, заполнила собой каждый уголок, проникла в каждую щёлочку... «Бриллиантовые» ноты играли своими гранями, вибрировали, дышали и пульсировали, превращая свою таинственную энергию в осязаемое вещество, создавая сгустки времени в безмерной, бесконечной глубине окружающего пространства... Арсентию даже показалось, что и он сам стал важной частью этой светлой музыки... Но вдруг... замерцал свет в лампах, потемнел экран компьютера...

С дрожью в сердце Арсентий наблюдал, как в глубине помещения, буквально из пустоты материализуется светящийся шар, как он наливается огненным, «дьявольским» светом и начинает плавное движение...

– *Magna vi et animiet diabolicaignis! Aeternitatis gloriam!* – чётко, хоть и с дрожью в голосе, произнёс профессор.

Огненный шар, было похоже, понял команду. Он остановился, словно осматриваясь. Наконец, видимо, обнаружив предмет своего воздействия, медленно поплыл к андроиду.

Ледовской испытывал такое нервное напряжение, какого до сих пор не ведал. Его всего трясло... Одновременно где-то в животе, будто вспыхнул какой-то уголёк, который стал расти, раскаляясь и заполняя всё его тело. «Ещё секунда, и я взорвусь», – подумал он. Но ничего страшного не произошло. Внутренний огонь стал затухать и уменьшаться.

Шаровая молния опустилась ещё ниже и теперь почти касалась лица андроида. Тот закрыл глаза, словно чего-то ожидая. Раздался оглушительный хлопок. Арсентий потерял сознание.

Профессора вывел из забытья стук в дверь. Кто-то практически ломился в лабораторию. Открыв глаза, Арсентий с удивлением увидел... ножку стола, перевёрнутую

чашку, край ковровой дорожки и расположенную по диагонали линию горизонта, роль которого играл кафельный пол...

– Арсентий Александрович, с вами всё в порядке? – слышалось из-за двери.

– Всё отлично, – поспешил успокоить персонал Ледовской, поднимаясь на ноги.

– Мы слышали что-то похожее на выстрел...

– Не волнуйтесь, выстрелов не было. Был хлопок, но это – рабочий режим. Так и должно было случиться. Извините, что забыл предупредить. Больше этого не повторится!

– Ну, слава богу... А то мы уж подумали... – голоса за дверью стихли.

В помещении ощущался запах озона. Только сейчас Арсентий обнаружил, что он как пришёл с улицы, так даже не снял с себя куртку. Вздохнул почти обречённо, куртку снял и повесил в шкафчик, облачился в белый халат.

«Да, вот что значит охотничий азарт»...

«Бывает, коллега», – отозвался неунывающий Пирогов.

И надо бы подойти, посмотреть, что там натворил взрыв шаровой молнии, может, разлетелось всё в дребезги, но... было немного боязно. По идее, там, на поддоне-столике сейчас должен лежать качественно иной человек...

Арсентий не спешил ознакомиться с результатом своего эксперимента. Надо подготовиться к этому внутренне, решил он и сначала включил чайник. Затем «реанимировал» «Радио Классик». Посмотрел на часы. После обеда у него практические занятия. Хочешь – не хочешь, а учебный процесс прерывать нельзя... Ведь студенты – это... – тут вспомнилась расхожая преподавательская шутка, – объективная реальность, плавающая на поверхности знаний и ныряющая в её глубины два раза в год на сессиях...

«Да сходи уж, посмотри, как там дела», – снисходительно разрешил Пирогов.

«Как прикажете, Николай Иванович»...

Андроид лежал всё в той же позе. Но его глаза были широко раскрыты, а зрачки метались из стороны в сторону. Заметив подошедшего профессора, искусственный человек чуть приподнял голову и хотел что-то сказать, но из губ донеслось лишь невнятное фырканье.

– Ну-ну, – дружески произнёс Арсентий. – Успокойся... – И вернулся к компьютеру.

«Вот теперь он по-настоящему ожил!!!»

Датчики фиксировали учащение сердечных сокращений, повышение артериального давления, а энцефалограф вместо дельта- и тета-волн, говорящих об отсутствии сознания у пациента, писал чёткие гамма-волны, свидетельствующие о пике жизненной активности и небывалом эмоциональном подъёме!

«Он – живой!»

– Не волнуйся, дружище!

Ледовской вывел на экран блок, отвечающий за речевой аппарат, произвёл настройки...

– Help me! – довольно внятно произнёс андроид.

«Какой звучный голос, – мелькнуло в голове Арсентия. – Тебе бы в опере петь». – И перевёл речь своего детища в диапазон русского языка.

– Помогите... те, – отреагировал андроид.

– Сейчас, сейчас... – Арсентий включил «блок настройки» и произвёл некоторые манипуляции, снимая излишнее эмоциональное напряжение своего подопечного. Это сразу подействовало.

«Не следует впредь этого делать, – решил профессор. – Мозг сам должен вырабатывать свою «линию поведения» в зависимости от ситуации. Хотя, его можно понять... Ведь он только что родился. Дети при рождении обычно кричат и плачут...»

– С днём рождения, дружище! – подошёл он к андроиду. – Я – Арсентий. А ты... мой брат Андрон!

«Конечно – брат, – подумал Арсентий, всматриваясь в черты лица андроида, – ведь для твоего создания я использовал и свои собственные стволовые клетки...»

Ледовской до сих пор не мог поверить, что ему удалось ЭТО сделать! Вот он, живой человек, полученный искусственным путём! Благодаря его, Арсентия, многолетним работам и... удивительным свойствам непостижимого явления – шаровой молнии! Которую, оказывается, можно вызвать по своему желанию...

Андроид, внешне, полностью успокоился. Он и Ледовской смотрели друг другу в глаза.

«Получается, что я – Создатель... Я стал им без ведома Братства Вечности!»

Мысль о членах Братства вернула его к реальности. Что сказали бы они, узнав о его достижении?.. «Да зарастит оно всё ромашками!» – решил Арсентий. «Сейчас надо заниматься Андроном!»

Время – половина первого.

– Арсентий...

– Да, дружище? – метнулся к андроиду профессор. – Ты меня звал?

Тот смотрел на своего создателя неотрывно, словно стался запомнить его лицо.

– Ты хочешь подвигаться? Хорошо, только не сразу. И слушай меня внимательно. Выполняй все мои приказы, иначе – беда! Ты меня понял?

– Я понял.

– Подними правую руку.

Андроид выполнил приказ. Его рука плавно поднялась и застыла в вертикальном положении.

– Умница. А теперь опусти её и подними другую...

Некоторое время искусственный человек двигал конечностями и при этом повторял: «Это – правая рука... Это – левая... Это – правая нога...».

По радио передавали концерт Ванессы Мэй.

– Послушай музыку, Андрон! – прервал «гимнастику» Арсентий. – Вслушайся в эти звуки... Представь, что ты летишь над землёй... А сейчас – ныряешь в море с высокой скалы... – искусственный человек активно «впитывал» в себя звуки скрипки.

«Отлично, – подумал Арсентий, наблюдая за показателями датчиков. – Просто восхитительно!»

– Красиво, – протяжно изрёк его «брат».

Внезапная идея возникла в голове профессора.

– Андрон, – по-деловому обратился он к андроиду. – Я вынужден оставить тебя здесь одного. У меня с двух до четырёх – занятия со студентами. На всякий случай я тебя закрою... Дверь запру. А ты лежи здесь и слушай музыку. Хорошо?

– Хорошо.

– А когда научишься немного ходить и разговаривать, мы пойдём с тобой к одному хорошему человеку. Он – музыкант. И там послушаем подобную «красоту» уже не по радио, – он кивнул на «музыкальный центр», – а «вживую». Ты меня понимаешь? Исполняемую людьми на настоящих музыкальных инструментах!

– Приходи скорее...

– Конечно, я быстро!

Сердце учащённо билось.

– У тебя на теле закреплены датчики с проводами. Не трогай их. Лежи спокойно, слушай музыку и жди меня. – Он снял халат, надел куртку, ободряюще сжал кисть Андрона. Тот ответил крепким рукопожатием.

Следующие два часа пролетели довольно быстро и как-то бестолково.

Профессор проводил практическое занятие, словно «пребывая во сне». Он объяснял материал сбивчиво и часто повторялся. На вопросы же своих «двоечников» отвечал путано и туманно, часто невпопад. Ставил зачёты всем без разбора студентам, чем не преминули воспользоваться некоторые ушлые «разгильдяи», имевшие задолженности. И часто, очень часто посматривал на часы.

Едва закончились занятия, профессор Ледовской, вопреки обыкновению, тут же поспешил на выход. В коридоре он едва не столкнулся со своим заместителем Марком Вилешиным. И тут же вспомнил: сегодня кафедра!

– Марк Григорьевич! – обратился Арсентий к невысокому черноволосому мужчине сорока пяти лет, в очках и с толстенной папкой подмышкой. – Будьте так любезны, дорогой! – Тот опешил от такого напора. – Проведите сегодня кафедру без меня!

– Случилось что-нибудь? – осторожно поинтересовался Вилешин.

– Случилось! Ничего страшного! Но – случилось!..

– Хорошо, Арсентий Александрович, – пролепетал тот. – Как скажете...

– А уж завтра я... ознакомлюсь с решением!

– Да без проблем...

В лаборатории было тихо. Ванесса Мэй передала музыкальную эстафету другим исполнителям. Андрон спокойно лежал на своём ложе и внимательно слушал.

«Интересно, – подумал Арсентий. – Это он тщательно выполняет мой приказ или ему действительно нравится?»

– Хорошая музыка? – спросил он искусственного человека.

– Есть очень хорошая, – немного подумав, ответил тот. – Быстрая... ритмичная, – он тщательно подбирал слова из своего пока ещё довольно скудного арсенала. – Есть очень хорошая... Тихая и печальная... Но есть такая, которую я не понимаю или которая не соответствует моему настроению...

– Это – хорошо. Классическая музыка каждым человеком воспринимается по-разному. Кому-то нравится одно, кому-то – другое.

Профессор включил чайник, бросил пакетик в чашку.

– Нам, Андрон, предстоит многому ещё научиться...

– Нам?

– Да. И тебе, и мне. Но тебе больше, – он рассмеялся. – Хотя многое уже заложено в твою программу, но некоторыми навыками ещё следует овладеть, а кое-какие – отточить до совершенства...

– Не понимаю.

– Потом поймёшь. Главное, внимай моим словам и действуй только так, как я скажу. И всё будет в полном порядке.

– Теперь понял.

Арсентий сел за стол, налил чай и ещё раз пробежался глазами по показаниям датчиков.

«Нет, он далеко не гомункул, – подумал Ледовской, отхлёбывая горячий чай. – Его поступки подчинены не простейшим рефлексам, а интеллекту и высшим эмоциям... Например, слушание музыки — это пассивный процесс, а понимание услышанного, которое он мне продемонстрировал, — активный. Мы часто слушаем, но не слышим...»

Однако требуется время, чтобы осознать, насколько он близок к нам, людям... Но ведь он существует! Вот, что главное!»

– Скажи, Андрон, какие у тебя желания. Чего тебе сейчас хочется?

Этот вопрос заставил андроида задуматься. Впрочем, ненадолго.

– Мне хочется быть полезным тебе, Арсентий.

Серые глаза Андрона смотрели преданно, и странно блестели в неярком свете ламп.

– Да. Мне скоро понадобится твоя помощь. Но перед тем как начать делать добрые поступки, тебе следует многое понять. Об этом я уже говорил. Но было бы неплохо, если бы сначала ты побыл среди нас, стараясь ничем не выделяться... Точнее, не отличался от той категории людей, которых называют... порядочными, интеллигентными, искренними... – Арсентий понял, что говорит что-то не то. – Короче, ты должен привыкнуть к нам, а мы – к тебе...

«Что-то ты, дорогой профессор, сильно разволновался и никак не соберёшься с мыслями – укоризненно произнёс Пирогов. – Хотя, я понимаю, произошло такое событие!»

– Арсентий, я не знаю значения многих слов, приходящих мне в голову... Мне не хватает образов... Каждое понятие я отождествляю с геометрической фигурой... или набором цифр...

– Конечно, Андрон. Сейчас всё для тебя ново. Но это – беда поправимая. У тебя будет время обогатить свои «кладовые» памяти новыми ассоциациями и... ощущениями, а таковые обязательно появятся... Сейчас ещё рано, но скоро, после того, как окрепнет твой вестибулярный аппарат, мы начнём совместные прогулки сначала здесь, в лаборатории, а потом выйдем в город. Ты увидишь, как он прекрасен, наш Калининград, познакомишься с его историей и достопримечательностями, узнаешь интересных людей... Скоро наступит зима, ты поймёшь, как она удивительна... И как чудесно, что меняются времена года!... Мы сходим на озёра и реку, мы обязательно съездим на море. Мы посетим театр и концерт органной музыки в Кафедральном соборе, мы...

«Ты говоришь с ним, как с человеком»...

«Да. А как же иначе? Если я сразу дам понять себе и ему, что он – кукла, которая создана только для того, чтобы помочь мне отбиваться от гомункулов, что из этого выйдет?..»

– Ты с кем-то разговариваешь, Арсентий?

– Это я... с самим собой... Задаю себе вопросы и сам на них отвечаю. Иначе говоря, размышляю...

«У него просто шикарный голос, – подумал Арсентий и покосился на компьютер. – Сильный, чистый и глубокий, с колоритным тембром... Может, смоделировать ему что-нибудь попроще, какой-нибудь серенький оттенок, без такой яркой окраски, чтобы не так бросалось?.. Хотя, пусть остаётся как есть. Глядишь, за таким голосом останутся незаметными другие особенности, которые отличают его от обычного человека...»

– Тебе надо будет освоить компьютер, но сначала... просто научиться писать ручкой. На это потребуется время, хотя, не думаю, что очень много... Ещё необходимо подобрать одежду... Моя тебе вряд ли подойдёт...

– Арсентий, я буду выполнять какое-то особое задание?

- Да, Андрон. Мы все, кто живёт в этом мире, выполняем свою... миссию. Так уж суждено нам нашим Создателем... Так что, ты не будешь отличаться от нас практически ничем... У тебя есть ещё вопросы? – Арсентий взглянул на часы.
- Да, много. Но один вопрос беспокоит меня больше всего.
- Задавай его, дружище, то есть, брат. Я постараюсь тебе ответить как можно точнее,
- Ледовской ласково улыбнулся.
- Арсентий, кто я?..

ЧАСТЬ III. «АНДРОН ЛЕДОВСКОЙ»

«...Живя в полном покое, в тёмном замкнутом пространстве, довольствуешься малым. Ты чувствуешь, что там, снаружи существует другой, беспокойный мир. Он большой, шумный и прекрасный. В нём всё ново, объёмно и нестандартно... Попав в него, ты начнёшь преобразаться и сам. Ты будешь дышать полной грудью, двигаться в такт сумасшедшим городским ритмам. Твоя голова будет переполнена мыслями, а душа – эмоциями. И вряд ли тебе захочется вернуться сюда обратно... Разве что, если придётся спасти свою жизнь...»

Глава 1. Наследство славного предка

Очередной разговор с Павлом вновь оказался весьма тяжёлым и не принёс Арсентию Ледовскому ожидаемых результатов. Но спасибо Андрону, который, узнав, что профессору предстоит очень непростая беседа с существом, умеющим «заглядывать» в чужой мозг и

способным выведать у учёного подробности создания андроида, тщательно «запечатал» эту информацию в «подвалах» его памяти.

– Я собрал все данные о твоей работе со мной в отдельный блок. Как только гомункул начнёт тебя «сканировать», этот блок тут же закроется для внешнего доступа. Затем он будет перемещён в другой массив твоего сознания, проще сказать так: он будет заперт в «потаённом ларце». А его место займёт другой – это будет крутая мешанина, состоящая из обрывков сновидений, детских воспоминаний, прочитанных лекций и споров на собраниях кафедры... Хорошо бы и мне пойти с тобой. Я бы сразу свернул ему шею, да и дело с концом!

– Нет-нет! – запротестовал профессор. – Только не это! Я не думаю, что в их интересах причинить мне вред сейчас, когда я им так нужен. А тебе ещё необходимо заниматься!.. Посмотри, как ты написал письмо! Ровно, аккуратно, каллиграфически! Но так дело не пойдёт: можно подумать, что это напечатал принтер! Тебе нужно разработать собственный почерк... Впрочем, скопируй мой... И учись ходить, вырабатывай непринуждённую походку и естественную осанку. Иногда лучше слегка прихрамывать, чем как у тебя – ни одного лишнего движения, шагаешь, как допотопный робот... А за блокировку памяти со сведениями о тебе – спасибо. Уверен, что не докопаются?

– Усиленные поиски этой информации грозят нарушением функции мозга. Сто процентов, что они на это не пойдут...

– Да, хорошо обладать гипнозом, – пробормотал успокоенный Арсентий.

– Это не гипноз... – попытался возразить Андрон, но профессор жестом прервал его.

Встреча состоялась неожиданно. Арсентий выходил из магазина, куда заглянул за обычным «продуктовым набором» холостяка, и на выходе буквально столкнулся с господином, который в прошлом месяце приходил к нему домой.

– Извините, что я вновь без предупреждения, – посторонился Павел. – Вас продолжают опекать, хоть вы и не просили об этом. А нам бы не хотелось вступать в контакт с посторонними...

– Они мои друзья, – улыбнулся Арсентий, – которые уверены, что мне грозит опасность.

– Думаю, это несколько поспешный вывод... – собеседники спустились по ступенькам крыльца и медленно направились к дому профессора. – Вы знаете, хоть ваши, так называемые, телохранители и наивные люди, но вызывают некоторое... уважение.

– Это – достойные люди, – согласился с ним Ледовской.

Мелкие ледышки, припорошенные лёгким снежком, тихо хрустели под ногами.

– Я чувствую, что вы и сейчас не готовы ответить на ключевой вопрос, – произнёс Павел, пристально взглянув в глаза профессору. Тот выдержал взгляд неживых глаз, и ответил:

– Пока нет.

Они остановились.

– Я не могу понять, – после небольшой паузы продолжил Павел. – Что вам мешает сказать «да»? – Он не скрывал досаду, а может, специально выставлял её напоказ. – У вас неприятности на работе? Скажите нам, и мы их устраним... Вам нужно какое-то новое, революционное решение в ваших исследованиях? Мы и в этом вам поможем! Или у вас неприятности на личном фронте?

– Я бы так не сказал...

– Полноте, профессор! Я же прекрасно вижу, что вы немного не в себе... Впрочем, с неординарными людьми такое бывает часто. Особенно с учёными. Так называемый «творческий кризис» и ощущение эмоционального «выгорания», вкупе с нежелательными внешними воздействиями. Здоровье-то у вас в порядке? Не ощущаете недомоганий?

– Ощущаю.

– Вам нужно больше отдыхать. Всё это очень похоже на банальное переутомление. Последние два месяца вы слишком активно трудитесь. По пятнадцать-восемнадцать часов в сутки. А иногда даже ночуете в своей лаборатории... Наверное, и результат уже готов? – Вновь пристальный взгляд мёртвых глаз, который словно шершавой спичкой чиркнул по душе Арсентия, но опять этот взгляд был уверенно выдержан.

– Пока похвастаться нечем...

– Вы совсем отгородились от внешнего мира в ваших подвальчиках. Так нельзя, дорогой профессор. Снимайте запоры, отворяйте двери! Мир нуждается в вас! В энергичном, ярком создателе, человеке-творце!..

– Да, я постараюсь.

– Вот, если будут проблемы, требующие немедленного решения, позвоните мне. – Павел протянул визитку. – И прошу вас, – он понизил голос, – не затягивайте со своим ответом.

Арсентий взглянул на визитку и сунул её во внутренний карман куртки.

– А засим, позвольте откланяться, – Павел театрально «уронил» голову. – Мы свяжемся с вами в самое ближайшее время. И помните – любые проблемы решаемы, – он скривил лицо, изображая улыбку. – Любые...

«Слушая твои сладкие речи, можно чай без сахара пить», – подумал в ответ Арсентий...

Зима, словно актриса-прима впорхнула на калининградскую землю, как на театральную сцену, с пушистыми балеринами-снежинками, которые уже не таяли на асфальте, а, кружась, устилали землю лёгким, но устойчивым покрывалом. Ночью температура падала до минус десяти, а днём держалась на уровне двух-трёх градусов ниже нуля. Городские пруды покрылись тонким слоем льда, и самые нетерпеливые рыбаки уже осторожно осваивали прибрежную часть водоёмов. До Нового года оставались две недели, многие калининградцы вовсю выбирали подарки родным и близким, остальные просто старались удержаться «на плаву» с тревогой и надеждой всматриваясь в туманное будущее.

– Не забудь надеть шапку, – Арсентий (уже в который раз!) поймал себя на мысли, что он часто относится к Андрону, как заботливая мамаша к маленькому сыночку. – Я понимаю, что она тебе ни к чему, – он застегнул молнию на куртке своего подопечного, – но так уж у нас принято. И перчатки тоже!

Профессора, казалось, страшно волновало, что прохожие могут усомниться в том, что идущий рядом с ним молодой, симпатичный мужчина, лет тридцати на вид, – не человек. Что очевидная «лёгкость» его одеяния в мороз, да ещё при пронизывающем ветре, и некоторые «особенности» поведения сразу выдадут в нём «синтетическое происхождение».

– Арсентий, – осведомился Андрон. – А почему ты советуешь мне дольше задерживать взгляд на дамах, особенно молодого возраста? Так тоже принято?

– Это – естественно, – попытался объяснить Ледовской. – Мужчины твоего возраста иногда так глазеют на них, что это, порой, выходит за рамки приличия. Ты же старайся держаться в границах пристойности, но, отводить глаза в сторону, не торопись...

– Ты хочешь, чтобы я был похож немного на... ловеласа?

– Вот именно. Все мужики такие... Только немножко! – он улыбнулся. – А то возникнет ответная реакция... которая называется любовью. Ведь ты у нас – мужчина видный!

– Вот ты шутишь, – ответил Андрон. – А я почему-то не нахожу в этом ничего смешного, – он задумался. – Не понимаю я вас, людей. Ведь любовь так похожа на временное помешательство. Влюблённый человек теряет контроль над собой, своими эмоциями и поступками, перестает критично относиться к объекту своей страсти, окружающей обстановке и ситуации. Происходит переоценка важнейших событий, которая не поддается переубеждению. Весь мир кажется такому человеку другим, хотя в нём ничего не изменилось... Влюблённые начинают восхищаться ничего не значащими вещами и третьестепенными событиями: закатами, цветочками и птичками... Но проходит какое-то время и все они обязательно признают свои заблуждения...

– Давай, поговорим об этом чуть позже, братишка... Ты готов? – Арсентий отошёл на пару шагов и осмотрел андроида. Недавно он купил ему зимнюю одежду и обувь, и теперь искусственный человек внешне ничем не отличался от обычного. – Выглядишь молодцом!

Ростом, немного выше среднего, широкоплечий брюнет с правильными чертами слегка бледного лица, одетый в чёрную кожаную куртку и такого же цвета джинсы, в ботинках на меху, в норковой шапке-обманке, Андрон вполне мог сойти за человека среднего достатка, типичного калининградца.

– Как самочувствие? – по привычке задал вопрос Арсентий.

– Ощущаю внутри себя мощный прилив энергии, – серьёзно ответил андроид. – Думаю, стоит мне захотеть, и я начну метать гром и молнии.

– Вот этого делать не надо. Мы сейчас выходим «в люди». Не забывай, что ты – один из нас. И помни всё то, чему я тебя учил.

– Я всё отлично помню.

Андрон продолжал «обитать» в лаборатории медицинского факультета. Последние две недели Арсентий по вечерам прогуливался с ним, наблюдая, как тот осваивается в совершенно новом для него мире. Пока всё шло достаточно гладко, без серьёзных сбоев. А сегодня, в воскресный день профессор решил представить своего «брата» Николаю Бондареву.

– Мы немного пройдёмся пешком, – объяснил он Андрону. – А потом прокатимся на такси. Пожмёшь при встрече руку Николаю, гляди смело в глаза и не забывай про лёгкую, дружелюбную улыбку.

– Николай будет один? Он нам сыграет?

– Да. Я предупредил его, чтобы он был один. А сыграть?.. Конечно, сыграет! Он – настоящий музыкант и очень приветливый человек. Я думаю, вы понравитесь друг другу.

– Он знает, кто я?

– Пока нет.

– Ты ему расскажешь?

– Пожалуй... Но не будем бежать впереди паровоза. Это – человек, которому можно доверить любую тайну... В общем, посмотрим, – повторил он. – Сначала понаблюдаем, не заметит ли он в тебе чего-либо особенного... И не забывай о том, дорогой мой братец, что благодаря ему: его мастерству... интуиции и опыту... ты, в общем-то... по-настоящему родился.

– Очередное знакомство, – пробормотал Андрон. – С одним из своих... родителей...

– Ну, можно сказать и так, – улыбнулся профессор.

Они не могли знать, что в данный момент Николаю Бондареву было совсем не до гостей. Потому что к нему уже пришли посетители. Из тех, кого называют «незваными» и «нежеланными». Они явились неожиданно – маленький улыбчивый человечек с портфелем и в длинном пальто, а также его доверенные лица: два невысокого роста, молчаливых крепыша с мрачными физиономиями, словно сошедшие со страниц гангстерского комикса. Николай Анатольевич в это время проводил «ревизию» своего кофейно-чайного уголка. Он ждал профессора Ледовского с каким-то загадочным приятелем. Арсентий попросил, чтобы музыкант был один и приготовился сыграть им что-нибудь «для души». Николай и сам был рад хоть немного отвлечься от суетных дел, связанных с бизнесом. Хорошо, что сыновьям можно передать на время «бразды правления», а самому отдохнуть в лоно музыки. А к музыке хорошо предложить что-то горячее и ароматное...

И вот, совершенно неожиданно распахнулась дверь. Бондарев сразу почувствовал неладное: ведь внизу дежурил консьерж, который должен был предупредить его о приходе профессора со своим спутником.

– Господа, вы кто? И что вам здесь нужно? – властным голосом спросил он, увидев странных посетителей. – Как вы сюда попали?

– Здравствуйте, уважаемый Николай Анатольевич! – словно обрадовавшись старому другу, «пропел» вошедший мужчина с портфелем. – Прошу вас извинить меня за столь неожиданный визит, но исключительные обстоятельства иногда превращают нас в бесцеремонных невеж! Я осмелился побеспокоить вас столь вероломным образом всего на пару минут, уверяю вас! И мы тут же растворимся в пространстве, в районе аэропорта, поскольку наш рейс через два часа, а я и мои сопровождающие боимся опоздать на регистрацию! Вы позволите приступить к делу? – И, не дожидаясь ответа: – Вот моя визитка, прошу вас! Я из Санкт-Петербурга, моя фамилия Кушнир! Я один из организаторов джазового фестиваля «На берегах Невы!» Не слышали?

На сердце Бондарева отлегло. Он принял визитку, рассеяно взглянул на неё...

Кушнир поставил портфель на свободный стул и раскрыл его.

– В наступающем году мы планируем провести необычный праздник джаза! Необычный потому, что в нём будут принимать участие не известные оркестры, не признанные звёзды джаза, а маленькие, провинциальные, – посетитель вынул из портфеля брошюру в яркой обложке. – Вот, взгляните! Вас это должно заинтересовать! А если заинтересует, то мы просто оставим вам наши координаты и в дальнейшем созвонимся!

Николай раскрыл глянцевую обложку буклета... и цветные картинки вдруг поплыли у него перед глазами... Он ощутил, как его подхватили под руки, чтобы он ненароком не упал, и бережно посадили в кресло. Сюда же пододвинули журнальный столик.

– Вам нехорошо? – участливо осведомился настойчивый посетитель.

– Немного закружилась голова, – ответил Николай. Перед его глазами всё ещё стояла какая-то сиреневая пелена.

– Ничего, сейчас пройдёт. Как вы, наверное, догадались, мы бы хотели пригласить ваш джазовый ... ансамбль на широкие, так сказать, музыкальные просторы!..

«Туман» в голове Николая становился все гуще, яркие картинки буклета слились в одно пятно. По телу растекалась приятная нега, а руки и ноги сделались ватными. Задумчивый голос необычного гостя звучал, казалось, уже откуда-то издалека:

– Мы ездим по всей стране, наводим справки о музыкальных коллективах. В особенности, джазовых...

Голос постепенно отдалялся. Он был похож на ласковое пение сирены, которая убаюкивая матросов, увлекает их за собой в пучину...

– ...сложные композиции исполняются с таким мастерством!..

Голос становился тихим, вкрадчивым, каждое слово отчётливо отпечатывалось в мозгу:

– ...поистине виртуозные исполнители! И зачем, скажите, они должны прозябать в неизвестности?..

«Да, – соглашался Николай Анатольевич. – Всё верно вы говорите. Я и сам об этом думал...»

– ...сейчас такая пора, что надо выходить на большую сцену и радовать зрителя и слушателя!..

«Согласен... Абсолютно с вами согласен...»

– ...у нас в Питере есть свои замечательные джаз-банды, но, поездив по России, мы убедились, что джаз любим повсюду. А уж в вашем прекрасном городе...

«Конечно-конечно... как можно не любить джаз?»

– ...и, если вы согласитесь, мы с радостью встретим ваш коллектив у себя на фестивале...

«Конечно, я согласен. Даже с превеликой радостью...»

– ...тогда подпишите этот простенький документ... Вы отказываетесь от прав на собственность, то есть, на участок принадлежащей вам земли в районе... Северная гора... в пользу... ЗАО «Энергетик»...

– Арсентий, а кто такая Ксения?

– Это моя хорошая знакомая, – ответил Ледовской, пряча телефон, по которому только что разговаривал. – Подруга. Я тебя с ней скоро познакомлю.

– А с какой... периодичностью или... частотой надлежит встречаться с друзьями и подругами?

– Не понял?

– Мне показалось, что ты оправдывался... Ссылался на нехватку времени, загрузку работой...

– Да, мы иногда разговариваем с нашими близкими гораздо реже, чем следовало бы. Это ты правильно подметил... Но, на всё есть причины... Хотя, какие тут причины? Всегда можно выкроить минутку-другую для общения...

– Если она так рада разговору с тобой, то зачем же допускать такие длительные паузы в общении?

– Так получается...

– А почему вы не живёте вместе?

– Да, как тебе сказать... А ты думаешь, что будет лучше, если мы станем жить вместе?

– Арсентий с интересом воззрился на невозмутимого «брата».

– Я уверен, что так будет правильно.

Они вышли из такси и направились в трёхэтажный особняк, расположенный на улице Герцена.

– Ну, ты даёшь, брат... – голосом, в котором угадывалась неуверенность, произнёс Арсентий.

– Мне казалось, что я могу дать тебе добрый совет.

– Конечно, можешь, большое спасибо, – усмехнулся Ледовской, – Кстати, это – резиденция Николая! Открывай дверь, – добавил он, набирая нужный код у входа в подъезд.

Едва они вошли в холл, им преградили дорогу двое. Арсентий не успел ничего сообразить, он только уловил быстрые движения двух невзрачных с виду человек. Но Андрон среагировал молниеносно. Он мгновенно вытянул навстречу нападавшим руки. Потрясённый Арсентий увидел, как с кончиков пальцев «синтетического человека» с характерным треском вылетели синеватые струйки искр! Как будто произошёл электрический разряд... Возможно, не очень сильный, но... два безжизненных тела тут же рухнули на кафельный пол.

Консьержа за столом не оказалось. Он лежал под ним на обломках стула. Одного взгляда на посиневшее лицо пожилого человека было достаточно, чтобы понять, что с ним не церемонились. Сердце Арсентия сжалось, словно схваченное ледяными щипцами.

– Бегом вверх, – прошептали его непослушные губы, но Андрон уже летел по ступенькам на второй этаж.

Когда Ледовской, задыхаясь от напряжения и быстрого бега, ворвался в студию Бондарева, то сразу же убедился, что ситуация более чем серьёзна. У порога, не подавая признаков жизни, лежали ещё два типа, обездвиженных Андроном, а в помещении витал запах озона. По студии, казалось, прошёл небольшой смерч: по полу разбросаны какие-то бумаги, футляры из-под музыкальных инструментов, створки шкафов были раскрыты. Николай сидел за столом с безучастным, «каменным» лицом. Рядом на полу, сжавшись в комок от страха под нависавшем над ним Андроном, трепетал другой господин, напоминающий своим длинным и широкополым пальто сморщенную поганку в гнилой конусообразной шляпке.

«Слава богу, Николай жив!» – эта мысль заставила ослабить хватку «ледяных щипцов» и сердце Арсентия забило свободно и радостно.

– Что... тут... происходит? – восстановив дыхание, спросил профессор. – Что с Николаем? – задал он вопрос, приближаясь к столику, за которым сидел Бондарев.

– Глубокий транс, – ответил Андрон. – Сейчас я выведу его из этого состояния... Э-э-э, да тут профессионально поработали... – он положил свою ладонь на лоб музыканта. – Похоже, мы успели в самый последний момент!.. Сейчас он придёт в себя.

– А это что за «кающаяся Магдалина»? – взгляд Арсентия словно штыком пригвоздил «поганку» к самому полу.

Тот молчал, не поднимая глаз.

– Это – тоже гомункул, – произнёс Андрон. – Только рангом повыше. На него мои «брызги шампанского» не подействовали, как на тех, – он кивнул головой в сторону поверженных врагов. – Но, при необходимости, я смогу выжечь ему в голове всё содержимое.

Арсентий вновь переключил своё внимание на Бондарева. Взгляд музыканта становился всё более осмысленным. Он узнал Ледовского и улыбнулся ему. Затем обвёл непонимающим взглядом остальных присутствующих.

– Успокойся и ничего не спрашивай, – обратился к нему профессор. – К тебе явились злоумышленники и ввели в транс. Или в состояние гипноза. Судя по документам на столе, ты должен был что-то подписать... И, возможно, уже подписал. Эй, дядя, – обратился он к гомункулу. – Давай, выворачивай карманы и открывай портфель.

Тот сидел, не шевелясь.

– А только что был такой разговорчивый и шустрый, словно солнечный зайчик, – с трудом выдавил из себя Бондарев. – Что-то плел про джазовый фестиваль, все мозги мне... запудрил.

– Давай, не стесняйся, родимый! – Андрон вырвал из рук гомункула портфель, раскрыл его и вынул папку с документами. – Вот, прошу взглянуть... уже заверенный нотариусом отказ от прав на собственность...

– Да это же... – чуть не поперхнулся Николай, – мои земельные участки! – Чтоб ты скис! Так глупо я последний раз выглядел лет тридцать назад, когда пришёл с молодой женой в ресторан, а одна из солисток варьете плюхнулась ко мне на колени и поцеловала в лоб...

– Как видишь, дружище, уже... почти не твои! – произнёс Арсентий. – Теперь они принадлежат некоему ЗАО «Энергетик»... Так что, рви на кусочки эту грамотку!

– Что это за ЗАО? Впервые слышу...

– Ты же знаешь, им придумать новое ЗАО – раз плюнуть. А кому твоя земля перепадёт, об этом ты уже догадываешься...

– Вот, подонки, – процедил музыкант и тяжело вздохнул. – Всё им мало...

– А вот это, случаем, не ваше? – Андрон извлёк из внутреннего кармана пальто гомункула кинжал старинной работы и положил его на стол. – Сидеть! – рявкнул он, почувствовав, что тот пытается сопротивляться. – Иначе сверну шею!

– Голосок у вас, однако... – Николай взглянул на клинок. – Наше! Это моя семейная реликвия! – Он поднялся со стула и подошёл к высокому шкафу со стеклянными дверцами. Раскрыл, выдвинул полку. – Вот тут и лежал... Коллекционируете оружие? – обратился он к молчаливому злоумышленнику.

– Это принадлежит нам, – наконец, соизволил ответить Кушнир. – И не одно столетие. К вам он попал незаконно.

– Как кстати вы вспомнили о законе! – Бондарев вернулся к задержанному.

– Можно я осмотрю клинок? – попросил Ледовской. – Я прежде держал в руках это оружие, но не знал, что к нему проявляют интерес гомункулы...

– Кто? – не понял Бондарев.

– Искусственные люди, – ответил Арсентий. – Я тебе потом о них расскажу. А этот кинжал теперь... лично для меня приобретает иную ценность и... значение!

– Да смотри... – ничего не понял Николай. Он, постоянно, переводил взгляд с профессора на Андрона, а с Кушнира на собственный кинжал.

– Так и есть! Вот здесь выгравирована та самая фраза на латыни... «Magna vi et animiet diabolicaignis! Aeternitatis gloriam!»

– Что она означает? – спросил Бондарев.

– Эта фраза вкупе с известной тебе мелодией вызывает шаровую молнию, которая необходима для создания этих уродов, – кивнул головой на Кушнира и его подручных Ледовской. – Это – не люди, Николай. Это – гомункулы. Искусственно созданные твари... Я тебе позже всё объясню...

– Да уж, будь добр... А то я не знаю, что и думать...

– А этот кинжал, видимо, когда-то действительно им принадлежал... – профессор вернул клинок хозяину. – Но, каким-то образом он... много лет назад попал в руки твоего предка...

– Да, мой прапрадед служил в Посольском приказе Ивана Грозного, – пробормотал Бондарев. – Именно у него и появился впервые этот кинжал... Но, как?..

– Ж-жменя! – процедил сквозь зубы гомункул.

«Мне часто снятся вещие сны. Обычно я вижу будущее, словно проплывающую перед глазами череду фотографий. Сначала они размыты и не отчётливы, но если начать в них всматриваться, то картинки проясняются, я начинаю узнавать местность и людей, подмечаю детали. Чаще всего я наблюдаю трагические события: чью-то травму, страшную болезнь или гибель. Но с этими сведениями нужно быть очень осторожным. За их разглашение полагается наказание. Трудно жить с такой ношей...»

Глава 2. Загадки Андрона

Предчувствие того, что должно произойти что-то дурное, не покидало Арсентия уже несколько дней. Происшествие, случившееся в студии Николая Бондарева, могло вызвать целую череду непредсказуемых событий, однако, ничего катастрофического не произошло.

Поначалу было решено сдать Кушнера полиции, но тот спокойно изрёк:

– Хотите неоправданных жертв? Извольте.

Действительно, гомункулы, чтобы сохранить свою тайну, готовы пойти на крайние меры и устроить настоящую бойню с многочисленными убитыми и ранеными – это вполне в их стиле. Поэтому было решено поступить следующим образом: Кушнер самолично «прибрал за собой». По его команде прибыла группа расторопных и малоразговорчивых помощников, и тела гомункулов очень скоро исчезли в недрах невзрачного грузовичка.

На том они и расстались.

– Я информирую хозяина о том, что объект нашей разработки оказался под защитой кандидата в члены Братства, насчёт которого мы никаких указаний пока не получали, – произнёс напоследок Кушнер, метнув лишённый эмоций взгляд на Андрона.

Несчастливым консержем несколькими минутами позже занялись прибывшие медики и полицейские. Старшему следователю прокуратуры Николаю Сунцову позвонил лично профессор. Он пообещал сообщить ему все подробности происшедшего, но в приватной беседе, учитывая всю щекотливость данной ситуации.

Намного больше времени потребовалось на то, чтобы полностью успокоился и пришёл в себя сам хозяин студии. И дело было даже не в том, что его едва не ограбили и чуть не убили, а в том, что он впервые в жизни «познакомился» с искусственными людьми. И к тому же – открыл для себя неизвестную страничку из жизни своего предка.

– Кто бы мог подумать, – то ли сокрушался, то ли радовался музыкант. – Какие-то поисковики залезают в подвал... где, в общем-то, никаких сюрпризов не предвиделось... и находят старинную рукопись! К счастью, неплохо сохранившуюся... А в этой рукописи упоминания о твоём славном пращуре!

– Это тебе надо благодарить Александра Бударина. Чутьё его не подвело! – рассмеялся Арсентий.

К этому времени друзья немного убрали в студии: сложили разбросанные вещи, расставили музыкальные инструменты по местам, закрыли дверцы шкафов. Здесь, в общем-то, и так никогда не царил образцовый порядок. Но следы «погрома» были устранены.

– Я хочу немедленно прочесть тот документ! – заявил хозяин дома.

Тут Ледовской заметно погрузнел.

– Видишь ли, сама рукопись исчезла. Снимки текста, сохранённые в электронном виде, тоже изъяты. И не обошлось без жертв...

– Опять эти, уроды? Гомункулы?

– Они самые. Теперь им известно, что мы посвящены в их тайну и, думаю, в самое ближайшее время следует ожидать от них ответного хода!

– Как ты говоришь, фамилия того немца?..

– Дитрих Вёллер.

– Но ему-то удавалось как-то противостоять им...

– Некоторое время – да, потом и он укрылся в замке. Если бы гомункулы почувствовали от него реальную угрозу, его бы убрали. И даже не своими руками. При дворе Георга Фридриха тоже орудовали эти... твари. Сын герцога Альбрехта был «записан» в слабоумные, даже в помешанные, а любые попытки опровергнуть эти нелепые слухи сразу же пресекались. Там шла борьба за власть. Затем они получили её и старались удержать в своих руках. То есть, не в «своих», а в руках нужного им человека – своего хозяина. Одно слово – и за Вёллером приехал бы отряд стражников, а там – дело могло и до суда не дойти...

Арсентий не спешил сообщать Николаю, что снимки рукописи прусского врача и дипломата у него сохранились. Ведь никто не знал, что может случиться и с самими копиями, и с их хозяином в самое ближайшее время.

– Значит, – Николай по такому случаю не смог отказать себе в рюмке хорошего коньяку, – мой предок Семён Жменя гулял по этой земле около 450 лет назад...

– Да, и как гулял! – усмехнулся Арсентий. – Не забывай, что отсюда он увёз в Россию невесту – твою прабабку!

– Настоящий казак! – восхищённо произнёс Бондарев.

Некоторое время помолчали. Николай, разумеется, угостил своих спасителей самым душистым кофе и постарался создать непринуждённую обстановку. Но, тревога всё-таки ощущалась. Арсентий так прямо об этом и сказал:

– Я думаю, друзья, что нам надо готовиться к неприятностям... Какой-нибудь гомункул, сидящий в Министерстве внутренних дел поднимет трубку... и нас могут упрятать в психушку...

– Думаешь, они и туда забрались?

– Боюсь, что они везде... Всем нам, включая Сунцова, Бударина и... Овсянникова, всем, кто догадывается или знает о гомункулах, угрожает серьёзная опасность. Нам следует подумать, как её избежать...

– Считаю, что беспокоиться пока рано, – произнёс доселе молчавший Андрон. Арсентий и Николай вопросительно посмотрели на него.

– Опасаться следует тебе, брат, – обратился он к Арсентию. – Гомункулы понесли серьёзные потери. Тебе придётся дать согласие работать на них. Только тогда они оставят всех в покое...

– Но, как я могу...

– Нам необходимо выиграть время. Время, которое потребуется мне, чтобы отыскать и уничтожить их лабораторию.

– Так они оборудуют лабораторию в другом месте... – возразил Бондарев.

– Не думаю, – ответил Андрон. – Здешнее место, я бы так сказал, «освящено» и «намолено» много столетий назад. Возможно, именно с этой целью здесь был основан Королевский замок... И во все времена гомункулов производили именно здесь...

– С чего ты это взял? – недоверчиво спросил Ледовской.

– Я чувствую. Пока не могу объяснить, но чувствую... Ещё я знаю, что в состоянии противостоять гомункулам... Уверен, что обычным людям это не по силам!

Бондарев вопросительно посмотрел на профессора.

– Видишь ли, мой друг... Андрон тоже... не вполне... человек...

– ???

– Я синтезировал его из искусственно выращенных тканей... Собрал, как конструктор «Лего». И оживил, благодаря той музыке, которую записал мне ты... У него необычные способности. Поэтому рекомендую прислушаться к тому, что он говорит...

– Час от часу не легче, – прошептал Бондарев, с интересом поглядывая на Андрона. – У вас, молодой человек, чрезвычайно звучный голос! А если у вас ещё и слух соответствующий... Вам бы в опере петь...

– Споём... когда появится свободное время, – улыбнулся Арсентий. – Кстати, Николай, наш Андрон ничего общего с гомункулами не имеет. – Бондарев понимающе кивнул.

– Ваш кинжал... – между тем, продолжал «синтетический человек», глядя на музыканта, потрясённого в очередной раз, – неспроста их заинтересовал. Здесь, – он взял клинок в руки, – не только магическая надпись. На лезвии отчётливо видны четыре зазубрины возле рукояти. Это – бороздки ключа. Сам кинжал – большой ключ!

С тех пор минула неделя. Иногда Арсентию казалось, что вот-вот раздадутся звонки с угрозами, а из подворотен начнут появляться зловещие фигуры. Но ничего подобного, слава богу, не произошло. Впрочем, Ледовского это не слишком успокаивало. Он знал, что стоит лишь немного расслабиться, как злой рок может сыграть с тобой неожиданную шутку.

В связи с этим ему вспомнился случай из далёкой юности. Однажды в студенческие годы Арсентий со своим дружкой Валеркой ехали в трамвае «зайцами». Такое практиковалось частенько. В восьмидесятые годы билет на этом виде общественного транспорта стоил всего три копейки. Вроде бы немного, но с другой стороны – семь-восемь поездок, и голодные «школяры» могли купить себе свежий батон и бутылку кефира.

Настроение у ребят было под стать погоде, солнечной и тихой. Ничто не предвещало неприятностей. Молодость переполняла их сердца счастьем и беззаботной радостью. Они улыбались друг другу и подмигивали девчонкам.

Но тут в переднюю дверь вагона неожиданно вошла контролёр – женщина-глыба, напоминающая своей перезревшей фигурой глобус. Мрачный наклон головы, тяжело свисающие вперёд руки, широко поставленные и чуть согнутые в коленях ноги. Её тело напоминало машину для прокладывания коридора в толпе, а в каждом движении угадывалась борьба с враждебным внешним миром, жизнь в режиме выживания и добывания. К лицу приросла маска безрадостной озабоченности, имеющая, только два мимических «исхода»: орущий краснолицый гнев и тяжёлое, вязкое расслабление – «отключку». Все мы, увы, хорошо знаем, какая жизнь слепила это покорёженное тело.

Царственно прошествовав по междурядью салона, «дама» добралась до задней площадки, где находились два приятеля, и, упёршись расставленными руками в перила, как ужасное распятое, грозно нависла над ними:

– Чьи это «заячьи» ушки я наблюдаю? – зловеще пробасила она.

Что делать? Ребята с невозмутимыми лицами принялись изображать поиски билетов. Они приговаривали: «Сейчас, сейчас...» и задумчиво похлопывали себя по груди, бедрам и

ягодицам, хотя, например, у Валерки карманов вообще не было. Мощная тётенька молча наблюдала эту сцену и злорадно скалилась. Наконец трамвай остановился.

Арсентий выбрал момент, когда немногочисленные пассажиры вышли, и, проشمгнув под левую руку тётки, кубарем выкатился из вагона. Валерка сразу понял свой «маневр», и попытался нырнуть под правую руку женщины-возмездия. Но тётенька-правосудие уже разгадала их тактику. Она, как заправский борец сумо, мгновенно опустила раскинутые в стороны руки и, выдохнув – «ха!», немного присела. Поэтому Валерка со всей дури врезался головой в её «арбузные» груди и отскочил на прежнее место.

Двери вагона закрылись, а трамвай, покачиваясь, как океанский лайнер, двинулся дальше. Арсентий вяло помахал ему в след рукой и уныло побрел вдоль путей в сторону следующей остановки, в надежде найти там истерзанные останки своего дружка. Через пару минут он увидел, как навстречу ему идёт живой, но ужасно грустный Валерка, наматывая на кулак длиннущую ленту трамвайных билетов. На целый рубль!

Кефирчика в тот день они так и не попили...

Но если та давнишняя история вызывала лёгкую улыбку, то сегодняшняя ситуация, откровенно говоря, совершенно не радовала.

В течение всей недели Арсентий работал на кафедре и занимался с Андроном. Они старались постоянно находиться вместе. Профессор давно позаботился о том, чтобы у его «брата» был пропуск – электронная карта со штрих-кодом, позволяющая беспрепятственно проходить на медфак. Когда Ледовской читал студентам лекции или присутствовал на заседаниях кафедры, Андрон сидел в лаборатории и слушал подобранную для его эстетического самообразования музыку. Иногда он делал записи на отдельных листах бумаги, вырабатывая почерк, много читал, изучая медицинские статьи и исторические документы, словом, даром времени не терял.

Однажды профессор, просматривая записи своего подопечного, обратил внимание на следующие строки:

«...Многое в вашем мире кажется мне странным. Например, почему кондуктора в общественном транспорте всегда такие толстые? Почему они обожают, расталкивая людей, протискиваться в самые узкие проходы? Но и пассажиры не лучше... поступают вопреки всякой логике: с задней площадки обычно выходят в передние двери, а с передней в задние... Или, как сегодня, кондуктор ворчит: «Какая жара... просто Ташкент...», но печку почему-то не выключает... И никто из сидящих в салоне не протянет руку, чтобы открыть форточку...»

«Действительно, почему?» – подумал Арсентий, и уже с явным интересом продолжил чтение.

«...Люди, остановитесь и задумайтесь! Станьте добрей, внимательней и отзывчивей! Ведь, делясь радостью с другими, делая для окружающих больше приятного, принося своей жизнью кому-то пользу, мы становимся несказанно богаче...»

И тогда неожиданная мысль пришла в голову Арсентия: «А ведь «синтетический мозг» работает очень даже недурно: он уверенно и грамотно сопоставляет и анализирует факты, делает верные выводы... И не только это, он – творит!»

Раньше профессор был уверен, что у Андрона нет души... Иными словами, отсутствует та сокровенная и тонкая субстанция, которая заставляет трепетать наше сердце при виде любимого человека, восторгаться красотой родной природы, умиляться игрой котят... Та, что понуждает вопреки инстинкту самосохранения броситься в ледяную воду, чтобы спасти тонущего... или печально склонить голову перед могилой неизвестного солдата... Однако,

какая-то замена нашему сгустку самых прекрасных чувств, именуемых «душой», у него, по-видимому, всё же имеется, но вряд ли это – то самое, за чем испокон веков охотятся слуги Сатаны.

Да, так он думал прежде, но данный «опус» позволил взглянуть на андроида совсем по-иному... Столь необычное воздействие классической музыки, несколько наивные, но удивительные по внутренней силе «пробы пера»... А может быть он, профессор Ледовской, что-то недосмотрел? Надо будет повнимательнее приглядеться к «брату». Вдруг в нём «проснётся» что-то ещё?

– Позволь, любимая, представить тебе своего брата!

Мужчины поджидали Ксению на Московском проспекте, неподалёку от её дома.

– Что-то он совсем на тебя не похож! Ты лысый, а твой братец вон с какой роскошной шевелюрой! – пошутила молодая женщина.

– У него множество и других достоинств: он моложе меня, симпатичней и гораздо талантливее! Его зовут Андрон.

Ксения прыснула:

– Какое редкое имя! Приятно с вами познакомиться, Андрон. Откуда вы появились? Почему раньше Арсентий утаивал, что у него такой замечательный брат?

– А это – Ксения. Самая прекрасная калининградка! Я её очень люблю. О чём ставлю в известность как Андрона, так и саму Ксению!

Молодой человек учтиво поклонился новой знакомой.

– Я это учту! – с радостью в голосе произнесла женщина. – А куда мы сегодня пойдём? Может, посидим где-нибудь?

– Нет, мы пойдём ко мне. Мы с братом приглашаем тебя на ужин. Кстати, готовил сам Андрон. По старинным кулинарным рецептам. Поэтому, если что-то не так, то все претензии прошу адресовать лично ему!

– Страшно интересно! Вы кулинар, Андрон?

– Нет, я только учусь...

– Какой у вас шикарный голос! У меня даже мурашки по коже! И что же вы для меня приготовили?

– Из закусок – холодец с хреном по-царски...

– Вкуснятина, наверное!

– Брат попробовал, я его еле оторвал. А то бы вам пришлось довольствоваться лишь его рассказами...

– А что ещё?

– Тушёная баранина...

– Великолепно! У меня уже слюнки текут!

Так, весело переговариваясь и шутя, они подошли к остановке и дождались свою маршрутку. Прохожие обращали на них внимание и невольно улыбались. От этой троицы явно исходил мощный заряд позитивной энергии.

В морозном воздухе весело кружились лёгкие снежинки. Предновогодняя радость переполняла сердца людей и переливалась через край! Ужасно хотелось какого-то волшебства! И если не сказочных саней с Дедом Морозом и Снегурочкой, то хотя бы светлых, весёлых лиц вокруг, разноцветных огоньков на ёлке и чего-то ещё... того, что когда-то незаметно ушло вместе с беззаботным детством...

Дома Ксению ожидал очередной сюрприз. Передавая в прихожей своё пальто Арсентию, она, конечно, заглянула в комнату. Посреди неё стоял накрытый скатертью стол, на котором уже расположились рюмки, бутылки, ваза с фруктами, блюда с тарелками, а также вилки и ложки на салфетках.

– Так у вас действительно всё уже готово? Какие же вы молодцы!

– Должен признаться, что это брат постарался, – Арсентий изобразил виноватую улыбку. – Он не только знатный кулинар, но и настоящий... дизайнер по обеденным столам!

– Откуда приехало это чудо? – глаза Ксении искрились радостью.

– Вы присаживайтесь, – несколько смущённо произнёс Андрон, – а я сейчас быстро достану холодные закуски и разогрею горячее.

– Такое впечатление, что сегодня самый настоящий праздник! Какое сегодня число? Новый год ещё не начался?

– Католическое Рождество, – улыбнулся Арсентий. – Когда ты, дорогая, заходишь в этот дом, у меня всегда праздник!

– Ну вот, то он пропадает где-то месяцами, что даже не знаешь, о чём думать, то устраивает торжественный приём! И давно у тебя живёт брат? Где он был прежде?

– Я потом тебе всё о нём расскажу.

Андрон внёс блюдо с застывшим холодцом, обильно посыпанным зеленью.

– Прошу резать и накладывать в тарелки!

Арсентий включил музыку, сделал звук таким, чтобы он не мешал беседе.

Ужин начался в шесть вечера.

Ближе к девяти Андрон собрался уходить.

– Куда же он на ночь глядя? – спросила Ксения у Ледовского. – Ему хоть есть, где переночевать?

– Конечно, есть, – ответил Арсентий. – Иначе бы я его оставил у себя.

– Не волнуйтесь, Ксения, – отозвался новый «родственник». – Я обитаю в небольшой, но уютной квартирке. Уверяю вас, мне там скучно не бывает!

– Точно? – глядя в глаза Андрона, женщина уловила в них потаённую грусть.

– Он всегда говорит только правду! – подтвердил Ледовской. – Отзовись мне, как доедешь. Завтра увидимся.

Андрон натянул на себя куртку, нахлобучил шапку. Движения его были не такими отточенными, как обычно. Не будь он «синтетическим человеком», профессор решил бы, что его «брат» нервничает и отчего-то медлит.

– Я позвонил охране, – сказал Ледовской на прощание. – Проблем не возникнет. Скажешь, что идёт эксперимент и ты намерен контролировать его ход. Будь уверенней... Извини, не очень хорошо с моей стороны выдворять тебя на улицу...

– Да о чём ты? Я же всё понимаю... У вас, людей, свои причуды и мне об этом известно. За меня не беспокойся. Я обязательно позвоню, как буду на месте! – и он шагнул за дверь.

– Ушёл? – спросила Ксения, когда Арсентий вернулся.

– Ушёл...

– Мне даже неудобно, – тихо прошептала женщина, прижимаясь к любимому человеку. – Выставить его на улицу, словно куклу...

– Он и есть кукла, милая, – ответил Ледовской.

– Как ты можешь так говорить о брате? – возмутилась она.

– Он – не человек... Это – моё изобретение, моё открытие, мой... продукт! Или изделие, если хочешь...

Ксения чуть-чуть отстранилась от Арсентия.

– Ты хочешь сказать, что тебе удалось... синтезировать его? – спросила она и тут же начала искать в его взгляде намёк на шутку. – Ты же уверял, что выращиваешь только отдельные органы...

– Да, милая, – вновь привлёк её к себе Арсентий. – И из этих органов мне удалось... скомплектовать... данный организм... Это – «искусственный человек». Или – андроид. Я решил представить его тебе для того, чтобы ты смогла сама определить, что он – не... настоящий.

– Ты что? Он без сомнений – обычный живой человек!

– Уверяю тебя, что нет! – повысил голос профессор.

На стене мерно тикали ходики. Арсентий всегда отдавал предпочтение обычным «ходикам» со стрелками, считая электронное табло холодным и бездушным. Хотя и эти, висящие над столом часы, работали от батарейки и были попросту выполнены «под старину», только в пластмассовом корпусе, но они создавали в комнате определённый уют и радовали глаз и слух профессора.

– Давай убирать со стола, – еле слышно произнесла Ксения.

На некоторое время мысли об искусственно созданном «брате» Арсентия отошли на второй план. Но уже ночью между мужчиной и женщиной вновь зашёл разговор о нём.

– И всё-таки странно, – прошептала Ксения.

– Что странно, милая?

– Почему ты считаешь, что он – не человек... Он смотрел на меня такими глазами...

– Наверное, потому что я посоветовал ему подольше задерживать взгляд на женщинах... Чтобы быть естественнее... Мне бы не хотелось, чтобы сразу бросалась в глаза его «синтетическая» натура.

– Нет, – тихо произнесла она. – Это было совсем другое... А как он отреагировал на стихи Федерико Гарсиа Лорки, Франсуа Вийона и Сергея Есенина?... Я уверена, что он всё очень тонко чувствует!

– Ты просто выдумываешь. В нём этого не было заложено...

– Ты что, не веришь в женскую интуицию?

– Верю, очень верю, – он поцеловал Ксению. – Но тут, мне кажется, ты сильно преувеличиваешь...

– А слёзы в нём заложены?

– Нет, только специальный состав для увлажнения глазных яблок...

– Так вот. Я видела, как он плакал. То есть, слёз не было, и улыбка играла на губах...

Но глаза – плакали...

«Ощущения... Приятные, нейтральные и страшные... Они появляются и исчезают. Они пробуждают эмоции и чувства. Случается, что невпопад... Иногда возникает ощущение чего-то тёплого, мягкого и родного. А когда осмотришься, то понимаешь: надо бежать и спасаться»...

Глава 3. Предновогодние страсти

В этот день 26 декабря был выходной. Арсентий проводил Ксению до остановки, поцеловал на прощание в щёку и отправился в университет. Они договорились созвониться ближе к вечеру и обсудить планы на ближайшие предновогодние дни. В ожидании автобуса женщина достала телефон и набрала свой домашний номер.

– Здравствуй, мама! Как у вас дела? Все ли здоровы?

– Дела, как сажа бела, – ворчливо ответила пожилая женщина. – Всё нормально. Дети балуются, конечно. Сейчас я им завтрак готовлю. А ты уже едешь?

Мать Ксении, конечно, не могла одобрить такое «нескромное» поведение дочери, хотя всё прекрасно понимала. Всё, кроме одного – раз есть любовь, значит, надо создать семью! А так, бегать на свидания и смешить соседей, это – не дело. Не по-христиански как-то... Дети растут, им отец нужен... Не важно, что избранник крупный учёный, человек занятой и ни к чему, кроме науки, не приспособленный. Зато порядочный и уважаемый мужчина. А то, что немного «не от мира сего», так и это – не беда. Просто, холостяцкая жизнь никого до добра не доводит...

– Вот, жду транспорт... – между тем продолжала разговор Ксения.

– Ты бы сходила с мальчишками куда-нибудь. Съездили бы в парк, что ли, на аттракционы...

– Да, конечно. Обязательно съездим, если погода позволит.

Было ещё темно, на остановке стояло всего несколько человек. Фонари буравили густой мрак своими жёлтыми глазами, крупные хлопья снега, подхваченные волнами ветра, начинали свой очередной «штурм». Ощущалось некоторое потепление, мороз больше не жалил щёки своими иглами, зато поднялся ветер, и воздух насытился влагой...

– И на рынок надо съездить... К Новому году прикупить чего-нибудь, – напомнила мама.

– Конечно, съездим... Вон, мой автобус подходит. Через полчаса я буду дома...

В этот момент прямо перед ней остановилась машина, у которой распахнулась задняя дверь. И тут же за спиной слышались быстрые шаги. Не успев сообразить, что к чему, Ксения почувствовала, как её грубо и сильно схватили за руки и потащили в сторону автомобиля.

– Что вы делаете! – в страхе закричала она, но сопротивляться двум сильным мужчинам Ксения не могла. Они впихнули её на заднее сидение, уселись по бокам и захлопнули дверцы. Машина тронулась.

– Что это значит? Немедленно выпустите меня!

– Заткнись, – прошипел ей в ответ тип справа. – Будешь кричать – перережу горло. Будешь паинькой – останешься цела. – И в салоне тускло сверкнуло лезвие ножа.

Арсентий вошёл в лабораторный «отсек» и, как обычно, мысленно поприветствовал Пирогова. Андрон сидел за столом и что-то писал. Увидев «брата», поднялся ему навстречу.

– Биореактор полностью загружен, идёт процесс формирования микрососудистой основы, – по-военному доложил профессору андроид. – Все параметры занесены в журнал наблюдений.

– Отлично. Вижу, на тебя можно положиться.

Он снял куртку, повесил её в шкафчик. Затем подошёл к столу.

– Творишь? – спросил Ледовской, увидев целую стопку исписанных листов.

– Да так, немного... Хочу выработать свой собственный стиль и почерк, а то твоим писать как-то... неудобно... Мне не нравится быть подражателем. Хочешь чаю?

– Да, с холоду не мешало бы... Можно взглянуть?

– Конечно, посмотри. А я заварю чай... Ксения ушла?

– Да. Кстати, как она тебе? – на первый взгляд, вполне буднично спросил Арсентий, выбирая лист бумаги, на котором совершенно незнакомым ему почерком было написано небольшое «произведение».

– Я не понял...

– Ну, в смысле: она тебе понравилась?

Андрон налил в чашку кипятку, бросил туда пакетик с чаем и два кусочка сахара.

– Понравиться может фильм... блюдо... пейзаж... иное произведение искусства... Или одежда... Но человек? К человеку можно чувствовать симпатию или антипатию, – впервые Андрон не отвечал чётко и кратко, а рассуждал, подыскивая подходящие слова. – А Ксения... Это – величайшее творение... Береги её, брат.

«Вот даже как... подумал Арсентий. – А ты, братец, заметно повзрослел...»

Он отхлебнул горячего чаю и углубился в чтение.

«Утро последнего дня.

Город, над которым никогда не было радуги.

Солнца нет, надежды тоже нет и уже ничего нельзя изменить.

Между столбами потрескавшихся высоток огромными черными кулаками протискиваются рваные тучи. Вот-вот полетят на дырявые крыши шипящие слюни кислотного дождя.

Душный зловонный ветер шелестит пластмассовыми листьями сколиозных деревьев. Гигантской обрызганной медузой расплзается по узким улочкам ядовитый смог.

Редкие пешеходы кажутся механическими куклами среди бесконечного потока злобных и прожорливых тварей – автомобилей, чавкающих по разбитой дороге, а нахохлившиеся большие птицы – грязными кляксами вокруг переполненных мусорных баков.

Если задрать голову вверх, то, кажется, что пространство искривляется, и многоэтажные коробки домов нависают, плющат и вминают вас в нагретый пластилиновый асфальт. Но лучше этого не делать.

Безразличным людям уже все равно: они смотрят только себе под ноги, чтобы в очередной раз не наступить на какую-нибудь мерзость.

Они давно ничего не чувствуют и не слышат друг друга. На первый взгляд – люди, а приглядишься – просто тени...

Они едят то, что им дают и одеваются на распродажах... Когда спотыкается и падает их малыш, они закрывают глаза, а не протягивают руки...

И теперь, лишь худенький лысый мальчик в инвалидной коляске, удивительно похожий на меня, выбрался на свой балкон, чтобы поглазеть на очередной конец света...

Утро последнего дня.

Город, над которым никогда не было радуги...»

Арсентий отставил в сторону чашку и закрыл глаза. «Боже мой, – подумал он. – Что же я наделал»...

Он был уверен, что с такой безысходной щемящей тоской может писать только человек. Причём, далеко не каждый.

– Ну, как? – спросил Андрон.

– Довольно грустное откровение, – после длительной паузы ответил профессор. – Интересно, отчего так?

– Наверяло, – уклончиво ответил «синтетический человек». – Ты чем сегодня думаешь заняться?

Ледовской собрался было ответить, да его прервал телефонный звонок. На экране высветился незнакомый номер. Сердце отчего-то тревожно ёкнуло.

– Здравствуйте, Арсентий Александрович! – вкрадчиво прозвучал уже ставший знакомым голос. – Вы преподнесли нам очень неприятный сюрприз. Поздравляю вас с недавней славной победой и с удивительным научным открытием...

– Спасибо... – сдержано ответил Арсентий.

– Отчего же вы не веселы? Понимаю: устали вести «двойную» игру. Но пришло время открыть ваши карты.

Ледовской молчал.

– Теперь у вас действительно появился защитник... Bravo, профессор! Но от серьёзного разговора вам всё равно не уйти. Ваш «братец» тоже уязвим, и мы без труда можем его уничтожить. – Арсентий взглянул на Андрона. Тот всё слышал. – Но, чтобы вы впредь были более благоразумны, мы прибегли к другой крайней мере... Ваша подруга у нас, Ледовской! В данный момент она находится в состоянии медикаментозного сна. Накачана наркотиками... Вы знаете, к чему это может привести...

Арсентию показалось, что кто-то перекрыл ему воздух.

– Но её ещё можно спасти. И мы будем стараться не причинить ей неоправданного вреда. От вас же требуется только одно...

– Я согласен, – выпалил Арсентий. Андрон одобрительно кивнул головой. – Я готов приступить к работе хоть сейчас! Только отпустите Ксению!

– Хорошо. Мы, конечно, отпустим её. Но не сейчас. Ждите нашего звонка. И прошу вас, не делайте глупостей...

Абонент отключился.

– Николай Андреевич, это – Ледовской.

– Здравствуйте, Арсентий Александрович. Случилось что-нибудь? – даже по телефону можно было понять, что Сунцов насторожился.

– Случилось.

– Вы по поводу того нападения, что произошло в студии Николая Бондарева?

– Да. И не только. Я в тот раз вам не всё рассказал. А тут ещё... нагрянула беда. Похитили человека... Мне необходимо с вами встретиться. Срочно.

– Хорошо. Вы можете сейчас ко мне подъехать?

– Нет, будет лучше, если мы все соберёмся вечером в клубе краеведов. Все – это люди, которые... знакомы с обстановкой, то есть, в курсе последних событий.

В клубе калининградских краеведов в этот день было пустынно. Но, за закрытыми дверями кабинета Авенира Овсянникова несколько человек уже целый час что-то обсуждали, иногда горячо споря, да так, что их голоса с третьего этажа доносились до охранника, расположившегося на первом. «Вот же смешные люди, – думал пенсионного возраста мужчина, попивая горячий чай. – К Новому году надо готовиться, ёлки наряжать, всякими

вкусами холодильники затаривать и подарки родным присматривать. А эти не на шутку разошлись и расшумелись...»

– Теперь вы, друзья, посвящены во все детали... – говорил Ледовской. – Вы знаете, что рядом с нами живут гомункулы – злобные и бездушные создания, бесстрастно выполняющие любые, даже самые преступные приказы своих хозяев. Я бы сказал, что над нашим миром и цивилизацией нависла серьёзная угроза, ибо... эта ситуация длится уже многие столетия и роль отдельных... особей этого «семейства» пагубно сказалась на всемирной истории... Проблема усугубляется ещё и тем, что любой здравомыслящий человек поднимет вас на смех, если вы прямо ему об этом скажете. А с другой стороны, если общество нам поверит, то это может вызвать всеобщую панику, подозрительность и даже расправы. Среди нас находится старший следователь прокуратуры, который в течение пятнадцати лет был вынужден в одиночку хранить эту тайну и... по крупицам собирать своё собственное... досье!

Но мы можем и должны противостоять этому губительному нашествию. Дело в том, что совсем недавно стало известно о продолжающемся «воспроизводстве» гомункулов на территории нашего Калининграда! А точнее, в старинных кёнигсбергских подземельях. Где-то там у них оборудована лаборатория, которая уцелела после жестоких бомбёжек города в период Великой Отечественной войны и продолжает успешно функционировать! – Ледовской сделал паузу, выпив залпом стакан минеральной воды. – Ещё недавно мы были вынуждены бессильно разводить руками, не имея понятия, что нам следует предпринять, где и как вести поиски... Для вас, конечно, не секрет, какой важной проблеме была посвящена моя научная деятельность – я выращивал искусственные человеческие ткани, способные стать донорским материалом... Так вот, мне удалось соединить выращенные органы в единый организм и... оживить его. Николай Бондарев – свидетель тому, что синтетический гуманоид действительно существует и обладает широчайшим диапазоном возможностей, во многом превосходящим наши человеческие. Я считаю, что мой бионический человек вполне способен уничтожить подземный цех по производству гомункулов, а также истребить этих... тварей в любом количестве!

Я же... попал под пристальное внимание некоего Братства, заинтересованного в восполнении популяции гомункулов. Они вынуждают меня вступить в их... тайное сообщество и работать в этом направлении. Я пытался выиграть время, хитрил и отнекивался, как мог... Но сегодня они похитили мою... невесту и я не сомневаюсь, что их намерения выходят за рамки простых угроз. Я вынужден согласиться на их требования и, возможно, в ближайшее время стану недоступен для привычного общения с вами, друзья... Но, несмотря на реальную угрозу жизни, я всё же надеюсь выиграть в этом противоборстве. В чём рассчитываю на вашу поддержку и помощь моего андроида.

В разговоре наступила тревожная пауза.

– Да, ситуация... – проговорил Овсянников, открывая бутылку минеральной воды. – Ни за что бы не поверил... Впрочем, как и вы, Арсентий, когда мы вас предупреждали о чём-то подобном... Месяца три назад.

– Кто же мог тогда предположить такое развитие событий, – с горечью отозвался Ледовской.

– Я, друзья, подтверждаю, – произнёс Бондарев, – что мне довелось лицом к лицу столкнуться с этими самыми гомункулами. И с «синтетическим гуманоидом» Арсентия. Этот парень, скажу я вам, силён! И самое главное – его не отличишь от обычного человека!

– Но где же он? – спросил Бударин. – Предъявите нам его! Мы убедились в том, что гомункула можно... нейтрализовать с помощью электрошокера... А если к нам присоединится такой мощный боец, как андроид, то мы многое сможем сделать!

– И правда, почему вы не привели его к нам? – подхватили остальные члены собрания.

– Он... вышел на охоту, – ответил Арсентий.

– На кого? – спросил Сунцов. – На гомункулов?

– Да, и обещал добыть сведения о Ксении... О том, где и в каких условиях её содержат. Я не смог его удержать, но мы договорились о том, что он мне позвонит или придет прямо сюда!..

– И как давно он... охотится? – поинтересовался Сунцов.

– Около двух часов, – ответил Арсентий. – И в самое ближайшее время должен вернуться.

– Выходит, – произнёс старший следователь, – прежде чем принимать какое-либо решение, мы должны дождаться вашего... андроида...

– А скажите, – обратился Бондарев к Овсянникову и Бударину. – Существуют ли какие-либо ворота в подземные... кварталы нашего города? Насколько они... доступны и безопасны?

– Видите ли, – ответил Александр Валерьевич, – когда у нас рассуждают о подземном Кёнигсберге, то иногда впадают в крайности. Некоторые утверждают, что он есть, и достаточно лишь найти вход. Но наш профессиональный фортификатор, полковник инженерных войск, Авенир Петрович, напротив, уверен, что под нами нет ничего особенного, а существует лишь сеть инженерных коммуникаций.

Овсянников при этих словах энергично закивал.

– Думаю, что на самом деле истина где-то посередине, – закончил Бударин.

– В нашем понимании «сеть» – это связанные друг с другом, пересекающиеся на различных уровнях ходы, – продолжил Овсянников. – В действительности, такой связанной сети подземелий нет. Если не считать район Королевского замка – именно он выступает центром, и существуют тоннели, которые отходят от него по топологии «звезда». Немцы умели работать с различными грунтами и не боялись строить коммуникации даже под реками, особенно с появлением бетона. Кстати, где-то у меня есть карта таких ходов. – Он встал с кресла, подошёл к стоящему в углу кабинета сейфу, открыл его и извлёк свёрнутый в рулон план. – Вот, недавнее наше «творение». Сведения мы собирали буквально по крупицам...

Он развернул лист ватмана формата А2.

– Если говорить о Замке, то, по нашим подсчётам, из него ведут четыре хода. Один идёт в сторону Преголи, другой — на запад в сторону горы Рольберг, это нынешняя улица Коперника. Я сам видел промежуточный спуск в этот ход. Ещё один тоннель идёт в сторону Альтштадтской кирхи, он выходил из северного крыла замка. И четвёртый – в сторону Лёбенихтской кирхи, на восток. Они были секретными, на случай осады, бунта или военных действий. Почти все средневековые замки, особенно Тевтонского ордена, имеют такие ходы, и в этом ничего нового нет.

– Но где нам искать эту чёртову лабораторию? – тихо проговорил Бондарев.

– Интересен ещё колодец, – продолжал Авенир Петрович, – который был в центре замкового двора. Эта шахта описана со слов наших военнослужащих, которые обследовали её в 1945 году. Они спустились на глубину тридцати метров по наклонному кирпичному

ходу и попали на пятиугольную бетонированную площадку. В каждой стене была дверь и какие-то краны, рукоятки, а в полу – люки... Неизвестно почему, но они решили начать обследование с пола, открыли люк, а оттуда хлынула вода. Военные едва успели спастись, а этот колодец больше не обследовался.

– Но лабораторию, видимо, не затопило... – заметил Сунцов.

– Похоже на то, – Овсянников тоже осушил стакан минералки. – А вот когда строили Дом Советов, также обнаружили подземный кирпичный лаз, но, чтобы он не мешал стройке, решили его замуровать. А потом провалилась свая почти на двенадцать метров! Собрали совещание с участием отдела строительства горисполкома. Решили отступить при забивке свай на несколько метров в сторону, а изучение подземелья оставить потомкам. Так и написано в стенограмме этого совещания: «Обследование подземелья оставить потомкам».

– И, похоже, наше время пришло, – вздохнул Арсентий Александрович.

– К большому сожалению, у нас существует какая-то не совсем понятная тенденция к засекречиванию подобных объектов, – посетовал Бударин. – Поисковиков буквально связывают по рукам и ногам разного рода инструкциями и запретами...

– Очень важно при расследовании особенностей нашего подземного города отличать правду от вымысла. Легенды хороши для привлечения туристов, но меня интересует правда... – закончил свою речь Авенир Петрович.

Возникшая на некоторое время в кабинете тишина была прервана быстрыми уверенными шагами, доносящимися из коридора. Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился молодой, пышущий здоровьем парень лет тридцати, в густой шевелюре которого поблёскивали тающие снежинки.

– Позвольте представить, это и есть Андрон, – радостно воскликнул Ледовской, вскочив со стула. – Мой названный брат, человек... с выдающимися способностями!

Вслед за профессором вскочил Бондарев и кинулся пожимать Андрону руку.

– Так вы и есть тот самый истребитель гомункулов? – подошёл к «синтетическому человеку» Александр Валерьевич. – Приятно познакомиться. Бударин.

– Мне брат много о вас говорил, – ответил с дружеской улыбкой Андрон. – Ведь из-за вашей находки и заварилась вся эта каша...

– Да уж, никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь, – немного смутился «начальник поисковиков».

– Не расстраивайся, – хлопнул по плечу Бударина Николай Бондарев. – Ты – молодец: нашёл поистине драгоценные документы! А с гомункулами мы непременно справимся. Правда, Андрон?

– Вне всяких сомнений!

– Я не верю своим глазам, – произнёс потрясённый Сунцов. – Вы и впрямь... человек... из «синтетики»?

– Да, – кивнул головой Андрон. – Но, заметьте, – он поднял палец вверх, – из высококачественной органической синтетики!

– Подумать только, – произнёс озадаченный Авенир Петрович. – Я уже начал думать, что меня невозможно чем-либо удивить... Проходите, молодой человек! – пригласил он к столу вошедшего. – Мы как раз рассуждаем о поиске таинственной лаборатории.

Видя умоляющую гримасу Ледовского, Андрон коротко ему ответил:

– Правильно. Она как раз в подземелье...

– Как ты узнал? – живо заинтересовался профессор.

– Гомункулы поведали, – ответил ему «брат». – Найти их не составило труда. Я знал, что они следят за тобой. Над некоторыми из них, как выяснилось, я имею власть. Те же, кто не захотел сотрудничать... восстановлению не подлежат!

В кабинете тотчас сменилась «атмосфера»: вместо напряжённой, тревожной и тягучей она сделалась дружественной и непринужденной.

– Вы, я вижу, изучаете подземные ходы, – склонился над картой Андрон.

– Да, но эта карта не даёт исчерпывающей для поисков информации...

– Конечно, но если её немножко дополнить, – Андрон взял со стола чью-то авторучку и аккуратно пририсовал на карте небольшой квадратик.

– Что это? – спросил Овсянников.

– Это дом, расположенный по улице Сергеева 2. Бывший «Гранд Отель». Он находится на берегу Нижнего пруда...

– Да, нам известно, что на его фасаде долгое время висела табличка, утверждавшая, что в нём якобы останавливался Маяковский, когда бывал в Кёнигсберге. Но потом выяснилось, что дом построен только в 1929 году, а Маяковский приезжал раньше.

– Что в нём находится сейчас? – спросил Андрон.

– Куча мала из всяких фирм и фирмочек, включая магазин «Рыболовные товары» и краеведческий кружок... – ответил Бударин.

– Вы видите, – продолжил Андрон, – что дом расположен как раз над подземным ходом, ведущим из северного крыла Замка. Так вот, в подвале этого дома есть дверь с надписью: «Электрощитовая. Вход строго воспрещён!»...

– Неужели... – пробормотал побледневший Ледовской.

– Да. Это – замаскированный вход в подземный тоннель. Он тщательно охраняется гомункулами. Вот это и есть ворота в интересующее нас подземелье! Что нам предстоит проверить в самое ближайшее время.

В кабинете наступила тишина. Длилась она ровно минуту.

– Я дам любые санкции на вторжение в это... змеиное гнездо, – отчётливо произнёс Сунцов. – Потребуется они или нет, но всё будет сделано на законных основаниях!

Охранник на первом этаже отметил, что приутихшая было за последнюю четверть часа обстановка наверху вновь заметно оживилась. «И чего только людям дома не сидится! Ладно у меня служба такая... А им-то что? Шумят, бузят... Краеведы, называется... Поди, выпивают?..»

Когда совещание закончилось, и был выработан план дальнейших действий, Авенир Петрович подошёл к Ледовскому, пожал ему руку, потом обнял и, покосившись в сторону Андрона, тихо сказал Арсентию:

– Профессор, а ведь вы – умница!

«Для каждого человека или животного существует определённое пространство, в котором он чувствует себя безопасно и комфортно. Если это жизненное пространство расширяется, появляется ощущение потерянности, неуверенности и даже страха. Если же оно сужается, то возникает раздражение, беспокойство и тревога, перерастающая опять же в страх...»

Мне иногда кажется, что это чувство – главный признак того, что ты живёшь»...

Глава 4. Спуск в подземелье

После совещания Андрон выразил желание отправиться в подземелье.

– Когда?.. – спросил Сунцов.

– Немедленно. Гомункулы там прячут женщину... Нельзя терять ни минуты!

Сунцов предложил для спасательной операции привлечь и своих оперативников.

– Вы что, Николай! – воспротивился Андрон. – Гомункулы будут стоять насмерть! В любой момент вход в подземелье может быть взорван или затоплен! Нет уж, позвольте мне действовать одному!

– Он прав, – поддержал «брата» Арсентий. – У него это лучше получится.

– Я буду действовать осторожно. Единственное, что мне понадобится, так это – кинжал.

– Какой кинжал? – не понял Сунцов.

– Мой, – ответил Бондарев. – Поехали, друзья. Я передам Андрону нашу фамильную реликвию, пусть через столетия она вновь послужит доброму делу. Мой далёкий предок был бы очень рад, узнай он, что его подарок нашёл в наше время достойное применение!

Ксения очнулась от холода. Всё её тело ныло, скованное ледяными тисками, а голова гудела, словно колокол после тяжёлого удара. Сразу возникло тревожное, щемящее чувство: «Где я? Что со мной?..»

Память «предоставила» обрывочные и разрозненные воспоминания о событиях последнего дня... Ей угрожали, её похитили! Зачем? За что? Боже, а как же дети?!

И отвратительный запах исходящий от чего-то... находящегося совсем рядом... Она попыталась пошевелить рукой, затем ногой, приподнять голову... С трудом, но ей это удалось. Она не связана – это хорошо. Но вокруг – крошечная тьма. Чувство ужаса ледяной змеей вползло в её сердце. Ксения поняла, что лежит на каменном полу. Приподняла левую руку, та упёрлась в шероховатую, влажную стену. Женщина попыталась сесть – какая-то лохматая тварь, по-видимому, крыса, сидевшая у неё на груди, с писком бросилась прочь, коснувшись лысым хвостом носа и губ... От отвращения и страха Ксению едва не вырвало: Вот, оказывается, откуда этот гнилостный запах... Держась за стену, она начала подниматься на ноги, стараясь не думать о хищных и мерзких обитателях её темницы...

Андрон вошёл в здание, расположенное по улице Сергеева 2. Короткое фойе, заканчивалось турникетом с двумя сидящими возле него охранниками. Требуется пропуск... То, что это гомункулы, «синтетический человек» определил сразу. Те тоже почувствовали, что перед ними – существо, выше их по рангу и способностям.

Обычному человеку потребовалось бы некоторое время для размышлений: следует ли нейтрализовать гомункулов сразу или сначала выведать у них сведения о расположении входа в подземелье. Андроиду же бросилась в глаза висящая схема эвакуации имущества из здания во время пожара. На плане отчётливо была обозначена электрощитовая, обведённая жирным чёрным прямоугольником. Дальнейшие его действия были подчинены точному математическому расчёту целесообразности того или иного поступка. По времени это заняло меньше одной миллисекунды. Резкий взмах двух рук, короткие вспышки электрических разрядов... Ключи от электрощитовой нашлись в кармане одного из гомункулов. «Охрана

иногда тоже спит на посту», – такая фраза возникла в сознании андроида, когда он перелез через турникет и отправился в сторону нужного объекта.

Заветное помещение отыскалось в конце коридора, пройдя по которому, следовало повернуть направо и спуститься на десять ступенек вниз. По краям обитой металлом двери висели два электрических щита с соответствующей маркировкой. На самой двери находилась устрашающая табличка: череп со скрещенными костями и надписью: «Высокое напряжение! Опасно для жизни! Вход строго воспрещён!». Не раздумывая ни секунды, Андрон воспользовался ключом и открыл дверь. За ней тоже был узкий, тёмный и извилистый коридор. Прислушавшись и не уловив никаких признаков опасности и погони позади себя (народ не слишком «ломился» в данное здание), он вошёл, плотно прикрыв за собой дверь и направился по коридору. После двух поворотов направо и налево начался довольно крутой спуск вниз: два пролёта по двадцать ступенек. Здесь стены были уже не из бетона. Просматривалась каменная кладка, что указывало на древность сооружения. Коридор заканчивался ещё одной дверью. То, что это именно дверь, а не выложенная из камней стена, Андрон «ощутил» своим сверхчувствительным сканером, «угадавшим» пустоту за тонкой перегородкой. Ни ручек, ни замочных скважин... Кромешная тьма...

– Здравствуйте, Арсентий Александрович.

– Приветствую вас.

– Если ничего не изменится, завтра вы дадите клятву на верность Братству и сразу же приступите к своим обязанностям. Ваша подруга будет освобождена.

– Рад это слышать.

– Поверьте, если бы не ваша деятельность, продемонстрировавшая вызывающее пренебрежение к нашим предложениям, нам не пришлось бы прибегать к столь устрашающим методам. Я надеюсь, что впредь вы будете благоразумны в поступках, а мы не отказываемся от тех бонусов, которые посулили вам. Напротив, если ваш... искусственный человек окажется полезен нам, вас ждут небывалые привилегии! Вы уже присмотрели себе квартиру? Или предпочитаете особняк? Выбирайте. Мы предоставим вам машину с личным водителем, у вас будет охрана, которая обеспечит безопасность. Вашу и ваших близких. И это – только на первых порах. В дальнейшем всё будет ещё лучше. Для нас нет ничего невозможного. Впрочем, лучший подарок для вас – это, наверное, реализация ваших теорий и дальнейшая плодотворная работа на благо человечества... Ибо, как говаривал Иисус, «много званых, да мало избранных». А вы избраны...

«Моя интеллигентность и деликатность закончились там, где началось ваше хамство и жестокость!» – думал в эти минуты Арсентий.

«Плачь – не плачь, это делу не поможет», – решила Ксения, вытирая слёзы. К тому же, они мешали ей сосредоточиться. Да и «запас» их не бесконечен...

Пытаясь сориентироваться, женщина наощупь пошла вдоль стены. Вскоре она поняла, что находится в квадратном помещении, в котором имеется дверь с маленьким зарешёченным окошком. Пять шагов – длина каждой стены. Настоящая камера... И совершенно пустая. Был бы хоть какой топчан, чтобы на него присесть, а не падать на холодный жёсткий пол...

Подойдя к двери, она прислушалась. Ей почудилось, что из окошка едва заметно повеяло ветерком. Иногда казалось, что там, во тьме происходит какое-то движение.

– Эй! – громко позвала она. – Я здесь! Выпустите меня! – И нанесла несколько ударов по тяжелой железной двери, но только отбила кулачки.

«Кто же они, её похитители? Чего добиваются? И где она находится? Похоже, в каком-то подвале...» – Ответа не было, и слёзы вновь потекли из глаз. Ксения вцепилась пальцами в решётку и зашептала во тьму:

– Помоги мне, Господи... Спаси и сохрани! Вызволи отсюда, отведи беду!

Молитв она не знала, но считала, что слово, исходящее из души, должно помогать не хуже любых заклинаний...

Андрон легко ориентировался в темноте. Профессор «наделил» его глаза прекрасным зрением во тьме. Андроид прикоснулся ладонями к поверхности стены-двери... Действительно, за нею угадывалось пустое пространство... Но, как туда попасть? Пожалуй, его сил хватит, чтобы проломить её, но это – на крайний случай. Ведь для разрушения кладки, не достаточно лишь долго бить в одну точку! Эту точку ещё предстоит правильно выбрать, а прежде необходимо хорошенько подумать головой!

Его глаза методично сканировали каждый сантиметр загадочной стены...

И вот оно! Узенькая щёлочка, высотой примерно тридцать и шириной около трёх миллиметров, в правом верхнем углу... Чем не замочная скважина? К счастью, ключ у него с собой! Андрон достал кинжал Николая Бондарева, и осторожно просунул его лезвие в щель. Как только клинок вошёл весь, по самую рукоятку, послышался лёгкий металлический щелчок. Стена медленно, со скрипом поползла в сторону.

Будь Андрон обычным человеком, можно было бы написать в красках о том, как часто забило его сердце, когда перед ним открылся широкий проход, с какими чувствами он пустился в дальнейший путь. Но, мы не можем знать, что ощущал андроид, существо, не обладающее душой. Пересиливал ли он страх, или тот был ему неведом? Что влекло его в опасную кромешную тьму: чувство долга, необходимость выполнить приказ своего Создателя или острое желание помочь другому человеку?.. Женщине, являющейся «величайшим Творением»... Лицо его не выражало эмоций, оно оставалось бесстрастным, лишь глаза слегка светились в темноте: так всегда бывало, когда он немного «волновался»... Пол узкого коридора вёл под уклон, в направлении, как определил Андрон, строго на юг, в сторону бывшего Замка. До его сохранившегося основания меньше километра. И где-то там должна находиться лаборатория...

Но, как ему найти здесь Ксению?

– Арсентий Александрович, я подготовил две боевые группы... – тараторил в телефонную трубку Бударин.

– Дорогой Александр Валерьевич, уверяю вас, что на данном этапе в них нет необходимости!

– Мы закупили десяток электрошокеров... Они прекрасно зарекомендовали себя в борьбе с гомункулами!

– Товарищ подполковник! – профессор перешёл на официальный тон. – Не делайте глупостей! То, что удалось с подмастерьями, может сыграть с вами злую шутку при встрече с мастером или просветлённым! Вы рискуете жизнью молодых ребят, не забывайте об этом! – И уже спокойнее: – Шокеры – это неплохо, но их лучше использовать в качестве самозащиты, а вы, как я понял, готовите настоящие штурмовые отряды!

– Несколько увлётся, каюсь... Но не могу же я сидеть сложа руки! Как представлю себе эти мерзкие рожи!..

– Не нужно бежать впереди паровоза, Александр. Андрон и без вас справится...

– Вы уверены?

«Я очень надеюсь...» – подумал Арсентий, но вслух твердо произнес:

– Да – абсолютно уверен. Вот, когда освободим Ксению, тогда ваша помощь обязательно понадобится...

– Хорошо, мы подождём. Ваш братец – парень хоть куда! Я искренне желаю ему и всем нам удачи! А на моих бойцов можете рассчитывать в любое время!

– Спасибо, Александр.

«Вот, неугомонный», – улыбнулся Ледовской, пряча в карман телефон.

Даже, если не веришь в Бога, всегда найдёшь к кому обратиться и рассказать о своей беде. Если не знаешь молитв, то в самые тяжёлые минуты нужные слова сами «просыпаются» в душе... Ксения цеплялась пальцами за ржавую решётку и шептала в чёрную пустоту коридора мольбы о спасении. Иногда отчаяние отступало, и воскресала надежда. Ксения хваталась за неё, как тонущий за соломинку, пытаясь удержать и не отпускать от себя. А для того, чтобы надежда стала уверенностью, женщина страстно просила Высшие силы помочь ей... Порой у неё подкашивались ноги, и только цепкая хватка за прутья решётки не давала Ксении упасть. От двери она не отходила. Вся её жизнь ограничилась теперь этим маленьким окошком в мрачный и безучастный мир.

Ни телефона, ни сумочки при ней не было. Выйти из этого каменного мешка тоже не представлялось возможным. Оставалось только ждать. Ведь когда-то должен был объявиться похититель, чтобы предъявить ей свои требования и условия... Вряд ли её бросили сюда умирать мучительной смертью просто так, по чьей-то прихоти. «Всё уладится», – повторяла она себе. И всё же, проблески надежды время от времени сменялись накатывающими приступами ужаса, безутешных слёз, криками о помощи...

То, что за оконцем длинный коридор, она чувствовала всё явственней. Порой, когда Ксения, затаив дыхание, вслушивалась в темноту, ей казалось, что она улавливает едва различимые звуки, доносящиеся из его глубины. Тогда она надолго замирала, напрягала свой слух и отчаянно звала на помощь. Но... тьма молчала в ответ.

Когда же силы покидали Ксению, она отрывалась от казавшейся спасительной решётки и сползала вниз, садилась на корточки и задумывалась: за что с ней так поступили? Может быть, она сотворила что-то страшное, обидела или причинила кому-то зло, раз последовало такое наказание? Но, кому она могла так насолить? Она, от которой никто и грубого слова не услышал... Да, возможно, праведницей она не была... Но как можно оставаться святой в нашем мире, где всюду царит обман, жестокость и алчность? Если человек, которого ты в молодости любила и вышла за него замуж, бросил семью ради бутылки вина и вечно пьяных дружков, если он не хочет работать, и все его интересы связаны только с выпивкой? Да, она рассталась с ним и в одиночку старается вырастить детей. Это – чертовски тяжело, и хорошо, что рядом есть мама, которая поддерживает её... Боже, но если с Ксенией что-то случится, как она это переживёт? А милые детки?.. А любимый человек, Арсентий?

Вдруг ей опять почудились какие-то звуки. Женщина вскочила на ноги и прильнула к решётке... Показалось? Потянулись долгие минуты ожидания... И вот, проблеск света в густом мраке...

– Помогите! Помогите! Ради Бога, помогите!!!

Андрон в спешке едва не прошёл мимо хорошо замаскированной двери. Помог ему появившийся практически ниоткуда яркий огонёк. Он родился буквально на глазах из микроскопической точки, висящей в воздухе... В течение нескольких мгновений маленький светлячок превратился в переливающийся всеми цветами радуги шар. В ответ на его призывный свет внутри андроида тоже что-то словно «загорелось». Он ощутил заметный прилив сил, покой и радость, а по телу растеклось какое-то необыкновенно приятное тепло. Примерно так чувствуют маленькие дети близость родной матери, реагируют на её ласковые и нежные прикосновения и слова. Только Андрону не с чем было сравнивать. Нечто подобное он пережил лишь однажды, когда издали любовался Ксенией...

Тем временем яркий огонёк вошёл в стену и словно растворился в ней. Андрон посмотрел на это место, даже потрогал его рукой, пытаясь уловить остатки тепла... Тут и обнаружилась дверь.

Как было видно по неприметной щели, открываться она должна была точно так же, как и предыдущая: с помощью кинжала-ключа. Андрон, соблюдая осторожность, просунул лезвие в «скважину», дождался щелчка... Когда же пространство перед ним открылось, не думая долго, шагнул вперёд.

И тут он понял: этот коридор не был пуст! Он просто кишел гомункулами...

- Арсентий, как ты? – голос Бондарева был участлив и слегка взволнован.
- Нервничаю, Николай. Что скрывать, хочу заставить себя успокоиться, да разные мысли лезут в голову, в основном, дурные...
- Это понятно, дружище. Именно поэтому я приготовил для тебя лекарство!
- Какое ещё лекарство? – не понял профессор.
- А ты разве забыл? Что лучше всего помогает от депрессии и стрессов? Музыка!
- Действительно, но я сейчас меньше всего думаю о музыке...
- Вот видишь, давай, приезжай ко мне в студию. Я решил немного «освятить» свою «обитель» после вторжения этой... нечисти... Или у тебя какие-то важные дела?
- И хотел бы чем-нибудь заняться, да всё валится из рук, и голова не соображает, – пожаловался Ледовской. – Так ты предлагаешь послушать хорошую музыку?
- Даже лучше! Я приглашаю тебя поучаствовать в процессе рождения песни. Как ни пафосно это звучит! Так что, седлай рысака, братишка!
- Здорово!.. Считай, что я уже на коне!
- Ты у нас всегда «на коне».

Обстановка в студии как нельзя лучше располагала к творчеству. Музыканты настраивали свои инструменты, наигрывали маленькие этюды, вполголоса переговаривались друг с другом. Было похоже, что все ожидали Арсентия, поэтому «маховик» не был «запущен» полностью.

– Салют, – поздоровался с музыкантами профессор. – Чем порадуете, господа специалисты по струнам и клавишам? – спросил Арсентий, сняв куртку и шапку, и усевшись за столик на кожаный диван.

– Сначала кофе, – ответил Николай, доставая из шкафчика чашку с блюдцем и банку с «Кофе Нуар».

– Что за песня? Страшно интересно! – произнёс Ледовской.

– Ребята, – призвал всех к вниманию Бондарев. – Я предлагаю на время оставить джаз в покое... Тут у меня возникли некоторые мысли, – он взял в руки гитару. – Послушайте, подкорректируйте... Тональность ми-минор... И, перебирая серебристые струны, запел:

*Отчего кручинится молодой казак?
Просто, спозаранку всё пошло «не так»...
Всё не так, как думалось, не о том просил
Он намедни Господа, не жалея сил...*

Вкрадчиво начал, с тонкой грустинкой. А потом, как это принято в казацких песнях, налёт грусти стал чередоваться с мощным мажорным переливом:

*А хотелось малого: обротать коня!
Да поехать в отпуск на три полных дня!
На соседнем хуторе навестить отца, (в этом месте предательски сверкнула слезинка в
уголках глаз певца)
Приголубить милую, да сынка-мальца...*

*Оглядеть хозяйство: «Ладно там, аль нет?»
У речного берега развязать кисет...
В жаркой баньке выстегать тело хорошо,
Да под чарку горькую отдохнуть душой...*

Музыканты, затаив дыхание, слушали. Когда песня прозвучала до конца, Николай отложил гитару в сторону:

– Вот, примерно так. Понимаю, что сыровато, давайте что-нибудь придумаем...

– А что, очень даже неплохо, – отозвался Боря, мужчина лет сорока в стареньком домашнем свитере, и наиграл начало песни на саксофоне.

– Протяжнее надо последние строки:

...обротать коня!

...на три полных дня!.. И усилить... – подхватил Алексей, парень, лет тридцати, сидящий за электроорганом.

– Ты как считаешь? – спросил Николай у Арсентия. – Как слушатель, а не как профессионал.

Ледовской кивнул:

– Наверное...

Начался небольшой творческий спор, который длился примерно час. Вторую часть песни пришлось немного «подправить», чтобы она не выходила за рамки «казачьей», но и не копировала все известные ранее:

*Нет мечты заманчивей на любой войне,
Чем побыть хоть часик в родном курене,
Только незадача – захромал гнедой,
Да мрачнее тучи атаман седой.
Отменил побывку, приказал терпеть:
«Скоро всем нам отпуск» предоставит Смерть...»*

Но, чтобы не заканчивать песню такими грустными строками, вновь мощно звучал припев:

*А хотелось малого: обротать коня!
Да поехать в отпуск на три полных дня!
На соседнем хуторе навестить отца,
Приголубить милую, да сына-мальца...*

– Так и запишем, – удовлетворённый полученным эффектом, провозгласил Николай. Лицо его покраснелось, он широко улыбался. – Ну, за рождение новой песни!

Музыканты побаловали себя коньячком.

За окном начало темнеть, по стёклам поползли дождевые струи. Калининградская погода, как и всегда, переменяла свой «зимний» характер и «вернулась» в осень...

Николай снова взял гитару в руки.

– Это ещё не всё, – тихо проговорил он. И опять запел, тихо и душевно:

*Утро синее, как гжель,
Шелестит листвою афиш...
Край задумчивых дождей,
Грустных черепичных крыш...*

*Над Преголью снов туман,
По брусчатке – шорох шин,
И звучит в душе орган
Словно древне-прусский гимн.*

*Кланяюсь твоим годам,
Шрамам старых крепостей,
Лишь шепни, и я отдам
Все – за музыку снастей,*

*Гребни белых Куршских дюн,
Чудный плеск Балтийских волн
Мудр, как Кант, и вечно юн,
Край, в который я влюблён!*

– Это тоже новое? – удивился Арсентий. Но не успел выразить ни восхищения, ни вообще дать какой-либо оценки – у него зазвонил телефон. Ледовской подскочил к куртке и сунул руку в нагрудный карман...

Ксения, вцепившись в прутья решётки, с надеждой ждала. Огонёк то пропадал, то появлялся вновь. Сердце забилося так сильно, что было готово выпорхнуть из груди. Там, в дальнем конце коридора, появились люди. И шли они к ней. Вскоре она отчётливо услышала поступь нескольких пар ног.

– Сюда! Сюда! – закричала она. – Я здесь!

Слишком долго, слишком медленно приближались к ней... то ли её спасители, то ли... что вероятнее всего, её похитители. Она перестала кричать, осознав, что они и так идут к ней. Тяжело дыша, женщина невольно отступила от двери. Предчувствие чего-то страшного опять нахлынуло на неё.

Вскоре стало видно: идут три человека, несущие какие-то громоздкие предметы. У переднего в руках была керосиновая лампа.

– Не ори, – услышала она грубый скрипучий голос. В замочной скважине заскрежетал ключ.

«Я знаю, что в Природе происходит постоянная смена времён года. Весной жизнь радостно бурлит в каждой былинке: всё просыпается, цветёт и поёт. Лето – время созревания и сбора плодов. Это – хлопотливая, но очень счастливая пора. К осени всё успокаивается, потихоньку блёкнет и увядает, а зимой – мирно дремлет, переосмысливая минувшее и готовясь к новой весне. Так же и человек...»

Я верю, что «зимний» сон в человеческой жизни – это период перед его новым рождением. Череда этих событий никогда не прервётся. И многое, оставшееся от прежних воплощений, сохранится и умножится в последующих...»

Глава 5. Конец Преисподней – вход в Чертог Вечности

Нападение было внезапным. Две группы гомункулов, вооружённых холодным оружием, неожиданно возникли спереди и сзади Андрона. Они сразу же ринулись в атаку, молча и яростно. Будь на месте андроида обычный человек, его бы разорвали на куски в течение нескольких секунд. «Так действуют пираньи», – промелькнуло в голове «синтетического человека»: молниеносная атака – и жертва любых размеров становится обглоданной до костей в считанные мгновения. Но гомункулы-подмастерья не были серьёзной угрозой для Андрона. Они выполняли приказ: уничтожить обычного смертного, поэтому напали поспешно и довольно сумбурно, словно голодная волчья стая. И тотчас получили достойный отпор...

Минуту андроид осматривал поверженные тела врагов. Никаких средств связи он при них не обнаружил. Видимо, это были караульные, которые дежурили в отдельном каземате, и были призваны уничтожить всякого, вошедшего в данный коридор. Каждый продолжал сжимать в руке кинжал, шпагу или нож с широким и длинным лезвием... Оружие разных эпох и совершенно разного предназначения... Но любым из них можно было нанести человеку увечья, несовместимые с жизнью...

Лица поверженных гомункулов разглядеть было трудно – все они носили брезентовые накидки с капюшонами. Андрон выпрямился и устремил свой взгляд дальше – по длинному проходу со сводчатым потолком, отмечая ниши-кельи, скрытые в стенах, где могли укрываться другие враги, откуда могли не только ткнуть шпагой, но и применить огнестрельное оружие, причём, не обязательно пистолет...

И тут Андрон услышал далёкий отчаянный крик: на помощь звала женщина и он, мгновенно, узнал этот голос...

Ксения в испуге отошла к противоположной от входа стене. Лязгнул засов, тяжёлая дверь со скрипом отворилась. В камеру вошли трое. Первый поставил на пол табурет и водрузил на него керосиновую лампу. Второй – быстрыми движениями раскрыл лёгкую раскладушку и установил её у стены, что справа от входа. Третий поставил на пол ведро и тяжёлый саквояж, извлёк из последнего несколько предметов – термос, коробку, возможно с едой, и дамскую сумочку, принадлежащую ей, Ксении.

– Пока останешься здесь, – приказал первый из вошедших. Был он, как и все остальные, весьма невелик ростом, с полусогнутым непропорциональным телом – его словно перекосило влево: безволосая голова, казалась сдвинутой в левую сторону, соответствующее плечо было сильно опущено, отчего и рука свисала гораздо ниже правой. Он поспешно закрыл лицо, натянув съехавший на спину капюшон, но Ксения успела разглядеть безбровую физиономию, словно вылепленную из потрескавшейся глины, безгубый рот и кривые зубы. Остальные вошедшие также не вызвали особых симпатий.

Ксения очень хотела задать им вопросы, которые мучили её всё время пребывания в камере, но дыхание у неё перехватило.

– Поживёшь здесь ещё день, – продолжил уродливый надзиратель. – Есть, где сидеть – кивок на табурет, – есть, где лежать, – кивок на раскладушку без матраса, – есть куда ходить, – он пнул ногой ведро, которое жалобно звякнуло, – и есть что жрать. На день хватит. Если твой дружок поступит мудро, тебя завтра отсюда выпустят. Так что, не скули и не ори...

Они собрались уходить.

– А если твой приятель будет поступать, как ему вздумается... ты останешься здесь навсегда! – прошипел надзиратель напоследок.

– С дамой надо бы говорить повежливее, – раздался вдруг громкий, красивый и такой родной голос. – Тогда многих неприятностей можно избежать!

Откуда-то брызнули электрические искры, два надзирателя, как подкошенные, рухнули на пол, едва не сбив табурет с лампой, третий присел от неожиданности. В камеру стремительно вошёл человек.

– Андрон! – выдохнула Ксения.

– Да, это я. Вы в порядке? – Глаза андроида быстро оглядели фигуру женщины и переметнулись на уродца, который, похоже, начал приходить в себя.

– Да, – кивнула Ксения. Она собиралась ещё что-то сказать, но Андрон жестом остановил её.

– Кто ты? – обратился он к пытающемуся подняться врагу.

– Мастер-страж, – нехотя ответил тот.

– Ты знаешь, кто я?

– Не могу разобрать...

– Верись, что я выше тебя, мастер? Ты обязан мне подчиняться, иначе я испепелю тебя!

– Да, – поник головой страж.

Андрон подошёл к Ксении. Та прильнула к его груди и слёзы вновь хлынули у неё из глаз.

– Ну-ну... Успокойтесь. Всё в порядке...

– Почему ты делаешь это? – проскрипел мастер-страж. – Это не по закону!

– По закону! Я выполняю приказ своего Создателя!.. А сейчас ты проведёшь меня в... главный зал!

– В Чертог Вечности? – создалось впечатление, что даже гомункулы способны удивляться. – Туда без Великого Магистра нельзя!

– Ты доведёшь меня до двери... И ответишь на некоторые вопросы... Или умрёшь – Андрон вытащил кинжал.

Ксения с изумлением увидела, как уродливый надзиратель, увидев клинок с зубцами, глубоко и с почтением поклонился её спасителю.

– Повинуюсь, господин...

Андрон взял Ксению за руку, та подняла свою сумочку, надела её на плечо, и они, вместе с уродливым мастером-стражем, поспешно схватившим лампу, вышли из темницы.

Ксении не терпелось задать множество вопросов своему освободителю, но она благоразумно молчала. С таким могучим защитником ей было гораздо легче. Испытав сильнейшее потрясение, она понемногу приходила в себя. Но тот, что шёл впереди и нёс керосиновую лампу, по-прежнему внушал ей страх. Возможно из-за своего странного вида и такой необъяснимой покорности... А может из-за того, что там, впереди, во тьме прячутся такие же страшные люди, готовые на всё... Она видела, как что-то мелькает впереди, видела блестящие в свете лампы настороженные глаза и слышала невнятный шёпот. Но Андрон крепко сжимал её руку, и она верила: с ним ей не грозит никакая опасность.

Идущий впереди гомункул, похоже, не замышлял никаких провокаций. Наконец, они остановились. Ксения огляделась, но нигде никакой двери в загадочный зал не обнаружила. Даже после того, как мастер-страж осветил стену. Зато, Андрон всё прекрасно видел. Он достал клинок, при виде которого низкорослый уродец опять склонился в почтении, и осторожно ввёл его в малоприметную щель где-то наверху. Вот тут-то дверь и отворилась! После звучного щелчка она поползла в сторону, открывая вход в тёмное помещение.

– Это и есть Чертог Вечности? – спросил гомункула Андрон.

– Да, господин, – ответил тот.

– Ты бывал здесь раньше?

– Много раз, мой господин, – подобострастно ответил «мастер». – Но я не принимал участие в обряде, я стоял на страже. Сюда входят Великий магистр, его приближённые из числа Создателей и посвящённых людей, и наши братья, просветлённые...

Андрон взял лампу из рук мастера и шагнул в зал. Ксения последовала за ним. Гомункул остался снаружи.

Чертог Вечности не поражал ни огромными размерами, ни изящным убранством. Что-то среднее между комнатой для хозяйственного инвентаря, подумала Ксения, и кладовкой для хранения консервации на зиму. Примерно семь на восемь метров... Каменный пол, покрытый какими-то пятнами... В дальнем от входа углу были сложены деревянные ящики и, похоже, стояли они здесь довольно давно, многие уже начали рассыпаться от ветхости.

Пахло чем-то затхлым, какой-то гнилью...

Посреди помещения был расположен стол, видимо, из гранита, возле него стояли две грубо сколоченные из досок скамьи. На стенах из кирпичей с отпечатками огромных волчьих лап во вбитых кольцах держались факелы, которые Андрон зажёл, отчего в Чертоге Вечности стало совсем светло.

– Ну, что же ты молчишь? – спросил Андрон у гомункула, когда огляделся. – С чего обычно начиналось действие?

– Прежде на стол ставили ковчег с телом, – проскрипел гомункул. – Затем один из просветлённых выкладывал рядом с ним священные предметы из серебряной шкатулки и читал заклинание. Но шкатулка была утрачена во время обвала... Недавно люди нашли её во

время раскопок и мы собирались вернуть эту ценность... Но человеческие руки прикоснулись к реликвиям и те потеряли свою силу... Поэтому нам пришлось использовать для привлечения «дьявольского огня» самый древний ритуал... Чертить углём магические знаки.

– Но я не вижу тут никакого угля... Неужели вы его носите с собой?

Вместо ответа мастер-страж осторожно вошёл в Чертог и у противоположной стены прикоснулся рукой к слегка выступающему из неё фрагменту.

Тотчас откинулась крышка, и взорам исследователей открылся тайник. Гомункул сунул в него руку, извлёк кусок чёрного угля, размером с яблоко, и протянул его Андрону.

– Ты помнишь, какие знаки и где писались этим углём?

– Вот здесь, – слева от ящиков находился участок стены, покрытый извёсткой. Было заметно, что прежде на ней что-то чертилось, причём именно углём, затем всё написанное тщательно стиралось.

Андрон прикоснулся ладонями к этому «полю». Его пальцы слегка задрожали, почувствовав сильную энергию, исходящую от стены.

– Сможешь изобразить хоть какой-то знак, который писали на этом месте? Не может быть, чтобы ты ничего не видел и не помнил!

– Мне не раз приходилось их смывать, поэтому я кое-что помню...

– Тогда рисуй!

Осторожно, держа кусок угля левой рукой, гомункул принялся чертить на стене фигуры, которые показались Ксении смутно знакомыми...

Андрон бесстрастно наблюдал за ним, не забывая внимательно прислушиваться к звукам, доносящимся из глубины коридора.

– Вот, – через пару минут гомункул закончил работу и на стене появились несколько незамысловатых символов, выстроенных в неровный ряд.

– Это же руны, – прошептала Ксения.

– Неужели это всё? – недоверчиво спросил Андрон, хмуро поглядывая на мастера-стража.

– Всё, господин... Далее следуют заклинания и появляется «дьявольский огонь», которым повелевают... Осмелюсь вас спросить, господин, во имя чего вы делаете всё это?

– Мне поручено освятить Чертог Вечности к скорому приезду Великого магистра. Ступай в коридор и займись своими обязанностями. Охраняй нас. Не пускай сюда никого!

Андрон и Ксения остались одни в этом странном и мрачном, несмотря на горящие факелы, помещении.

– Присядьте, – Андрон отодвинул скамью от гранитного стола и сам уселся на край. – Что вы обо всём этом думаете, Ксения?

Женщина села и прижалась к своему спасителю. Она дрожала, словно в сильный мороз.

– Я не знаю, что и думать, Андронушка... – голоса не было, она с трудом вышёптывала слова. – Мне кажется, вы, знаете куда больше меня... Кто эти люди? Почему меня похитили? Какое отношение к этому имеет Арсентий? Где мы находимся? И что всё это значит?..

– Андронушка... – еле слышно повторил «синтетический человек». – Я вам вкратце всё объясню, Ксения. Но вы уж, будьте добры, поверьте мне на слово и не... перебивайте лишними вопросами. Я понимаю, для вас это должно звучать, по меньшей мере, дико, но всё

обстоит именно так... Эти люди – вовсе не люди, а искусственно выведенные особи. Иначе говоря, гомункулы. Вы, наверное, слышали о них...

– Слышала, конечно, но была уверена, что это – всего лишь средневековые сказки.

– Как видите, не совсем сказки. Производить их начали ещё в стародавние времена... И совсем не так, как меня... создавал Арсентий. Он мне – и отец, и брат, а эти существа – бездушные твари, готовые выполнить любой приказ их создателей. Они чувствуют, что я – почти такой же, как и они, но... на несколько уровней выше. Поэтому они и подчиняются мне. Так вот... Эти существа живут рядом с нами. Они действуют не только здесь, в кёнигсбергских подземельях, но и наверху. Они разбрелись по всему миру. Наиболее развитые гомункулы – просветлённые, занимают кресла чиновников и политиков, им помогают мастера – киллеры, воры, обманщики, охранники... А тем, в свою очередь, помогают подмастерья, самый низший класс гомункулов.

– А Арсентий?..

– Они заинтересовались им как выдающимся учёным, человеком, который производит синтетические ткани и донорские органы. Они решили привлечь его для создания гомункулов. Возможно, гомункулов нового поколения... Понимаете, к чему это может привести?

– Боюсь даже думать...

– Они поставили Арсентию условия... Он стал тянуть время, поскольку сразу дать отказ... это было... чревато. И они решили похитить вас, чтобы он стал более сговорчивым...

– Кто «они»? Гомункулы?

– За гомункулами, Ксения, стоят люди. Имеющие очень большие возможности и гигантские аппетиты...

– И что же теперь делать?..

– Арсентию удалось синтезировать меня... Как вы знаете, я тоже не совсем человек. Но, душа у меня, без сомнения, есть! И я готов помочь своему Создателю... и вам. Здесь, в этом помещении находится лаборатория, в которой производят этих уродцев. Похоже, она единственная в своём роде. Я должен её уничтожить. Думаю, это их успокоит на некоторое время... А если будут кого-то из вас преследовать, я и их уничтожу. Всех...

– Так вы здесь для этого?

– Я пришёл сюда, чтобы вырвать вас из рук гомункулов. И благодарен Богу, что мне это удалось. А коль мы, наконец, добрались до этой лаборатории, то надо придумать способ, как её... разрушить.

– Не очень-то это место похоже на лабораторию, – Ксения стала ощущать, как к ней возвращается голос и внутреннее спокойствие. – А они смогут создать её в другом месте?

– Смогут. Но, если здесь находится некий атрибут, главная святыня, которая делает этот подвал Чертогом Вечности, а мы его найдём и уничтожим, то они больше уже ничего не создадут. Для оживления гомункулов Магистр и его подручные используют шаровую молнию... Не удивляйтесь, Ксения, шаровая молния – это не просто сгусток энергии...

– Мы должны обнаружить устройство для «вызова» шаровой молнии? – догадалась женщина.

– Примерно так... Вот этих письмен и одного заклинания... похоже, достаточно для такого ритуала. Но я не уверен, что всё ограничивалось только этим...

– Здесь нарисованы руны...

– Да. Только не скандинавские, к которым все уже привыкли, а древнеславянские...

– И это – есть ключ?

– Сомневаюсь... Здесь начертана надпись...

– Вы разбираетесь в рунах?

– Да, во мне заложен достаточный запас самых разносторонних знаний...

– И что же за слово тут написано?

– Видите ли, Ксения... Каждая руна – не какая-либо буква. Это – особый символ, даже образ. Это может означать эгрегор (73), через который подключается необходимый поток информации к общему энергоинформационному полю. Поэтому несколько рун, стоящих в определённом порядке, не всегда означают лишь одно-единственное слово, состоящее из нескольких букв...

– Как всё сложно...

– Да, Ксения. Наши... то есть, ваши предки были умнейшими людьми. – Он улыбнулся. – И образованными. Кирилл и Мефодий, создавая «свой» алфавит, сильно упростили славянскую азбуку, лишив её многовековых основ, связи с Космосом... но сделали письменность общедоступной, и для жреца-волхва, и для землепашца... Поэтому, Ксения, эти несколько рун – не одно слово, а может быть целое предложение, совет какой-нибудь, предостережение... или угроза... У каждой руны есть свои ключевые значения... так называемый код. Вот, например, руна, напоминающая метёлку. Это – Чернобог. Руна, обратная Белбогу или Миру, которая олицетворяет Добро и Порядок.

– То есть, эта руна олицетворяет... Зло?

– Не всё так просто... Если Белбог – абсолютный Порядок, то Чернобог ассоциируется с Хаосом. С тем, что создано в противовесе Порядку. Но это не есть «зло». Не было бы Чернобога, не было бы Равновесия... или «стабильности», как сейчас модно говорить.

– Действительно, всё сильно запутано, – впервые за последнее время улыбнулась Ксения. Андрон, видя, что его объяснения успокаивают женщину, продолжал:

– Если рассматривать данную руну в «божественном» понимании, то она представляет собой Бога-Шута или Паяца. Сами понимаете, вечный Порядок надоедает. Иногда хочется побаловаться, подурочиться... То есть, порядок – порядком, но у всего должны быть свои границы!

– Интересно.

– Но есть ещё другие толкования. Например, в отношении человека. Если руна Белбог олицетворяет Человека, то руна Чернобога – его Тень. Заметили, куда я клоню? Есть сознательное, но есть и бессознательное...

– Да, – прошептала Ксения. – Есть обычные люди, и есть люди – тени...

– И уж если продолжать, то напомним о магическом содержании этой руны. А оно таково: разрушение старого, прорыв, выход за какие-то ограничения, пределы...

Поэтому то, что нацарапал наш приятель, расшифровке не поддаётся. По крайней мере, я не берусь, – Андрон улыбнулся. – Чтобы выразить то, что хотел сказать написавший эти руны – надо обладать другими знаниями, а меня этому не учили... К тому же, я не думаю, что в этом есть какой-то глубокий смысл... Здесь дело в чём-то другом...

– Вы полагаете, что эта надпись может быть просто... отвлекающей?

– Вполне возможно. Но тогда мы упустили кое-что очень важное...

Ксения задумалась. Андрон поднялся, подошёл к двери, выглянул наружу и вслушался в мрачное нутро подземелья...

«Думаю, что не ошибусь, сказав, что самый главный враг человечества – это Время. Всю жизнь люди клянут Его, обвиняя во всех своих неудачах. Всегда беды и несчастья происходят у них оттого, что какое-то событие случилось не вовремя! Не в тот момент... Время для них, то спешит в сумасшедшем темпе, то тянется, словно сосновая смола по стволу дерева... Они то торопят Его, то пытаются остановить, не понимая одного: пока Время «бежит» – они живут.

Самое ужасное, это когда в Часах заканчивается песок...»

Глава 6. Конец Преисподней – выход из Чертога

Тёмный «Шевроле» остановился во дворе, неподалёку от входа в здание, расположенное по адресу ул. Сергеева 2. Из него вышли четверо. Старший, сухой, подтянутый мужчина лет пятидесяти хмуро взглянул на озеро, затянутое пеленой тумана, затем повернулся к своим спутникам, молодым парням спортивного телосложения.

– Ну что ж, зайдём!

Они вошли в дом.

У турникета их встретил вежливый молодой человек с рацией в руке.

– Добрый день. Вы к кому, господа?

Пронизывающий взгляд и полная готовность дать отпор в случае нападения.

– Это – ко мне, – из соседнего помещения вышел Николай Сунцов. – Александр Валерьевич, как я понимаю, снова не утерпел...

– Мы только проверить, Николай Андреевич... То есть, зашли в магазинчик погреться... Ящик рыбацкий купить...

– Понятно, – улыбнулся Сунцов. – Ящик, видимо, настолько тяжёл, что тащить его можно только вчетвером... Всё с вами ясно. Пройдёмте на выход, там и побеседуем.

Они вышли. Сунцов вынул сигарету, сунул её в рот. Достал зажигалку.

– В двух словах. Мы зашли сразу за ним. Почти сразу. Он вырубил двух охранников и, скорее всего, проник в «Электрощитовую». Информацию с камер мы... уничтожили.

– А охранники?

– Их тела увезли.

– Это были люди? – Бударин заметно волновался. Он тоже полез за сигаретой.

– Нет, – после короткой паузы ответил Сунцов. – Их тела стали... распадаться практически на глазах. Думаю, судмедэкспертам осматривать уже будет нечего... зловонное месиво, каша...

– Да, дела... Сколько времени он... уже там?

– Полтора часа. И всё пока, на удивление, спокойно.

– Чем предлагаете заняться нам? – спросил Бударин.

– Посидите пока в машине. Не стоит тут рисоваться. Кто-то может заподозрить неладное. – Сунцов бросил окурочек в урну и вернулся в здание.

– Что там? – с волнением спросила Ксения.

– Всё тихо, – ответил Андрон, возвращаясь к гранитному столу. – Но времени у нас очень мало. В любой момент сюда может явиться кто-то из «просветлённых», и тогда всё

пойдёт совсем по другому сценарию. Нам просто повезло, что основная масса гомункулов в данный момент – это подмастерья. Однако везение не может тянуться бесконечно.

– Да, вы правы. – Ксения раскрыла сумочку, достала телефон. – И связи здесь нет... Эх, знать бы, что ты ищешь... Вдвоём мы быстрее справимся с этой задачей.

– Это, – Андрон кивнул на изображённые руны, – всего лишь заклинание. Руны можно стереть и начертить заново. А нам нужно найти... нечто вполне осязаемое.

– Наверное, здесь имеются и другие тайники?

– Посмотрим, – ответил Андрон.

Он достал кинжал и принялся рукояткой постукивать по стенам Чертога, надеясь отыскать очередную полость.

– И всё-таки странно, – промолвила Ксения, – что заклинание написано славянскими рунами. Как филологу мне не совсем понятно...

– Ну почему же, – задумчиво произнёс Андрон. – Возможно, ваши далёкие предки научились производить искусственных людей для вполне мирных, практических целей. А уж их последователи свернули с этого пути. Это – очередная загадка истории...

– Столько тайн в последнее время, что голова кругом идёт, – пожаловалась Ксения, наблюдая за своим спасителем.

– И не говорите, – как-то, совсем по-человечески вздохнул андроид.

Ксения по-своему оценила эту фразу:

– А я вас, Андрон, никогда не воспринимала как «искусственного»... Для меня вы всегда были... обычным парнем. Чертовски надёжным, уверенным в себе и... красивым.

– Как бы мне хотелось именно таким и быть...

– Не волнуйтесь, Арсентий придумает, как осуществить вашу мечту.

– Вы так думаете? – Андрон на секунду замер с кинжалом. – Ну, не здесь и не сейчас это решать. Мы немного отвлеклись.

– А из материального у нас... – Ксения ещё раз обвела взглядом помещение, – дряхлые ящики, стол, кусок угля... – Она взяла в руки чёрный камень. – Что-то он тяжеловат для обычного антрацита... Обычный уголь, – закончила она, – раза в два легче.

Андрон подскочил к Ксении и почти вырвал у неё из рук загадочный предмет.

– Позвольте, – спохватился он, исправляя промах, – Возможно, внутри его что-то спрятано... Вот вам и тайник... Впрочем, мы сейчас это проверим.

Он с размаху ударил чёрный камешек о пол, при этом от него откололись несколько мелких фрагментов. Андрон поднял оставшуюся часть угля.

– Смотрите, внутри что-то есть!

– Действительно? – обрадовано воскликнула женщина. – Неужели нашли?

– Думаю, что да, – ответил Андрон, разламывая кусок угля и извлекая из него кристалл мутно-белого цвета.

Почувствовалось уже знакомое покалывание «иголочками», от которого задрожали пальцы «искусственного человека». Нет никакого сомнения, что именно этот предмет подпитывает энергией панель с рунами!

– Да, это он, – повторил Андрон. – Магический кристалл...

– Как интересно, – прошептала Ксения. – Словно в сказке про Лягушку-царевну... Разобьёшь яйцо, в яйце найдёшь иглу...

– В русских сказках действительно «закодировано» множество явлений, которые пока выходят за рамки нашего понимания. Это и телепортация, и телекинез, и потаённые врата в

потусторонний мир... А сказкой про Кощея, возможно, была «прикрыта» и ситуация вот с этим, – он кивнул на крошки угля, – «яйцом».

– По крайней мере, теперь у нас нет вопросов, что делать дальше...

– Иглу надо было сломать, а этот удивительный кристалл... как ни жалко, придётся раздавить... Ксения, – поднял глаза на женщину Андрон. – Я не знаю, что сейчас произойдёт, но вам лучше отойти. Я попробую расколоть эту штуку и, если, ничего не случится, мы покинем этот Чертог и выберемся из подземелья.

– А что может случиться?

– Ксения... Ну, откуда же я знаю, – улыбнулся Андрон. – Но вряд ли что-то серьёзное.

– А не лучше ли нам взять его с собой?

– Не думаю, – немного помолчав, ответил «синтетический человек». – Тогда мы рискуем... просто не выйти отсюда, ведь мы с вами забрались в чужой муравейник...

Ксения немного помолчала, затем достала из сумочки зеркала, взглянула на себя, тяжело при этом вздохнув.

– Начинайте, чего тянуть... Да и пойдёмте отсюда.

Андрон положил находку на гранитный стол, ещё раз устремил на него взгляд, словно прицеливаясь...

– Не я тебя создавал, но я вынужден прекратить твоё существование...

Тяжёлый кулак, словно молот, превратил «магический кристалл» в пыль. При этом Ксения услышала сухой щелчок и увидела яркую вспышку света из-под руки Андрона. Помещение наполнил запах озона. Через пару мгновений в глубинах коридора раздался дикий рёв и вой, от которого Ксения задрожала всем телом. Стоны и скрежет множества зубов уловил чуткий слух Андрона – это где-то совсем рядом умирали в своих колбах неродившиеся зародыши гомункулов.

– Берите лампу и дайте мне свою руку. Идём быстро и не оглядываясь! – его тон был уже приказным.

Они выскочили из Чертога Вечности и направились по коридору к северному выходу. Бросив взгляд налево и направо, Андрон увидел скопившихся гомункулов, которые, впрочем, не торопились нападать.

– Дорогу, скоты! – проревел Андрон. – Всем оставаться на местах!

Возмееет ли этот призыв какой-нибудь эффект, «синтетический человек» не знал, но счёл нужным озвучить его подземным тварям.

– Ксения, нам пути – минут на пятнадцать.... Не бегите, но старайтесь идти быстро и уверенно!

– Кто это?.. – прошелестел чей-то «невзрачный» голос.

– Просветлённый, – последовал ответ, напоминающий писк крысы. – И человек...

– Человек? Разве так бывает?..

– Не волнуйтесь, Ксения, – Андрон опасался, что женщина, услышав подобные реплики, может лишиться чувств. Но та, стремясь к выходу, казалось, обрела второе дыхание. Передние гомункулы в недоумении расступились, пропуская, как им казалось, своего «господина» и его «жертву».

– Возвращайтесь назад, – скомандовал им Андрон. – И стерегите Чертог Вечности!

Он достал зубчатый кинжал, взмахнул им и ещё раз убедился в силе и могуществе этой реликвии. Подземные жители падали ниц перед священным клинком.

Один раз гомункулы пытались угрожать им оружием. Опасаясь, как бы они не нанесли вреда его спутнице, андроид мгновенно поразил их своими электрическими

«струями». Осторожно перешагнув через растянувшиеся тела, беглецы продолжили свой путь.

Ксения то отсчитывала шаги, то следила за минутной стрелкой ручных часов. От быстрой ходьбы и постоянного напряжения стало жарко и начала ощущаться нехватка воздуха. По щекам потёк пот. «Скорее бы, скорее, – стучало в её мозгу – Только бы ничего не произошло!»

И ещё ей казалось, что идущий следом «синтетический человек» не только заглядывает вперёд в поисках врагов и оглядывается назад. Она была почти уверена, что он украдкой любуется ею.

Ксения и Андрон уже достигли того прохода, через который открывался прямой путь в «Электрощитовую». Но здесь их ожидал человек в камуфляже.

– Осторожно, друзья! – раздался голос из темноты. – Здесь битый кирпич!

– Ой, – обрадовано воскликнула женщина. – Мы выбрались?

– Да, конечно, осталось совсем чуть-чуть!

– Это – не человек, – удержал Ксению Андрон. И отстранив её от себя, направился к незнакомцу, который загоразживал своим телом «секретную» дверь.

– Займись делом, – сказал ему «синтетический человек». – Возьми лопату и очисти пол от битого кирпича!

Тот некоторое время смотрел на Андрона.

– Ты ведь один из нас... Из «просветлённых»...

– Я никогда не был таким, как вы. Волки, как известно, в цирке не выступают! Отойди от двери, иначе я отрублю тебе голову!

– Ну-ну, – миролюбиво произнёс гомункул. Но глаза его блеснули в свете лампы поистине бесовским пламенем. – Ты ведь тоже был оживлён «дьявольским огнём». Значит, такой же, как и мы. Только в нас огонь... умирает, а в тебе почему-то живёт. Я вижу, как он играет внутри тебя!

– Повторяю: отойди от двери! – Андрон обнажил зазубренный клинок.

Гомункул зашипел, как угли, политые водой. Его руки потянулись к заветному кинжалу.

– Это – не твоё... – завыл он замогильным голосом, от которого у Ксении по спине поползли мурашки.

– Да, я одолжил его у одного замечательного человека, – проговорил Андрон, медленно приближаясь к гомункулу.

– Что ты делал... в Ч-ч-чертоге... В-вечности? – с трудом проговорил «человек в камуфляже». Было видно, что он изо всех сил пытается сопротивляться магической силе кинжала Николая Бондарева.

– Наводил порядок и провёл обряд очищения.

Лицо гомункула исказилось, словно от невыносимой боли. Он хотел ещё что-то сказать, но слова застряли у него в горле...

– Пошёл вон, – Андрон ударом свободной руки отбросил «дитя подземелий» в сторону. Видя, что тот неподвижно лежит на полу, «синтетический человек» аккуратно вставил лезвие кинжала в «замочную скважину». Дверь медленно поползла в сторону. И в этот момент гомункул набросился на Андрона. Ксения успела только пронзительно вскрикнуть. Но её спутник был готов к броску. Да и его «синтетическая» комплекция была гораздо мощнее телосложения жителя «Преисподней». Он перехватил руку со стилетом у

своего горла и круто повернул её вокруг оси. Раздался противный хруст, от которого Ксения едва не лишилась чувств. Клинок полетел на пол.

– Ксения, проходите в дверь, – сказал Андрон, удерживая извивающегося врага. – Поворачивайте налево и... ждите меня там. – Пальцы андроида охватили лоб соперника, мощный электрический разряд потряс тело гомункула. Противно запахло палённой плотью. Отбросив обмякшее тело «просветлённого», Андрон вытащил кинжал из щели и проследовал за Ксенией.

– Мы почти пришли, – ободряюще произнёс андроид, оглядываясь, – нам осталось минут пять ходу...

– Слава богу, – прошептала женщина.

Они продолжили своё движение к выходу из подземелья. Но, не прошли и двух десятков шагов, как в тоннеле послышался какой-то гул.

– Что это? – забеспокоилась женщина. – Неужели они открыли шлюз... и сейчас сюда хлынет вода?

Андрон прислушался.

– Нет, это – не вода... – звуки усиливались. – Это что-то другое. Идёмте скорее, нам уже немного осталось.

Иногда казалось, что это действительно шум воды, низвергающейся с вершины скалы... А порой возникало впечатление, что разом включилась сигнализация десятков машин. То вдруг появлялась уверенность, что это – крики миллионов чаек, чьи гнездовья были потревожены внезапной опасностью. Но всё явственнее ощущалась в этой какофонии какая-то мелодия. Она как бы «скользила» в пространстве, вплетаясь в общий хаос подземных звуков и её, словно во время сильного шторма, то выносило на поверхность, то прятало в глубине, а иногда выбрасывало на самый гребень волны... И тогда слышалась необыкновенной красоты песня, какое-то «зловещее танго», похожее на гимн самой Природы, чьи сияющие звуки и ритмы, казалось, способны поддержать нас в жизни... и даже напоминали математически точно выверенные фуги, не менее великолепные, чем произведения Баха.

Ксении чудилось, что звуки источают сами камни, которыми выложены стены и своды потолка. А иногда у неё возникала уверенность, что эта «дьявольская музыка» несётся по тоннелю откуда-то из дальних подземелий... Она высматривала впереди долгожданные ступени, которые выведут их из этого страшного места. И они вот-вот должны были появиться. Женщина обернулась к Андрону, собираясь его о чём-то спросить, но... с ужасом обнаружила, что она в проходе совершенно одна!

– Андрон! – закричала она и повернула назад. – Где ты, Андрон?

Она увидела его, пройдя десяток шагов. Он стоял, опустив руки и голову. Кинжал был готов выскользнуть из его ладони в любой момент. Ксения подбежала к нему, взяла за руку.

– Андрон, что с вами?

Тот безучастно взглянул на неё. Казалось, ему понадобилось какое-то время, чтобы припомнить, где он и что с ним...

– Со мной? Всё в порядке... – каким-то поблёкшим и совершенно чужим голосом ответил он.

– Так пойдёмте же!

– Я иду...

– Нет, вы стойте на месте! Посмотрите мне в глаза! – Она запаниковала. – Что с вами?

Утерянная было, ясность взгляда Адрона, казалось, медленно восстанавливалась.

– Сожмите крепче кинжал. Вы осознаёте, где мы и куда идём?

– Да, – промолвил тот. – Мы возвращаемся на поверхность...

– Так пойдёмте же! Сделайте шаг!

Она заметила, что сзади замелькали чьи-то тени.

– Нас преследуют, Андрон! Придите в себя!!!

«Синтетический человек» дёрнулся, сделал неуклюжий шаг. Затем второй.

– Вот, у вас уже получается! Давайте же, ещё!

Она заставила себя снова взглянуть ему за спину. В свете лампы опять сверкнуло множество настороженных глаз.

– Прочь, твари! – закричала она и потянула Андрона за рукав. Тот сделал ещё несколько шагов.

– Вот, хорошо, – обрадовано воскликнула она. – Давай, ещё немножко! Скоро выход!

Андрон, казалось, вышел из внезапного оцепенения. Он расправил плечи и пошёл вперёд более уверенной походкой.

– Вот и хорошо, – воскликнула Ксения, – пойдём, мой хороший, – она смахнула накопившиеся слёзы. – Смелее! Увереннее!..

Он послушно следовал за ней. Но лицо его оставалось по-прежнему непроницаемым, а движения были вялыми и скованными.

«Что-то случилось!» – со страхом подумала женщина. Но андроид всё-таки продвигался вперёд, хотя было непонятно, как долго он продержится.

Но тут их настиг новый «виток» «бесовской» мелодии. Ксения заметила, как вновь замедлились движения андроида. Внезапно ей пришла в голову мысль, что эта, неизвестно откуда взявшаяся «музыка», – некий «зов», наподобие того, что она видела в каком-то старом детском фильме (74). Именно такие звуки сбивали с толку, казалось бы, неуязвимое существо!

– Андронушка, – опять прильнула к нему она. – Не поддавайся ей, не слушай...

– Не... слушаю...

– Боже, что же делать? – слёзы снова хлынули у неё из глаз. – Придумай что-нибудь! Отвлекись! Ты ведь можешь!

– Могу...

Она вдруг подумала, что надоевшую мелодию можно попробовать «заглушить» другой. Так часто бывает, если ты слушаешь одно, а тут кто-то включает что-то иное, и сразу... всё, впечатление насмарку!

– Андрон, пой!

– Что?

– Пой! Что-нибудь, что слышал у Арсентия! – Она обняла его и поцеловала. – Пой, Андронушка!

Он понял. «Смахнул» с себя оцепенение и запел:

Ave Maria..

Vergin del ciel...

«Аве Мария» Шуберта они слушали у Арсентия всего день назад в исполнении Лучано Паваротти. Теперь её пел Андрон. Пел довольно чисто, но только своим мощным, бархатным и раскатистым голосом ...

*Sovrana di grazie e madre pia
Accogli ognor la fervente preghiera
Non negar...*

«Дьявольская» музыка, казалось, «застыла» на месте и повисла в воздухе ледяными сосульками. А Андрон пел, заполняя своим сильным голосом всё пространство старого подземелья, вытесняя чуждую, «звериную» мелодию. Лицо его оживилось, он сжал в руках «зубчатый» кинжал и показал рукой Ксении на выход из тоннеля.

Она пошла вперёд, освещая себе путь керосиновой лампой, а он двинулся следом.

Николай Сунцов нервничал, но виду не показывал. Коридор и дверь в «Электрощитовую» находились под постоянным наблюдением. Один раз служащий со второго этажа поинтересовался: почему охранники, которые должны дежурить у входа, не на месте, а неизвестно где? И почему вместо них сидят люди, не входящие в штат службы безопасности. Сунцов продемонстрировал свою корочку и ознакомился с документами «любопытного» человека. Тот, впрочем, подозрений не вызывал, но старший следователь прокуратуры не верил ни своим впечатлениям, ни документам. Интересующегося человека проводили в его собственный кабинет и тоже установили за ним наблюдение. «Хорошо бы раздеть этого клиента, – мечтательно подумал Николай, – да подвергнуть беглому осмотру! Но, кто его знает, может, это – обычный человек».

Время тянулось медленно, Бударин со своими ребятами подъехал всего двадцать минут назад, а казалось, что прошло уже часа два...

И вот, дверь с надписью «Электрощитовая» распахнулась!

– Это они! – облегченно выдохнул Сунцов и тут же набрал номер телефона Арсентия Ледовского.

«...У каждого человека есть собственная тень. Отчего-то считается, что она является скопищем самых низменных чувств: в ней как бы растворены жадность и жестокость, гордыня и похоть. И не избавиться от своей тени никак, разве что в случае, когда на мир опускается тьма. Пусть тень – не живая, но она всегда служит человеку напоминанием о его несовершенстве, о необходимости очищения собственной души...»

Глава 7. Недовольство Магистра Вечности

В Калининград, наконец-то, пришла долгожданная зима. Миновали новогодние праздники, наступили каникулы. Подморозило. Снег украсил тротуары белыми махровыми коврами, блестящими на солнце и в свете фонарей. В город вернулась зимняя сказка, которая поселилась возле огромной нарядной ёлки, расположенной на Центральной площади, и продолжавшей собирать возле себя тысячи радостных гостей.

Арсентий был вне себя от счастья, когда Андрону удалось освободить Ксению. Теперь он старался не отпускать её от себя ни на минуту, ни на шаг. И, воспользовавшись свободным временем, всё его посвятил ей.

«Братство» в эти дни ему не докучало. И профессор начал думать, что Андрон доставил гомункулам и их хозяевам столько хлопот, что им теперь не до него. Но, где-то глубоко в душе оставалось мерзкое чувство тревоги и даже страха. По этому поводу и вспомнился случай из далёкой юности.

В студенческие годы, какие только «шалыные» идеи не приходили в голову молодым людям! И не только касающиеся «перемалывания» «гранита науки». Иногда хотелось испытать свои силы, показать, на что ты способен в той или иной ситуации. Например, как поведёшь себя при встрече с необъяснимым, страшным или даже ужасным? Чтобы потом с уверенностью утверждать: «я ничего не боюсь!» Или снисходительно заявить приятелям: «я и не такое повидал»...

Однажды, после успешно сданного накануне экзамена, дабы испытать свою смелость и поднять общий тонус, Арсентий и его друг Валерка решили прогуляться ночью по заброшенному католическому кладбищу.

Такое «мероприятие» требовало тщательной подготовки: весь вечер они посвятили чтению мистической литературы и рассказам страшных историй. И вот, ровно в полночь студенты подошли к старому кладбищу. В душе, конечно же, бушевала буря эмоций и сомнений: «На кой чёрт я сюда припёрся?!» – думал каждый из них, но об отступлении не могло быть и речи. Оба старались выглядеть достойно: Валерка закурил, Арсентий подзадоривал его и себя какими-то неуклюжими шутками, оба нервно хихикали. Вдруг, из-под кладбищенской ограды, к ним под ноги, сверкнув зелёными искрами глаз, кинулся чёрный котище! Едва с ног не сбил! Ребята шарахнулись в сторону, но стерпели...

Через пару шагов на покосившемся столбе, жалобно цокнув, погасла последняя тусклая лампочка, скупо освещавшая дорожку в царство мёртвых. Дурная примета, что не говори! Так они оказались в полной темноте возле входа на погост.

Нет, приятели не ретировались, хотя обоим было жутковато. Тесно прижавшись друг к другу, они вошли на кладбище и медленно побрели между могил и старинных склепов. Поневоле пришлось прислушиваться к разного рода странным звукам, которых было предостаточно, и отчего повсюду мерещились призраки...

Пройдя кладбище «насквозь», «испытатели силы духа» немного осмелели и решили усложнить задачу: обратно они двинулись поодиночке. Валерка пошел по дорожке вправо, а Арсентий – влево. Они натыкались на кресты и могильные ограды, путались ногами в каких-то колючках, напоминающих им чьи-то когтистые лапы, но, в конце концов, встретились у ворот, с которых и началось их приключение. Сначала Арсентий отшатнулся от своего возникшего из ночного мрака приятеля, как чёрт от ладана, а потом обнял его, как брата.

Трудно передать словами восторг, кипящий, подобно огромному паровозному котлу, в душе обоих смельчаков, и гордость, величиной никак не меньше Эвереста, по поводу славной победы над своими слабостями и предрассудками! Арсентий с Валеркой с тех пор – как родные. Только жизнь, как это часто случается, раскидала их по разным городам...

Но вот то тревожное чувство надвигающейся опасности в последние дни частенько заползло в душу профессора, и Ледовскому стоило немалых усилий, чтобы хоть на время о нём забыть. И другая проблема «нависала» над учёным. Её также надо было срочно решать. Ведь Андрону нужны документы. Уж паспорт-то – обязательно! А где и как его оформить? Вот ведь задача! Единственное, что приходило на ум, так это – изготовить временный, фальшивый... Но это – чревато крупными неприятностями, не говоря уже о том, что предстояло обратиться за помощью в криминальные круги. И уж, как ни крути, а ехать или лететь куда-нибудь Андрон пока не мог. Да и по городу ходить тоже... А вдруг попросит

какой-нибудь служитель закона предъявить паспорт, и – всё... Поэтому Арсентий был вынужден ограничить перемещения своего «брата» по улицам города, особенно в одиночку.

Но того, что в итоге произошло, не ожидал никто. Как-то утром профессор вышел из дома – ему понадобилось заглянуть в отделение Сбербанка, что на улице Невского...

Задержание произошло быстро и профессионально.

– Ледовской Арсентий Александрович?

– Да, это я.

– Прокуратура Калининградской области. Поедемте с нами.

– А в чём, собственно, дело?

– Там разберёмся...

Спорить с этими людьми профессор счёл неразумным. «На гомункулов они не похожи, – подумал Арсентий. – И это – главное! Может, с моими студентами что-то стряслось... Ладно, сейчас выясним...»

Но гадкое чувство страха вновь зашевелилось и злорадно захихикало где-то внутри.

Они проследовали с улицы Горького на Ракитную, затем повернули налево и остановились возле трёхэтажного особняка, видимо, ещё немецкого, огороженного решётчатым забором. Въехали в ворота, возле которых дежурил постовой.

– Областная прокуратура не здесь, – заметил Арсентий.

– А нам – сюда, – ответили ему.

Они вошли в здание, поднялись на второй этаж. Профессор отметил вооружённую охрану у дверей и на этаже, куда они поднялись.

«Как в гестапо», – подумал он, пытаясь сохранять внешнее спокойствие.

Один из сопровождающих его оперативников переговорил с кем-то по телефону. Арсентий уловил только одно слово: «доставили». Как следует осмотреться у профессора времени не было – небольшой холл, вокруг которого расположены двери кабинетов. Пол паркетный, на котором сверху постелено ковровое покрытие. В центре расположен журнальный столик со стульями. На столике – горшочек с цветущей магнолией.

– Вам – сюда! – повторил оперативник и постучал в дверь кабинета № 23.

Арсентия встретил человек в синей форме и погонах полковника.

– Старший советник юстиции Воронцов, – представился он и указал место, на которое должен был присесть Арсентий.

Выглядел слуга закона лет на сорок-сорок пять, почти лысый. Бледное лицо, светлые брови над серыми глазами с бесцветными ресницами, тонкий, прямой нос и узкие губы...

– Профессор Ледовской, – ответил учёный, хмуро поглядывая на прокурора. – Чем обязан вашему ведомству? Надеюсь, мне не вменяется что-либо из ряда вон выходящее? – он старался держаться достойно, но что-то подсказывало ему, что здесь для него приготовлен пренеприятный сюрприз.

Воронцов умело выдержал театральную паузу, внимательно рассматривая документы, лежащие у него на столе.

– Видите ли, уважаемый профессор, – наконец, начал беседу прокурор. – Наше дело... а, точнее выражаясь, ваше... как раз выходит за рамки «обычного». – И уставился на собеседника своими стеклянными глазами.

Арсентий между тем огляделся. Небольшое помещение было угловым, с двумя небольшими окошками на каждой из внешних стен. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы кабинет хорошо освещался. На подоконниках – горшки с цветами, на стене, что напротив входа, рядом с окном – календарь, круглые часы и портрет президента, всем своим

видом говорящего: «Не всегда в этом мире виновные несут заслуженное наказание, но ты приготовься к худшему!»

Выдержав пристальный, ледяной взгляд Воронцова, профессор подумал: «У этого альбиноса погон, словно коньячная этикетка», а вслух учтиво предложил:

– А почему бы нам не перейти к делу? На кафедре меня ждут студенты. Скоро сессия и у нас много дел в университете.

– Студенты? – переспросил прокурор, – это хорошо... По нашим сведениям, вы занимаетесь... созданием органов, которые вполне способны заменить человеческие...

– Это в какой-то мере... соответствует истине.

– Вот и отлично... И вам удалось... Заметьте, это – не предположение, а констатация фактов, то есть, той неопровержимой информации, которой мы располагаем... – он снова сделал многозначительную паузу.

– Что же, по-вашему, мне удалось?

– Соединить эти органы воедино и создать... гуманоида, который теперь бесконтрольно разгуливает по улицам нашего города.

– Вам самому не смешно, полковник?

– Я бы с удовольствием посмеялся вместе с вами, дорогой профессор. Однако, как это ни странно прозвучит, но... хотелось бы получить некоторые разъяснения по поводу вашего... так называемого брата... Андрона.

Как ни старался Арсентий, но лицо его дрогнуло. Старший советник юстиции это заметил. И продолжил:

– По нашим сведениям у вас никаких братьев нет. Так кто же скрывается под именем Андрон? И где он сейчас?

«Как? Как он узнал?!» – сердце Арсентия застучало, как колёса локомотива.

– Я не понимаю, о ком вы говорите, – пожал плечами в ответ Ледовской.

– Не понимаете... Но, как я вижу, очень встревожены? Отчего бы? – мягким, медовым голосом произнёс Воронцов и нажал кнопку на столе. – Павел Сергеевич, прошу вас...

Через полминуты дверь за спиной Арсентия раскрылась, в кабинет вошёл какой-то человек, который направился в Воронцову. Ледовской не оборачивался. «Включить «дурака»! Ни в чём не признаваться! У них нет доказательств! А если попробуют захватить Андрона, ничего не получится! Он просто не подпустит их к себе!»

Вошедший достал из папки фотографию и положил её перед прокурором. Арсентий тотчас узнал её! Это было фото Андрона, которое сделал он, Ледовской, для оформления паспорта! Только, значительно увеличенное!

Медленно, очень медленно профессор поднимал глаза на того, кто принёс эту «улику». Это был гомункул Павел...

Павел раскрыл папку и сделал вид, что тщательно изучает хранящиеся в ней документы. Воронцов подал знак рукой, и он сел рядом с ним.

«Ну и что? – отчаянно размышлял Арсентий. – Гомункул украл фотографию, которая хранилась в моём компьютере. Но какой информацией обладает прокурор? Да никакой! Нет доказательств, что я создал Андрона! Ничего у него нет!.. Ни на меня, ни на него!» Это в какой-то мере придало профессору уверенности.

– Вам ничего не говорит это фото? Точнее – лицо, которое на нём запечатлено?

– Извините, не признаю... Мутное оно какое-то, расплывчатое. В каком ателье производилась съёмка? – последние слова были обращены к гомункулу.

– Это сейчас неважно, – был ответ.

– Стало быть, вы не подтверждаете своё знакомство с этим гражданином, – голос Воронцова стал таким же бесцветным, как и его глаза.

«А вдруг и он тоже из этих?..» – с тоской подумал Арсентий. И ответил:

– Ни в коей мере.

– Отлично.

– А может быть, вы всё-таки введёте меня в курс дела? Объясните, наконец, что всё это значит? Нелепое обвинение в том, что я, лет на сто обогнав современную науку, «клепаю» гуманоидов... – молниеносный взгляд на невозмутимого Павла, развалившегося на широком стуле. – Затем вы подсовываете мне фотографию какого-то молодого человека... Уж не гуманоид ли это? А может быть инопланетянин? С ними я тоже, извините, не контактировал. Вы, наверное, забыли, что я учёный и при этом, весьма известный не только в России!

– Успокойтесь, – тирада профессора, казалось, возымела действие. – Конечно, я вам всё объясню. Но, в части, касающейся лично вас, не разглашая тайны следствия. Так вот. В нашем городе произошло массовое убийство. Пока этот факт держится в секрете от СМИ, иначе они раздуют это дело так, что горожане перестанут выходить на улицу. Скажем иначе: в городе объявился маньяк. – Он кивнул на фото Андрона. – Чрезвычайно опасный. Этим делом занялась Генпрокуратура РФ. Павел Сергеевич, как раз – их представитель. Из Москвы. – Гомункул изобразил «дежурную» улыбку и кивнул в знак приветствия. – По некоторым сведениям, этот человек, – опять акцент на фото, – непосредственно связан с вами. Вас видели в его обществе. Мало того, именно вы представляли его как своего брата – Андрона. Всё верно, Павел Сергеевич?

– Совершенно верно. Я даже скажу, кому он был представлен, – если б гомункул был человеком, то, наверное, весь светился бы от счастья. – Свидетелей, как минимум, пятеро... Авенир Петрович Овсянников... Александр Валерьевич Бударин... Николай Анатольевич Бондарев... Николай Павлович Сунцов... Ксения Петровна Ерёменко. Вы настаиваете на очной ставке?

– Если вам будет угодно. А пока я заявляю, что всё это – полный бред! – «Только не надо брать меня на понт», – вертелась в мозгу Ледовского фраза из какого-то фильма. – Для того чтобы задерживать уважаемого человека, вам надо разжиться более мощным арсеналом обвинений и соответствующей доказательной базой.

– Ну, Арсентий Александрович, – «сбавил» тон Воронцов. – Когда у нас будет такая база, вас уже не задержат, а арестуют... Мы пригласили вас в надежде, что вы поможете следствию, заслужив тем самым снисхождение... суда.

– Увы. Я хотел бы вам помочь, но сам ничего не понимаю!

– Ну, что ж, будем считать, что так оно и есть, – лицо Воронцова сделалось каменным. «Нет, он не гомункул», – подумал Арсентий.

– Тогда, вот пропуск... И не смею вас больше задерживать.

– Если вы не возражаете, я доставлю профессора туда, куда он собирался, – промолвил Павел, поднимаясь со стула. – Вы ведь, если я не ошибаюсь, следовали в университет?

– Благодарю вас. Вы очень любезны.

Они вышли из особняка (по пути Павел заскочил в какой-то кабинет и надел куртку) и направились к машине. «Чёрт возьми, – подумал Ледовской. – Мне не следует ехать вместе с ним... Но, видимо, неприятного разговора вновь не избежать!»

– Ну и как там дела, в Москве? – осведомился он у гомункула, учтиво открывающего ему дверцу в «Мерседес».

– Опять вы ёрничаете, – глухо проговорил Павел, заводя двигатель. – Признаюсь, лихо вы работаете, – заметил он, когда они выехали за территорию «прокурорского особняка». – Но дело зашло слишком далеко. Боюсь, вам уже не выпутаться. Генпрокуратура тоже умеет работать. И улики найдутся. А это всё, – он кивнул на скрывающееся за поворотом здание, – доказательства того, насколько серьёзно вы влипли.

– И что же дальше?

– Меня удивляет ваше упрямство. Вам предложили отличную работу, как раз по вашему профилю, вам пообещали массу материальных благ и безграничную поддержку...

– У меня похитили любимого человека, – напомнил Ледовской.

– Вы про это... Да, ведь вы вели себя в какой-то степени неуважительно по отношению к нам. Мы были вынуждены подстраховаться перед визитом... Магистра Вечности. Никто не был уверен, что вы не выкинете очередной фортель...

– И вы решили нажать на самое больное место...

– Поверьте, с вашей подругой ничего бы не случилось. Вы даёте присягу на верность Братству, и... любящая пара навеки обретает друг друга. Вместо этого вы натравливаете на беззащитных трудяг своего монстра... кстати, должен признать, весьма качественное... изделие! И он не только расправляется с безобидными жителями кёнигсбергского подземелья, но и... полностью уничтожает наше святилище! Должен ли я объяснять вам, что Магистр Вечности просто взбешён?

– Нет, не должны. Я вам охотно верю.

– Похоже, вы не до конца осознаете создавшуюся ситуацию, – зловещим тоном проговорил гомункул, поворачивая на улицу Черняховского. – Теперь под угрозой не только судьба Ксении, но и жизнь ваших друзей! И только одно может в какой-то мере восстановить баланс...

– Неужели всё так серьёзно? – со стороны могло показаться, что Ледовской издевается над Павлом. На самом же деле ему было чрезвычайно тяжело.

– Напрасно вы полагаете, что мы не найдём способа нейтрализовать Андрона... Пусть это и затруднительно, но существует масса вариантов, чтобы избавиться от него... Однако он мог бы послужить Братству! Разумеется, вместе с вами. Мы временно утратили возможность воспроизводить гомункулов... И не можем больше вызывать «дьявольский огонь»!.. Когда-то это умел делать великий Тесла... Говорят, он использовал для формирования шаровой молнии не только электрическую энергию, но и звук... Некую мелодию... Мы пытались множество раз «угадать» эту мелодию, но всякий раз – неудачно... Но я уверен, что мы научимся вызывать «дьявольский огонь», пусть даже на это уйдут годы... Вам же как-то удалось оживить вашего «братца». И мы знаем, что с помощью шаровой молнии, которая, как ни странно, осталась «жить» в его теле!

Павел свернул на Клиническую улицу и остановил машину. Ледовской безучастно смотрел по сторонам, на начавшийся кружить снежок, на прохожих, спешащих по своим делам, и не торопился выходить из машины.

– Вот, взгляните, – Павел протянул профессору папку, которую всё время носил с собой, и из которой ранее извлёк фото Андрона.

Арсентий раскрыл папку. В ней содержались ещё десятка два фотографий.

– Довольно неприятное зрелище... даже для профессионала, – отметил Ледовской, просмотрев несколько из них. – Зачем вы это мне показываете? – Он швырнул папку на заднее сидение.

– Действительно, ужасное зрелище, – согласился гомункул. – Но всё это – часть уголовного дела, в котором фигурирует ваш братец. Все эти обезображенные трупы – его работа. Выполненная с особой жестокостью, как видите.

– Вы что же, фабрикуете дела?

– Разумеется, – с деланным огорчением признался Павел. – Что Генпрокуратура, что полиция, мы все служим одному хозяину. И этот хозяин – не учёный, не военный, не педагог или врач... В Братстве всегда знают, кого следует опорочить, а кого – «отмыть». Впрочем, о чём это я? Вы сами всё прекрасно понимаете, новости слушаете, в Интернет заглядываете... На достойного человека, пусть он и совершил грандиозное преступление, мы можем не заводить никакого дела, потому что... от свидетелей преступления... мы сами же и избавимся. А тот, кто не желает идти с нами в одном строю, будет обвинён в чём-то очень страшном и мерзком. И сидеть ему – до скончания веку. А сейчас ситуация такова, что ваш Андрон должен быть объявлен в федеральный розыск. Рано или поздно... скорее – рано... его обнаружат и уничтожат в процессе задержания. А те пятеро, чьи имена я огласил в кабинете Воронцова, будут обвинены в укрывательстве особо опасного преступника, пособничестве ему и неказании помощи следствию. Можно ещё присовокупить к этому организацию преступного сообщества... Сроки у вас будут очень серьёзные, господа... А имена честных и порядочных людей, которыми вы так гордитесь, будут навеки заклеены.

Арсентий молчал, с тоской поглядывая на снежные хлопья, беззаботно лежащие под колёса автомобилей. Хотелось вернуться в детство. Избавиться от взрослых проблем, поверить в добрую сказку, а не слушать угрозы бездушного и бесчувственного существа...

– Но выход есть, – продолжал гомункул. – И вариант действительно очень неплохой. Наш договор останется прежним: вы – нам, мы – вам!

– Магистр Вечности находится здесь, в Калининграде? – спросил Ледовской.

– Как вам сказать... В любой момент он может оказаться здесь. Несмотря на его... глубокое огорчение, я бы даже сказал, высочайшую степень недовольства вашими действиями, он согласен пойти вам навстречу.

– Это уже радует...

– Да, так уж получилось, что мы сейчас зависим от вас... и вашего... «изделия», а вы, в свою очередь, нуждаетесь в нашем покровительстве. А посему, все прежние наши условия остаются в силе. Только вам следует предстать со своим «братцем» пред очи Великого Магистра. И Андрон должен быть запрограммирован на выполнении только его святейшей воли! Вы отдаёте нам своё создание, а мы находим ему соответствующее применение. Вам же придётся начать производство следующего... гуманоида. Но, уже под нашим присмотром!.. Вы видите, как всё просто! И ни у кого не будет проблем!

– Действительно, – пробормотал Ледовской.

– И напрасно вы так расстраиваетесь. Нам нужно жить в мире и согласии. И тогда мы свернём горы! Вот вам моя визитка. Позвоните, когда успокоитесь, и мы договоримся о встрече. Надеюсь, на этот раз всё произойдёт без каких-либо... фокусов.

– Я вас понял, – ответил Ледовской, открывая дверцу машины.

– И опасайтесь необдуманных поступков, – предупредил на прощание Павел.

– Не становитесь у меня на пути, – бросил вслед ему Арсентий, когда машина отъехала в сторону улицы Фрунзе.

«...Возможна ли полная свобода в этом мире? И нужна ли она нам? Любая частица может считаться «свободной», если связи, которые удерживают её в устойчивом состоянии, достаточно прочны, но позволяют ей перемещаться в пространстве, взаимодействуя с себе подобными...»

Свобода – понятие относительное. Порой мне хочется парить, не завися ни от кого, но иногда... Хочется быть неразрывно связанным с другой частицей. Навсегда...»

Глава 8. Раздумья Великого Магистра

Арсентий долго стоял у входа в университет, отрешённо глядя куда-то мимо спешащих на консультацию студентов и преподавателей.

– Александрыч, приветствую вас! – поздоровался с профессором сотрудник его кафедры Михаил Лапов.

– Здравствуйте, Михаил Анатольевич. Вы, если не ошибаюсь, на консультацию?

– Да, всюю готовимся к сессии. А вы отчего стоите, как «витязь на распутье», не решаясь зайти на огонёк?

– У меня занятия лишь завтра... Вот, шёл мимо и поймал себя на мысли: «может заглянуть?» А потом передумал...

– И правильно, – Михаил участливо заглянул в лицо профессору. – Вы, Арсентий Александрович, неважно выглядите. Вам отдохнуть надо. А то, не дай бог, с коня свалитесь. А нам ещё шашкой махать и махать! Рождественские каникулы продолжаются, пользуйтесь этим!

– А почему вы не на машине, любезный? – Ледовской, кажется, начал «оттаивать».

– Усугубил вчера, каюсь, – честно признался Лапов, широко улыбаясь. – Немного согрешил, но от души и с превеликим удовольствием! Поэтому сегодня я – только на общественном транспорте!

Простившись с коллегой, Арсентий задумался. Очень хотелось увидеть Ксению. Но, это – потом... Сначала надо сообщить Андрону о разговоре с гомункулом. Посоветоваться с ним... Видимо, придётся дать согласие и... А что остаётся делать, раз они буквально за горло схватили... «Может, братишка что-то подскажет», – подумал профессор.

Он пересёк площадь Василевского, постоял «на светофоре», наблюдая за потоком машин с Литовского вала, полюбовался видом на Росгартенские ворота...

По пути домой, где его ожидал Андрон, Ледовской, как всегда, размышлял. Этому вполне способствовал начавшийся снегопад, именно такой, каким он ещё с детства завораживал Арсентия: с крупными воздушными хлопьями, плотный и... неторопливый. Он, словно театральный занавес, отгородил Ледовского от бесконечного потока машин, приглушил городские звуки, даже воздух, казалось, очистил.

...Отслеживая результаты своей работы, у профессора возникало множество вопросов и сомнений... Впрочем, они мучили совесть учёного и прежде. Должна ли наука становиться соавтором эволюции? Кому нужно его «революционное» открытие? Зачем «улучшать» или «гармонизировать» человеческий род? Ведь в итоге традиционное человечество может быть заменено человечеством искусственным! Не будут ли его успехи и достижения использованы для обогащения небольшой кучки предприимчивых людей, для ведения войн

или создания людей «высшей» расы? Именно об этом свидетельствовал возросший интерес Братства Вечности к его работам ...

«Всем нам необходимо понять, что преимуществами искусственного интеллекта можно будет пользоваться только до тех пор, пока им можно управлять, однако никто не знает, чего следует ожидать, если он вдруг выйдет из-под контроля, – рассуждал Арсентий. – Здесь возможно повторение ситуации, сходной с изобретением атомного оружия: когда «ах!» было произнесено уже после того, как «джинна» выпустили из бутылки... Но, возможно, я не прав и... человечество погибнет не от искусственного интеллекта, а от естественной глупости?..»

Он свернул с шумной улицы Александра Невского на Линейную, затем на улицу Потёмкина. Дальнейший его путь проходил меж старых, ещё немецкой постройки, домов, отремонтированных и восстановленных калининградцами. Здесь царил просто торжественная тишина, народу было мало. Ничто не отвлекало профессора от раздумий. А они уже перешли в несколько иную плоскость.

«...У бионического человека нет прошлого и отсутствует собственный жизненный опыт... Особая моя гордость – искусственно созданная память, по своей сути является суррогатом, обыкновенной компьютерной программой. Во многих житейских вопросах мой андроид совершенно беспомощен, но, тем не менее, он остаётся мыслящим существом, способным думать и чувствовать, переживать и страдать. Порой даже острее и ярче, чем все мы... Да, дорогой профессор, это – действительно так...»

Именно поэтому у таких, наделённых сверхспособностями и недюжинной силой особей, имеется большой риск возникновения психических срывов и серьёзных отклонений в поведении. А если они сделаются агрессивными или начнут выходить из-под контроля своего Создателя, как тогда с ними поступать? Неужели убивать? Но такой подход я считаю недопустимым даже по отношению к животным. А какое право я имею на то, чтобы обрекать на несчастную и полную страданий жизнь высокоорганизованное разумное существо? Ведь это – жестоко и не достойно ученого. Я не хочу стать родоначальником новоиспечённого расизма и кровавых битв за мировое господство... А ведь все это кажется мне теперь реальностью».

Профессора чрезвычайно волновала судьба Андрона. «Ладно, если я буду заниматься своим делом, выращиванием гомункулов под надзором какого-нибудь внедрённого в штат кафедры лаборанта... А как же мой... братишка? Какие чувства станет испытывать он? Должен ли он будет пойти против своих жизненных принципов? Сможет ли выдержать насилие над своим «эго»?.. В какого монстра решит превратить его Братство?»

И снова возник вопрос: существует ли выход из сложившейся ситуации? Что предстоит положить на чашу весов? Чем пожертвовать? Совестью? Моралью?

«...Как часто, – думал Ледовской, – «балуясь» наукой ради самой науки, мы упускаем из внимания тот диссонанс, который может принести миру наше открытие... Михаил Булгаков устами профессора Преображенского как-то прокомментировал: «...зачем творить человека, если любая баба может его родить совершенно естественно?!» Не лучше ли и нам направить свои усилия на рождение здоровых детей у нормальных родителей? Или на снижение количества патологий у малышей, появившихся на свет естественным путем, и предупреждение аномалий у тех, кто еще не родился...»

В создании искусственных людей – явный интерес только у Братства Вечности. Никому из нас эта идея не нужна! Он, профессор Ледовской, невольно пошёл на поводу у

них, не по собственной воле создав андроида... Или, всё-таки, в этом были замешаны личные амбиции учёного? Тогда выходит, что гомункул Павел и его хозяева были правы?

А его друзья? Которые ещё не знают, какая опасность нависла над всеми ними... Да, он, конечно, примет присягу и будет жить по законам Братства... Лишь бы его близким людям не грозила никакая беда... Но сначала следовало переговорить с Андроном.

«Только бы он был сейчас дома...» – с тревогой подумал Арсентий, открывая дверь.

У человека... обычного человека, за мыслительный процесс «отвечает» центральная нервная система, основными элементами которой являются клетки с соответствующими отростками – дендритами и нейритами. Каждая такая клетка является морфологической единицей нервной системы, иначе называемой – нейроном. Обмен информацией в нервной системе происходит за счёт сложных сигналов, в которые преобразуются любые человеческие ощущения и представления, впечатления и эмоции...

Похожие процессы происходят и в мозгу андроида, только мы не будем торопиться объявлять их «мышлением». Электрические сигналы в виде единиц и нулей «скачут» от одного устройства к другому, от блока к блоку. Но если попытаться трансформировать эти процессы в удобоваримый для человека вид и перевести такие «мысли» на наш, «людской» язык, то получалась бы следующая картина.

«Почему даже самые близкие и дорогие люди не способны меня услышать и попытаться понять? Впрочем, глупо и несправедливо говорить сразу обо всех... Люди – разные... Многих из них жизнь ломает и ожесточает, превращая в жалких завистников... Иногда, чтобы стать хоть чуточку добрее, им необходимо пожить некоторое время в нужде и голоде... Я не раз замечал, как они стараются спрятать свои искренние чувства, желания и лучшие душевные порывы под маской равнодушия. Думаю, это для того, чтобы избежать насмешек и не стать изгоями в сером и жестоком стаде. Поскольку другого окружения у них просто нет, и вряд ли когда-то будет, вот им и приходится приспособливаться, чтобы хоть как-то существовать в этой среде...

Но есть, конечно, и исключения – Ксения, Арсентий и его верные друзья... Они навсегда останутся для меня примером. Благодаря им, я стал способен различать добро и зло, после чего обрёл способность и право любить или ненавидеть...

Любить... это так прекрасно! Никакое иное чувство несравнимо с этими волшебными ощущениями души! Без истинной любви наша жизнь пуста, бесцветна и лишена смысла... Однако всё чаще в моей жизни наступают минуты, когда становится безумно грустно и одиноко. И, вроде бы, есть с кем поговорить, только я понимаю, что людям не до меня... Они думают, что если у меня нет слёз, то я не способен страдать, чувствовать обиды, страх и боль... Как же они ошибаются!

К сожалению, все любимые мною люди называют меня андроидом... Поскольку даже они не готовы понять и принять того факта, что я – тоже человек! Нет, я никого не виню... Просто мне предстоит доказать окружающим, что я такой же, как и они!»

В одном из роскошных особняков на калининградском взморье, окружённом высокой кирпичной стеной и высаженными по периметру стройными голубыми елями, окна на верхнем этаже светились даже глубокой ночью. Из высокой трубы поднимался столб дыма, предвещая ясную и морозную погоду. В просторном помещении, выглядевшем как покой рыцарского замка, горел камин. На стенах висели волчьи и медвежьи шкуры, головы кабанов, оленей и лосей.

Между ними были развешены старинные мечи, арбалеты и несколько единиц огнестрельного оружия: древние мушкетеры и охотничьи ружья разных «возрастов». На блестящем полу был постелен толстый ковёр восточной работы. За широким столом в мягких кожаных креслах расположились четыре человека. Они вели неторопливую беседу и наслаждались выставленными на столе яствами. Во главе стола, ближе всех к камину сидел пожилой господин в атласном халате, накинутом на тонкую шёлковую рубашку.

Вышколенная прислуга возникала перед ним в нужные моменты, словно материализовалась из причудливых клубов дыма от дорогих сигар.

– Будь он человеком, – медленно произнёс пожилой мужчина, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, я бы организовал показательную... экзекуцию. Но тот, кто имеет дело с гомункулами, сам должен сдерживать свои эмоции...

– Да, Ваше Святейшество. На них ничего не подействует. Ни доброе слово, ни грубый окрик. Их не напугаешь и не удивишь ни пыткой, ни смертью... Но, зато они не предают и не продают, – ответил мужчина, сидящий справа от высокого гостя. – И практически никогда не ошибаются...

– Полно вам, брат Монте. – Пожилой поднял бокал, который тут же наполнила рука расторопного слуги. – Сотни лет нам верно служило наше святилище и мне до сих пор трудно смириться с мыслью, что оно безвозвратно утрачено. И всё это из-за вашего «умника», не разглядевшего, что у него под носом профессор ухитрился... смастерить собственную куклу... К слову, весьма разумную.

– И профессор, и его изделие будут служить нашему Братству, – поспешил уверить его брат Монте.

– И всё-таки, – повелитель сделал глоток. – Мне кажется, что я должен кого-то казнить. Из вас, из посвящённых людей. *Ad libitum!* (75). Если гомункулы не несут ответственности, то за них должны ответить люди. Что вы на это скажете, брат Астер?

Сидящий напротив пожилого полный лысый человек поднялся из-за стола и изобразил подобострастную улыбку.

– Только прикажите, Ваше Святейшество. Негодник будет умирать долго и мучительно...

– А если мой выбор падёт на вас? Вы – лицо ответственное и должны были предусмотреть такой исход событий. Вы же целиком положились на гомункула, а собственный разум вам ничего не подсказал?

Брат Астер молчал, лишь поник головой и тяжело задышал.

– Садитесь пока. Я ещё подумаю, – тихо и устало произнёс пожилой господин. – *Absente reo* (76), вы все виноваты, братья. И нечего свои неудачи валить на просветлённых, как бы ни были они умны и расчётливы...

Трое братьев предпочли хранить молчание. Они знали: если их повелитель в своих речах начал чаще обычного употреблять латынь, то он находится в той стадии раздражения, когда ему лучше не перечить, ибо угрозы, исторгаемые им, это далеко не пустой звук.

В камине потрескивали сосновые дрова. Тепло, исходящее от очага, и многолетней выдержки вино самых редких и изысканных сортов, казалось, должны были благотворно повлиять на характер разговора и умерить жестокость намерений Его Святейшества.

– Итак, – продолжал пожилой господин, – вы все настаиваете, что следует обратить внимание на этого доктора... профессора... Как его?... подскажите, брат Роккья.

– Профессор Арсентий Ледовской, – тотчас ответил третий брат, сидящий слева от патриарха.

– Опишите его. Докажите, что он может быть нам полезен.

Брат Роккья выглядел моложе своих собеседников. Он носил небольшую бородку и тонкие усики. К этому портрету не доставало длинных роскошных волос, чтобы выглядеть подобно искателю приключений и покорителю дамских сердец эпохи XVII века, но у брата была короткая, аккуратная причёска. К слову, сидящий напротив него брат Монте, выглядел, скорее всего, как средневековый мыслитель, астролог, врач или алхимик, твёрдый взгляд которого и морщины на высоком лбу свидетельствовали о его незаурядных способностях. Брат же Роккья был похож на судью, знатока не только законов, но и всевозможных юридических лазеек, с помощью которых любой закон можно обойти.

– Мы долго нащупывали подход к Ледовскому. Прежде чем посвятить в Тайны Братства, мы тщательно изучили его деятельность. Оказалось, что он проводит весьма успешные опыты в области создания искусственных органов, способных стать донорскими, то есть, заменить человеческие. При этом, как ни странно, он делал свою работу, не посвящая в неё медицинское сообщество. И мы поняли, что этот человек может оказаться нам весьма полезным при создании гомункулов...

– Вы сразу определили его на роль Создателя... – холодно произнёс пожилой господин.

– Именно так, Ваше Святейшество. Учёный с мировым именем, весьма перспективный...

– Вы поступили, как гомункул! – повысил голос Его Святейшество. – Вы придали большой вес его достижениям, но не смогли заглянуть ему в душу! – глаза старца яростно сверкнули. – А что прячется там, внутри? Чем наполнена душа этого человека?! Запомните: только тот способен стать настоящим Создателем, кто проявляет к нашему делу неподдельный интерес и участие! Если же его пытаться улещивать или, хуже того, запугивать, это может привести к катастрофе!.. К чему, собственно говоря, и привело...

– Нам казалось...

– Это вашему гомункулу казалось!!! Тому, кто проводил с ним глупейшие душеспасительные беседы! – старец перешёл на крик. Впрочем, он тут же взял себя в руки и сбавил тон. – Профессор осмыслил ситуацию и осмелился дать нам отказ. Но, чтобы избежать неприятных последствий, решил сам «смастерить» себе помощника и защитника! У вас под носом! Скажите, вам известно, как он осуществил свою задумку?

– Мы организовали прослушку телефонных разговоров. Установлено, что он соединил синтезированные им органы в единый организм...

– Вы прекрасно понимаете, брат Роккья, что этого слишком мало, – прошипел старик. – Как он сумел его оживить и одушевить?! Кто научил его повелевать «дьявольским огнём»?

В зале надолго повисла гнетущая тишина. Разгневанный взгляд пожилого человека перемещался от одного из его подчинённых к другому, и этот взгляд не обещал ничего хорошего.

– С давних времён, – наконец, подал голос молчавший до сих пор брат Монте, – известно предание... о Постороннем...

Эта фраза тотчас привлекла внимание всех присутствующих за столом.

– ...Давно забытое предание, и потому казавшееся выдумкой или... детской сказкой...

Брат Астер, собрав в ладонь все три своих подбородка, недоверчиво сверкнул из щелочек глаз в сторону Монте, а брат Роккья пожал плечами. Его же Святейшество осторожно переспросил:

– Ты, думаешь, брат, что мы столкнулись с ним... с тем, кого называют Посторонним? Напомни-ка нашим братьям эту историю. Кто знает, может быть, на сей раз ты... не заблуждаешься.

Брат Монте благодарно кивнул своему повелителю. По его же знаку служка наполнил ему бокал красным вином. Тот медленно и с достоинством осушил его и приступил к изложению своей мысли:

– Если мы обратимся к трудам Платона, к тем, в которых впервые появляется имя Демиурга, то есть Мастера... а таковым он называл единого Бога-Творца, то заметим, что этапы развития и устройство Вселенной очень напоминают процесс... создания гомункула. И там, и тут – существует «неделимое идеальное» и «делимое материальное»... Именно это учение было взято за основу первыми Создателями... Впоследствии...

– Впоследствии, – перебил брата Монте старец, – некоторые излишне откровенные братья с неподобающими подробностями описывали процесс создания гомункула! Поэтому нашим предшественникам пришлось немало потрудиться, чтобы вымарать эти знания из древних рукописей!

– Да, – продолжил Монте. – Они усердно вычёркивали из псалмов и священных книг всякую информацию о выращивании и оживлении гомункулов, даже весьма туманные намёки.... А позже, лишь за одно упоминание о чем-то подобном, обвиняли выскочек в ереси и вели на костёр излишне любопытных, дабы искоренить одну лишь мысль о том, что человек подобен Богу-Творцу и сам способен сотворить и оживить нечто, близкое к человеку... путём, далёким от естественного... И только нашему Братству удалось сохранить древнейшие документы и знания, доставшиеся нам от самого Демиурга...

Демиург – Мастер, – продолжил Монте после долгой паузы. – Стало быть, у него были Подмастерья. Сейчас об этом не знают, точнее, христианство это отрицает. Ведь речь у нас идет вовсе не об учениках Иисуса из Назарета. Хотя, в язычестве это наглядно показано: есть верховный бог, и есть боги – помощники... Но, коль есть Мастер, то должен быть и Просветлённый, скажете вы. И будете правы. Но кто он, и каковы его цели, нам знать не суждено. Если же мы начнём сами рассуждать о его... сущности и назначении, тогда рискуем углубиться в непроходимые лабиринты рассуждений и потеряем нить нашей беседы...

Именно в тех... первоисточниках упоминается о Постороннем. Кто он, какими обладает знаниями и полномочиями, выходит за рамки нашего понимания. Но у него – свой подход к созданию и устройству... как Вселенной, так всего живого и неживого...

В древних скрижалях упоминается о том, что... в противовес нашему Братству... ожидается появление могущественного Постороннего, который будет иметь свой... способ создания гомункулов, и что его гомункулы будут сильнее наших... Прошу поправить меня, если я что-то напутал или изъяснился не совсем верно и понятно...

– Bravo, брат Монте, – одобрительно произнёс старик. – А ведь подобные пророчества были не только во времена древних, но и гораздо позднее... Колокол бил, да не был услышан... Так ты считаешь, что профессор Ледовской и есть упомянутый Посторонний?

– Выходит, так, – тихо и как-то смущённо ответил Монте.

– Благодарю тебя, брат... – старец задумался. – Что-то мне подсказывает, что ты близок к истине...

Сухие поленья постреливали смоляными искрами.

– Если это так, – мрачно произнёс пожилой господин, – то не нам с ним тягаться...

– Так что же делать? Неужели пришёл конец Братству Вечности? – пролепетал толстяк.

– Мы ведь для того и собрались здесь, брат Астер, – неторопливо ответил пожилой, – чтобы решить, как нам поступить далее. Вот лично вы... что думаете по этому поводу?

Брат Астер зажмурился, вспомнив недавнюю реплику повелителя о возможности строгого наказания, потом сморщился так, как будто собирался чихнуть, но вместо этого изрек:

– Профессор Ледовской – обычный человек. Со всеми человеческими слабостями. Именно это и является самым уязвимым его местом! Допускаю, что он как-то связан с упомянутым Посторонним, если сам таковым не является... Но он-то об этом даже не подозревает! По крайней мере, за всё время наблюдений, он ничем себя не выдал...

– Значит, плохо наблюдали, – вздохнул пожилой человек. – *Beata stultica* (77)! Обычные люди не создают гуманоидов, брат Астер!!!

Опять наступило тягостное молчание, нарушаемое гулом огня, стремящимся вырваться через трубу на свободу. Брат Астер взглянул на часы, стоящие на камине. Три часа ночи. Конечно, Великий Магистр прибыл из мест, где время отстаёт от местного часов на шесть... Только бы ничем не выдать, что тебя одолевает усталость и сонливость! Вовремя слуга принёс горячую пакери с фуагра (78)... Но, нельзя показывать, что ты озабочен только наполнением собственного желудка... После таких слов... Что же молчат братья? Почему они не высказывают решительные предложения? Или они хотят сделать «крайним» его, брата Астера, хотя виноваты все?

– Ничто так не учит, как осознание собственных просчетов. Нам необходимо взвесить все *pro et contra* (79), прежде чем приступать к каким-либо действиям, – немного успокоившись, промолвил Великий Магистр. – Нет ничего хуже нерешительности, колебаний и бездействия. Ведь упущенный момент не вернёшь. Прежде всего, следует определиться: целесообразно ли привлекать профессора Ледовского на свою сторону... Тут мы можем ошибиться, но *non omnis error stultitia est* (80). Главное – не перегнуть палку...

– Мы до сих пор не знаем, что решит сам профессор, – тихо проговорил Брат Роккья. – Возможно, следует ещё раз поговорить с ним, разъяснить, убедить...

– Это после того, как вы загнали его в угол? А не думаете ли вы, что он сейчас смастерит себе ещё какого-нибудь терминатора и направит его уже по наши души?

И тут раздался музыкальный сигнал телефона.

– Сообщение от гомункула, который ведёт диалог с профессором... – шёпотом пояснил брат Астер, достав черный, компактный «Nokia».

– Включите громкую связь, – приказал Великий Магистр.

Почти сразу раздался незнакомый, но довольно звучный голос:

– Я – андроид профессора Ледовского, Андрон. Мой хозяин дал мне задание связаться с вами...

– Внимательно слушаю, – ответил ему гомункул Павел.

– Я готов поступить в ваше распоряжение. Меня перепрограммировали на выполнение ваших приказов. «Дьявольский огонь» хранится во мне, поэтому у меня есть возможность возобновить работу вашей... погибшей лаборатории.

– На каких условиях? – почти прокричал Великий магистр.

– Условия профессора таковы: вы оставляете Ледовского и его близких в покое. На первом, подготовительном этапе сотрудничества в подземной лаборатории вместо него буду

работать я. Профессор в это время займется синтезированием достаточного количества необходимой вам биомассы...

«...Очевидно существуют желания, которым никогда не суждено сбыться, как бы мы того ни хотели и ни просили у Создателя... Возможно, он поступает так для нашего же блага...»

В мире много пороков и тяжких грехов. Один из них – обман человека, который тебе безоговорочно верит. Ложь бывает «белая» и «чёрная». «Чёрная» – это заведомое враньё. «Белая» – утаивание части правды. Нередко «белая» ложь бывает намного страшнее и коварнее «черной»... Но мне не остаётся ничего другого, как спасти всех ценой собственной жизни... Для этого придётся сказать своим близким неправду... Обмануть их первый раз в жизни... Мне стыдно и горько, но иного выхода я не вижу».

Глава 9. Прощание с друзьями

Отпраздновав Рождество, калининградцы уже мечтали «отдохнуть» от новогодних каникул и стали готовиться к обычному повседневному труду. Новый календарь, приподнятое настроение, свежие планы на будущее... И вроде бы продолжают те же дела, что начаты ещё в ушедшем году, но... явно чувствуется, что промежуток между старым, оставшемся в прошлом, и новым, еще таким туманным, но уже начавшим свой разбег, достаточно велик.

В «Клубе калининградских краеведов» прошло первое собрание. Обсуждался план мероприятий на текущий год. Не обошлось и без споров, а как же? Простора для деятельности много, а отдать предпочтение какому-либо определённом мероприятию – дело непростое. Были запланированы и поисковые работы, и исследовательские. Краеведов ожидали и очередные раскопки, и поездки (далеко и не очень), и спуск под воду, и «ныряние» в пыль архивов...

Когда члены клуба, обсуждая итоги собрания, разошлись по домам, Авенир Петрович Овсянников и Александр Валерьевич Бударин продолжили разговор у развёрнутого плана подземелий, недавно дополненного «квадратиком Андрона», обозначающего дом на улице Сергеева 2.

– Краеведов-энтузиастов издавна интересовала история масонства в Кёнигсберге, – задумчиво произнёс Авенир Петрович. – Вот, взгляните на карту. Здесь, вдоль Замкового, или, по-нашему, Нижнего пруда тянется на север подземный ход. И тут же, – он отметил на карте несколько точек, – были расположены штаб-квартиры целого ряда масонских лож. Вот здесь, в северной части пруда они выкупили огромный дом и часть территории у самого водоёма, куда доступ горожанам был закрыт... Только с приходом к власти Гитлера масонские собрания были запрещены... И вот недавно тут были обнаружены новые подземелья...

– То есть, – Бударин потянулся за сигаретой, – вы считаете, что подземный цех по производству гомункулов и обилие масонских... владений в непосредственной близости от него... это не случайное совпадение?

– Мне кажется, что масоны проявляли к этому процессу несомненно повышенный интерес. А уж доказать, так это или нет, это уже наша с вами задача, дружище! – Овсянников

немного помедлил, обдумывая очередную фразу, и добавил: – Уж не масоны ли стоят за всеми этими... гомункулами?

Александр подошёл к окну, отодвинул штору.

– Люблю я зиму, – со вздохом произнёс он. – Даже нашу, калининградскую. Не всегда снежную и морозную... Красиво...

Он затушил сигарету о пепельницу, которую держал в руке.

– А знаете, Авенир Петрович, я считаю, что масонство в Пруссию завезли русские офицеры... дворяне. Во времена Семилетней войны. Тогда, когда Кёнигсберг был в составе Российской империи... Ведь до тех самых времён никаких упоминаний о масонах нет? Или я ошибаюсь?

– Ну почему же? Известно, что русские создали Андреевскую масонскую ложу. Позднее она была переименована в «Три короны». Если не ошибаюсь, она основана в 1758 году... А вот первые упоминания о масонах в Кёнигсберге относятся к XVI веку, когда они появились в Королевском замке... Кроме «Трёх Корон», кстати, существовали и другие ложи...

– И практически все они располагались возле Замкового пруда... Как представляю, что эти господа мирно прогуливались вдоль нашего любимого озера... – он рассмеялся.

– В те времена вокруг него располагался настоящий оазис, этаким тихим райским уголок... И, заметьте, совсем неподалёку от Парк-отеля, где и найден вход в подземелье...

– Я думаю, надо бы исследовать и другие сохранившиеся немецкие дома, расположенные поблизости. Может, и в них тоже есть замаскированные... или замурованные входы, – размышлял Бударин. – На улице генерала Соммера стоят похожие здания... можно проверить Спортивный комплекс ДКБФ, бывший университетский спорткомплекс Палестра Альбертинум...

– Ну, вы вновь затеваете грандиозную поисковую операцию! – рассмеялся Овсянников.

Александр Валерьевич собрался что-то ответить, но его внимание привлекла открывающаяся дверь. На пороге возник улыбающийся Андрон:

– Вы позволите?

– А вот и наш проводник по подземельям! – обрадовано воскликнул Бударин.

– Очень рад вас видеть, – радушно приветствовал гостя и Овсянников.

Крепкие мужские рукопожатия. В нагретом помещении сразу почувствовалось, что Андрон принёс на своих плечах настоящую зимнюю свежесть.

– А брата где оставил, Андрон? – поинтересовался Александр Валерьевич.

– Он опекает Ксению, – ответил андроид.

– Ох, чувствую, дело пахнет свадьбой, – Авенир Петрович подмигнул Андрону. – Да и что говорить, нельзя такие дела затягивать... до бесконечности.

– У них всё будет хорошо, – немного рассеяно ответил «синтетический человек». – Я абсолютно точно это знаю...

– Примете участие в дискуссии? Мы тут с Александром Валерьевичем обсуждаем вероятность участия масонов Кёнигсберга в ритуалах, связанных с созданием гомункулов.

– Сегодняшнее Братство Вечности... и масоны, что-то общее у них, определённо есть, – добавил Бударин.

– Да, своеобразные знаки при приветствии, тут и там магистры и посвящённые... И места их обитания... Взгляните, Андрон, неспроста же все они облюбовали Замковый пруд.

– Я не уверен, что Братство Вечности и масонство – это одно и то же, – ответил Андрон. – Хотя сходство, несомненно, есть. Впрочем, так же, как и во всех других тайных обществах. И масоны, несомненно, чем-то таким интересовались... Но, история выращивания гомункулов гораздо длиннее. Вероятно, она длится многие тысячелетия... и, скорее всего, не является изобретением самих землян... Но всё это ещё предстоит выяснить. А вообще-то я попрощаться забежал.

– Уезжаешь? – удивился Бударин.

– С профессором? – спросил Овсянников.

– Нет, я один.

– Надолго? Куда?

– Нет, ненадолго. На очень серьёзное мероприятие, – Андрон изобразил жизнерадостную улыбку. – Просто, я хотел повидать вас обоих... перед разлукой. Рядом с вами ощущаешь причастность к чему-то особенному, чрезвычайно интересному... То, чем вы занимаетесь, чертовски важное и нужное дело. Надеюсь, и наши современники и наши... потомки не раз скажут вам: «Огромное спасибо»!

– А отчего так невесело? – заподозрил неладное Бударин. Внезапно ему показалось, что Андрон глядит в пустоту и видит там образ собственной смерти. – Всё ли у тебя в порядке, дружище?

– Такое впечатление, что наш молодой друг чего-то не договаривает, – Овсянников пристально взглянул на Андрона поверх очков.

– Друзья, прошу вас, не спрашивайте лишнего! Передавайте привет вашим коллегам...

– Ты вернёшься, Андрон?

– Вернусь. Обязательно вернусь...

– А чем ты намерен заняться, когда выполнишь свою миссию? – спросил Бударин.

– Я буду радоваться вашему счастью...

– Ты не понял моего вопроса...

– Это вы не поняли ответа, – улыбнулся Андрон.

Николаю Бондареву вдруг захотелось одиночества. Среди круговерти событий часто наступает момент, когда почувствуешь потребность остановиться, оглядеться и не торопясь собраться с мыслями... Он взглянул в окно. Начинало темнеть и в городе зажглись фонари. Снегопад, кажется, усилился. Небо настойчиво посылало на землю целые полчища своих белых, мохнатых подданных, которые с бешеным азартом устремлялись вниз, и... находили покой на убелённых ими тротуарах.

Николай подсел к роялю, взял несколько аккордов. Инструмент ответил ему грустной мелодией, от которой музыкант почувствовал необходимость несколько повысить свой общий тонус. Он потянулся было к банке с кофе, но передумал и достал бокал, на дно которого плеснул немного коньяка.

«Вот так же, каждая частица твоей души падает на родную землю и навечно замирает, – подумал он, вдыхая аромат благородного напитка, – жизнь проходит, а что остаётся? Пустота и тишина...»

Он никак не мог себе признаться, что после ухода жены всё чаще ощущал в себе эту пустоту. Даже концертная студия, его детище, его мир, не могла её заполнить... А рынки, банки и прочие «проекты»... Это всё – суета...

Он «пробежался» пальцами по клавишам. Чередование звуков показалось ему интересным. «В этом что-то есть», – подумал Николай и стал наигрывать мелодию, которую ему словно «напевал на ушко» какой-то добрый и мудрый небесный покровитель.

Неожиданный звонок в дверь оторвал его от этого приятного занятия.

К большой радости Бондарева, посетителем оказался Андрон.

– Заходи, дружище! Как я рад тебя видеть! – сразу засуетился музыкант. – Ты один? А где профессор?

– Один, – Андрон стряхнул с шапки снег, – профессор занят.

– М-да... Проходи, садись! Наслышан, весьма наслышан о твоих... подвигах. А я тут музицирую потихоньку...

– Я вижу, творческий процесс в разгаре... Не помешал?

– Нет, что ты! Наоборот, надеюсь, что поможешь! Тут пришла в голову интересная мелодия... Кофе с морозца или коньячку? Впрочем, что это я? Только коньяк!

– Мне всё равно, – неловко улыбнулся Андрон.

– Что? Ах, да... Извини, дружище... Тогда именно коньяк!

Он подал рюмку «синтетическому человеку», который с благодарностью принял её.

– Так вы в творческом поиске?

– В поиске, – кивнул Николай. – Всё ищу... но не знаю кого или что. А как там дела... с этими уродцами?

– Об этом можно не беспокоиться. Впредь они никому не причинят вреда.

– Ну, и слава Богу. А то и без них хватает... «доброжелателей».

– Вы, кажется, придумали новую мелодию? Наиграйте её мне. – Андрон пригубил рюмку с коньяком.

– Вот, навеяло... – Николай вновь сел за рояль. – Всего два десятка нот. Небольшой этюд. Хотелось бы продолжить, закончить, обработать... Глядишь, пригодится на будущее.

Он вновь «пробежался» кончиками пальцев по изящным клавишам, наполняя помещение музыкой.

– Можно ещё раз? – попросил Андрон.

– Пожалуйста, – ответил музыкант, ему было лестно, что слушатель заинтересовался его творением.

Андрон, слушая, что-то мурлыкал себе под нос.

– Это песня, – провозгласил он. – На эту мелодию обязательно должны быть положены стихи...

– Ты так думаешь?

– Да. И это – романс! И тема лежит прямо на поверхности... Человек чего-то ждёт, ищет... проходят дни и годы... Он страдает, и не может понять, отчего... А потом ощущает, что «оно» – рядом. Просто возьми его, не бойся... Что-то в этом духе... Я не мастер стихотворных форм, а то непременно взялся бы воплотить это в хороший романс...

– Ну, спасибо, друг! – Бондарев подошёл к Андрону и приобнял его за плечи. Потом и сам обратил внимание на несколько понурый вид своего гостя.

– А ты чего взгрустнул? Случилось что-то?

– Ничего не случилось. Просто я уезжаю. Вот, заглянул проститься...

– Вот это номер, – удивился Бондарев. – И куда, если не секрет?

– Пока секрет, – улыбнулся Андрон.

– И надолго?

– Ещё не знаю... Вот, я возвращаю вам вашу реликвию. – Он достал из куртки кинжал и протянул его Николаю. – Он мне очень помог. Благодарю.

– А я уж стеснялся спросить, – музыкант благоговейно принял семейную ценность, – что с ним и когда можно получить обратно?.. Так значит, непостоянная вещь?

– Я бы сказал, что – волшебная, – усмехнулся Андрон. – Работает, как ключ, открывая все самые нужные двери... Сработано очень качественно.

– Да уж, хотелось бы подробнее узнать его историю.

– Ну, кое-что известно. Этот клинок – подарок вашему предку, казаку Семёну Жмене от его прусского друга – доктора и дипломата Дитриха Вёллера. Самому Вёллеру он достался в качестве военного трофея. Важно отметить, что отнять у гомункула такую вещь – дело архисложное. А если учесть, что наши герои действовали без электрошокеров и иного... современного оружия, то поневоле проникаешься к обоим глубочайшим уважением...

– Ну, за нашу память, за предков, за дружбу! – Николай вновь достал «Старый Кёнигсберг».

– И ещё, – продолжил Андрон после того, как музыкант привёл «приговор в исполнение» и закусил долькой лимона. – Постарайтесь хранить его при себе. Если это – холодное оружие, то позаботьтесь о соответствующем разрешении... Знаете ли, гомункулы ещё продолжают кое-где рыскать... Но с этим клинком они вас будут остерегаться.

– Это точно?

– Лично проверил.

– Спасибо тебе, Андрон.

– И вам – спасибо. Я рад тому, что вы получили такой нужный и важный подарок от вашего предка... И оттого, что вам тоже есть что передать своим потомкам. Добрую память о себе, и то, что вы построили, что написали... По-моему, это отличное наследство.

Он улыбнулся и поднялся со стула.

– Ты уже уходишь?

– Да, меня ждут, а времени в обрез...

– Как-то всё неожиданно... Пришёл и ушёл... Надеюсь, ты не навсегда покидаешь нас?

– Не навсегда, – ответил Андрон. – Я ещё вернусь.

Сунцов вышел из дверей прокуратуры и с удовольствием вдохнул «вкусный» морозный воздух. В общем-то, морозец был небольшим, зато какая вокруг красота – снег идёт и идёт! Сыплет! Валил! Тишина! Торжество! Сказка!

– Николай Андреевич...

Старший следователь медленно повернулся. Этот приятный голос он мог узнать из миллиона других.

– Какими судьбами, Андрон?

– Вот, зашёл переговорить. И заодно проститься, – «синтетический человек» пожал протянутую руку.

– Уезжаешь куда-то? А профессор в курсе? Кстати, где он?

– Все уже в курсе...

– А документы? Как же ты без документов? Я обещал помочь, но такие дела быстро не делаются. Вот, ближе к весне...

– Я недалеко, документы не потребуются, – улыбнулся Андрон.

– Так о чём ты хотел переговорить? – Сунцов взял Андрона под руку. – Пойдём в машину. Заодно подброшу тебя куда надо.

– Я вышел на «верхушку» Братства Вечности и их... главаря. Есть возможность их... «прищучить». Всех. Одним махом, – уже в машине произнёс Андрон.

– Даже так! – воскликнул Сунцов. – А не слишком ли ты самоуверен? У них ведь такая охрана, что не подступишься...

– Это вам к ним не подступиться. Вы даже дела на них не заведёте...

– Это верно. Профессор говорит, что гомункулы активно влияют практически на все сферы нашей жизни и даже крутятся возле президентов... Только нам довольно сложно их распознать...

– Гомункулы должны подзаряжаться, восстанавливаться. Я их лишил этой возможности, уничтожив кристалл... Но взамен предложил свои... услуги...

– Они тебе поверили?

– Братство считает меня гомункулом. А своим господам эти существа никогда не лгут. Мне удалось убедить членов Братства в том, что профессор перепрограммировал меня на выполнение их приказов. Иного выхода не было... В ближайшие дни под их удар могли попасть все близкие для Арсентия люди. И вы в том числе... Я же, идя к ним в логово, в их подчинение, вынашиваю свои планы. И постараюсь уничтожить своих новых хозяев! Или хотя бы нейтрализовать их. Я ещё точно не знаю, по кому и какой нанесу удар... Но, надеюсь, моего воздействия на них окажется достаточно, чтобы процесс гибели гомункулов сделать необратимым.

– Но ты ведь сильно рискуешь, Андрон!

– Я для того и создан, – «синтетический человек» резко повернулся к Сунцову. – Я ведь всего лишь кукла, не так ли?

Тот пристально смотрел на приборную панель и молчал.

– Куда едем?

– На Невского, – устало произнёс Андрон.

Сунцов завёл двигатель.

– Ты знаешь, никто из нас не считает тебя... ненастоящим. По-моему, многим обычным людям следует поучиться у тебя... именно человеческим качествам. И поверь, если с тобой что-то случится, это для нас будет большим ударом...

– Не волнуйтесь. Я всё рассчитал. А если не всё, то обдумаю при первой возможности. Пропадать понапрасну я не намерен...

– Чёрт возьми, – в сердцах воскликнул Сунцов. – У нас даже прокуратура бессильна что-либо сделать! Не предъявишь никакого обвинения!..

– Занимайтесь лучше повседневными делами, – мягко произнёс Андрон. – У вас их – выше крыши.

– Андрон... Пойми меня правильно, друг. Мне очень хочется помочь тебе!..

– Спасибо, Николай Андреевич. Я вам верю. Но, сами понимаете, тут я должен действовать в одиночку. Вы – хороший человек. И даже на таком посту, когда вокруг столько соблазнов и искушений, столько примеров того, как люди поддаются своим страстям и пользуются своим служебным положением ради личной выгоды... но вы остаётесь порядочным человеком, личностью... Поэтому я вам помогу. А если что-то пойдёт не так, уж не обессудьте и сильно не переживайте. Не мы придумали историю с гомункулами. Но мы должны её завершить...

– Пообещай, Андрон, что ты... вернёшься.

– Конечно! – почти весело произнёс «синтетический человек». – Я ещё помогу вам выводить на чистую воду... и «обычную» нечисть!

– Хватило бы этой «воды», – хохотнул Сунцов.

– Ой, а снегу-то навалило! – встречая Андрона у дверей, Ксения выглянула во двор. – Какие большие сугробы! Проходи, Андронушка! Где ты был так долго? Мы уже соскучились!

– Ну, рассказывай: о чём тебе удалось договориться? – Арсентий был заметно озабочен.

– Я ненадолго, – ответил Андрон хозяйке, стряхивая с себя снег в прихожей. – Мне скоро уходить.

– Как же так? – расстроилась женщина. – Какие-то дела втайне от нас?

– Не надуй губки, дорогая, – попытался успокоить её Ледовской. – Мы с братом придумали компромисс, благодаря которому гомункулы и их хозяева оставят нас в покое. Теперь Андрон сам будет морочить им голову. Но, к сожалению, нам придется реже видаться...

– Как «морочить голову»? – насторожилась Ксения. – Ты думаешь, что они, эти гомункулы и всё их Братство – такие дураки?

– Нет, но и наш Андрон – далеко не промах...

– Но... он ведь идёт на верную гибель, – побледнев, прошептала она, внезапно осознав всю сущность «компромисса». – Мы ведь... отдаём его... на заклятие...

– А вот и нет, – попытался успокоить её Андрон. – Риск минимален. Я им очень нужен. Точнее – просто необходим. Поэтому они будут беречь меня пуще всего на свете!

– Пойми, милая, это – единственный выход...

Ксения опустила голову: мужчины уже всё решили. Она верила, что это решение – единственно правильное, и было оно принято не сумбурно, а после тщательного анализа ситуации, но так просто смириться с этим всё же не могла.

Арсентий не находил себе места. Он чувствовал свою вину. Хотя, никакой вины не было. Тем не менее, мысль о том, что его Андрон теперь будет находиться «в руках» злейших врагов с их «шкурными» интересами, вообще, страшных людей... не давала ему покоя. Но другого выхода у него просто не было.

А Ксения зарыдала и кинулась к Андрону. Тот даже растерялся и успокаивал её, как мог.

– Ксюша, – Арсентий тоже подошёл к ним. – Не расстраивайся, родная...

И тут он впервые увидел настоящие слёзы, блеснувшие в глазах его «искусственного человека». Внутри вновь проснулось что-то тоскливо-тревожное и словно железными рукавицами стиснуло сердце.

– Лучше я пойду, – тихо промолвил Андрон, нежно отстраняя от себя прильнувшую женщину. Арсентий ласково обнял её и кивнул «брату».

– Как договорились. Дай о себе знать...

– Непременно. И я... обязательно вернусь.

Дверь за Андрonom захлопнулась оглушительным и всеразрушающим взрывом.

Через минуту Ксения словно «пришла в себя».

– Он не вернётся! – в отчаянии закричала она. – Неужели ты не понимаешь? Он ни-когда не вернётся!!! – и выскочила вслед за ним во двор...

Отпустив такси, Андрон шёл к месту встречи, которая была назначена в безлюдном парке, в бывшем Октябрьском районе, неподалёку от улицы Химической. Дорогу пересекал мелкий ручеёк. Здесь повсюду росли роскошные дубы, огромные, кряжистые, с узловатыми ветвями. Великаны, веками охранявшие мир и покой здешних мест.

«Я пока не знаю, как буду действовать, – выстраивались рассуждения в голове андроида. – У меня нет ни точного плана, ни оружия. Кроме одного – шаровой молнии, живущей во мне. И, скорее всего, мне придётся ею пожертвовать... Надо только потенцировать заряд помощней. Такой заряд, который, вырываясь наружу, убивает всё вокруг. И даже своего владельца...»

До встречи оставалось около пяти минут. Куда они потом поедут? Будут ли его проверять на предмет лояльности и готовности действовать в чужих интересах?

«Поживём – увидим, доживём – узнаем, выживем – учтём...» Если уничтожить идеологов и вдохновителей Братства, достаточно ли этого будет? Скоро всё станет ясно... Очень скоро».

Мимо этого красавца Андрон пройти не смог. Могучий великан так непоколебимо, так основательно стоял неподалёку от брусчатки, что «синтетический человек» отчётливо ощутил его притяжение. Он спустился по небольшому откосу и подошёл к старому, но крепкому дереву. Обнял его и прижался к стволу дуба всем телом.

«Ты – сильный и мудрый исполин. Ты столько повидал на своём долгом веку... Возможно, ты помнишь даже герцога Альбрехта, Дитриха Вёллера и Семёна Жменю....»

Защити меня, помоги: придай сил и уверенности!..

Моя жизнь оказалась, не в пример твоей, очень коротка... Только дело вовсе не в количестве прожитых лет. Я уверен, что истинное бессмертие возможно лишь тогда, когда останешься в памяти дорогих тебе людей!..»

И тут Андрон уловил, как внутри ствола гулко бьется сердце дуба, гоня по дереву жизненные соки, от самых корней, до последней веточки на раскидистой кроне великана. И он пытается что-то ответить ему – обыкновенному живому человеку...

ЭПИЛОГ

Бодрый звон капли и весёлое птичье пение всё громче звучали за окнами горожан. Эта музыка радости пришла на смену тоскливому завыванию колючего осеннего ветра и угрюмому зимнему молчанию природы. В Калининград ворвалась весна. Не сразу, конечно. Сначала она осторожничала и робко присматривалась к заснеженным крышам, согревая дыханием озябшие руки, а потом «хлопнула в ладоши» и громогласно объявила себя хозяйкой бала!

В жизни наших героев тоже произошли значительные перемены: Арсентий и Ксения наконец-то поженились, и профессор переехал жить к супруге. Таким образом, образовалась большая беспокойная семья. Ледовской продолжал свою работу в университете, как преподавательскую, так и научную. Ксения учила детишек иностранным языкам на прежнем месте, передав всю хозяйственную деятельность в руки своей мамы, тоже счастливо вздохнувшей: «Ну, слава Богу! Свершилось!». Двое сыновей-школьников дали твердое обещание учиться только на «отлично» и со временем, непременно стать врачами.

Калининградские краеведы приступили к новому сезону исследований. Авенир Петрович сел за очередной труд, которому дал рабочее название: «Масоны и подземные фортификационные сооружения Кёнигсберга». Александр Бударин стал ему активным помощником. Его неуёмная энергия была через край, из-за чего Николай Сунцов не раз строго выговаривал подполковнику: «Дружище, меня засыпали жалобами! Почему твои ребята вломились в подвалы НИИ «Измиран», не удосужившись обзавестись специальными разрешениями от городской управы? Мы бы это дело согласовали, санкционировали, а вот теперь приходится отбиваться...»

Николай Бондарев постепенно передавал бизнес в руки сыновей, а сам всё чаще «пропадал» в своей Студии. Он подготовил серьёзную концертную программу ко Дню города, и репетиции теперь проходили почти каждый день. Попутно он занимался поисками чего-то такого, «что должно находиться очень близко», – примерно так, высказался Андрон, когда прощался с музыкантом. И очень удивлялся, до чего же верно брат Арсентия тогда угадал его настроение! А посему – работа над новым мелодичным романсом «Протяни свою ладонь...» приближалась к завершению.

Словом, жизнь продолжалась. Новая, мирная, интересная жизнь. Только теперь не было в ней рядом с этими замечательными людьми верного Андрона...

31 марта Сунцов созвонился со своими новыми знакомыми, ставшими ему уже настоящими друзьями, и в категоричной форме объявил им, что нужно срочно встретиться. Всем. А чтобы пресечь возможные возражения, поведал: «Похоже, есть информация про Андрона». Было решено собраться в тот же день, в семь часов вечера. Место встречи – «Клуб калининградских краеведов».

– Товарищи! – Сунцов откровенно презирал слово «господа». – Друзья мои! – убедившись, что все приглашённые прибыли и заняли свои места в зале, старший следователь прокуратуры сразу приступил к делу. – У меня для вас есть важное сообщение... Я думаю, оно непосредственно связана с нашим... Андроном.

В помещении наступила тишина.

– Месяц назад, – после длительной паузы продолжил Сунцов, – в СМИ каким-то образом просочилась информация о взрыве загородного коттеджа вблизи Зеленоградска, принадлежавшего некоему... высокопоставленному лицу из Москвы... Вы, наверное, слышали об этом происшествии...

– Что-то такое было... Тогда писали о криминальных разборках...

– Тот господин... чиновник, по-моему, мафию крышевал?..

– В общем, это не так важно, – продолжил Николай. – В ходе разбора завалов были обнаружены тела нескольких человек, а также... предметы и обрывки одежды со следами... специфической органики... Я не буду испытывать ваше терпение, скажу сразу: это были останки гомункулов, коих насчитали два десятка...

– Вот это да!

– Что же там произошло?

– Экспертиза показала, что источник взрыва находился внутри здания, на втором этаже...

Ксения вцепилась в руку Арсентия. Тот осторожно обнял её и приготовился услышать от следователя самое худшее...

– ...Однако на месте происшествия не обнаружено следов обычных взрывчатых веществ... Напротив, было похоже, что в здании взорвался мощный источник электрической энергии... Оконные стёкла, стены, посуда, всё было буквально расплавлено... Вероятнее

всего, это была... огромной мощности... шаровая молния! Но, как она туда попала, до сих пор остаётся загадкой... Дело было взято на особый контроль, изъято из нашей прокуратуры и может быть навеки спрятано в архивах... Но то, что удалось наскрести нашим экспертам, у меня сохранилось...

– Что конкретно известно про Андрона? – не выдержал Бударин.

– Пока ничего, – сухо ответил Сунцов. – Анализ некоторых предметов и документов, обнаруженных на месте происшествия, дал понять, что данный коттедж использовался, как штаб-квартира некоего тайного общества... Некоторые надписи на найденных вещественных доказательствах прямо подтверждают версию, что взорвано именно Братство Вечности... Из этого я сделал вывод, что одной из возможных причин данного взрыва явился сам Андрон. Он пожертвовал собой во имя... спасения всех нас.

Опять в зале воцарилось молчание. Было слышно, как по карнизу забарабанили тяжёлые капли – весеннее солнце продолжало с энтузиазмом топить остатки сосулек и снег на крыше.

– А самого Андрона... не нашли? – с трудом произнесла Ксения.

– Хотя бы, одежду или что-то иное?

– Есть ли доказательства, что он погиб вместе с другими?

Сунцов тяжело вздохнул и продолжил:

– Нет ничего такого, что указывало бы на то, что Андрон в тот момент вообще находился на данном объекте. Источник взрыва – это моя догадка. Но она не получила официального подтверждения...

– А все ли... фрагменты тел... идентифицированы? – спросил Арсентий.

– Работа была проведена серьёзная, – тихо ответил Сунцов. – Все обломки были подняты и обследованы... Но ничего из предметов, принадлежащих Андрону, уверяю вас, не было найдено... Я сам досконально изучил материалы, касающиеся данного происшествия.

– А вдруг это не он стал причиной взрыва? – воскликнул Бударин. – Может, они сами, пытаясь вызвать шаровую молнию, что-то намудрили и...

– Я знаю, что ранее Андрон бывал в этом коттедже, – медленно произнёс Сунцов. – Во время нашего прощания я прицепил ему «маячок», работающий в системе ГЛОНАСС. И отслеживал его перемещения. «Жучок» проработал примерно месяц. Всё это время Андрон практически не покидал нового места обитания. Затем, аккумулятор передающего устройства «сел»... Короче говоря, то, что он там жил, можно утверждать с высокой степенью вероятности, но узнать, находился ли он там на момент взрыва – невозможно.

– Ну, раз нет доказательств его гибели, – заметил Авенир Петрович, – то нам остаётся лишь надеяться на то, что он жив... И мы его скоро увидим...

– Казаки так просто не сдаются, – добавил Николай Бондарев. – А Андрон по духу был настоящим казаком! Возможно, он подложил им бомбу... А сам сумел вовремя покинуть обречённое здание. Или вообще находился далеко оттуда...

– Он не погиб, – проговорила Ксения. – Я никогда не поверю в то, что его больше нет. Как же я сейчас сожалею о том, что так долго его недооценивала. Понимаете, – тихо шептала она сквозь слёзы, – бывают души крошечные, как маленькие кошечки: туда лишь мелочь можно положить. А есть такие огромные человеческие души, в которые помещаются небо, звёзды, земля, море и все окружающие люди. Видимо, это и есть настоящее великодушие...

– Я уверен, – заключил Арсентий, – что это именно Андрон «поставил крест» на Братстве Вечности. Но тоже не могу смириться с тем, что он погиб...

– Что ж, друзья, – «подвёл черту» Сунцов. – Будем считать, что наш Андрон свою задачу выполнил. И... станем ждать его возвращения!

СНОСКИ

- 1 – Пупок (лат.).
- 2 – Друзья украшают жизнь (лат.).
- 3 – Высоких целей достигают, преодолев большие трудности (лат.).
- 4 – Широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной Европе XVI— начала XVII века, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией.
- 5 – Злоупотребление вином (лат.).
- 6 – Пьянство – столица всех пороков (лат.).
- 7 – 6-8 м и около 2 м соответственно.
- 8 – Празднично оформленные покои, в которых Альбрехт I в 1517 году принимал первое русское посольство.
- 9 – Твёрдость крепости и есть наш Бог (лат.).
- 10 – В 1521 году Николай Коперник руководил защитой города от тевтонцев.
- 11 – Башня замковой церкви (донжон) была самой высокой башней Кёнигсберга и появилась впервые над южной стеной ещё в конце XIV века.
- 12 – Кто из людей родился без пороков (лат.).
- 13 – В мире, в покое (лат.).
- 14 – Отлично! Прекрасно! (лат.).
- 15 – Печень (лат.).
- 16 – Кстати (лат.).
- 17 – Не борода создает философа (лат.).
- 18 – Довольствуюсь малым (лат.).
- 19 – Диагноз (лат.).
- 20 – В личных интересах (лат.).
- 21 – Прочь неприятности (лат.).
- 22 – Замок Кёнигсберг и три прилегающие к нему города: Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф объединились в город с общим названием «Кёнигсберг» в 1724 году.
- 23 – Учрежден в 1440 г. курфюрстом бранденбургским Фридрихом II, восстановлен в 1843 г. королем прусским Фридрихом-Вильгельмом IV-м, «как свободное общество мужчин и женщин всех званий и вероисповеданий, имеющее целью соединенными силами облегчать физические и нравственные страдания» (цель эта не была выполнена). Знак ордена: белый финифтяный лебедь, носимый на цепи.
- 24 – Кёнигсбергское кислое вино в шутку называли вином «трех людей»: первый должен был держать того, кто пьёт, то есть, второго, а третий – вливать кислоту пьющему в горло.
- 25 – На выбор (лат.).
- 26 – Из-за пустых слов бывают большие неприятности (лат.).
- 27 – Да будет дано достойнейшему (лат.).

28 – На рыцарском турнире король Генрих вступил в бой с графом Монтгомери, при этом копьё графа сломалось о панцирь противника. Осколки копья вонзились в лоб короля и попали также в глаз. Несколько дней спустя, 10 июля 1559 года, Генрих умер от этой раны, несмотря на помощь, оказанную лучшими врачами того времени.

29 – Меланхтон (гречизиров. от Шварцерд) Филипп (1497—1560) — религиозный деятель Реформации, соратник Лютера, систематизатор протестантского учения и теологии.

Осиандер (Osiander, наст. фамилия — Hosemann) Андреас (1498—1552), нем. протестантский богослов и библист. Изучал классич. языки в Лейпциге. В 1520 стал католическим священником. Преподавал древние языки в университете Нюрнберга. О. был одним из первых последователей Лютера.

В богословие лютеранства О. вошел как создатель учения о преображающей силе благодати. В последние годы жизни он был профессором богословия в Кёнигсбергском университете и прославился как крупный учёный-гуманист.

Георг Сабинус (нем. Georg Sabinus, настоящая фамилия Шулер нем. Schüller; 23 апреля 1508, Бранденбург-на-Хафеле – 2 декабря 1560, Франкфурт-на-Одере) – немецкий филолог и поэт. Сын городского головы. В 1544 г. с учреждением нового университета в Кёнигсберге герцог прусский Альбрехт пригласил Сабинуса занять пост его первого ректора. Сабинус является автором университетской печати, на которой изображен поясной портрет герцога без головного убора, в латах и с обнажённым мечом.

30 – Опоздавшим достаются одни кости (лат.)

31 – Кинжал для левой руки при фехтовании шпагой, получивший широкое распространение в Европе в XV—XVII веках

32 – Самым частным образом, секретно (лат.)

33 – Плохая яблоня – плохие яблоки (лат.)

34 – Всё в руках Божьих (лат.)

35 – Будем веселиться: нынешний день – наш (лат.)

36 – Примерно 2 км.

37 – Светское должностное лицо в церковных владениях епископа или монастыря, наделённое судебными, административными и фискальными функциями.

38 – «Пусть консулы будут бдительны» (указание римского сената консулам в критические для государства моменты) – Берегитесь, будьте на страже!

39 – Примерно 7.5 км.

40 – Примерно 60 на 90 м.

41 – Rüdiger von Elner (1374—1383).

42 – Основатель ордена иезуитов.

43 – Велика сила и разум дьявольского огня! Слава Вечности.

44 – Местные органы власти, сформировавшиеся в отдельных немецких княжествах в XVI—XVII вв.

45 – Времена меняются и мы меняемся вместе с ними.

46 – Парусное торговое судно XII–XVI веков с небольшой осадкой.

47 – От лат. *initiatio* — совершение таинства, посвящение – обряд, знаменующий переход индивидуума на новую ступень развития в рамках какой-либо социальной группы или мистического общества.

48 – Казачье жилое строение.

49 – Фиалковая гора или Гора Фиалок – место, где в Кёнигсберге казнили преступников.

50 – В эпоху средневековья, пронизанную мистическими представлениями о явлениях природы и религиозными запретами на исследование человеческого тела, нередко ночью на кладбищах тех городов, где был медицинский университет, появлялись таинственные фигуры в масках, иногда даже закутанные в простыни для большего сходства с призраками. Эти "привидения" разрывали свежие могилы или же проникали в кладбищенские часовни, чтобы украсть мертвое тело, которое па следующий день должно было быть предано погребению. Неизвестные появлялись по ночам и около виселиц, на которых для устрашения других преступников был оставлен какой-нибудь казненный грешник. Этими святотатцами, совершавшими страшные и мерзкие дела, чаще всего были студенты-медики, нередко возглавляемые своими профессорами: им необходимы были мертвецы, чтобы изучать строение человеческого тела и его органов. С точки зрения закона эти приверженцы науки, стремившиеся вырваться из мрака невежества, были похитителями трупов и осквернителями могил. Во многих летописях сообщается о студентах, наказанных за похищения трупов с виселицы или кладбища. Поэтому в 1405 г. в Болонье был установлен статут, согласно которому медикам пришлось дать присягу избранному ими же самими ректору в том, что они будут производить вскрытия или же присутствовать при исследовании только таких мертвых тел, которые приобретены честным путем – «bona fide et sine Fraude», как гласила формула, ибо доставка и оплата трупов были обязанностью самих студентов. Цена была предписана: шестнадцать лир за тело мужчины и двадцать за тело женщины.

51 – Тяжёлый подсвечник.

52 – Аппарат, служащий для перегонки или для воспроизведения реакций, требующих нагревания и сопровождающихся выделением газообразных или жидких летучих продуктов.

53 – Радуйся, сатана! (лат.).

54 – В 1564 году для борьбы с Реформацией в Польшу были приглашены иезуиты.

55 – Речь идёт о битве при Чашниках в январе 1564 г., где русские потерпели поражение.

56 – Немец-опричник, герой Молодинской битвы.

57 – Победа при Молодях распространила славу о Воротынском по всей Руси. По одной из версий, это вызвало зависть и опасения царя, ранее уже неоднократно накладывавшего на Воротынского опалу. По ложному доносу князь был обвинён в намерении околдовать царя. Царь якобы лично рвал бороду Воротынскому и подсыпал угли к бокам 63-летнего князя. Измученного пытками Михаила Воротынского отправили в Кирилло-Белозёрский монастырь, по дороге он умер.

58 – Башня «Дона» (Dohnaturm) построена в 1852 г. как элемент бастионного кольца Кёнигсберга. Названа в честь Фридриха Карла цу Дона (1784-1859) графа, генерала, участника сражения при Прейсиш-Эйлау. Ф.К. цу Дона в 1812 перешел на службу в русскую армию. В 1842-54 г.г. командующий 1-м армейским корпусом в Кёнигсберге.

59 – Название «Нижний пруд» относится к Калининграду, остальные – к Кёнигсбергу.

60 – Резной камень (гемма) с углублённым изображением. Инталии служили главным образом печатями.

61 – В пробирке (лат.).

62 – На живом организме (лат.).

63 – Наживаемых по собственной охоте, воле.

64 – Псалом 93 [94].

65 – В 1918 году Гитлер получил сильное отравление газом под Ла Монтень из-за взрыва рядом с ним химического снаряда.

- 66 – Мыши воют, когда в доме нет кота (лат.)
67 – Заранее, до опыта, без проверки (лат.).
68 – К невозможному никого не обязывают (лат.)
69 – Отправляются к праотцам т.е. умирают (лат.)

70 – По книге Джона Коулмана – мировое правительство. «Комитет 300» выступает как верховный контролирующий орган, который, по мнению автора, управляет миром с 1897 года. Целью заранее сконструированного плана является создание единого унифицированного мира и единого мирового правительства. Вся духовная жизнь сосредоточится в рамках одной церкви, которая тайно уже действует с 1920 года. По основным направлениям уже ведутся секретные исследования и разработки в тайных лабораториях мирового правительства. По информации Коулмана, в «Комитет 300» входят самые влиятельнейшие политические фигуры, как, например, Джордж Буш, почти все королевские дома Европы, а также Дэвид Рокфеллер и другие крупные финансисты.

По мнению автора, либерально-демократические реформы 90-х годов в России являлись этапом вовлечения российского руководства в стратегию «Комитета 300», члены которого отдавали приказы лично Борису Ельцину.

71 – В сквере у Борющихся зубров, у стадиона «Балтика», возле Дома искусств, фонтан у «Городского общественно-делового центра “Калининград-750”», три фонтана на площади Победы, в сквере у памятника Шиллеру и у монумента «Мать-Россия», а также три фонтана («Голубой ручей», «Тихий сквер» и «Детский») в зоне отдыха озера Верхнее.

72 – Н.И. Пирогов впервые предложил для большей наглядности распиливать и исследовать замороженные трупы.

73 – Энергоинформационная система, которая синхронизирует группу людей или других организмов, объединённых по некоторому принципу. Эгрегоры бывают вложенными, например, эгрегор семьи входит в эгрегор государства, а бывают антагонистическими, противоборствующими. Один человек может находиться во множестве эгрегоров, например, в эгрегоре художников, эгрегоре лётчиков и семейном эгрегоре.

- 74 – К/ф «Отроки во Вселенной».
75 – Как угодно, по желанию, на выбор (лат.).
76 – В отсутствие ответчика (лат.).
77 – Блаженная глупость (лат.).
78 – Изысканное блюдо итальянской кухни.
79 – «За» и «против» (лат.).
80 – Не всякая ошибка – глупость (лат.).

КОНЕЦ

*Калининград – Москва,
июнь – ноябрь 2014*